

## ФАНТАСТИКА УЗБЕКИСТАНА

# ПОСЛЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ

Составитель В. НОВОПРУДСКИЙ

Ташкент

Издательство «Ёш гвардия»

1990

Острота и разнообразие проблем, специфика жизненного материала, крепнущее художественное мастерство писателей-фантастов Узбекистана, в том числе молодых, обусловили выход нашей фантастики на всесоюзную и международную арену. Без участия ее представителей, пишущих па узбекском и русском языке, не обходятся Всесоюзные семинары фантастов: целый ряд произведений, в том числе вошедшие в эту книгу, издан в Москве, братских республиках, за рубежом.

### ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Кем был Гоголь — главой «натуральной школы», как учили и недоучили нас в школе, или великим фантастом? А его наследник Булгаков? Или Айтматов со своими актуальными прорывами из настоящего в будущее?..

В последнем издании БСЭ отмечено, что «фантастика эволюционирует вместе с развитием литературы, свободно сочетаясь с различными методами (в т. ч. реалистическим) изображения идей, страстей и событий, Особенно плодотворным, однако, оказалось сочетание фантастики с романтизмом». Не вдаваясь в туманное различие между методами, хочется лишь напомнить, что фантастика «свободно сочетается» прежде всего с жизненной правдой, как вообще настоящая литература, которая всегда про то, что было, есть и очень хотелось бы,

чтоб было (или не было) с человеком или сообществом людей. Отличается фантастика, пожалуй, лишь более открытым и нацелено поисковым характером своих устремлений. Для того и «изобретает» он необычные «приборы»: сюжеты, формы, образы, чтобы лучше, скорее открыть то, что лишь реально нарождается, брезжит. И открывает — все реже в технике, все чаще — в душе и вокруг нее.

Вот почему сборник начинают — не по алфавиту, даже не по хронологии, а по праву таланта, судьбы и силе предвидения — два имени, которые, казалось бы, так непривычно видеть в ряду писателей-фантастов. Но, следуя той же природе фантастики, отрешимся от привычного во имя истинного. Два маленьких рассказа Абдуллы Кадыри и Фитрата как бы сразу вводят нас в курс дела. Пересекаясь в чем-то с гоголевским «Заколдованным местом» (само это пересечение — свидетельство огромного богатства народного сознания, воображения), Кадыри в блистательной концовке занимательной истории смеется над грубо рациональной потугой учителя прямо «в следующую пятницу» досконально «объяснить» все это богатство. И одновременно писатель приглашает нас без предубеждений окунуться в этот неисчерпаемый мир...

Другой замечательный мастер Фитрат ясно обозначает основу любого искусства, да и самого нашего существования — любовь к людям, негромко, вежливо приглашая богов земных и небесных жить с людьми одной жизнью и вместе творить добро. Оба эти художника стали жертвой сталинщины (помимо прочего, запрещавшей не управляемую из бюрократического кабинета мысль, мечту) именно в силу независимости ума и таланта. Через них, от народной легенды, сказки, классического дастана, с их неистребимыми никаким тиранством гуманизмом и здравым смыслом,— тянется живая нить к современной нашей фантастике.

Да, пожалуй, основная цель писателя-фантаста — предвиденье. Но дается оно не одним профессиональным умением «выдумщика», а прежде всего гражданской смелостью заглянуть туда, куда «нельзя» или «рано»... А не заглянешь, будет поздно. Вот почему предвиденье очень часто еще и предостережение.

Это, к примеру, продиктовало автору фантастико-приключенческого рассказа «Красный след» резкое и справедливое неприятие бесцеремонного, слепого вмешательства в мир своеобразного национального бытия, как и в мир природы. Это родило в повести «Экспресс

«Надежда» — тоску, но и веру и надежду на то, что вернуться к нам сильные, цельные герои, которые так необходимы сегодня в борьбе за здоровую экологию мира вне и внутри нас. И ведь оба произведения созданы до того, как обострились все эти проблемы!..

То же самое можно сказать и о сатирико-философской дьяволиаде «Уникального подпространства», где серьезное и причудливое, печальное и отвратительное переплелись в нашей жизни, а национальное мифотворчество, традиции гуманистических фантазмагорий великих мыслителей и художников прошлого (скажем, Навои и Рабле) свободно сочетаются с традицией булгаковской. И неудивительно: они все из того же единого источника веры в человека, что присуща всем народам и всем культурам.

Обратим внимание на такой феномен современной фантастики: если раньше в своих межгалактических одиссеях она в основном подчеркивала диковинность, различия, неконтактность цивилизаций и теряла глубину содержания, то теперь все чаще — наряду с особенностью, единство проблем и стремлений. Что ж, новое мышление не обошло фантастику стороной, более того, она, несомненно, тоже ему содействовала...

Словом, является ли нам фантастическое в космических, исторических или современных одеждах (как в повести «Послы Млечного пути»), или в облике психологического детектива (как в повести «Глаза»), фантастика всегда приходит к нам вовремя — как желанный гость, друг, толковый собеседник. Не случайно, с ростом нашей активности, она пользуется растущим читательским спросом. А это повышает спрос и с нее — за масштабность, раскованность мысли и мастерство образного слова. Думается, включенное в эту книгу такому спросу отвечает.

## Абдулла КАДЫРИ

### ПИР ЗЛЫХ ДУХОВ

Когда папа начинает рассказывать об этом, я каждый раз пугаюсь и думаю: «Господи, не ввергни меня в такую беду». Вчера к нам в гости приехала тетя. Вечером, после ужина за чаем они рассказывали разные истории. Зашел разговор о чертях, райских пери и дивах. И папа опять не удержался и рассказал о пире злых духов. Всякий раз, когда папа начинает рассказывать эту историю, меня охватывает ужас, и сейчас я забрался в постель и укутался одеялом. Папа посмотрел на меня и улыбнулся.

— Я только что женился, был занят домом, хозяйством и своевременно не приготовил шесты для виноградных шпалер,— начал он.— Как-то я заглянул в сад и увидел, что виноградные ветки разрослись и нужно было ставить подпорки. А тут еще пошел дождь и виноградные лозы словно его только и ждали — буйно потянулись вверх. Я решил в тот же день добыть шесты. Если я завтра не поставлю шесты и не сниму слой земли с закопанных корней, то урожая мне не видать.

Оказалось, что я мало приготовил ивовых прутьев для подвязки подпорок, а к полудню их уже не будет на базаре. Да и сад наш далеко от дома — пока пойдешь на базар да обратно, уйдет уйма времени. Что делать? Я нарезал прутьев от ивовых деревьев и тополя. Взял их и пошел в виноградник. Там я провозился до вечера, но сделал все как полагается. В соседних садах не осталось уже ни одного человека, и на улице был слышен лишь цокот кузнечиков да кваканье лягушек. Когда я вышел из сада, время приближалось к последней вечерней молитве. Пустился я в дорогу уже в полной темноте. А вы знаете, что за нашим садом заросли кустарника. Мне нужно было пройти через них и выйти на большую дорогу. Заросли были темными и жуткими, но я спокойно шел в темноте, только идти было трудно: я то и дело спотыкался.

До большой дороги осталось пройти лишь рощицу Хамдама-гончара.

На этом месте рассказа я плотнее завернулся в одеяло.

Папа продолжал:

— Прошел я шага два по рощице, вижу — свет. Я оглянулся. Свет лился с площади. Я услышал говор, смех, звуки чилдирмы, дутара,

тамбура. И застыл на месте. Действительно, здесь в эту пору бывают лишь совы, и меня удивил смех и говор. Я ведь утром проходил здесь и, если бы готовились к пиру, я не мог бы не заметить этого.

«Наверное, молодежь собралась»,— подумал я. Я решил обойти стороной площадь и воспользовался проломом в дувале. Место пира было освещено, как днем. Лампы висят на деревьях, на земле разостланы шелковые ковры. В стороне стоят огромные белые самовары и большие котлы, в которых что-то трещит и кипит. В центре сидят люди, много людей — молодые и старые, а вокруг музыканты играют на дутарах, чилдирме, нагаре. Не успел я оглянуться, как ко мне подбежал какой-то человек и закричал, обращаясь к гостям:

— Смотрите, Усар-ака пришел!

Все повернулись в мою сторону. Послышались голоса:

— Проходите, добро пожаловать, Усар-ака, закончили с шестами?

Я сейчас уже не помню, что я им отвечал, так как был очень удивлен.

Хотя я и упирался, меня потащили на почетное место. Обычно, когда приходишь на празднество и усаживаешься за стол, читаешь короткую молитву. Но мне было задано столько вопросов, что я забыл прочитать ее. Когда немного пришел в себя, я оглядел присутствующих. Мне показалось, что многих из них я встречал прежде. И в то же время я видел, что это совершенно чужие люди. Но они обращались со мной как со старым знакомым, называли меня по имени, спрашивали о делах — и все это меня поражало.

Какой-то человек, по-видимому, распорядитель пира, сказал:

— Пусть Усар-ака угощается.

Но кто-то возразил:

— Давайте сначала насладимся музыкой и танцами, а закусывать будем все вместе.— Он повернулся ко мне и продолжал: — Вы, наверное, с удовольствием послушаете музыку.

Я был голоден, но здесь я был гостем и не посмел возражать.

Музыканты настроили инструменты и начали протяжную грустную мелодию. Это была волшебная мелодия. Сердце мое больно жалось, я заплакал. Почему я плакал, я и сам не мог бы объяснить.

Наконец музыка замолкла. Я почувствовал себя усталым как никогда. И не мог пошевелиться. Люди вокруг хитро поглядывали на меня, многие улыбались. Мне стало неловко.

Музыканты приготовились играть новую мелодию Сердце у меня

забилось, и я понял, что больше не выдержу. Но с первыми звуками почувствовал, как кровь горячо побежала по жилам. Мне стало вдруг легко и весело. Мелодия была радостной, я не знал ее названия. В круг впорхнула девушка лет пятнадцати-шестнадцати с кудрявыми волосами, круглым личиком. На ней была одежда из зеленого бархата. Она сделала несколько легких шагов, и на ногах у нее зазвенели колокольчики.

Лилась музыка, и под нежную мелодию девушка начала танец. Мне вдруг стало необыкновенно радостно. Казалось, что горы улыбаются, звезды светят ярче, листья на деревьях дрожат. И тут я почувствовал, что против воли поднимаюсь, еловую меня толкает какая-то сила. Я приблизился к девушке и начал танцевать с нею.

Мама и тетя громко засмеялись. Я же вдруг ясно увидел отца, пляшущего с девушкой.

— Я начал танцевать,— продолжал папа,— танцую и все гляжу на плясунью.

Девушка, видно, "устала и отошла в сторонку, а я все продолжаю танцевать и не могу остановиться. Люди вокруг хлопают в ладоши, кричат, подсмеиваются надо мной, корчат рожи, а я, не обращая ни на кого внимания, танцую.

И вдруг я споткнулся и упал. Через некоторое время я поднялся, широко раскрыл глаза и поглядел вокруг: ни людей, ни музыкантов — никого. Черная площадь, а я стою в арыке.

\* \* \*

Эту папину историю я рассказал своему учителю. Он посмеялся.

— Все это выдумки, фантазия.

— Неужели выдумки? — спросил я, и учитель сказал, что в следующую пятницу он будет рассказывать ребятам о том, как возникает фантазия.

— Приходи,— сказал учитель,— ты все узнаешь.

— Я обязательно пойду в пятницу в школу, послушаю. Если у вас есть время, приходите тоже.

## Вильям АЛЕКСАНДРОВ

### ПЛАНЕТА МИФ

#### ТРИПТИХ

#### МАШИНА

Домой я вернулся поздно. Заседание юбилейной комиссии по проходам двадцать второго века затянулось. Никто и не предполагал, что возникнет столько вопросов, связанных с нашим Университетом,— я уж не рад был, что попал в число почетных выпускников. На меня взвалили доклад о проекте Всемирного кибернетического центра, доказывать, что на мне висят еще две несданных рукописи, было бесполезно — на каждом что-то висело, и каждый должен был что-то делать...

Разъезжались мы безмерно усталые, и все-таки настроение у всех было приподнятое. Пусть пока еще многое было неясно, далеко не все учтено и осмыслено — общая картина идущего к своему завершению века начинала вырисовываться перед нами во всей своей грандиозности.

Дежурный автолет доставил меня к моей сто двадцать седьмой башне за три с половиной минуты, а скоростной лифт перенес с третьего — транспортного — на второй, жилой, ярус города еще быстрее — минуты за две. Еще минута в горизонтальном лифте, и я входил в свою квартиру, входил и слышал, как торопливо, словно жалуясь, защелкали электронные реле: включались душевая, гостиная, информатор и кухня — там уже давно был готов заказанный мой ужин.

Информатор только стал мне рассказывать, кто звонил и по какому поводу, как тут же вспыхнула вогнутая стена-экран в гостиной, и я увидел на ней человека, которого любил, боготворил и которого уже потерял надежду увидеть.

— Аллан! — кинулся я к стене.— Наконец-то! Как я рад!

Я протянул руки, он протянул свои, и, хотя я натолкнулся на холодный, безжизненный пластик, создающий иллюзию глубинного изображения, мне показалось — мы все-таки почувствовали друг друга.

— Где вы сейчас, Аллан?

Дома,— сказал он и повернул регулятор. Изображение

отодвинулось, я увидел комнату, его знаменитую, описанную в тысячах репортажей комнату, тахту, застеленную пятнистой шкурой, и его самого — он сидел на краю тахты, закинув ногу на ногу, в своем черном глухом свитере и мрачно рассматривал что-то на ладони.— Теперь убедились? — спросил он.

Я увидел Юну, его жену, она сидела в другом углу тахты, поджав под себя ноги. Она заметила меня, слабо улыбнулась, помахала рукой.

— Убедился,— сказал я.— Господи, даже не верится. Вот если б не Юна, ни за что не поверил, решил бы, что вы морочите меня, как в прошлый раз, находитесь где-то в созвездии Лиры или еще дальше, а говорите, что дома.

— На этот раз я действительно дома,— проговорил он как-то странно, я не услышал радости в его голосе.

— Что-то случилось, Аллан? Почему вас так долго не было?

Он шевельнулся, поехался как-то,— впечатление было такое, будто его гибкая, обтянутая черным фигура придавлена невидимой тяжестью. Он словно бы хотел стряхнуть с себя этот груз и не мог.

— Приезжайте, Виктор,— сказал он отрывисто.

— Обязательно! Завтра буду у вас.

— Нет, сейчас! — Он встал, подошел ближе к экрану, и я увидел крупно его лицо — гордое, прекрасное лицо сына Земли двадцать второго века, знаменитого космонавта, поэта, ученого. Оно было прекрасно, это лицо, еще совсем молодое, с абсолютно белыми, седыми волосами. В нем соединилось все лучшее, что могла дать человеку Земля,— мысль, мужество и поэзия...

— Я жду вас сейчас,— сказал он настойчиво.— Берите дежурную ракету. «Молнию» берите... Что хотите!

— Что-то случилось?

— Со мной — ничего. Как видите.— Он прикусил свою трубку.— Приезжайте!

Я хорошо знал своего друга. Если он звал меня среди ночи, значит, он должен рассказать мне что-то совсем уж необычное, с чем столкнулся Там.

— Хорошо, Аллан. Я сейчас.

Экран погас.

Благо, я не успел переодеться в домашнюю одежду — ее мне услужливо протянули руки автомата-гардеробщика.

Тем же путем проехал до башни. Поднялся на самый верх, вышел на



площадку.

Дежурные ракеты повисли на пусковых рамах, нацеленные в звездное небо,— три белых, две желтых и одна, небольшая, красная. Звезды горели рядом. В черном бархатном небе они казались тоже созданием рук человеческих, светляками, зажженными вокруг Земли для красоты, для мечты, для того, чтобы звать людей в неизведанное...

Внизу, где-то в полукилометре под нами, словно отражение звездного неба, застыл на втором ярусе ночной город — такие же светляки, разбросанные на огромном пространстве для удобства людей, живущих и работающих здесь, над землей.

А еще ниже, на самой земле, шумели густые леса, росли сады, цветники, декоративные деревья. Их отсюда не было видно, они только угадывались по слабому, едва слышному шуму и волнам ароматного воздуха, долетающим время от времени до верхнего яруса.

Я вошел в пустынное здание ракетной станции, прошел в комнату дежурных пилотов. Они сидели за столом, играли в шахматы. Их было пятеро — в полной готовности, в комбинезонах, только шлемы лежали рядом.

Четверо играли, а пятый просматривал свежий номер журнала «Поэзия» — я узнал его по обложке.

— Здравствуйте,— сказал я,— извините за беспокойство, но мне надо срочно вылететь в Крым.

— Что-то случилось? — спросил один из них, переставляя фигуру.

— Вернулся мой друг из космоса. Он ждет меня. Это Аллан.

При имени Аллана все четверо обернулись ко мне и взяли за шлемы, а тот, который просматривал журнал, отложил его и встал.

— Оставайтесь, ребята,— сказал он тоном старшего.— Я сам поведу «Молнию».

Он подошел к программному пульту, нажал несколько клавиш. Машина тут же выдала перфокарту полета, с учетом погоды на всем пути, времени суток, а также всех трасс, действующих в данный момент.

Он посмотрел на экран.

— Лучше описать дугу вокруг шарика, чтобы зайти с Запада. Не возражаете?

— Как вам будет удобней. Время намного увеличится?

— Минут на двадцать.

— Ничего, давайте.

Он надел шлем, подключил наушники. Мы пошли к выходу, и тут ко мне подошли все четверо. Каждый протягивал фотографию Аллана, вырезанную из какого-нибудь журнала. Он был тут и во всем космическом облачении перед стартом, и на пляже — обнаженный, загорелый, сверкающий радостной улыбкой — в буйной морской пене, и склонившийся над приборами в Главном Космическом Центре, и на трибуне какого-то всемирного форума... Где они только выкопали в одно мгновение эти фотографии — ума не приложу, скорей всего таскали их с собой все время.

— Попросите его, если можно,— проговорил один из них,— автограф..

Я пообещал, собрал фотографии, сунул их во внутренний карман. Затем пожал каждому из них на прощанье руку, и они, видно, остались очень довольны: через меня они как бы приобщились к нему.

Это была маленькая аварийная ракета, рассчитанная на троих-четверых, не больше. Мой пилот заложил перфокарту, включил обрабатывающее устройство и, пока оно выдавало сигналы на пульт, задраил люк.

— Ремни пристегнули? — спросил он меня, не оглядываясь.

— Пристегнул.

— Хорошо. Перевожу в горизонтальное положение.

Кресло подо мной стало выпрямляться, превращаясь в лежанку, и в то же время я почувствовал легкую вибрацию, сознание затуманилось, наступил сон. А когда проснулся, увидел на экране проплывающие под нами очертания континентов.

— Проходим Камчатку...— услышал я голос пилота.— Идем над Тихим океаном.

Некоторое время он молчал. Потом сказал со вздохом:

— Вот так мы работаем — космические извозчики... Возим по ночам по всяким экстренным вызовам.

— И часто приходится вылетать за ночь?

— Когда как... Вы сегодня третий. Одного я в Антарктику возил, у него там жена в экспедиции. Другой — старичок, физиолог, помчался на ночь глядя на Борнео, там сложная операция по его методу...

— Ну что ж, я считаю, у вас благородная миссия.

— Благородная, конечно... Да разве ж это работа для космонавта?! Давно уже пора перейти на беспилотные перелеты — дискуссию в «Литературной газете» читали? Садитесь, нажимаете кнопку и

выходите в точно назначенном пункте. Ведь моя роль сейчас к чему, собственно, сводится? Вот, развлекаю вас — и только... А так ведь все автоматы делают.

— А в дальнем космосе?

— Что вы! Совсем другое дело! Там — творчество, решение неожиданных задач... То, что делает ваш друг Аллан, это достойно преклонения!

— Ничего,— утешил я его.— И у вас будут свои галактики.

— Прошли Америку,— сказал он,— идем над Атлантическим...

Вскоре мы пересекли южную часть Европы и вышли к Черному морю точно на широте Ялты. Началось торможение, ракета переходила на режим воздухоплавания, затем мягко причалила к мачте Ялтинской станции.

— Ну вот,— сказал пилот с грустной улыбкой,— путешествие окончено. Про автограф не забудьте, пожалуйста.

— Не сомневайтесь! — Я похлопал себя по карману.— Доставлю на обратном пути. Вас зовут Александр?

Он просиял.

Мы попрощались, я вышел на площадку, спустился на второй ярус, проехал немного по горизонту и минут десять спустя входил в прозрачную спиральную галерею аллановского дома, нависшую прямо над морем.

Меня встретила Юна. Она была в таком же, как он, темном облегающем костюме, и это еще больше подчеркивало скульптурную отточенность ее лица, грацию каждого движения.

Она взяла меня за руку.

— Простите, Виктор... Но он места себе не находит. Вы же знаете...

— Все правильно,— сказал я.— Пойдемте.

Мы пошли по галерее, по мягкому полупрозрачному ковру: сквозь него, прямо под собой, я видел кромку берега, ночной порт и какой-то сверкающий огнями, видимо, прогулочный корабль, который выходил в открытое море. Мы обогнули галерею, вступили на площадку, и тут же раздвинулись створки стены, пропуская в комнату.

Аллан встал мне навстречу.

Мы обнялись.

— Садитесь, Виктор,— он показал глазами на свое рабочее место справа от экрана.— Садитесь... А я ходить буду.

Я сел за наклонное бюро с набором клавиш. Когда он возвращался, он всегда усаживал меня здесь, и на время я как бы превращался в пилота его корабля, а он имел возможность посмотреть на все, что было, со стороны. Это, видимо, помогало ему.

— Вы знаете, куда я уходил?

— Да, знаю,— сказал я.— Вы летали в созвездие Лиры.

Он поморщился. Понятие «летать» он считал чисто земным, воздушным. Он считал, что при помощи космического аппарата человек сдвигается во времени, уходит в дальние временные сферы и тем самым перемещается в пространстве.

— А зачем я уходил к Лире, вы знаете?

— Знаю, вы искали эту странную блуждающую планету, которая все время меняла свою орбиту.

— Это верно как факт. А почему она меня интересовала, вы знаете?

— Я полагал, что с точки зрения науки важно понять, почему она меняет орбиту. Разве не так?

— Так... Так...

Он ходил по своему прозрачному ковру, отмеривал одинаковое число шагов туда и обратно, потом ему, видно, надоело, он вышел за пределы комнаты, пошел по галерее. Я хорошо видел его стройную темную фигуру, пересекающую световой коридор. Он погасил большой свет в галерее, за стеклянными стенами обозначилось звездное небо, оно надвинулось, приблизилось вплотную, и впечатление было такое, будто темная фигура Аллана движется сейчас прямо по звездам.

Он быстро шел по галерее, что-то высматривал в небе, а голос его я слышал здесь, рядом с собой, у пульта.

— Все это так, Виктор. Для всех я ушел, чтобы понять, почему она блуждает. Но был один человек в мире, который знал кое-что еще, которого интересовала не столько физическая, сколько человеческая проблема.

— Человеческая? Там, на этой планете?

— Да, был человек, которого волновала судьба людей. Этот человек был я.

— Ничего не понимаю. Погодите...

— Сейчас поймете. Вы видите, во-он там, слева от Веги, видны крайние звезды Лиры... Они видны не часто, лишь в такие вот ночи. Видите?

Он протянул руку, и я увидел над морем несколько слабых

звездочек. Они то появлялись, то исчезали, затуманенные расстоянием.

— Так вот,— продолжал Аллан,— в одну из таких ночей мы стояли вот здесь, вместе с Юной, и она сказала... Ты помнишь, Юна, что ты сказала тогда?

— Помню. Я сказала, что нашла любопытный документ в Космической библиотеке.

— Совершенно верно. Все началось с Космической библиотеки, с этого документа.

Аллан вынул несколько листков, показал нам.

— Это фотокопии. В одной из книг о полетах двухвековой давности оказались вот эти листки, своеобразный манифест группы американских ученых. Из него явствовало, что группа, именовавшая себя «кибернистами», разочаровавшись в возможностях корпорационного государства и в то же время отвергая путь социалистического переустройства общества, выдвинула идею создания совершенного кибернетического устройства, которое, по их мнению, только и могло решить проблему создания идеального общества.

Какие бы законы люди ни придумывали, заявляли кибернисты, какие бы правила взаимоотношений они ни устанавливали, контролировать и регулировать точное соблюдение этих правил они сами не в состоянии. Это, по мнению кибернистов, могло сделать лишь идеальное программное устройство с обратной связью, которое, в отличие от бездушной машины корпорационного государства, сможет обеспечить расцвет гуманного общества. Такое устройство они разработали и решили проверить правильность своей идеи «в чистом виде», то есть на новой планете.

Они снарядили целый ракетный комплекс «Лири», собрали несколько сот единомышленников и стартовали из района Флориды к созвездию Лиры, где к тому времени была найдена планета, сходная по условиям с Землей.

Аллан замолчал. Он по-прежнему стоял в том самом месте галереи, стоял к нам спиной, лицом к той, едва различимой точке звездного неба, и я чувствовал, как напряжены его плечи, словно он держал на себе какую-то тяжесть.

— Это было более двухсот лет назад! — сказал я.— И с тех пор ничего не было о них известно?

— Было. Спустя несколько лет промелькнуло сообщение, что из

созвездия Лиры поступают радиосигналы. Мне пришлось перерывать горы газет, прежде чем я обнаружил кое-какие упоминания о содержании этих сигналов. Просто поразительно, до чего же коротка оказалась память людей. Когда пришли эти сигналы, долго вспоминали и гадали, пока наконец сообразили, что это экспедиция кибернистов дает о себе знать. Правда, возможно еще и другое объяснение: в связи с тем, что человечество в то время было занято активными социальными преобразованиями общества, к экспедиции кибернистов никто всерьез не относился, да и не до них было. Тем не менее, из нескольких туманных сообщений можно было понять, что по сведениям, поступившим с Лиры, экспедиция увенчалась успехом, и что они якобы зовут землян последовать их примеру.

— Кто-нибудь последовал? — спросила Юна.

— Да. Лет пять спустя туда вылетел еще один комплекс, теперь уже из района Австралии,— несколько тысяч человек. И снова через несколько лет поступили сигналы, из которых можно было понять, что общество их существует и управляется оно совершенной кибернетической машиной. Кончалось сообщение словами: «Да здравствует Машина!»

— Значит, и эти долетели? — спросил я.

— Видимо, так,— сказал Аллан.— К Лире пробудился интерес, одно время о ней писали в прозе и в стихах, кое-кто пародировал, кое-кто высказывал фантастические предположения... Родилось даже такое бюро «Земля — Лира», которое собиралось заниматься переброской туда желающих, но таковых больше не оказалось, да и сообщений больше не поступало. На все запросы с Земли Лира молчала, и постепенно о ней стали забывать. К середине нашего века забыли уже настолько прочно, что когда обнаружилась блуждающая планета, никто не связывал это с Лирой. И я бы, пожалуй, не вспомнил, если бы Юна не натолкнулась тогда в Космической библиотеке...

Аллан уже вернулся из галереи. Он сел на тахту рядом с Юной, она прислонилась к нему плечом. Он не шевельнулся.

— Скажите, Аллан, а почему вы связали в то время эти два факта — манифест кибернистов и блуждающую планету?

— Законный вопрос. Если бы меня спросили тогда, я вряд ли мог бы ответить. Теперь я, пожалуй, знаю, отчего возникла в моем сознании эта связь, а тогда... Казалось, просто интуиция. Я стал изучать все, что было известно о блуждающей планете. Известно было немного: он

постепенно меняла свою орбиту, вытягивала ее, и, таким образом, в поле ее притяжения попали другие планеты системы «Ли́ра», стали ее спутниками. Вот и все, что было известно. Официально я возглавил экспедицию, чтобы разобраться с этим, но уже тогда я подозревал кое-что другое...

Он встал, опять прошелся по кабинету.

— Включите запись, — сказал он мне.

<sup>1</sup> Я нажал клавишу. На экране вспыхнул большой оранжевый диск.

— Дайте увеличение, — попросил он.

Я стал поворачивать ручку, диск приближался, заполнил весь экран, и вот стали различимы на нем отдельные пятна, соединенные тонкими нитями.

— Вот это увидели мы, когда подходили к планете, — сказал он. — Казалось бы, все нормально, это был типичный пейзаж обжитой, заселенной планеты, и в то же время чем ближе подходили мы к ней, тем больше нарастало беспокойство. Тревожное, щемящее чувство возникало, когда я стоял у экрана, видел эти огромные, прекрасно спланированные города, какие-то колоссальные промышленные сооружения, великолепные магистрали — и не мог понять, почему она молчит, почему не отзывается, почему ни один радиосигнал не прорывается оттуда. Кто-то из наших высказал предположение, что какой-то непроницаемый для радиосигналов слой закрыл планету. Но, во-первых, радиосигналы раньше поступали; во-вторых, можно было вывести искусственные спутники поверх этого слоя; в-третьих, наша радиолокация показала, что сигналы свободно проходят, отражаются от поверхности планеты и беспрепятственно приходят обратно. Следовательно, что-то там произошло. Но — что?

Мы уже легли на эллиптическую орбиту, подходили в перигелии совсем близко к планете, и тогда на наших экранах можно было различить многоэтажные сооружения, судя по всему, жилые массивы, промышленные комплексы, расположенные отдельно. Но... ни одного живого признака, подтверждающего присутствие человека.

Перешли на круговую орбиту, стали выбирать место для посадки. Зонды, запущенные нами раньше, показали, что атмосфера планеты близка к земной, радиация — в пределах нормы, температура — 25-30 градусов.

Мы выбрали большую площадь, судя по всему, отведенную когда-то для посевов, а сейчас покрытую ровной желтоватой

растительностью.

Корабль посадили благополучно и несколько часов ждали, думали, увидим какие-то признаки жизни, людей — ведь посадка космического корабля не может пройти незамеченной. Ничего-

Только ветер раскачивал высокую желтоватую траву вокруг нас, да какие-то черные птицы пролетали в отдалении, гортанно вскрикивая.

Так мы провели в корабле ночь, стояли возле иллюминаторов, глядели в багрово-фиолетовое небо, по которому плыли одна за другой оранжевые луны, стянутые с других орбит, и нам казалось, что это чьи-то воспаленные, предостерегающие глаза следят за нами с неба...

А под утро, часа за два до рассвета, произошел необычайной силы волновой разряд. Это был очень короткий, мгновенный импульс, но сила его была колоссальной. Наши приборы показали, что если бы не обшивка корабля...

Но все это без малейшего звука, без движения... Все было так же тихо, спокойно. Так же покачивалась под ветром желтая трава и оранжевые луны плыли по фиолетово-багровому небу.

Потом наступил рассвет. Небо сделалось темно-синим, затем зеленоватым, затем желто-лимонным. Померкли луны. Исчезли птицы. Ушла зловещая напряженность ночи, и все вокруг показалось не таким уж мрачным...

Команда ждала разрешения выйти из корабля, я их понимал — долгие месяцы полета, анабиоз, переход к субсветовым скоростям — все это, конечно, не могло пройти даром, люди устали. Но я удерживал их, ждал новых сюрпризов, вроде того волнового удара.

Однако больше ничего не было. Только на следующую ночь, перед рассветом, повторилось то же самое — короткий мощный разряд — и все.

Я приказал всем надеть защитные шлемы.

Мы вышли на третье утро. Выходили группами, по очереди — одна группа на воздухе, примерно часа полтора, остальные на корабле. Я приказал своему заместителю следить за этим распорядком, а сам с двумя людьми на авиетке вылетел на предварительную разведку.

Под нами шла та же заросшая желтой травой равнина, такая же плоская и такая же колышущаяся под ветром. Больше ничего... Только в одном месте мы пересекли какую-то желтую полосу.

— Посмотрим поближе,— сказал я пилоту.

Мы вернулись и полетели вдоль этой линии. На высоких опорах из



светлого прочного материала шла над землей труба, сантиметров двадцати в диаметре, ярко- желтого цвета. Ясно было, что это линия передачи. Но какая? Что она передавала? Откуда и куда? Мы только отметили по снимку эту линию и полетели дальше.

Примерно через полчаса полета нам встретилась другая такая же труба, побольше диаметром. Шла она под некоторым углом к первой, значит, где-то они должны пересечься...

Вот и все. Больше ничего любопытного не было за время нашего полета, если не считать того, что, подлетая к городу, мы увидели отходящую от него такую же линию, идущую примерно в том же направлении.

Город открылся сразу. Здесь не было пригородов, не было окраин. За огромным бетонным кольцом автострады начинался многоэтажный, расположенный по типу наших, земных,— в три яруса — город. Нам пришлось подняться выше — к транспортному ярусу, предназначенному для ракет и авиеток.

Мы летели над городом. Внизу, на почве, бушевали буйно разросшиеся деревья. Вверху, на уровне с нами, летали птицы. А во втором, предназначенном для людей, ярусе шла своя удивительная жизнь.

Двигались горизонтальные лифты, открывались и закрывались их двери: в товарные галереи сплошным потоком поступали по конвейерам новые товары, по другим — увозились старые: в домах работали кухни, подавались на столы обеды и ужины, затем убирались со стола: включались и выключались многочисленные реле-обогрева, информации, питания, уборки... Словом, здесь делалось все, что нужно было людям, было предугадано малейшее их желание.

Вот только самих людей не было.

Лишь птицы — эти огромные черные жирные птицы иногда спускались до уровня второго яруса, хватали что-нибудь с конвейера и взымали ввысь, радуясь своей добычей.

Мы облетели весь город, просмотрели каждую линию, каждую магистраль — всюду одно и то же... Все работало, двигалось, закрывалось, открывалось... Людей нигде не было.

— Может, они внизу,— упавшим голосом сказал Андриан, наш пилот.— Может, они сегодня отдыхают?

— Все до одного? До единого?!

И все же мы спустились вниз, полетели над деревьями, над садами,

над озерами. Здесь все было великолепно: зелеными волнами колтыхались под нами гигантские деревья, сверкали озера, окаймленные песчаными берегами, совершали рейсы прогулочные теплоходы... Мы видели сверху, как они с точностью до минуты подходили к пристани, стояли положенное время, затем отчаливали, делали круг по озеру и подходили к пристани снова... Даже музыка играла на них — мы слышали. И даже флажки выбрасывались в нужный момент, когда эти теплоходы (или самоходы — не знаю, как их назвать) встречались друг с другом. Но все это совершалось само собой, как в игрушечном царстве, где под действием невидимой пружины все движется, все кружится, вертится, прыгает, играет, но все это лишь подобие жизни, лишь ее бездушный отголосок.

И единственное живое во всем этом были черные птицы. Они и здесь появлялись иногда, разрывая тишину гортанным, режущим криком...

Стало жутко. Я видел, как Андриан ведет машину рывками, видел, как вцепился наш астрофизик Гей в поручни возле иллюминатора, как подрагивают его светлые усы...

— Куда же они все делись? — крикнул Андриан. Он хотел добавить еще что-то, но голос его сорвался.

— Поднимайтесь! — приказал я ему.— На сегодня хватит. Возвращаемся на корабль.

Мы летели обратно, опять пересекли желтые трубы, но теперь смотрели на них с жутковатым чувством — черт знает, что они несут в себе, и черт знает вообще, что здесь происходит, на этой странной планете.

Мы уже подлетели к кораблю, когда Гей произнес:

— Если предположить — что-то случилось и они все погибли, то почему нет никаких следов? Где развалины? Где останки? Почему все идет как ни в чем не бывало?

— Музыка играет...— сказал я.

— Да... Музыка.— Он еще больше нахмурился.— Что вы думаете, Аллан?

— Не знаю, подождем Валентина.

Группа под руководством нашего физиолога Валентина должна была вылететь через час после нас в другом направлении.

Мы вернулись на корабль часам к четырем по местному времени, а к пяти прибыл со своей группой Валентин. Они облетели другой такой

же город и видели то же самое... Ни одного человека не встретили — ни живого, ни мертвого. На обратном пути они натолкнулись на промышленный комплекс, он весь был в глубине, и только продукция его — какая-то темная паста в банках — непрерывным потоком выдавалась на поверхность и развозилась в разных направлениях точно по графику подъезжающими платформами.

Валентин взял с собой две банки, и одну мы тут же отправили в лабораторию на анализ, хотя нетрудно было догадаться — результат вряд ли что-нибудь прояснит.

Мы собрались в зале. Настроение у всех было мрачное.

Долго молчали, потом словно прорвало, стали наперебой высказывать предположения, куда могли деваться люди. Были рассмотрены самые невероятные варианты, но ни один из них не мог объяснить всего, что мы видели.

— Я хочу знать, куда идут эти трубы. Куда и зачем. Может быть, тогда мы что-то поймем...

Они смотрели на меня с недоумением — при чем тут трубы, когда такое творится.

Принесли результаты анализа: витаминный концентрат высокого качества. Кого собирались кормить этим концентратом? Кто собирался кормить? Уж не смазывают ли им орбиту планеты, чтобы удлинить ее?..

Они продолжали спорить, а я спустился в свою каюту, вызвал наш спутник, который мы оставили на орбите, дал команду на максимальное увеличение объектива.

На экране проходили равнины и взгорья, время от времени проплывали города. Они видны были крупными пятнами, и от каждого отходила тонкая нить. Этих нитей на экране становилось все больше и больше, вскоре они превратились в густую сходящуюся сеть. Я так и думал...

Наконец я увидел то, что ждал,— огромный город, к которому со всех сторон тянулись нити. Он, словно паук, стоял в центре своей паутины, охватывавшей всю планету...

Это был колоссальный город, намного больше тех, что мы видели. Он состоял из концентрических кругов, а в самом центре было что-то бесформенное, непонятное,

похожее на груду поваленных кубиков — разглядеть подробнее было трудно — сооружение промелькнуло и опять пошли концентрические круги. Теперь я видел другую сторону спрута, и опять

— эта густая паутина, расходящаяся по всем направлениям...

На следующий день я дал всем своим людям задания. Они должны были изучить близлежащую местность, уточнить координаты корабля, его положение относительно полюсов и экватора, уточнить наклон оси планеты, ее орбиту, период обращения...

Словом, я надавал им работы, а сам взял малую авиетку и сказал, что хочу совершить прогулку один. Это было не по правилам, ко я все-таки командир, мог позволить себе исключение из правил.

Оставил заместителем Гея, обещал держать связь, наметил запасные пункты встречи, установил контрольный срок и вылетел по направлению к Спруту, как я его теперь мысленно называл.

Я летел к городу и видел, как постепенно сходились к нему все желтые нити. Дороги к нему не доходили, транспорт не приближался, но эти нити, как кровеносные сосуды, проходили сквозь все заграждения, сквозь густые высокие сетки, сквозь ряды каких-то сверкающих прутьев, сквозь толстую стену из плотного черного материала, опоясывающую весь город снаружи.

Я хорошо видел эту стену, она была уже почти подо мной, когда авиетку качнуло и отбросило в сторону. Она как бы наткнулась на невидимый шарообразный барьер, скользнула по нему и пошла по касательной. Я ожидал чего-то подобного. Если все так тщательно ограждалось снизу, было бы нелепо оставлять все открытым сверху. Здесь, видимо, существовал какой-то магнитносиловой купол, пройти который не так просто.

Я стал облетать вокруг. Теперь я видел вблизи квадратики и прямоугольники, выстроившиеся концентрическими кругами. Это были многоэтажные дома, если можно так назвать колоссальные каменные коробки, состоящие из каких-то ячеек. Каждая ячейка отличалась окошком, в котором беспрерывно вспыхивал и угасал свет. То он был ярким, то средним, то едва различимым, то он был белым, то голубым, то темно-красным. Таких окошек в каждом каменном небоскребе был миллион, и все они переливались, ежесекундно меняя яркость и цвет... Зрелище было завораживающее — оно гипнотизировало, притягивало своим беспрерывным мельканием — впечатление было такое, что это живет и дышит многомиллионный город, что за каждым таким цветастым окошком — чья-то судьба, чьи-то радости, тревоги... Но я понимал — здесь нет ни одного человека. И мне снова стало жутко.

Я летал вокруг города-спрута, раздумывая над тем, не вернуться ли мне обратно, и тут увидел, что в одном месте стена, опоясывающая город, разрывается и сквозь нее проходит движущаяся лента, по которой непрерывным потоком идут в город материалы — готовые ячейки (из них, видно, складывались дома), какие-то трубы с проводами, целые блоки приборов, закрытые чаны с жидкостями или растворами, металлические и пластиковые конструкции... Внутри города материалы автоматически сортировались, направлялись по разным каналам и потом, насколько я мог понять, доставлялись к местам, где автоматы быстро собирали из готовых ячеек все новые и новые небоскребы, мелькающие цветастыми окошками.

Широкая, метров пятнадцать, лента безостановочно несла в город материалы, а лента поуже выносила из города отходы. Все совершалось с поразительной четкостью и точностью, особые контролирующие устройства, видимо, придирчиво наблюдали за каждым поворотом подаваемой детали, не давали ей сдвинуться с положенного места ни на сантиметр — механические лапы тут же поправляли ее, и все шло, как заведенное, дальше.

Я подумал о том, что эта беспримерная четкость могла быть действительно образцовой, если бы во всем этом была хоть капля одушевленности, если бы здесь была хоть одна живая душа.

Живая душа! Лента... и живая душа! Ну, конечно! Это, пожалуй, единственная возможность. Я посадил авиетку вблизи конвейера, дождался, когда мимо проезжала ячейка на подставках, прыгнул на ленту и лег между подставками — так, что был прикрыт сверху деталью.

Я соскочил, как только лента прошла все заслоны, не дожидаясь, пока ячейку подхватят механические лапы. Соскочил, ощутил под ногами слегка шероховатое пластиковое покрытие — им был устлан весь город — и меня охватило странное чувство. Все вокруг меня было творением человека — его разума, его гения, его действия — и в то же время все это существовало теперь уже отдельно от человека, жило какой-то своей собственной жизнью, было чуждо, а может быть, и враждебно человеку. Я даже не знал, ступала ли сюда нога человека, не я ли единственный из всех людей проник сюда.

Я шел к центру, к тому самому очерченному тремя кругами центру, который я видел только одно мгновение на экране. Сюда влекла меня неодолимая сила, убеждение, что именно здесь я найду разгадку этой

странной тайны. Но чем больше приближался я к центру, тем труднее становилось продвигаться. Я начал сталкиваться с неким нарушением порядка — то проход был загроможден материалами, то лифт не работал, даже стали попадаться какие-то обломки.

Сначала это не очень затрудняло движение, но чем дальше, тем больше я встречал обломков, развороченных строений, а когда пересек последний круг, увидел, что надо перебираться через горы камней, металла, спутанных проводов. И все-таки я не остановился, карабкался, проваливался, снова взбирался и упорно шел вперед, чувствуя, что близок к цели.

«Вперед! — говорил я себе. — Еще немного! Совсем немного!»

В одном месте, перебираясь через обломки разбитого дома, я, видно, нарушил равновесие, и глыбы камней пришли в движение. Они начали сползать, падать, одна ячейка грохнулась возле меня и словно взорвалась — во все стороны разлетелись крошечные разноцветные кристаллы. Я весь был обсыпан ими, они были похожи на бусы, только у каждого была своя, особая, сложная форма. Я решил набрать пригоршню, стал собирать их и тут увидел странный изогнутый блестящий предмет, вернее пластинку. Я подобрал ее и стал пробираться дальше, карабаясь вверх по обломкам.

Когда взобрался на самую верхнюю глыбу, день уже был на исходе, подступали сумерки, в их багрово-сером свете я увидел центр. Это была груда поваленных небоскребов. В середине зияла огромная воронка, а вокруг нее, словно детские кубики, лежали поваленные друг на друга колоссальные каменные коробки. Они были мертвы, выворочены с корнем невероятной силы взрывом, но их окошки все еще мерцали — тусклым, безжизненным светом. Или это мне показалось?

В тот день я больше не мог оставаться там, уже темнело, и меня вдруг охватил страх, мне показалось, что я не выберусь отсюда. Уже в темноте я добрался до авиетки, заночевал в ней. На корабль я радировал, что все в порядке, вернусь через день-два. А следующим утром я полетел в город, нашел библиотеку и весь день провел там, просматривал их книги, газеты, журналы — благо, автоматы послушно выдавали мне все, что я просил, по первому требованию. Потом я снова полетел к Спруту, бродил по развалинам, подбирал обрывки магнитоленты, пленок, куски перфокарты. Собрал все, что можно было унести с собой.

Перед тем как уйти, снова взобрался на груду обломков и долго

смотрел на черную обуглившуюся воронку, из которой все еще шел запах гари. Я думал о судьбе того, кто сделал это...

Я вернулся на корабль, собрал людей, рассказал им обо всем, что видел. После долгих споров было решено, что мы разделимся на несколько групп. Одна займется изучением города-спрута. Другая будет изучать материалы в библиотеках, выберет оттуда все, что поможет восстановить истину. Третья, четвертая и пятая обследуют всю планету, проведут съемки.

Так мы и сделали.

Я периодически навещал каждую группу, но основное время проводил в библиотеке, которую нашел в первый раз. Я считал (и потом выяснилось — справедливо), что книги, газеты, журналы дадут больше всего материала для того, чтобы понять до конца, что здесь произошло.

Так мы работали без передышки около месяца. А затем, уже на обратном пути, обработали все документы, сопоставили факты, и картина разыгравшейся здесь трагедии встала перед нами со всей очевидностью.

Они создали кибернетическое устройство с обратной связью, регулировавшее всю их жизнь, и на первых порах оно им действительно помогло. Постепенно они все больше передавали Машине функции управления, и она разрасталась непомерно, превращаясь из большого дома в комплекс домов, а затем в целый кибернетический город.

Потом они сделали последний шаг — отдали ей власть над каждым человеком в отдельности. И это погубило их окончательно.

На каком-то этапе Машина, в которую была заложена идея постоянного совершенствования, потребовала связи с мозгом каждого члена общества. Она мотивировала это необходимостью правильно регулировать их жизнь.

Так, например, после того как она стала выбирать сферу предпринимательства каждого, учитывая его данные, наклонности, возможности, стала выбирать сама кому где жить, чем заниматься, — опять же из соображений наилучших возможностей предпринимательства, — она пришла к выводу, что вопрос о нахождении человеком пары может наиболее рационально и правильно решить только она. Ну, в самом деле, может ли мужчина сказать, что он женится на той единственной женщине, которая из всех

существующих на планете ему больше всего подходит? Может ли то же самое сказать женщина? А Машина могла — ведь в нее закладывались данные о каждом человеке. Первоначальные данные. Но для того, чтобы точно контролировать все изменения, происходящие с человеком, она должна постоянно, ежесекундно быть в курсе всех изменений. Отсюда появилось требование Машины о постоянной связи с мозгом каждого человека. Требование исходило из соображений

о будущем — ведь речь шла о здоровом потомстве. Кроме того, Машина аргументировала свое требование необходимостью иметь постоянную информацию об изменениях в области знаний, в области эмоций, чтобы правильно регулировать конъюнктуру производства и рынка. Тем не менее они долго сопротивлялись, не соглашались на это, дискутировали очень много, я это видел по их газетам, но в конце концов согласились. К этому времени Машина играла уже такую роль в их жизни, все уже так от нее зависело и так ей верили, что пошли и на этот, видимо, роковой для них шаг. Потому что, получив связь с каждым в отдельности, она получила и власть над каждым в отдельности. В случае надобности, она могла уже воздействовать на каждого, используя свои собственные волны.

Как она это делала, каким образом? В книгах по этому поводу не было ни слова, возможно, об этом не принято было говорить. Но на всех картинках стали появляться люди с изогнутым металлическим гребнем, охватывающим затылочную часть головы. Гребень был блестящий, красивый, с зубцами по верхнему краю, и сначала я думал, что это украшение, вошедшее в моду. Но потом я обратил внимание — с этим гребнем не расставались никогда, он был на них и во время купания, и во сне, и дома, и на работе, он был на глубоких стариках и на годовалых детях. Его, видимо, получали при рождении и носили до смерти, к нему привыкли так, что без него человек чувствовал себя, как без одежды. Этот гребень, судя по всему, служил антенной, через него осуществлялась постоянная связь с Машиной.

С этого времени и пошло их порабощение. Сначала они этого не замечали. Они восхваляли Машину — им казалось, что она обеспечила им идеальные условия частного предпринимательства, при которых у всех равные шансы на успех и каждый достигает того предела богатства и благополучия, о котором он мечтает, и поэтому все одинаково счастливы, независимо от того, кто он — владелец предприятия, инженер или рабочий. Словом, они были убеждены, что Машина



помогла им создать тот самый общественный рай, о котором столько фантазировали на земле, но создать который там еще никому не удавалось.

Между тем они постепенно превращались в огромную, разветвленную сеть роботов при этом гигантском кибернетическом мозге.

А когда поняли — было уже поздно, они полностью находились в ее власти. Не она обслуживала их — они обслуживали ее. Круг замкнулся.

Почему же не сбросили они с себя эти путы, ведь так просто — снял гребень и все. Но в том-то и дело, что не так все это было просто. Видимо, с детства внушалась им мысль, что снять гребень — значит совершить тяжчайшее преступление. Кроме того, они уже чувствовали себя беспомощными без него, испытывали страх перед необходимостью самим решать принципиально важные проблемы.

А Машина уже решила, что планета для нее мала, что пора завоевывать Вселенную. Она уже именовала себя Солнцем Вселенной и решила, что все планеты должны вращаться вокруг нее. Каким-то образом она сумела воздействовать на магнитное поле системы и начала менять орбиту, захватывая соседние планеты, превращая их в свои спутники.

Когда это ей удалось, она возомнила себя центром Вселенной, она решила, что все вокруг должно служить ей, понимаете, ОНА СОШЛА С УМА, Виктор!

Аллан встал и, не в силах побороть волнение, опять пошел по галерее. А мы с Юной сидели пораженные, подавленные его последней фразой. Чем-то леденящим повеяло на меня с экрана.

— Бог знает, к чему все это привело бы,— продолжал Аллан,— но случилось то, что в конце концов должно было случиться: нашелся человек, который преодолел власть Машины. Как он это сделал — не знаю. То ли набрался смелости и сбросил гребень, то ли сила человеческого разума в борьбе с Машиной выработала какой-то иммунитет, во всяком случае появился на свет человек, который видел всю нелепость происходящего, который думал над этим, а Машина узнать об этом не могла.

Он попытался пройти в ее логово и взорвать центр, управляющий людьми. Но она не допустила его, засекла, уничтожила. С тех пор она, видимо, стала ограждать себя — строить стену заграждения, силовой купол. Но чем больше она себя ограждала, тем больше было попыток

прорваться туда. Я не знаю, сколько их было. Может быть, сто, может быть, тысяча — тех, которые жертвовали собой для спасения людей. Но в какой-то раз, в сотый или в тысячный, попытка, видимо, удалась. Человек прошел через все препоны, преодолел все хитроумные преграды, обманул всех электронных сторожей, проскочил через все ловушки и барьеры, он пронес в логово Машины атомный заряд, дошел до Центра, управляющего людьми, и рванул все это, превратил в груды развалин, разорвал цепи, которые Машина набросила на людей...

Аллан замолчал. Он подошел к краю галереи, поглядел на море, которое флуоресцировало под нами, на причальные мачты, мигающие цветными огнями, и вздохнул, словно освобождаясь от пережитого.

— А люди? — спросила Юна, — Людей вы нашли?

— Нашли, — сказал он. — Сейчас я вам покажу. Включите экран.

Я нажал клавишу, и мы увидели бесконечный полутемный коридор. По стенам, с двух сторон, тянулись какие-то полки или нары, а на них лежали рядами странные длинные неподвижные предметы, напоминающие свернутые ковры.

— Дайте увеличение, — сказал он.

Предметы стали приближаться, и вдруг я разглядел человеческое лицо, второе, третье, четвертое... Они все лежали на боку, вплотную друг к другу, видимо, для максимальной экономии места, и на затылке у каждого поблескивал металлический гребень.

— Они мертвые? — с трудом проговорил я.

— А это как считать, — сказал Аллан. — По-видимому, Машина готовилась к захвату новой планеты, это сопряжено с сильными ураганами, магнитными бурями, и людей она решила сохранить. Видите, как заботливо, как экономно она уложила их в подземных штольнях. Они сами спускались сюда, сами укладывались и погружались в летаргическое состояние. Она могла делать с ними все, что хотела.

— А теперь? Ч\*о же теперь? Ведь ее власти больше не существует?

— Да. Но и разбудить их некому. Она одна знала, как это сделать.

— Значит... Этот человек пожертвовал собой напрасно? Он их не спас?

— Я считаю, что спас, — сказал Аллан. — Спас от чего-то худшего. Пусть они еще не люди, но уже не рабы.

— Аллан, а есть какая-нибудь надежда? — Юна, волнуясь, заглядывала в его лицо. Он погладил ее волосы и впервые за все это

время улыбнулся.

— Есть надежда. Вот разберемся, что это за состояние, и попробуем прервать действие импульса, который она все еще продолжает посылать...— Потом он снова обернулся ко мне: — Я слышал, на юбилейной сессии будут слушать проект создания Всемирного Кибернетического Центра?

— Да, есть такой проект.

— Я вас очень прошу, Виктор, когда вы будете выступать по проекту, покажите им вот это!

И он кинул на пульт передо мной блестящий изогнутый гребень с высокими зубцами по верхнему краю...

## ВЫЗОВ

### 1

— ...О, если бы покой маячил нам вдали...—

Голос Аллана звучал глухо, казалось, он срывался с утеса и падал вниз, туда, где под нами рокотало ночное море. Мы стояли почти на самом краю — стеклянные створки галереи были раздвинуты, буйное звездное небо обнимало нас со всех сторон, мы словно висели в нем, а под нами, невидимое, но осязаемое, неумолчно шумело море.

Аллан прислушался к его невнятному рокоту, потом спросил:

— Вы знаете, когда написаны эти стихи?

— Лет тысячу назад, наверно? Омар Хайям, если не ошибаюсь.

— Да... Но они могли быть созданы и две тысячи лет назад, и десять тысяч. Потому что этот вопрос волнует человечество с того самого дня, как человек стал осознавать себя и окружающий мир.

— Пожалуй, и сейчас этот вопрос не снят с повестки дня,— сказал я.— Да и вряд ли будет снят вообще. Наверно, есть вопросы неисчерпаемые. Каждое поколение отвечает на них по-своему. Но никто никогда не решит до конца. Вероятно, в нем, в этом вопросе, заложена вся движущая сила человеческого разума.

— Возможно.— Аллан нагнулся, подобрал со склона камешек и зашвырнул далеко в море. Мы долго ждали, но не услышали ни малейшего всплеска. Только ровный, вечный, невозмутимый шум моря. Камешек словно растворился во тьме. Словно его никогда не было.

— Вот так исчезал человек,— сказал Аллан.— Жил среди людей,

ходил, работал, любил, творил — и вдруг исчезал бесследно, словно его никогда и не было. Оставались его дела, его дети, вещи и идеи, им созданные, а его самого уже не было, и нигде никогда он не повторялся. Это всегда было мучительной загадкой для людей, и это породило легенды и мифы во всех религиях — о загробном мире, о переселении душ,— люди не хотели мириться с тем, что человек может исчезнуть бесследно.

— Вы говорите: «исчезал», «было», «не хотели мириться»... Разве сейчас не так?

— Не совсем так.

— Что вы имеете в виду? То, что мы знаем: нет загробного мира? Или знаем наверняка, что нет жизни во всей Солнечной системе, кроме Земли... Разве от это\* го легче? По-моему, еще острее мы ощущаем утрату, когда уходят в ничто живые люди. Почему они уходят? Куда? Простите, я, кажется, начинаю говорить словами вашего Омара Хайяма.

— Не надо извиняться, Виктор,— я почувствовал тоску в его голосе.— Эти слова каждый из нас произносит рано или поздно.

Светящаяся полоса мгновенно и бесшумно прочертила небосвод и так же мгновенно погасла.

— Вот так на фоне вечности выглядела в прошлом человеческая жизнь. Может быть, поэтому раньше считали, что это души умерших отправляются куда-то...— Аллан посмотрел в небо.— Вчера исполнился' месяц со дня смерти Валентина, нашего физиолога. Вы ведь знали его?

— Знал. Удивительно яркий был человек — разносторонний, талантливый. Что с ним случилось?

— Взорвалась установка, на которой он проводил испытания. Почему-то он оказался в камере, хотя мог быть у телеэкрана. Когда камеру открыли, в ней ничего не было — сработали аварийные клапаны и вытяжная система. Лишь тонкий слой пепла осел на стенках...

— Страшное дело!

— Да. Почему-то людям легче, когда они могут положить хоть что-то в землю... Вчера я был у него дома. Там все, как при нем: на столе его неоконченная рукопись, его ручка лежит наготове, диктофон хранит его голос, автомат-гардеробщик протягивает его домашнюю одежду, бар выдает его любимый напиток из зерен Тау, который мы привезли с Плутона, помните? Словом, во всем, в каждой вещи — он, а его самого

нет... И вот, понимаете, можно сказать, что он живет — в своих книгах, в своих учениках, в своих идеях — они еще долго будут разрабатываться, давать пищу исследователям. В своих детях, наконец. Но все-таки его нет, нет человека.

— Как переносит все это Лина?

— Вот о ней я хочу сказать. Она ходит по дому в каком-то трансе. Трогает его вещи, листает его рукописи, и все не может поверить. Ждет, что он появится. Она говорит, что поняла сейчас, почему когда-то, у древних, жен хоронили вместе с мужьями. Говорит, что ей было бы легче сейчас умереть — разве может жить половина человечества, если другая половина умерла?

— Это пройдет.

— Пройдет, конечно, со временем. Но вот, обратите внимание, Виктор, смерть, биологическая смерть сопутствует человечеству на протяжении всей его истории с самой зари, с первобытных времен, когда он жил в пещерах, одевался в шкуры, и высшим благом для него была удачная охота и зажженный очаг. Смерть сопутствует ему на протяжении всей его истории до сегодняшнего дня, а он никак не может с ней примириться. Почему? Ведь с точки зрения природы все естественно — переход из одного состояния в другое. Почему же этот переход неприемлем для человека — он ведь тоже часть природы. Чем вы это объясните?

— Не знаю... Наверно, дело в том, что живая материя — это высшая форма по сравнению с мертвой. И возврат от высшего состояния к низшему противоестествен, он противоречит эволюции.

— Но почему же—противоречит? В природе всегда был круговорот веществ. Появилась жизнь, она развивалась — от простейших водорослей к могучим растениям, от моллюсков к животным, но все потом возвращалось к исходному материалу — атомам. И растения, и живые существа, пройдя свой путь, всегда возвращали природе исходный материал. Почему же человек противится этому?

— Поймите, Аллан, поймите. Тут что-то не так. Если бы дело было лишь в том, что живому существу надо возвратить природе материал, который она дала ему на время, займы, так сказать, все было бы проще. Видимо, дело в том, что с появлением мыслящей материи кое-что изменилось. Видимо, само существование материи мыслящей — это еще более высокая форма, особая форма. Может быть, она еще только начинает свой путь в человеке, и вдруг ей надо гибнуть,

прекращать свое существование из-за того, что обветшала оболочка или еще что-то случилось с ней, вот как с Валентином. А может быть...— Я замолчал. Что-то не совсем еще ясное маячило где-то там, в тумане моего сознания, но никак не могло определиться, найти словесную форму. Темнота вокруг нас, кажется, еще больше сгустилась, шум моря усилился, теперь оно уже тяжело ухало вниз, под нами, ударяясь о камни,— поднялся ветер, начался прибой.

— Так что же? — крикнул Аллан. Ветер отбрасывал его голос, но я все же услышал, что он волнуется.— Что «может быть»?

— Не знаю, Аллан! Что-то мелькает, но я не могу вот так просто сказать. Может быть... Пойдем в дом, я замерз.

Мы прошли в галерею, створки бесшумно сдвинулись за нами, стало тепло и тихо.

— Ну,— проговорил он,— я все-таки хочу, чтобы вы довели свою мысль до конца.— Он смотрел на меня ободряюще.— Не бойтесь, прыгайте через пропасть!

— Я подумал... Может быть, она вообще не должна умирать?

Несколько мгновений он смотрел на меня в упор, закусив в зубах свою трубку, потом сказал:

— Вот эту идею разрабатывал Валентин. До последнего дня.

— Разрабатывать идею бессмертия и погибнуть так нелепо, в расцвете сил... Какая ирония судьбы!

— Погодите,— сказал Аллан.— Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Мы прошли через галерею, затем миновали обширный полутемный сейчас холл, тоже застекленный, уставленный по стенкам всевозможными растениями, которые Аллан навез сюда со всей вселенной, и очутились в рабочем кабинете Аллана, с его знаменитым пультом и экраном во всю стену.

— Садитесь сюда, Виктор,— указал он на тахту.— Мне придется немного поработать у пульта.

Но он не успел положить руку на кнопки. Зажегся экран, и мы увидели Юну.

— Здравствуйте, Виктор,— сказала она.— Аллан, я звонила, тебя не было.

— Мы с Виктором на утесе стояли. Ну, как там?

— Плохо. Состояние подавленное, я даже боюсь задевать этот вопрос. Как бы хуже не было.

— Ну, ты погоди,— сказал он.— Мы тут с Виктором посоветуемся. А

потом я тебе скажу, что делать.

— Хорошо. Я буду ждать.— Экран погас.

— Она у Лины сейчас,— пояснил Аллан.— Тут вот такая история...

Он нажал знопку, и в стене, справа от пульта, открылась ниша.

— Вы видите этот ящик?

Я подошел поближе. В нише стоял на подставке большой металлический ящик величиной, пожалуй, со старинный сундук. Он был ровный, гладкий, нигде никаких швов или отверстий. Только со дна его отходил толстый полиэтиленовый шланг. Странно толстый, примерно в целый обхват. Он уходил куда-то в пол.

— Вижу,— сказал я.— Ну и что?

— А вот что. Сегодня утром мне доставили ящик вот с этим письмом. Читайте.

Он подал мне листок белой бумаги, и я прочел ровные строки, написанные от руки:

«Дорогой Аллан! Сегодня месяц, как меня нет в живых. Я это знаю, так как завещал одному из сотрудников Института доставить тебе этот ящик ровно через ме-

сяц после того, как будет точно известно, что меня нет в живых. Подключи это к своему телекомпьютеру. Валентин».

— Вы подключили? — спросил я.

— Да.

— Ну и что?

— Сейчас увидите.

Он нажал кнопку. Экран засветился, но как-то мутно. Какое-то туманное, расплывчатое изображение появилось на нем. Аллан убавил свет в комнате, стал регулировать ручками настройки на пульте.

И вдруг на экране, очень четко и ясно, показалось лицо Валентина. Изображение отодвинулось, и мы с Алланом увидели, как Валентин, во весь свой рост, сделал шаг нам навстречу, оглядел кабинет, заметил Аллана, потом меня и улыбнулся своей обычной, чуть грустной улыбкой.

— Здравствуй, Аллан,— сказал он спокойно, и впечатление было такое, что он здесь, в комнате.— Здравствуйте, Виктор.

Я сидел похолодевший, не в силах шевельнуться.

— Здравствуй, Валентин,— сказал Аллан. Он старался тоже говорить спокойно, но голос его звучал хрипло и сдавленно.— Ты хорошо меня слышишь?

— Да. Вполне...— ответил Валентин.

Он замолчал, некоторое время внимательно рассматривал наши лица, потом помрачнел, оглянулся, придвинул к себе кресло и сел напротив нас.

— Меня, по-видимому, нет в живых? — сказал он как о чем-то само собой разумеющемся, и тут я почувствовал, что слабею, еще секунда — и упаду.

Я прислонился к стене. Аллану, видно, тоже было не по себе. Он взялся за ручку на пульте.

— Да,— проговорил он наконец.

— Месяц прошел? — спросил Валентин.

— Да,— выдавил Аллан.

Валентин сидел в кресле, опустив подбородок на сжатые кулаки, и лицо его было хорошо видно нам. Оно мрачнело все больше и больше. Вот появились скорбные складки у губ, вот сдвинулись брови и стала подергиваться щека. Он прикрыл ладонью глаза. И сидел так еще некоторое время.

Мы молчали.

— Лина знает? — спросил Валентин и отнял руку.

— Знает,— сказал Аллан.

— Как она?

— Ничего,— сказал Аллан.— Держится. Юна там, у нее.

— Спасибо,— сказал Валентин.— Ты уж поддержи ее...

— О чем ты говоришь!

Валентин встал, отодвинул кресло, прошелся по комнате. И мы увидели, что это его рабочий кабинет в Институте.

— Что со мной случилось, Аллан?

Я ждал этого вопроса. И Аллан, видимо, тоже ждал. И все-таки ему было трудно, я видел.

— Ты... Ты ко всему готов, Валентин?

— Абсолютно. Я потом все объясню. А сейчас говори, не бойся.

— Ты работал в камере, произошел взрыв.

— Понятно.— Теперь он был уже спокоен.— Кто-нибудь еще пострадал?

— Нет, ты один. Почему ты был в камере, когда мог быть у экрана?

— Не знаю,— сказал он.— Наверно, так надо было...— Он обвел глазами свой кабинет, выдвинул ящик стола, посмотрел какие-то бумаги.



— Установка погибла?

— Да. Ничего не осталось.

Аллан не объяснял дальше, но Валентин понял.

— Бедная Лина...— сказал он и замолчал надолго, задумался.

— Ты хочешь ее видеть? — спросил Аллан.

Валентин не ответил. Он стоял у стола, опустив голову. Потом подошел к нам.

— Не надо этого делать,— сказал он.— Ей будет слишком тяжело.

— Я могу сделать так, что она тебя не увидит. Только ты ее.

Валентин нахмурился.

— Нет,— сказал он.— Пока не надо. Подожди. Поговорим сначала... Я должен привыкнуть к этой мысли. К своему новому положению...

Он опять стал ходить по кабинету, осматривать все. Подошел к стенду, где были смонтированы какие-то приборы.

— Установку можно будет восстановить,— сказал он.— Чертежи у меня тут, в шкафах.

Он говорил так, словно действительно ходил сейчас по своему кабинету. Впрочем, для него это было, видимо, действительно так.

— Ладно. Давайте разберемся что к чему.— Он опять подошел к нам вплотную и сел в кресло.— Ты все понял, Аллан?

— Не совсем. Но догадываюсь...

— Виктор знает, над чем я работал?

Он кивнул и печально усмехнулся.

— Я исходил из того, что смерть молодой мыслящей материи — противоестественна. Она умирает не потому, что изнасилась или исчерпала себя, а потому, что природа не нашла еще\*способа продлить ее существование. Исследования показали: серое вещество мозга погибает, как правило, в расцвете сил, погибает из-за того, что изнасилась оболочка, одряхлевший организм не в состоянии поддерживать необходимые условия существования мозга. Тело состарилось, а мозг еще молод — отчего такое несоответствие? С точки зрения биологической жизни организм за 70-80 лет существования вполне успевает выполнить свое назначение — дать начало новой жизни. Он прошел свой цикл и может уходить спокойно. Но высшая форма жизни, заключенная в нем,— мыслящая материя — только начинает свой путь. Она должна совершить еще очень многое, ее способности и возможности, неизведанные пока еще никем, неисчерпаемы. И вдруг, в самом начале пути, когда еще все впереди, она

должна прекратить свое существование. Не отсюда ли яростный протест мозга против смерти, его нежелание подчиниться гибели и его трагическое бессилие вырваться из плена биологического распада оболочки, без которой он пока не может существовать? Я говорю — пока, потому что на этот счет у меня есть особые соображения, но об этом после. Теперь — о главном.

Валентин встал, сделал несколько шагов по кабинету, подошел, видимо, по привычке к окну, и тут же отвернулся, чтобы не видеть бушующей жизни — там, на всех трех ярусах города.

Он снова подошел к нам, но в кресло не сел, отодвинул его. Вместо него придвинул черную экранную доску на подставке — так, чтобы нам хорошо было видно. Взял в руки чертежный электронный фломастер.

— Если природа пока еще не может сохранить мыслящую материю, значит, она сама должна позаботиться об этом, найти способ продлить свою жизнь после гибели оболочки. Тут можно было идти разными путями.

Можно было попытаться сохранить в искусственных условиях жизнь мозгу. Такие попытки делались, вы знаете. Но мозг, живущий в банке с раствором и ждущий возможности переселиться в какое-нибудь молодое тело,— слишком жалкое зрелище для окружающих и слишком унижительное состояние для мыслящего мозга. Не говоря уже о том, что тут нарушаются связи со средой, то есть происходит изменение личности.

Я попробовал идти иным путем — более сложным, но, как мне кажется, более перспективным. Он состоит из двух этапов. Первый — при помощи биотронного запоминающего комплекса записать личность...— Валентин быстро набрасывал на доске схему: человек и идущие от него импульсы, попадающие в запоминающее устройство.— Второй этап — воссоздать затем личность при помощи того же запоминающего комплекса. Ну, с первой задачей я как будто справился,— грустно усмехнулся он.— Тот ящик, который вы получили, Аллан, и есть биотронное запоминающее устройство, в котором содержится моя личность. В течение пяти последних лет вся моя умственная деятельность записывалась этим устройством. Большею частью это происходило в Институте, так как последнее время я, в основном, проводил там. Записывались не только импульсы мозга, записывались при этом и изображение, и голос. Таким образом, в ящик было введено все — весь запас моих знаний, весь мой предшествующий

опыт, все мои привычки и даже все мои недостатки. Для полноты картины я старался записывать себя не только в Институте, но и дома, и во время путешествий. Помните, Аллан, вы все потешались надо мной, когда во время полета на Эру я и днем и ночью не расставался с кожаным шлемом, вы еще говорили, что он прирастет к моей голове. Так вот, в этом шлеме находились датчики и портативное записывающее устройство. Потом я ввел его в тот же ящик. Так, постепенно, я вводил туда все, что касалось меня, все, что, конечно, поддавалось фиксации. Шаг за шагом я переселялся в этот ящик со всеми своими потрохами. И вот, как видите, переселился...

Он обернулся к нам, у него было улыбающееся лицо, -но улыбка — какая-то жалкая.

— Переселиться — переселился,— повторил он,— и, как видите, довольно удачно. И даже, я бы сказал, вовремя. Не так ли? Вы ведь воспринимаете меня как живого?

— Да,— сказал Аллан.— Абсолютно.

— Ну что ж, значит, с этой задачей я справился...

Он стоял задумавшись, с фломастером в руке.

— Я смогу работать дальше, смогу направлять работу лаборатории.— Он говорил, словно убеждая себя в чем-то, словно доказывая себе, что был прав.

— Да, конечно,— сказал Аллан.— А если хочешь, мы возьмем тебя в космос, полетим, как прежде...

Он словно оправдывался в чем-то перед Валентином, словно убеждал его, что положение у нас у всех равное, что мы с ним — живые и Валентин, записанный в ящике,— это одно и то же. Но все трое мы одновременно почувствовали неловкость. Видимо, оттого, что в воздухе все время висело что-то недосказанное.

— Ну хорошо, с первой задачей ты справился прекрасно, я бы даже сказал, удивительно. Мы воспринимаем тебя сейчас, как если бы ты был, скажем, в космосе, и мы с тобой держали связь. Верно я говорю, Виктор?

— Да,— согласился я.— Это, пожалуй, наиболее близкое сравнение. Я, например, никак не могу осознать, что мы разговариваем сейчас... с биотронным ящиком, хотя понимаю, что это так.

— Не совсем так,— быстро поправил меня Аллан и посмотрел на экран,— Общаемся мы все-таки с ним самим, с его личностью, а ящик как бы явился соединительным мостом между нами и Валентином... Так

ведь, Валентин?

— Да, пожалуй,— сказал Валентин, но не очень уверенно.— Я ощущаю себя так, как раньше, я чувствую себя все время связанным с ящиком, но не чувствую своей зависимости от него. Скорей наоборот. Я знаю, что он зависит от меня. При желании я могу его выключить, могу стереть ту или иную запись, могу даже...

Мы с Алланом застыли, разинув рты. Вид у нас, судя по всему, был довольно глупый, поэтому Валентин замолчал, перевел взгляд с него на меня.

— Как ты обычно включал ящик? — спросил Аллан.

— Нажимал кнопку на пульте. Вот эту, красную.— Он подошел к большой вертикальной панели, смонтированной на стене.— Видите, она сейчас нажата и горит красный свет. А когда хотел выключить, нажимал соседнюю, черную. Вот, смотрите...

Аллан поднял руку, но не успел звука вымолвить — Валентин нажал черную кнопку, и экран стал гаснуть. Сперва он затуманился, изображение расплылось, размылось, потом оно совсем пропало, наступила какая-то странная полутьма, и голос Валентина пропал, но в то же время на экране мелькали неясные тени, и какие-то странные обрывки звуков, перемешиваясь, слышались в отдалении, то усиливаясь, то замирая совсем.

— Валентин! — закричал Аллан,—Валентин! Нажми красную кнопку! Ты слышишь меня? — повторял он властно.— Нажми красную кнопку!

— Ничего не понимаю,— пробормотал я.— Ведь никакой кнопки в действительности нет.

Но Аллан не слушал меня.

— Валентин! Валентин! — кричал он.— Ты слышишь меня?

— Сейчас, погодите...— услышали мы какой-то сонный голос с экрана.— Тут темно, я ничего не вижу... Ага, вот, нащупал...

Экран вновь засветился. Валентин стоял у панели и щурился от света.

— Не нажимай больше черную кнопку,— сказал Аллан с облегчением.— Что ты чувствовал, когда выключил ящик?

— Я, кажется, уснул. Потом услышал сквозь сон твой голос. Ты звал меня?

— Да.

— Раньше этого не было...— виновато сказал Валентин.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил Аллан.

— Кажется, понимаю... Когда я раньше нажимал кнопку, ящик отключался, а я продолжал действовать без него. Теперь я нажал ее...

— Ты нажал ее в своем воображении.

— Да. Отключить его по-настоящему я не мог. Но он повел себя так, как если бы его действительно отключили. Сознание мое затуманилось... Видимо, я спал.

— Больше не делай этого,— сказал Аллан.— Кто знает, сумеешь ли ты включить в следующий раз. Ты говоришь, что можешь стирать записи?

— Да, вот этим рычагом.

— Никогда не прикасайся к нему, слышишь?

— Хорошо.

— Ну, а теперь я отключу тебя. По-настоящему отключу, а потом включу снова. Так что ты не бойся.

— А я не боюсь,— улыбнулся Валентин.

— Садись в кресло.

Валентин послушно сел и спокойно посмотрел на Аллана.

— Готов?

— Готов.

— Выключаю.

Он вынул вилку, отключающую питание ящика.

Экран совсем погас. Теперь мы видели только его холодную вогнутую матовую поверхность. Несколько секунд мы молча смотрели на экран.

— Что он должен сейчас чувствовать? — спросил я.

— Не знаю. Скорей всего — ничего. Полный провал.

Он подождал еще немного, Затем включил. Валентин сидел в кресле в той же позе.

— Что ты чувствовал?

— Ничего. Мне казалось, что ничего не изменилось. Ты выключал?

— Выключал,— сказал Аллан.— С этим ясно. Ты возвращаешься к себе на той же точке, на которой ящик был отключен. Ты не устал? Может быть, на сегодня хватит?

— Может быть...— задумчиво сказал Валентин.

— Ну? Что вы обо всем этом думаете? — спросил меня Аллан, когда мы остались вдвоем.

Я не оговорился, не могу подобрать другого слова. Мы действительно только что были втроем, но вот Валентин ушел. Ушел куда-то к себе.

Аллан вызвал Юну. Сказал, что мы ждем их с Линой, но больше ничего объяснять не стал и выключил экран.

Мы сидели, молчали. Он набил свою трубку, закурил. Дым был удивительно ароматный, словно открыли дверь в цветочную галерею. Он делал этот табак из цветов по какому-то особому, им самим придуманному способу. У меня сладко закружилась голова.

— Ну так что вы обо всем этом думаете?

— Мне кажется, он бросил вызов самому господину богу.

— Мы все время бросаем ему вызов. Когда создаем межпланетные станции. Когда пробиваем пространство. Когда сдвигаем время.

— Нет, Аллан, это не совсем то.— Я поднялся с тахты, подошел к его огромной космической карте.— Все, что вы говорите, совершается в пределах существующего в природе. И пространство, и время, и планеты существуют в природе независимо от нас. Мы только научились состязаться с космическими скоростями и расстояниями, с движением планет и звезд. А он сделал то, что неподвластно природе — сохранил мыслящую материю.

— Он ее не сохранил. Он ее воспроизвел, вернее, даже записал, снял с нее слепок. Природа делает то же самое ежечасно, ежесекундно. Она воспроизводит мыслящую материю все время. И во все больших количествах.

— Вот именно,— сказал я.— Каждый раз заново и каждый раз сначала, с пустого места. Вот вы ему сказали: не смей нажимать рычаг, помните? А она что делает? Каждый раз нажимает рычаг, стирает все дотла, а потом воспроизводит чистую пленку, на которой все надо записывать заново, с самого начала.

— Ну, не совсем сначала...

— Нет, именно сначала, с самого начала! — убежденно говорил я, увлекшись своим сравнением.— Качество пленки несколько улучшается, она становится более восприимчивой, может быть, более

емкой, но запись надо начинать с самого начала — вы же знаете, что происходит с людьми, которые с младенческого возраста оказываются изолированными от общества!

— Да,— согласился он.— Тут вы правы, она действительно каждый раз нажимает на этот проклятый рычаг, А общество затем заново пишет все на ней, играя роль хранителя информации. В его материальной и духовной культуре сохраняется все, что накоплено мыслящей материей за все время ее существования.

— Я не отрицаю роли общества и воспитания... Имен- но оно делает человека человеком. Все верно. Однако обратите внимание — жизнь мыслящей материи не увеличивается, человек по-прежнему живет 70-80 лет, ну, пусть мы сумеем продлить жизнь до ста лет. А период, который требуется, чтобы записать информацию на чистую пленку, катастрофически увеличивается. Чтобы передать только основную информацию, еще недавно достаточно было 20-25 лет. Сейчас уже требуется больше. Что же остается на долю активной деятельности человека?! И все потому, что каждый раз надо начинать, сначала. Вспомните, Аллан, что говорил Валентин — мыслящая материя умирает в самом начале пути, гибнет из-за того, что изнашивается оболочка. В чем дело? Почему такое несоответствие?

Я разошелся, распалился так, как будто это он, Аллан, был тем самым господом богом, который что-то не предусмотрел, и я требовал от него исправить ошибку.

Он улыбнулся, выбил свою трубку.

— Одно из двух,— сказал он.— Либо в этом есть какой-то смысл, либо Валентин прав: природа оказалась просто неподготовленной для сохранения высшей формы жизни.

— Если бы в этом был какой-то смысл, мыслящая материя не воспринимала бы свою смерть так трагично, не протестовала бы так яростно против смерти. Значит, что-то тут не так, что-то не так! Вот почему я говорю: он бросил вызов богу! И вызов справедливый!

— Пожалуй! — сказал Аллан.— Пожалуй, вы правы. Вот только что из всего этого получился?.,

### 3

Аллан посмотрел на часы.

— Сейчас подойдет их ракета. Пойдемте, Виктор, посмотрим.

Мы прошли в галерею. Оттуда хорошо было видно, как к причальной мачте, обозначенной своим светящимся остовом, медленно подплывала по воздуху тоже светящаяся сигарообразная полоска. Ракета шла сейчас в режиме воздухоплавания, на раскинутых тормозных крыльях, но их не было видно, они лишь угадывались по тому, как ракета мягкими толчками опускалась, приближаясь к вершине мачты. Вот еще один толчок — и она застыла в неподвижности — легла на мачтовую площадку.

— Красиво, не правда ли? — сказал Аллан приглушенно.— Уж сколько и куда ни приходилось отправляться на ракетах, а вот этот момент всегда волнует. Наверно, в этом сказывается одно из самых древних и глубинных свойств человека: ждать встречи и грустить при расставании.

...Какие они были разные! Собранная, стройная, словно выточенная из цельного куска мрамора Юна, с холодновато-прекрасным лицом античной статуи, и вся порывистая, чуткая, худенькая Лина, с лицом, которое не назовешь уж очень красивым, то удивительно живым, переменчивым, излучающим какое-то внутреннее сияние. Сейчас оно было исполнено страдания, но и это не портило его, а делало, если можно так сказать, еще более человечным и в этой человечности прекрасным.

По дороге Лина, видно, сдерживалась. А тут, увидев Аллана, сразу потеряла выдержку, кинулась к нему, прижалась головой к его плечу.

— Аллан,— говорила она сквозь слезы,— Аллан, это ведь неправда, да? Этого ведь не может быть, чтобы он умер?! Он не мог умереть, Аллан! Он обещал мне, что никогда не умрет! Он много раз говорил мне, что никогда не умрет...

Мы переглянулись.

— Она все время твердит это...— сказала Юна.— Она не верит, что... Она все время ждет его, говорит, что он придет.

Он знал, что я не могу жить без него, так уж получилось, мы росли вместе, жили по соседству, он был старше меня на пять лет, но я не отставала от него ни на шаг, со всеми своими вопросами и обидами бежала к нему, не к отцу, не к матери, а к нему — он всегда защищал меня и учил всему, что знал сам, все свободное время был со мной — мальчишки над ним потешались, дразнили нас женихом и невестой, а он никогда не обижался, только улыбался своей доброй улыбкой и говорил мне, чтобы я не расстраивалась. Когда ему исполнилось



двенадцать, ему подарили воздушную лодку, он пошел ее пробовать, а я прибежала на берег, увидела, как он скользит над водой в своей лодке, и кинулась вплавь, чтобы догнать его, но сил не хватило, я стала тонуть... Я не кричала, звука ни одного не издала, только билась изо всех сил, захлебывалась, чувствовала, что теряю сознание, и последняя мысль моя была, я помню: он так и не узнает, что я плыла ему навстречу. А он почувствовал что-то, помчался к берегу, пролетел надо мной, увидел меня сверху, кинулся в воду и спас меня. С тех пор он никогда не оставлял меня одну, брал с собой во все свои путешествия, ничего не делал без меня, всегда все мне рассказывал, каждую минуту, каждую секунду я знала, где он, что с ним, я была ему всем — женой, матерью, другом, помощником. Вся моя жизнь была в нем, я не мыслила себя без него, и он всегда говорил, что не проживет и дня без меня, что мы, наверное, составлены из чего-то единого, и если один из нас умрет, то в тот же миг умрет и другой, поэтому, если когда-нибудь с ним что-то случится, и мне скажут, что его нет в живых, чтобы я не верила, он все равно придет, он не может уйти без меня... А я живу, Аллан, я не умираю, значит, и он жив, он не мог умереть, правда ведь, Аллан?!

Аллан держал ее худенькие плечи в своих руках, прижимал к себе, гладил по голове, как маленькую, и я впервые увидел в его глазах слезы.

Он привел ее в свой кабинет, усадил на тахту, сам сел рядом, а с другой стороны села Юна, и так вот, обняв Лину с двух сторон они немного ее успокоили. Видно, выплеснув все, что накопилось в душе за эти дни, она обессилела, затихла, только вздрагивала время от времени, прижавшись лицом к груди Юны.

Аллан спросил меня глазами. Я кивнул. По-моему, это надо было сделать.

— Лина,— сказал он,— Валентин не обманул тебя. Он вернется.

Она подняла голову, глаза ее умоляюще смотрели на Аллана.

— Значит, он не умер?! Значит, это правда»—он не умер?!

— Я не знаю, как это тебе объяснить. Считай, что он в длительном космическом полете, считай, что он далеко, и когда он сумеет вернуться — неизвестно. Если ты обещаешь, что ни одним звуком, ни одним жестом не обмолвишься о смерти, ты сможешь видеть его, разговаривать с ним вот здесь, у этого экрана.

Она растерянно смотрела на нас.

— Я... Я не понимаю.

— Ты хочешь его видеть? Живого, такого, как всегда. И разговаривать с ним?

— Да! Да! Да! Это можно сейчас?

— Можно... Но только... Помнишь, что ты мне обещала?

— Я постараюсь, Аллан. Я сделаю все, что нужно, я...— она подавилась слезами.

— Пойди умойся. Приведи себя в порядок. Чтобы следов твоих слез не было. Чтобы ты была такая, как всегда. Он же разговаривал с тобой из космоса?

— Да. Всегда.

— Считай, что так и будет.

Она все еще недоверчиво смотрела на нас, потом сорвалась с места, выбежала и вернулась буквально через минуту. И я поразился тому, что может сделать с собой женщина за какие-то несколько мгновений. У нее было другое лицо — полное ожидания и надежды.

— Помни, что ты обещала! Это очень важно.

Она не ответила. Она не сводила глаз с экрана.

Аллан включил ящик. Экран засветился, и мы увидели Валентина. Но, странное дело, он не сидел в кресле, где мы оставили его в прошлый раз. Он стоял у панели и что-то делал. Когда включился экран, он обернулся, увидел нас, потом ее, и по лицу его прошла су- дорога.

— Лин...— голос его сорвался. Он хотел сказать что\* то еще, но не смог. Он сделал шаг к экрану, протянул руки. Она бросилась к стене, прижалась к ней, стала гладить ее ладонями.

— Ты живой! — говорила она.— Я знала, что ты живой! Раз я живу, значит, и ты живой! Господи, какое счастье, что я тебя вижу! Я знаю, ты очень далеко, ты в космосе, но это ничего, главное, что ты жив, а значит, вернешься, пусть не скоро, пусть когда-нибудь, но вернешься!

Слезы безостановочно текли по ее лицу. Она прижалась мокрой щекой к экрану, и Валентин там, по ту сторону, провел ладонью по ее щеке.

— Не плачь,— сказал он,— не надо плакать. Ты же видишь — Все в порядке.

Я видел, ему трудно держать себя в руках, еще секунда — и он сорвется.

Я дал знак Аллану.

— Валентин,— сказал он,— сеанс связи сегодня короткий, сейчас она оборвется. Ты хочешь что-то сказать?

Он кивнул головой и через силу улыбнулся.

— Поцелуй ребят,— сказал он.— В следующий раз » приведи их. И не волнуйся. Все будет хорошо. Слышишь — хорошо! Я ведь никогда не обманывал тебя, верно?

Она стояла, как распятая мадонна, у экрана, прижавшись к нему всем телом, раскинув руки.

Аллан нажал кнопку.

4

Мы проводили Лину, вернулись обратно. Всю дорогу Аллан был мрачен, почти не разговаривал. Только когда вошли в галерею, он сказал:

— Вы заметили — он стоял у панели.

— Да, я тоже удивился.

— А ведь в прошлый раз мы оставили его в кресле, не так ли?

— Да... Может быть, вы тогда забыли отключить питание ящика, только выключили экран?

— Я выключил ящик, я это хорошо помню. Экран выключается кнопкой, а питание ящика — вилкой. Я отключил ее от сети.

Мы вошли в комнату, Аллан подошел к пульту, мрачно осмотрел вилку. Не включая ее в сеть, нажал кнопку. Экран был темен, но мы услышали какой-то слабый шелестящий звук: как будто листы бумаги переворачивали. Аллан вставил вилку, экран вспыхнул, и мы увидели Валентина. Он стоял возле письменного стола и решительно листал какую-то книгу.

— Валентин,— сказал Аллан,— в прошлый раз мы оставили тебя в кресле, а потом ты оказался у рычага. Что это значит? У ящика есть собственное питание?

— Да, Аллан, есть. Я не хотел говорить вам об этом... Оно слишком слабое, чтобы я мог общаться с вами, но достаточное, чтобы я мог думать и работать. Когда вы отключаете ящик, я остаюсь в полном одиночестве, но продолжаю думать. В прошлый раз мне вдруг сделалось очень тяжело. Я представил себе синее-пресинее весенней небо, белые плывущие облака, зеленую траву, представил себе жизнь с ее воздухом, светом, пространством и людьми, и мне так тоскливо стало от сознания, что я обречен на долгое, может быть, вечное одиночество, что я решил нажать рычаг.

Я уже подошел к панели — и в это время вы включили экран, я увидел Лину. Вы хорошо сделали, что привели ее. И хорошо, что не сказали ей всего, пусть она думает, что я в космосе. Она действительно умрет, если узнает, что меня нет совсем. Собственно, ради нее я придумал эту штуку с ящиком. Знал: всякое может случиться. Теперь, когда увидел ее, понял: я не напрасно сделал это. Для нее я живой — это главное. Но постараюсь быть живым не только для нее. Буду работать круглые сутки, совершу невозможное... Перевезите завтра ящик в Институт, пусть поставят его в лаборатории, пусть соберутся все, кто может и хочет поспорить с богом, общими силами мы его одолеем!..

## ПЛАНЕТА МИФ

### 1

Мы сидели в библиотеке Аллана — небольшом круглом зале.

Был дождливый зимний вечер, за горизонтально вытянутым, изогнутым окном, напоминавшим лобовое стекло космического корабля, расплывчато светились сигнальные огни порта. Включенные на полную мощность, они пробивали завесу тумана, разноцветными лучами прощупывали тяжелую свинцовую гладь воды, плотное облачное небо. Они словно подбадривали идущие в тумане корабли и ракеты, словно приветствовали их, давая знать о близости порта, хотя вели их в тумане совсем другие лучи — невидимые, электронные.

Я подумал о том, что все это не больше, чем иллюминация, что если бы вдруг почему-то погасли все эти мощные прожектора,— морские и воздушные корабли все равно шли бы заданным курсом, все равно причалили бы в точно назначенном месте и в точно назначенный срок. Но людям, как видно, этого мало. Им надо видеть живой переменчивый свет, собственными глазами чувствовать его цветное тепло...

— А знаете, Виктор, я иногда завидую людям двадцатого века.

В недоумении я обернулся к Аллану. Он сидел в кресле, откинув голову назад, фокусируя свои биноклярные очки. Он только что просмотрел очередной выпуск «Рассказов Аллана», записанных мной и вышедших в свет миллионным тиражом. Я привез ему сигнальный экземпляр кассеты и, как всегда волнуясь, ждал, что он скажет. И, как всегда, он сказал нечто неожиданное.

Он снял очки, извлек маленькую, с пятак величиной, кассету,

подержал ее на ладони, подбросил, словно взвешивая, повертел в пальцах.

— Люди прошлых веков могли позволить себе роскошь создавать большие книги — весомые, осязаемые,— в голосе его я услышал неподдельное сожаление.— Они могли листать их, рассматривать, они сживались с ними, как с живыми существами,— я говорю, конечно, о настоящих книгах...— Он глянул на меня и, видно, почувствовав мое смущение, тут же поправился: — Я не хочу сказать ничего плохого о вашей работе, Виктор. Вы записали все очень ярко, интересно, я бы так никогда не смог.

Да и смонтировано все умело — музыка, цвет и голос чтеца подобран хорошо, хотя я предпочитаю глазами читать, без всякой музыки и цвета — они мне мешают. Все хорошо. Но вот я кончил читать...— он снова подбросил на ладони маленький черный кружочек с цветной наклейкой,— и все! Ни зрительно, ни эмоционально я это не воспринимаю. Разве что наклейку.

Он стал разглядывать цветную наклейку, где был изображен он сам и было написано название книго- фильма.

А я снова подумал о лучах прожекторов в порту — не в этом ли их назначение?..

— Да, наверно, вы правы,— сказал я, рассматривая стены библиотеки, сплошь испещренные крошечными ячейками.— Но согласитесь, надо же чем-то платить за выигрыш в объеме. Сколько у вас книгофильмов?

— Что-то около ста тысяч.

— Вот видите! Представьте себе, что вам надо разместить сто тысяч томов. Да вам всего вашего дома не хватило бы!

Он кивнул, подошел к стене, отыскал глазами, какую-то надпись, выдвинул ящичек, положил туда кассету.

— Ну вот, одной кассетой больше.

Он стоял лицом к стене, переводил взгляд с одной надписи на другую, и я догадывался, что каждое название рождало в нем множество воспоминаний — ведь это был раздел библиотеки, где хранились описания его путешествий, рассказы об экспедициях и исследованиях, в которых он принимал участие. И лица друзей, наверно, проходили перед ним — иных уже не было в живых...

— Я у вас в долгу, Виктор, за вашу работу. Если б не вы, многое так и осталось бы неопианным, у меня не хватает терпения описывать во

всех подробностях, да и времени жаль, хочется больше сделать.

— Напрасно,— сказал я.— Убежден, у вас это получилось бы лучше. Стихи ведь у вас получаются.

— Стихи — другое дело. Это непроизвольно, нахлынет в какой-то момент — и все. А так...

Он выдвинул нижний ящик, стал перебирать в нем что-то.

— Хотел бы сделать для вас приятное, да сам не знаю, что вам подарить. На этих пятаках и надписи не сделаешь.

— Подарите мне еще одну вашу историю, для меня это лучший подарок, вы знаете.

— Постараюсь. Только, право, Виктор, мне кажется, все, что вас могло интересовать, я уже пересказал.

Я засмеялся.

— Если б я не знал вас так давно, Аллан, то мог бы испугаться. К счастью, мне доподлинно известно, что вы ошибаетесь. Более того, я даже хотел бы напомнить об одном вашем обещании.

— Сделайте милость, Виктор...— Он продолжал перебирать кассеты, но я видел, что он насторожился, он всегда великолепно угадывал мои мысли.

— Вы обещали, что когда-нибудь раскроете тайну планеты МИФ.

Он еще некоторое время стоял, наклонившись над ящиком, потом выпрямился и рассмеялся.

— Поймал все-таки! Я думал, забыли давно. Сколько лет прошло?

— Десять. Как видите, я тактично молчал все эти годы. Вы ведь сказали тогда: «Может быть... Когда-нибудь... Лет через десять».

— Да... Планета МИФ...

Он посерьезнел, подошел к окну и долго стоял, глядя в сырую ночную мглу, прорезаемую лучами прожекторов.

— Аллан,— сказал я.— Бог с ней, с этой планетой. Нельзя — так нельзя.

— Пожалуй, теперь можно.— Он снова подошел к библиотеке, нажал какую-то замаскированную кнопку, открыл ящичек на высоте своего плеча, стал перекаладывать что-то.— Но только с одним условием, Виктор, я буду называть ее не тем именем, под которым она была широко известна в свое время, а так, как она числится у меня здесь, в моем каталоге: Могучая Ипсилон Феникса — сокращенно МИФ. Согласны?

— Разумеется, Аллан. Разве только, если я опубликую потом ваш

рассказ, кое-кто не поверит, решит, что все это выдумка.

— Поверят! Дело тут не в названии. Впрочем, надо все по порядку...

Он стал выбирать из ящичка кассеты, какие-то карточки с перфорацией, потом, видимо, вспомнив, принялся разыскивать еще что-то, наконец, вынул весь ящичек из ячейки и перенес его на стол, поставил бережно и прикрыл ладонью.

— Здесь хранится все, что связано с этим делом... Вернее, почти все. Десять лет я не прикасался к этим материалам по причинам, которые вы поймете потом.— Он отнял ладонь от ящичка.— С чего же начать?..

## 2

Ее открыли в начале века. Какой-то астроном Северной обсерватории обратил внимание на странное расположение вновь обнаруженных звезд в созвездии Феникса: точно по окружности, а в центре была непонятная пустота. Никакими известными тогда радиотелескопами нельзя было обнаружить внутри ни малейшего признака твердого тела или излучения. Вращались звезды вокруг этого центра. Внимание ученых всего мира было привлечено к данной точке Вселенной. Можно без преувеличения сказать, что в какой-то момент все астрономические трубы, все приборы земли оказались направленными в одну точку. Раз звезды вращаются вокруг какого-то центра, значит, там должно быть мощное тело, обладающее огромной массой. Но никто ничего прибавить не мог— в центре созвездия зияла пустота.

Страшно заинтересованные ученые предположили, что существующие приборы просто не улавливают волновых колебаний. И вот тогда-то появился на свет сверхмощный мазерный телескоп. В его создании участвовали физики всего мира. С огромным интересом ждали они того дня, когда раскинутые на просторах Сахары колоссальные излучатели будут направлены в сторону Феникса. Наступил этот день. И снова — ничего. Ни малейшего проблеска.

Тогда принялись за расчеты. Они показали, что в центре симметрично расположенных по кругу звезд должно находиться гигантское тело колоссальной плотности. Только такое тело, обладающее невероятной массой, может держать «на привязи» целую звездную систему. Эта сверхзвезда, а вернее, сверхпланета, так как она должна была быть твердой, получила название Могучая. Но открыта

она была «на кончике пера», как некогда Лавуазье теоретически открыл Нептун. Надо было найти какие-то физические признаки ее существования.

Началась целая астрономическая эпоха, проходившая под знаком Могучей. Состязаясь друг с другом в изобретательности, величайшие умы первой половины века, целые творческие коллективы, лаборатории, объединения строили удивительные приборы, разрабатывали "проекты один другого великолепнее, чтобы засечь наконец ее, поймать, так сказать, на ощупь. В погоне за Могучей были открыты гравитационные волны, новые частицы, были найдены принципиально новые способы локации.

По ходу были сделаны важнейшие открытия в области физики и техники. Появились даже новые ответвления в физике — гравитационная статистика, галактическая магнитная теория. Если мы' открыли магнитный резонанс — это благодаря Могучей.

Я не хочу сказать, что всего этого не было бы без охоты за Могучей. Конечно, со временем пришли бы ко всему, но погоня за ней подстегнула умы, она раззадорила всех, она не давала покоя.

А тут еще было высказано предположение, что огромной мощности силовое поле вокруг Могучей «захватывает» радиосигналы, посылаемые с Земли, они движутся возле нее по замкнутому кругу, поэтому локация с Земли безуспешна, необходим штурм Могучей при помощи межзвездных зондов.

Эта идея дала новый толчок развитию космонавтики. К середине столетия был создан первый фотонный двигатель, и ракета, разогнанная до скорости, близкой к скорости света, покинула солнечную систему, ушла в направлении Феникса, неся на борту мощнейший квазерный генератор для автоматической локации. Но когда по всем расчетам зонд был уже вблизи Могучей, сигналы прекратились. Последние сигналы показывали, что зонд попал в сферу мощного магнитного поля и все попытки автоматов изменить траекторию его движения не дают результатов.

Было еще много попыток зондировать Могучую, были придуманы остроумнейшие системы, позволяющие использовать силу магнитного поля для торможения и перевода ракеты на круговую орбиту, но ничего не помогало— участь всех зондов была похожа. Они приближались к району Могучей, но как только делались попытки «прощупать» ее, сигналы тут же прекращались — внезапно и навсегда.



Было высказано много теорий, предположений — от самых простых до фантастических, вплоть до того, что Могучая обитаема, там высокая цивилизация, и чувствительные станции, едва уловив сигнал, тут же перехватывают волны, так как жители Могучей не хотят никаких контактов с иными мирами.

За пять десятилетий была создана обширная литература о Могучей, история ее штурма занимала уже несколько десятков томов, многие ученые института целиком посвятили себя этой проблеме. Несколько Академий наук учредили почетные премии за разрешение этой загадки.

Несколько раз поднимался вопрос о посылке экспедиции, но Всемирный Космический Центр всякий раз налагал вето, считая, что нет достаточных гарантий надежности.

Наконец, где-то . лет тридцать тому назад, когда открыли способы гравитационной защиты, ВКЦ дал разрешение на экспедицию.

Подготовлена она была очень тщательно, возглавил ее один из самых крупных ученых и астронавтов того времени, в составе экипажа были специалисты многих направлений. В подготовке участвовали ведущие научные центры мира, координировал подготовку ВКЦ.

Они стартовали в начале 2170 года и через двадцать девять месяцев по земному исчислению, идя с субсветовой скоростью, приблизились к району темного пятна. Учитывая опыт прошлого, они шли с таким расчетом, чтобы лечь на дальнюю орбиту Могучей, и оттуда, с расстояния примерно в три четверти пути, подтвердили, что все идет нормально. Сигнал, разумеется, был получен с большим опозданием, к моменту его прихода они должны были находиться уже на расчётной орбите, на Земле ждали дальнейших сообщений, но сигналов больше не поступало. Это предвидели заранее и не волновались — считалось, что пока «Дальний» будет находиться на орбите Могучей, связи может не быть, когда же он ляжет на обратный путь, связь возобновится и мы узнаем наконец что-нибудь. Но прошло еще пять месяцев, затем десять — связи не было. Теперь уже волновались, но еще надеялись. Когда же прошло еще десять месяцев и с «Дальнего» не поступило ничего, надеяться перестали. Правда, еще через некоторое время был принят какой-то странный, очень слабый сигнал, но шел он совсем с другой стороны, откуда-то из туманности Андромеды. О нем поговорили и перестали.

Хотели посылать поисковую экспедицию к Фениксу, но ВКЦ

запретил. Было объявлено, что до тех пор, пока не прояснится природа Могучей, больше людей туда не пошлют — хватит жертв.

Зона Могучей была объявлена запретной. Всем космическим кораблям предписано не приближаться к темному пятну ближе чем на пять световых месяцев — того расстояния, с которого «Дальний» послал последнее сообщение. На звездных картах это место помечено красным.

### 3

Аллан подошел к звездной карте, занимавшей полстены в библиотеке, и показал мне ярко-красную точку с рвущимися от нее во все стороны зловещими острыми клиньями. Таких точек на всей карте было три или четыре, но эта самая большая.

— Что ж, так и осталась она загадкой? — спросил я с откровенной разочарованностью, чтобы больше раззадорить его.

— Погодите, это была, так сказать, предыстория. Я рассказал вам все это, чтобы вы могли представить себе, как обстояло дело к моменту, когда я вступал в космонавтику.

Красное пятно на карте предписывало строжайший запрет. Выполнение его — обязательное условие для каждого, кто допускался к выходу в Космос. Правда, за это время перед ВКЦ несколько раз поднимался вопрос о снятии запрета, но предложения эти всякий раз отклонялись. Мотивировка была та же: пока природа Могучей не разгадана, риск нельзя считать оправданным.

Десять лет назад я возглавил экспедицию в район Гаммы Феникса. Там, на небольшой планете, естественном спутнике Гаммы Феникса, сходном по условиям с Землей, работала наша станция. Мы должны были доставить новое оборудование, сменить людей, забрать оттуда научные материалы.

Мы прибыли в заданный район без особых происшествий, легли на орбиту вокруг Эры (так называется планета, спутник Гаммы), подготовились к приему МТР — малой транспортной ракеты. Она должна была доставить с Эры людей и материалы, увезти обратно новый состав экспедиции. Подготовили кают-компанию для торжественной встречи.

Я много раз присутствовал на таких торжественных встречах, и всегда было одно и то же. Так было и на этот раз.

В кают-компаниях было шумно, весело, произносились с обеих сторон остроумные тосты. Внешне прибывшие с Эры мало чем отличались от наших: такие же парадные куртки с эмблемой ГУКСа — Главного Управления Космических Станций, так же тщательно выбриты, подстрижены, подчеркнута бодры, но если присмотреться, то легко можно было увидеть разницу. Наши все время держались вместе, это был коллектив, которому предстояло делать совместную работу. Они же эту работу выполнили, их теперь одолевала воспоминания, они легко погружались в себя, как только прерывался разговор.

Особенно выделялся один из них — с нашивками пи- лота- космонавта первого класса, плотный, мрачноватого вида человек лет тридцати пяти, заросший неряшливой бородой, скрывавшей почти все его лицо. Он сидел все время молча, как-то криво облокотившись о стол, так же молча наливал себе наш розовый напиток, причем делал он это в основном между тостами — возле него уже стояло несколько пустых бутылок.

Я спросил о нем, мне сказали, что он вообще такой, особенно последнее время, видно, затосковал по Земле. Но специалист прекрасный, дело свое знает великолепно, незаменим в критических ситуациях — выдержка колоссальная. Звали его Юлий Бандровский. Фамилия показалась мне знакомой, но я не мог вспомнить, откуда.

Потом мы разместили вновь прибывших по каютам, погрузили отряд в транспортную ракету, дождались, пока они причалили к станции на Эре, увидели их еще раз на телеэкране, попрощались и, облетев Эру, легли на обратный курс.

Должен сказать, что наш путь на Землю пролегал не по прямой. Между Землей и Эрой прямо в створе находилось то самое темное пятно с его коварной Могучей. Поэтому, в соответствии с инструкцией, мы описывали дугу, чтобы обойти это место стороной. Это удлиняло путь, и без того немалый, но иного выхода не было. Мы разгоняли корабль до субсветовой скорости и при том нам предстояли долгие месяцы полета.

По положению, в длительных полетах весь состав сменяемых экспедиций поступает в распоряжение командира корабля и используется в полете по его усмотрению. Поэтому, когда на третьи земные сутки в рубке управления появился Бандровский и попросил использовать его в качестве вахтенного инженер-пилота, я ничуть не удивился, только вид его меня опять неприятно поразил. Впечатление

было такое, что он все трое суток валялся на своей койке, не раздеваясь, не умываясь и, кажется, не сомкнув глаз.

«Что-то неладно с парнем,— подумал я тогда,— но, может, работа пойдет ему на пользу...»

В течение нескольких дней наблюдал за ним и убедился, что характеристика соответствовала истине. Он даже менее мрачным становился, когда общался с приборами. В такие минуты я даже нежность замечал в его взгляде, в движениях его пальцев. Однако с людьми он по-прежнему был неприветлив.

И все же, по мере того как он входил в курс дела, что-то в нем менялось к лучшему. В тот день, когда он впервые заступил на самостоятельную вахту, появился в чистой сорочке, причесанный, и кажется, даже бороду свою привел в порядок.

Я поздравил его, пожелал счастливого дежурства. Он пробурчал что-то невразумительное и сел за пульт. В своей каюте я несколько раз включал контрольный экран — Бандровский внимательно следил за приборами, расхаживая вдоль щита, любовно притрагивался к рукояткам.

Утром я проверил журнал — все записи были сделаны в строгом порядке: четко, толково, лаконично.

Я успокоился.

Так прошло примерно около месяца.

На корабле жизнь текла, как обычно, каждый занимался своим делом, работа велась по намеченной программе. Я тогда, помнится, увлекся межгалактической магнитной теорией и тоже с головой ушел в свое дело.

Можно сказать, что все шло нормально, если бы не одно обстоятельство: все время ухудшалась связь и вскоре совсем пропала. С Эрой мы ее уже потеряли, а с Землей она никак не налаживалась. В принципе такие вещи в Космосе не редкость — иногда проходишь зоны сильных магнитных влияний и связь на время исчезает. Однако на всем протяжении от Земли до Эры она сохранялась. Сейчас мы шли тем же путем, но связь почему-то исчезла. Приборы показывали соседство очень мощного магнитного поля. Его тоже не было раньше.

Как-то во время дежурства Бандровского я вошел в рубку. Он сидел у пульта, перед ним лежал книгофильм, но смотрел он не его, он оглядывал главный щит, приборы, и во всем его облике, в осанке, во взгляде светилось такое торжество, что я удивился.

«Вот,— думаю,— расшевелило даже эту сонную тушу!»

— Что, Юлий, нравится корабль?

Он посмотрел на меня, и мне показалось, что во взгляде его мелькнула насмешка. Впрочем, он тут же погасил этот огонек.

— Первоклассный корабль! — проговорил он как-то зло.— Наверное, лучшее, что мог выдать ВКЦ?

— Пока — лучшее... Вот только связь барахлит. Непонятно, откуда взялось это мощное магнитное поле.

— Непонятно? — по лицу его прошла гримаса.— В Космосе много еще непонятного. Чтобы раскрыть непонятное, надо уметь рисковать, а не ставить на карте красные кляксы! — Он с презрением отшвырнул фильмоскоп, лежавший перед ним. Я посмотрел на название кинофильма — это был Бертъе, «Белые пятна».

— Вы считаете, что мы недостаточно рискуем?

— Я считаю, что некоторые пятна, которые здесь именуются белыми, это черные пятна на совести ВК.Ц.

Мне показалось, что он даже зубами скрипнул.

— За что вы так невзлюбили Космический Центр?

— Жалкие трусы! — Он встал и, не в силах сдержать себя, заходил по рубке.— Сидят в своих апартаментах и делают в штаны от страха!..

«Странно,— подумал я тогда,— обычно эта жажда риска проходит с юношеским возрастом. А ведь ему не восемнадцать лет. И даже не двадцать восемь. Такой может наделать беды. Пожалуй, нельзя оставлять его одного».

И хотя от вахтенного мало что зависит, курс выдерживается по заданной программе приборами, малейшее отклонение исправляется автоматически, я отдал приказ, чтобы одновременно с Бандровским дежурил кто-то из экипажа.

Но было уже поздно. Странности следовали одна за другой.

На следующий день мне доложили, что скорость корабля возрастает. Это было непонятно, так как двигатели давно не работали — после разгона корабль шел по инерции с постоянной скоростью. Объяснение могло быть лишь одно: мы испытывали действие сильного магнитного поля, совпадающего по направлению с курсом корабля.

А затем, еще через день, ко мне пришел наш астроном, старый ученый Горт, и, волнуясь, сказал, что он ничего не понимает. В соответствии с направлением и пройденным путем прямо по курсу должна находиться Вега, а впереди справа от нас должны быть Солнце

и Земля. Между тем, как видно из астрономической башни, прямо по курсу лежит какое-то беспросветное пятно, а Солнце почему-то впереди слева от нас, примерно градусов на тридцать.

Уже тогда, когда он сказал про темное пятно, страшное подозрение шевельнулось во мне. Когда же мы прошли с ним в астробашню и он показал мне все воочию, я уже почти не сомневался: мы шли прямо на Могучую и находились под ее влиянием!

Теперь мне стало понятно все: и потеря связи, и увеличение скорости — все объяснялось.

Скажу честно, никогда — ни до, ни после — я не испытывал такого страха, какой испытал в то мгновение: корабль, люди, все, за что я отвечал как начальник экспедиции, все находилось сейчас в смертельной опасности, и я еще не знал, как далеко все зашло, сумеем ли мы исправить положение.

Любопытство ученого, сознание того, что, может быть, наконец мы проникнем в эту многолетнюю тайну,— все отступило, затмилось чувством опасности, внушенным с юности строжайшим запретом, чувством ответственности за судьбу людей и корабля.

Тем не менее я постарался сделать вид, что все это чепуха, стал убеждать старика, что он, видимо, ошибся в расчетах, так как скорость оказалась несколько выше намеченной. Наш астроном был очень опытный ученый, звездную карту он знал лучше, чем свой собственный дом, мне было неприятно убеждать его в ошибке, но иного выхода не было — экипаж пока не должен был знать ничего.

Я уговорил Горту, чтобы он спустился отдохнуть, запер башню и кинулся в рубку.

По расписанию должен был дежурить Бандровский, но его не было. Находившийся в рубке бортиженер сказал мне, что Юлий вот уже второй день не выходит из каюты, сообщил, что болен.

Я отослал бортиженера, сказал, что хочу сам провести кое-какие расчеты, и остался один.

Прежде всего надо было попытаться изменить курс корабля. По расчетам Горты, Солнце должно было находиться справа градусов на двадцать по курсу. Сейчас оно слева градусов на тридцать. Значит, поворот влево на пятьдесят градусов! Вы представляете себе, Виктор, что это значит для космического корабля, идущего с субсветовой скоростью! Какая нужна огромная дуга, чтобы корабль изменил курс более чем на половину прямого угла!

Я включил левый боковой реактивный двигатель, и когда приборы показали, что корабль поворачивается вокруг своей оси, стал следить за стрелкой. Двадцать градусов, тридцать, сорок, сорок пять... Я включил правый двигатель, остановил вращение корабля. Пятьдесят градусов! Нос корабля повернут на пятьдесят градусов влево по отношению к оси движения. Теперь — задний, главный реактивный двигатель.

Я включаю его. Сначала на небольшую мощность. Легкая вибрация говорит о том, что он начал действовать, прибавляю мощность. Еще! Еще! Вот уже он работает на полную мощность, добавляю оба боковых. Представляю себе, какое море пламени бушует сзади. Гляжу на приборы. Должен быть хоть какой-то сдвиг по отношению к прежнему курсу—пусть на четверть градуса, на десятую долю. Ничего! Ни на йоту! С повернутым носом, правым боком вперед, мы продолжаем лететь по прежнему курсу прямо в пасть Могучей.

В холодном поту я стискиваю зубы и включаю аварийный двигатель на полную мощность. Корабль сотрясается от напряжения, кажется, он развалится сейчас на части, две силы раздирают его в разных направлениях — Могучая тянет к себе, а все четыре двигателя пытаются сдвинуть вбок...

И в это время я услышал чей-то хриплый голос, кто-то звал меня по имени. Я оглянулся и увидел на боковом экране заросшее лицо с лихорадочно блестящими глазами. Это был он, Бандровский.

— Напрасно, Аллан! Напрасно! Вы только даром выбрасываете горючее!

Несколько секунд я смотрел в страшное, воспаленное лицо, заросшее спутанной бородой.

— Мы идем на Могучую, и ничто нас теперь не остановит, даже если вы сожжете все атомное топливо.

Кажется, он был прав. Я снял газ и, обессиленный, чувствуя, что у меня подгибаются ноги, присел на выступ щита.

— Так это ваша работа, Бандровский?

— Моя. Уже на третий день полета я подправил приборы, и вместо того, чтобы описывать дугу, мы пошли к Земле прямым ходом. Прямо через Могучую...

Его борода дрогнула в усмешке.

— Вы совершили преступление, Бандровский! Двойное преступление перед Уставом. Вы изменили курс корабля и нарушили

Запрет!

— Запрет, который сочинили эти крысы в ВКЦ? Плевать я хотел на их запреты и их законы. Они гораздо большее преступление совершили, наложив свой Запрет!

Я смотрел на него и не мог понять, кто передо мной — сумасшедший или преступник.

— Запрет был необходим,— сказал я устало, уже понимая, что ему теперь все равно ничего не докажешь.— Он спас многие сотни людей.

— Спас?! — зло сверкнул глазами Бандровский.— А может быть, погубил?! Об этом вы никогда не думали, Аллан?! Лучших, достойнейших оставил без помощи, бросил на произвол судьбы!

— О ком вы говорите? О первой пропавшей без вести экспедиции?

— Да, я говорю об экспедиции отца.

Бандровский! Так вот откуда мне была знакома эта фамилия! Как же я сразу не догадался!

Несколько секунд я сидел ошеломленный, осмысливая то, что услышал. Я всегда преклонялся перед подвигом Станислава Бандровского и его товарищей.

— Так это был ваш отец! Я не знал... Почему вы сразу не сказали мне?

— А что бы это изменило? Запрет вы все равно не нарушили бы! Так ведь?

— Так. Но... Вы что же, полагаете, что спустя столько лет мы можем узнать что-то о вашем отце, о его друзьях? Даже если предположить, что каким-то чудом мы уцелеем?

— Нет, Аллан, я все понимаю. Мы их не найдем!

— Так какого же дьявола...— Я кинулся к экрану и, не в силах больше себя сдерживать, ударил кулаком по этой бородатой физиономии.

Но он только усмехнулся.

— Прекратите истерику, Аллан. Вам это не идет. Сейчас все объясню. Еще в детстве я дал клятву, что пройду путем отца, узнаю, что здесь кроется. Как видите, я стал космонавтом, специалистом высокого класса. Несколько раз я обращался в ВКЦ с просьбой снять Запрет, но получал отказ.

— И тогда вы решили...

— Да. Я специально попросился на Эру. Десять лет я ждал удобного случая...



— И дождались?!

— Дождался.

— Но ведь это преступление — вы понимаете? Жестокое и бессмысленное преступление! Вы обрекли на гибель целый экипаж — во имя чего?

— Во имя истины, Аллан. Во имя истины, за которую отдали свои жизни мой отец и его друзья.

— Хорошо, предположим, что мы узнаем некую истину: какая польза от нашего знания, если поделиться им мы ни с кем не сможем. Связаться с Землей у нас нет возможности, вы знаете, а долететь до нее — тем более.

— Значит, надо уцелеть, Аллан!

— Уцелеть! Может быть, вы знаете, как это сделать?! Лечь на орбиту Могучей?!

— Ну хотя бы...— Он явно издевался над моей беспомощностью. И тут я не выдержал.

— Слушайте, вы, Мефистофель новоявленный, вы прекрасно знаете, что от меня теперь ничего не зависит — всей мощности наших двигателей не хватит, чтобы сдвинуть корабль хоть на йоту в сторону от той орбиты, на которую нас несет. Мы попали в капкан по вашей милости. Единственное, что вы можете сделать,— это, по крайней мере, молчать сейчас, никому ничего не говорить, пусть хоть люди не знают, что их ждет. Если мы врежемся в нее или сгорим в ее атмосфере — пусть это будет внезапно, они ничего не успеют понять.

— Это я вам обещаю, Аллан, никто ничего не узнает. А вам я хочу дать один совет: идите спать.

— Нет уж... Останусь здесь до конца. А вам, Юлий Бандровский, могу обещать одно — если мы каким-то чудом уцелеем и когда-нибудь попадем на Землю, то первое, что я сделаю, отдам вас под суд. И потребую самого сурового наказания!

— Ради бога... Вот уж что меня нисколько не волнует.— Он пожевал губами.— Ладно, не хотите спать, тогда включите экран и дальнюю локацию, может быть, это вас позабавит. А я спать хочу.

Изображение исчезло.

А я сел в кресло перед пультом, положил голову па руки и застыл так в бессильном отчаянии. Знаете, Виктор, были у меня в жизни тяжкие минуты, терял друзей, стоял на краю гибели, не один раз мысленно прощался с Землей, с Юной, со всем, что дорого, но как бы ни

было тяжело, всегда оставалось одно — бороться, бороться до конца, и я боролся, как ни мала была надежда. Боролся за то, чтобы спасти людей, корабль, за собственную жизнь, наконец, боролся, пока оставался малейший шанс, и это сознание, что надо бороться, придавало силы, помогало выстоять. Но никогда я не чувствовал себя таким беспомощным, никогда я еще не был в положении, когда надо сидеть сложа руки и ждать решения своей судьбы, которая зависит от слепых сил. Это всегда было противно моей натуре. А тут... И еще было обидно, что так нелепо, так глупо приходится погибать: хоть бы польза какая-то была от нашей гибели, хоть бы рассказать кому-то можно было обо всем. И тут я подумал, что не выполню свой долг, если не запишу все в журнал. Может быть, найдут нас когда-нибудь в космосе, если не сгорим и не превратимся в атомы от удара.

Чтобы определить как-то положение корабля, я включил астробашню и стал просматривать на экране звездное небо слева и справа от нас. По сетке экрана было видно, как смещаются звезды. Я сделал грубый подсчет, заложил в вычислительное устройство и получил какой-то фантастический результат скорости. Тогда я стал вглядываться в расположение звезд вокруг и поразился еще больше — выходило, что мы уже почти в центре круга, то есть приближаемся к Могучей! Это подтверждало фантастическую скорость, а значит, остались считанные минуты... Я включил локаторы, они должны были дать очертания гигантского, увеличивающегося диска. Но на экранах, на всех экранах — одна сплошная муть. Пыль какая-то. Ни малейшего признака твердого тела. Я меняю дальность — даю на самое большое расстояние, перевожу на ближнее — ничего, только клубится звездная пыль.

В это мгновение щелкнул боковой экран, на нем снова появилась сардоническая физиономия этого проклятого Мефистофеля, и от его хриплого смеха у меня мороз по коже пошел.

— Что, Аллан, врезались уже? В самом центре находимся?

И снова этот ужасный, какой-то хлюпающий, клокочущий смех.

Он, видно, вдоволь насладился моим нелепым, растерянным видом.

— Что все это значит? — наконец выдавил я из себя.

— Это значит, Аллан, что никакой Могучей нет. Никогда не было и нет.

Если бы он сказал, что Земли никогда не было, я бы, наверно, поразился меньше.

— Чушь! — словно убеждая себя, проговорил я,— Откуда же это невероятной силы поле?

— Магнитный центр Галактики, Аллан. Нас втянуло в него, а теперь вышвырнет с обратной стороны. Магнитная праща, представляете?

Только теперь я начинал кое-что понимать.

— Вы это раньше знали, Юлий?

— Догадывался, потому и направил сюда. Теперь держитесь, Аллан, представляете, куда вынесет корабль из этой пушки. Какова скорость?

— Что-то несусветное...— сказал я.

— Вернее — сверхсветное? Так?

— Кажется, так...

— Ну вот, видите. Вот вам и разгадка Могучей.

Признаться, у меня голова кругом пошла. Столько лет связывать все представления с Могучей, с коварной планетой — и вдруг...

Я поднял глаза, встретился с его взглядом и еще раз поразился — я не увидел злобы, не увидел злорадства, я увидел огромную усталость и огромное облегчение, как у человека, который долго, слишком долго тащил непосильную ношу и только что свалил ее, наконец донеся до цели.

— Идите сюда, Юлий,— позвал я его.— Выходите из своего склепа и идите сюда. Давайте вместе прикинем, что получается.

Но он покачал головой.

— Извините, Аллан, но сейчас я не могу. Я ведь действительно болен. До завтра!

— Погодите, Юлий, еще один вопрос... Что, по-вашему, произошло с экспедицией отца? Ведь они прошли тем же путем.

Он помолчал, облизнул пересохшие губы. Потом сказал устало, как что-то давно обдуманное:

— Их, как видно, вынесло из нашей Галактики. Возможно, они все еще летят куда-то к Андромеде...

— Так вы полагаете...— Я задохнулся.— Так ведь это значит...

— Да, Аллан, это значит, что магнитную пушку можно будет использовать для межгалактических перелетов.— Некоторое время мы молча смотрели друг на друга, потом он, видно, прочитал вопрос в моих глазах и добавил: — Но мы не вылетим, не волнуйтесь, мы зашли с обратной стороны и под другим углом.

И тут только я все понял. Он все рассчитал, все предвидел заранее.

Вы представляете, Виктор, что я испытывал в ту ночь, когда выключил экран и снова остался один в рубке управления?! Экипаж ничего не подозревал, люди спокойно спали, а мы неслись сквозь магнитное жерло Галактики с невероятной скоростью, и только два человека на борту знали, что происходит — Юлий и я. Но он оставался в каюте, а я один находился в рубке, и вся ответственность за дальнейшую судьбу корабля была теперь на мне. И не только за судьбу корабля, за жизнь людей. Мы должны были во что бы то ни стало донести до Земли то, что узнали: ведь значение открытия, сделанного Бандровским, трудно было переоценить. Оно означало принципиальную возможность выхода в другие Галактики. Но не только это. Можно было использовать магнитную пушку для разгона кораблей и тем самым во много раз сократить время внутригалактических полетов.

Ради того, чтобы сообщить об этом на Землю, действительно стоило пожертвовать всем, и в душе я уже простил этого парня, понимая, что у него не было иного выхода, как только практически доказать свою правоту. Он это сделал, остальное должен сделать я.

Нужно было срочно рассчитать, куда нас вынесет, а тогда можно будет решить, что делать дальше.

Я кинулся к вычислительному устройству, заложил в него данные. Выходило, что нас вынесет куда-то очень далеко от Солнечной системы, но это при условии полета по инерции, без участия двигателей. Значит, задача состояла в том, чтобы определить наиболее благоприятный момент их включения и рассчитать запасы атомного горючего — его ведь оставалось не так уж много: я перестарался тогда, пытаясь вырваться из объятий Могучей — мысленно я все еще называл ее так.

Я посмотрел по журналу, когда началось увеличение скорости под влиянием Могучей. Это было примерно за пятнадцать земных суток до сегодняшней ночи. Значит, еще через пятнадцать суток мы выйдем за пределы ее зависимости. Попытаемся определить, когда надо будет включать двигатели и менять траекторию полета, приближая ее к Солнечной системе. Где мы будем в тот момент? Я прикинул по карте — получалось, что нам придется описывать большую дугу и заходить на

Землю с другой стороны. Но это уже не страшно. В крайнем случае надо было максимально близко подойти к любой промежуточной станции, а там можно радировать и произвести дозаправку.

Всю ночь я провел у вычислительного устройства. На экран смотреть почти не было времени, я включил видеозапись, чтобы все осталось на пленках — они вот здесь, в этих кассетах. А наутро (условное утро, конечно), когда экипаж поднялся и приступил к своим обязанностям, я объявил, что под влиянием сильного магнитного поля приборы дали' отклонение, мы сбились с курса и теперь придется идти совсем иным путем.

Записи, которые делал в журнале в ту ночь, я вырвал, пленки удалил. Никто так и не понял, что произошло на самом деле. Все только удивлялись, как далеко мы зашли в сторону. Когда я передал вахту дежурному, мы уже прошли магнитный полюс, удалялись от него.

Я шел к себе счастливый, представлял, какой переворот произведет наше сообщение в ВКП, представлял себе триумф Бандровского, радовался за него.

Проходя мимо его каюты, постучал, но он не ответил — спал, видимо.

Я пришел к себе, включил экран внутренней связи. Юлий Бандровский сидел неподвижно в кресле, откинув голову назад, с посиневшим отекившим лицом. Врач констатировал смерть от кровоизлияния в мозг, наступившую три часа тому назад...

Аллан нашел свою трубку, закурил, потом встал и принялся рассказывать по кабинету. Видно, вся эта история здорово разволновала его.

— Никогда не прощу себе,— сказал он жестко.— Если бы тогда ночью я вызвал врача, может быть, ничего бы не случилось.

— Но ведь тогда решалась судьба корабля,— сказал я, стараясь как-то его успокоить.— Вам и в голову тогда не могло прийти...

— Вот именно! Я думал тогда о чем угодно, только не об этом. А должен был думать и об этом. Он ведь сказал мне, что болен, да я и сам видел — лицо у него было такое...— Он хотел как-то объяснить, какое лицо было у Бандровского, но только махнул рукой.— Оно стоит у меня перед глазами. Я часто вижу его по ночам. И буду видеть до самой смерти...

— Скажите, Аллан, он ведь сделал большое открытие?

— Величайшее. Пожалуй, самое великое в нашем веке.

— Почему же тогда неизвестно его имя? И вообще о магнитной пушке я слышу впервые.

— Скоро услышите. Скоро имя Юлия Бандровского золотыми буквами впишут во все энциклопедии, во все учебники. Скоро ему памятник в пантеоне поставят... Ему и его отцу!

— Позвольте, но ведь с тех пор десять лет прошло!

— Да, десять лет. Вы хотите понять, почему все эти десять лет никто ничего не знал? Сейчас поймете. Я вам все расскажу, но и вам придется помолчать еще некоторое время — до официального извещения.

Он сел на свое место у пульта.

— Мы вернулись на Землю месяцев через пять. И первое, что я сделал, поехал с докладом в ВКЦ. Я попросил приема у Председателя Совета и выложил ему все — все документы, пленки, расчеты. Сами понимаете, я был уверен, что он будет поражен и Запрет тут же снимут.

Но, странное дело, этот великий старик выслушал все довольно спокойно, а когда я кончил доклад, он попросил меня ничего никому не рассказывать до заседания Совета, которое он назначил на следующий день.

Я приехал на заседание Совета и снова сделал подробный доклад. А потом выступил Председатель и сказал, что наша экспедиция практически доказала то, о чем Совет давно догадывался, но так как человечество к межгалактическим перелетам не готово, держал в тайне все эти годы, оградив Запретом неразумные попытки горячих голов пройти через магнитный центр и выйти в межгалактическое пространство. Он сказал, что сейчас ведется разработка теории межгалактических перелетов и, как только она будет завершена и будут построены первые межгалактические корабли, Запрет будет снят, и тогда доклад, сделанный сегодня, может быть обнародован. В настоящее же время распространение сведений о магнитной пушке приведет только к новым напрасным жертвам. Поэтому он предлагает сохранить Запрет еще на некоторое время.

И Совет проголосовал за сохранение Запрета.

— И вы согласились с этим?! — закричал я.— Вы — Аллан!!!

Он улыбнулся.

— Вот точно так же закричал тогда и я. И еще я сказал им, как называл их Бандровский.

— А они?

— Они покачали головами, улыбнулись печально и сказали, что в дни их молодости, когда они летали в Космос, они тоже находили для Совета хорошие прозвища. Потом меня увел к себе Председатель. И вот что он мне сказал:

— Дорогой Аллан, я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете. Но поймите, дело не только в риске, которому подвергнет себя и других каждый, кто захочет воспользоваться магнитной пушкой. Дело в том, что еще на какое-то время надо сохранить миф о Могучей. Вот так-то, мой дорогой, лет восемь, а то и десять придется подождать.

И он взял с меня слово, что я буду молчать до тех пор, пока не построят первый межгалактический корабль.

Вот и вся история, Виктор. История Планеты МИФ.

— Да... Странная история. Значит, и я должен молчать?

Совсем немного, Виктор. Через месяц-два будет официальное сообщение. А пока вам как писателю представляется возможность поразмыслить о роли мифов в истории человечества.

## Николай ГАЦУНАЕВ

### ЭКСПРЕСС «НАДЕЖДА»

Поэт выпрямился и, не выпуская лопаты из рук, устало запрокинул голову. Свинцово-серое осеннее небо низко нависло над коньками крыш деревни Абда. Смеркалось. Моросил дождь. Черные силуэты эсэсовцев в непромокаемых плащах казались порождением чьего-то бредового воображения. Но они были реальностью, как и шмайссеры, направленные на обреченных, как надсадно хриплое дыхание, как скрежет лопат, когда железо натывалось на гальку в раскисшей от дождей земле, как отнявший тысячи человеческих жизней переход через Сербию, Банку, Задунайщину. Заключенным не давали есть. Всякого, кто пытался подобрать хоть что-то с земли, расстреливали в упор. В деревне Червенка эсэсовцы прикончили за одну ночь тысячу двести человек. И вот теперь была Абда, сентябрь 1944 года.

— Рыть! — рявкнул ближайший эсэсовец.— Слышишь, ты? Рыть!

Поэт согнулся, налег на лопату.

— Хотите спастись? — негромко прозвучало рядом.

Голос мог принадлежать только кому-то из товарищей по беде, и поэт даже не поднял головы.

— Я говорю вполне серьезно.

Поэт с трудом выбросил из ямы ком глины. Краем глаза взглянул на говорящую фигуру и внезапно вздрогнул. На незнакомце был серый с иголки костюм, шляпа с широкими полями. Выражения лица в сумерках было не разобрать.

— Что вам угодно? — хрипло выдохнул поэт.

— Спасти вас. Решайтесь.

— Не болтать! — заорал эсэсовец.

— Решайтесь,— повторил незнакомец.— Хотите выжить?

— Разумеется...— устало кивнул поэт.

— Эй, ты!..— взревел эсэсовец и вдруг осекся. Прошло несколько секунд, прежде чем он снова обрел дар речи.— Куда он девался, черт его побори?!

На том месте, где только что стоял поэт, одиноко торчала воткнутая в землю лопата.

— Санта Катарина! — команданте возвел очи горе, выдержал паузу и возвратился с небес на землю.— Что вас не устраивает? Покой,



комфорт, изысканная кухня, развлечения. Чего вам еще, камараде?

Комманданте был великолепен: элегантный спортивного типа блондин в небесно-голубом мундире с золотыми шевронами. Вкрадчивый голос. Выбритое до матового свечения лицо выражало постоянную готовность творить добро. Творить истово, самозабвенно, со знанием дела. Вот и сейчас: посетитель сидит в кресле, а он, комманданте, стоит перед ним, как бы воплощая в себе почтительность и уважение. И пахнет от комманданте как положено — лосьоном для бритья и в меру терпким мужским дезодорантом.

Лишь глаза, пожалуй, портили общее впечатление: серо-стальные, пронзительные, с оттенком снисходительности и собственного превосходства.

Кабинет у комманданте был под стать хозяину: просторная двухсветная комната с овальными окнами-иллюминаторами, серебристым ковром на полу и удобной пастельных расцветок мебелью.

Все было явно рассчитано на то, чтобы успокоить посетителя, настроить на благодушно-оптимистический лад, но, как ни странно, вызывало у Ивана обратную реакцию: возбуждало глухой протест и неодолимое желание ерничать.

— Чё еще, да? — Не сводя глаз с лица комманданте, Иван скользнул ладонями по подлокотникам кресла. Встал.— А самую малость. Узнать, куда попал и для ча.

— Зачем? — Комманданте задумчиво пожевал губами.— Очевидно, чтобы остаться в живых. Разве не так?

— Так-то оно так,— кивнул Иван,— а только вам это на што?

— Мне? — светлые брови на лице комманданте недоуменно поползли.

— Непонятно? — посочувствовал Иван.

Брови вернулись в прежнее положение.

— Вы находитесь в экспрессе «Надежда».— Комманданте вздохнул.— Остальное, увы, не в моей компетенции.

— А в чьей?

— Камараде! — Комманданте выставил перед собой холеные розовые ладони, словно отгораживаясь от дальнейших вопросов.— Я уже сказал, это не в моей компетенции. Вам предоставлена полная свобода. Смотрите, сопоставляйте. Делайте выводы. Вообще делайте что вам заблагорассудится.

— А ежели я экспресс взорвать залочу?

Комманданте вежливо улыбнулся и покачал головой.

— Вы не захотите взорвать экспресс.

— Уверены? — Ивану надоело валять дурака.

— Абсолютно.— Комманданте продолжал улыбаться.— Только глупец из детской сказочки рубит сук, на котором сидит.

— Ну, а если окажется, что я тот самый глупец? Решил удрать с экспресса. Взять и сойти.

— Сюда? — Комманданте качнул головой в сторону иллюминатора. За стеклом высились мрачные, увенчанные снеговыми шапками скалы и в черном небе морозно поблескивали звезды.— Или сюда? — указующий перст комманданте ткнулся в противоположное окно. Там ослепительно сверкала под тропическим солнцем морская гладь и лениво покачивались на берегу кокосовые пальмы.

— Туда! — в сердцах буркнул Иван и указал под ноги. Внизу размеренно погромыхивало.

— Не советую,— сочувственно покивал комманданте.— Оттуда не возвращаются. Даже с нашей помощью.

Несколько секунд они напряженно глядели друг другу в глаза. «Дуэль взглядов»,— мысленно усмехнулся Иван и отвернулся к окну. Моря за окном уже не было. Строго говоря, там вообще ничего не было: серый клубящийся туман и ничего больше. Лицо комманданте опять расплылось в улыбке.

— Посмотрел бы я, как вы на моем месте заулыбались.

— О, это исключено.

— Жаль.

— Почему? — удивился комманданте.

— Потому что я бы ответил на все ваши вопросы.

— Как знать.— Что-то новое проклюнулось в голосе комманданте. Неуверенность? — И потом, это будут мои вопросы, а не ваши.

— Вопросы останутся те же.

— Вы думаете?

— Уверен.

— Любопытно.

Комманданте заложил руки за спину, прошелся, неслышно, по кошачьи ступая по ковру. Остановился возле окна. Не оборачиваясь, проговорил:

— Выбросьте из головы, геноссе. Мой вам добрый совет. Живите в

свое удовольствие.

— Смахивает на приказ.— Иван усмехнулся.

— Чему вы радуетесь? — все так же не оборачиваясь, спросил команданте. На мгновение Иван смешался, но тут же сообразил, что команданте видит его отражение в стекле иллюминатора.

— Приятно, когда приказывают жить в свое удовольствие.

— Это не приказ.— Комманданте обернулся, и на лице его опять играла улыбка.— Всего лишь благие пожелания. Не смею вас больше задерживать.

Голова разламывалась от боли. Иван пересек коридор и, шагая через две ступеньки, грузно затопал вверх по винтовой лестнице. «Ну, держись, поп! — подумал он с веселой яростью.— Уж сегодня-то я тебе все сполна выдам!»

Здесь, в зимнем саду, был совсем иной мир — солнечный, полный щебета птиц и журчания воды, пряных ароматов трав и цветов, царство покоя и умиротворения. Вдоль посыпанных золотистым песком дорожек в продуманном беспорядке были разбросаны шезлонги и плетеные кресла-качалки. Над бирюзовой гладью бассейна на бреющем полете проносились ласточки.

Не сбавляя шага, Иван прошел мимо бассейна, покосился на позабытые кем-то возле раздевалки оранжевые сланцы в капельках непросохшей воды и впервые подумал, что никого тут не встречает, в какое бы время суток ни приходил. Исключение составляет отец Мефодий, именно с ним-то и жаждал сейчас встретиться Иван. До сих пор попытки святейшего втянуть его в душеспасительные беседы терпели фиаско. Иван начисто игнорировал отца Мефодия. Изобретательности попу было не занимать, и, вступая с ним в мысленную полемику, Иван всякий раз оказывался в тупике. «Евангелие от Мефодия» не только не противоречило окружающей действительности, но и великолепно с нею уживалось. Будь то привычная действительность Страны Советов первой половины XX века, Иван без труда уложил бы попа на лопатки. Здесь же все обстояло сложнее.

Экспресс «Надежда» был порождением науки и техники высочайшего порядка. Отец Мефодий, судя по всему, прекрасно в этом разбирался и, пользуясь своим преимуществом, ловко сводил все к божественному началу. Послушать попа, экспресс представлял собой не что иное, как вариант Ноева ковчега, созданного по воле и чуть ли не

под эгидой самого господ бога. Для чего — отец Мефодий не уточнял, и, хотя это было самое слабое звено в его сольных разглагольствованих, Иван до поры предпочитал отмалчиваться, делая вид, что пропускает поповскую болтовню мимо ушей и экспресс «Надежда» его нисколько не интересует.

На самом же деле проклятый экспресс не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Привыкший к ясности во всем, Иван и здесь пытался найти ответы на мучившие его вопросы: как он сюда попал, зачем и что представляет собой эта «Надежда».

С обзорной площадки под куполом зимнего сада исполинская механическая река просматривалась до самого горизонта — нелепое скопище всевозможных транспортных средств, созданных человеком, чтобы передвигаться по земле, воде и воздуху. Доисторические повозки и боевые колесницы, галеры и осадные башни, почтовые дилижансы и дредноуты, многоярусные автобусы и бипланы, пульмановские вагоны и парусные яхты, трамваи, танки и шагающие экскаваторы, тачанки и фуникулеры, дрезины, гоночные автомобили и уже совсем непонятные ромбовидные, кубические, эллипсообразные конструкции, сверкающие гранями призмы и серебристые сигары-исполины, напоминающие одновременно и дирижабли, и подводные лодки,— все это с лязгом, гулом и грохотом двигалось на колесах, полозьях, траках, воздушных подушках и еще неизвестно на чем, куда и зачем.

Сравнение с рекой приходило на ум не случайно: та же величественная размеренность, водовороты, стремнины, плесы и тихие заводы. То и дело взлетали и опускались аэропланы, вертолеты, аэростаты. И все вокруг было затянуто сизой дымкой отработанных газов, гари и копоти, и берега тонули в мутной пелене и, казалось, поток движется в гигантском туннеле, сам себе пробивая дорогу в податливой, но непроницаемой для глаз толще.

Грандиозное это зрелище подавляло своими масштабами, невольно наталкивало на мысли о чем-то неземном, космическом — но, увы, ничего не проясняло.

...Иван обошел весь сад, заглянул в гроты, беседки, кабины раздевалок: отца Мефодия нигде не было. Оставалась обзорная площадка, и Иван, стараясь ступать как можно тише, направился туда, предвкушая удовольствие застигнуть попа врасплох...

Площадка была пуста. Иван подошел вплотную к прозрачной загибающейся кверху стене купола и, облокотившись о металлической

поручень, принялся безучастно наблюдать за копошившимися далеко внизу механизмами. Бригада тракторов тянула установленную на платформе буровую вышку, ярко-оранжевый бульдозер тщетно пытался догнать скользящую перед ним изящную субмарину, а чуть левее на заляпанной грязными разводами льдине эскимосы привязывали к нартам тушу какого-то зверя.

— Обозреваете, сын мой?

Ивану полагалось вздрогнуть от неожиданности, но он только покосился, не поворачивая головы: так и есть, отец Мефодий собственной персоной. Ну что бы ему минут на пять раньше объявиться!

— А настроеныце-то не из отменных,— констатировал поп, нарочито нажимая на «о», хотя накануне щеголял московским акающим говорком. «Резвится святейший»,— равнодушно отметил Иван. Льдина уже скрывалась из виду, и на ее месте неуклюже маневрировал огромный танк-амфибия с пестрым флажком на каплевидной башне.

— Мировая скорбь обуяла? — не унимался поп. Иван обернулся неприязненно. Издевки на лице попа не было. Лицо как лицо. Благообразное даже, как и подобает сану. Густые с проседью волосы до плеч, аккуратно подстриженные усы и борода. Карие чуть навывкате глаза, нос с горбинкой, четко очерченные губы.

— Кончайте дурачиться, святейший! Скажите лучше, наконец, кто и зачем меня тут держит?

Поп даже перестал окать.

— А никто,— он ухмыльнулся.— Никто, кроме всевышнего, хотя вы в него и не верите.

— Не верю,— подтвердил Иван.— Тут, батюшка, свержцивилизацией попахивает. Не по зубам Саваофу.

— Не вам судить о творце.

— Вам?

— И не мне.

Священник достал откуда-то из-под рясы носовой платок, трубно высморкался.

— Ну так кто все же?

— Отвечаю вторично,— поп окончательно пришел в себя, снова заокал.— Никто не держит, кроме господ бога.

— Значит, взбрдет мне на ум смыться с этой колымаги — и никто

пальцем не шевельнет?

— Куда? — поп вопрошающе развел руками.— Зачем? От добра добра искать?

«Кого-то он напоминает,— подумал Иван.— Не внешностью, не манерой говорить. Чем-то другим...»

— Ага,— Иван покивал головой.— Бежать, стало быть, некуда. И незачем. Так?

— Около того,— пробасил поп.— Вы, надо полагать, не согласны?

— Я-то? — Иван по самые локти вогнал руки в карманы комбинезона. Поп выжидающе молчал.— Я, батюшка, добра для себя не ищу.

— О ближних, стало быть, радеете? — иронически прищурился священник.

— Радеть — это по вашей части.— Догадка стремительно перерастала в уверенность.— Отец Мефодий!

— Слушаю, сыне.

— Хотели бы вы со мной местами поменяться?

— Упаси господи! — всплеснул руками священник.— У каждого своя стезя, свой крест.

— Во! — просиял Иван.— Шагайте, батюшка, своей стезей. А я — своей. С крестом или без — это уже мое дело. Ну что вы на меня воззрились? Царю цареву, кесарю кесареву. Ужинать идете?

— Благодарствую,— досадливо поморщился поп.— Сыт.

— Поститесь небось. А я, пожалуй, пойду. Appetit разыгрался.

— И чего вы добились? — Миклош отхлебнул из фужера.

— Пиво? — поинтересовался Иван.

— Клюквенный сок.— Венгр покачал лобастой наголо обритой головой.— Какой вы еще мальчишка, Иштван!

Столовой этот зал можно было назвать лишь условно. Скорее роскошный ресторан: теряющийся в полутьме сводчатый потолок с гирляндами хрустальных люстр, увитые плющом простенки между зеркальными окнами, подсвеченный снизу фонтан посреди зала, переливающийся всеми цветами радуги в унисон с неназойливой музыкой, крахмальные скатерти, серебро, хрусталь и фарфор, мягкие удобные кресла.

Иван дотронулся пальцем до продетой в колечко салфетки и дурашливо вздрогнул.

— Der Knabe<sup>1</sup>,— повторил Миклош. Ласковые и грустные интонации непонятным образом сочетались с мужественным тембром его голоса.— Das Kind<sup>2</sup>.

— Vielleicht<sup>3</sup>,— Иван поискал глазами пепельницу. Венгр перехватил его взгляд, снова покачал головой.

— Курить потом. Сначала поешьте.

— Ich will nicht<sup>4</sup>,— Иван победоносно взглянул на собеседника.— Правильно?

— Грамматически — да,— кивнул Миклош.—Но не по существу. Иначе зачем было сюда идти?

— Повидаться с вами, Миклош. То chatter<sup>5</sup>.

Неподалеку от них восточного типа толстяк недоверчиво разглядывал стоящее перед ним жаркое. Услышав последнюю фразу, резко обернулся.

— Do you speak English?<sup>6</sup>

— A little bit<sup>7</sup>.

— What is that?<sup>8</sup>

— Meat<sup>9</sup>.

— I know,— кивнул толстяк,— What kind of it?<sup>10</sup>

— A rat<sup>11</sup>,— брякнул Иван, не подумав. Толстяка чуть не стошнило.

— A rabbit,— поспешно поправился Иван.— I am sorry<sup>12</sup>.

Толстяк с опаской покосился на блюдо.

— Are you sure?<sup>13</sup>

— Certainly,— заверил Иван.— Don't doubt<sup>14</sup>.

— Н-да.— Венгр приложился к фужеру, промокнул губы салфеткой.— Великое дело быть полиглотом.

Лицо оставалось невозмутимым.

---

<sup>1</sup> Мальчик (нем.).

<sup>2</sup> Ребенок (нем.).

<sup>3</sup> Возможно (нем.).

<sup>4</sup> Я не хочу (нем.).

<sup>5</sup> Поболтать (англ.).

<sup>6</sup> Вы говорите по-английски? (англ.).

<sup>7</sup> Самую малость (англ.).

<sup>8</sup> Что это? (англ.).

<sup>9</sup> Мясо (англ.).

<sup>10</sup> Понятно. Но какое именно? (англ.).

<sup>11</sup> Крыса (англ.).

<sup>12</sup> Кролик. Извините (англ.).

<sup>13</sup> Вы уверены? (англ.).

<sup>14</sup> Конечно, Не сомневайтесь (англ.).

— Неслыханно! — взвизгнула за соседним столом крашеная блондинка в вечернем бархатном платье.— Опять артишоки! Сколько раз повторять, я их не переносу! Спаржу, слышите?! Спаржу! Я требую!..

Официант в белоснежном костюме невозмутимо кивнул и отправился заменять артишоки спаржей. Визави дамы — невзрачный субъект с постным выражением лица нехотя ковырял вилкой котлету. Глаза у него были оловянные, как у снулой рыбы. Встретившись взглядом с Иваном, субъект хмуро кивнул.

— Вы знакомы? — удивился Миклош.

— Где-то видел. А что?

— Ничего. Ешьте артишоки, юноша. Полезно для мозговых клеток.

— А спаржа?

— И спаржа.

Они взглянули друг на друга, рассмеялись.

— Посмотрите,— негромко проговорил Миклош.— Что это с ним?

Зажмурив глаза, субъект откинулся на спинку кресла и запрокинул голову.

— По-моему, он вот-вот расхохочется,— предположил Иван.

Субъект откидывался все больше и больше, и теперь уже вместе с креслом. Казалось, он вот-вот грохнется на спину. Возмущение на лице дамы уступило место острому любопытству. Она даже подалась вперед, наблюдая за своим визави. Субъект оглушительно чихнул и одновременно вернулся в исходное положение, обдав даму фонтаном брызг. Та взвилась, закатила истерику и ринулась прочь из ресторана.

— Вот это спаржа! — восхитился Иван, провожая даму глазами.— Вы правы, Миклош. С завтрашнего дня перехожу на подножный корм.

— Подножный значит из-под ножа? — деловито уточнил венгр.

— Из-под ног.

— Непостижимый язык,— вздохнул Миклош.— Но вернемся к нашему разговору. Итак, чего вы добились?

— Миклош,— Иван согнал с лица улыбку,— я и не надеялся, что команданте станет со мной откровенничать.

— Вот как? — искренне удивился венгр.

— Конечно. Хотел посмотреть, как он увильнет от ответа.

— И что увидели?

— Кое-что увидел. Недостаточно, правда, но...

— И поэтому сцепились с отцом Мефодием?

— Отчасти. А вообще, просто отвел душу.



— Отвел куда? — изумился венгр.

— Никуда! — Иван начинал терять терпение.— Это идиома.

— В смысле...

— Высказал все, что хотел.

— Понятно.— Миклош провел ладонью по голове.— «Знай наших», да?

— Примерно.

— Феноменальный язык. Казалось бы, что общего?

— Миклош,— не выдержал Иван.— Неужели у вас тут,— он ткнул себя в левую сторону груди,— всегда спокойно?

— Нет. А почему вы спросили?

— Простите, Миклош. Сам не пойму, что на меня нашло.

— Пустяки,— улыбнулся венгр. Улыбка у него была чудесная: грусть, обида и радость одновременно.— Забыто. Хотите клюквенного сока?

— Хочу.

Иван терпеть не мог клюкву, но предложи ему сейчас Миклош синильную кислоту, он бы и от нее не отказался.

Венгр потянулся к графину. Рука была тонкая, изящная, и тем инороднее выглядели на ней струпья мозолей и следы заживающих ссадин.

— Как вас сюда занесло, Миклош?

Рука чуть заметно дрогнула.

— Я не хочу об этом вспоминать, Иштван. Даже думать не хочу.

— Ваше право.— Голос Ивана дрогнул.— Извините за бестактность.

Венгр наполнил фужер, поставил графин на место. Протянул Ивану руки ладонями вверх.

— Взгляните.

Ладони напоминали свежевспаханное поле: беспорядочные бугры мозолей, рытвины трещин, бороздки розовой подживающей кожицы.

— Каменоломни? — Иван и сам не знал, почему на ум пришло именно это слово.

— Каменоломни тоже,— кивнул Миклош.— Еще немного и...— Венгр усмехнулся.— Как у вас говорят, сыграл бы в ящик. Впрочем, гробов там не полагалось. Заставляли рыть яму и прямо в ней расстреливали. А те, до кого не дошла очередь, заваливали яму землей. Так что не спешите меня осуждать, Иштван.

— Осуждать? — Ивану дико захотелось закурить, но он

сдержался.— С чего вы взяли?

— Значит, показалось,— Венгр с отвращением взглянул на свои ладони и опять усмехнулся.— Парю каждый вечер, тру пемзой. Не помогает.

— Поможет.— Иван отхлебнул из фужера.— Нужно время.

— Наверное, вы правы,— кивнул Миклош.— А как быть с памятью?

«Никак,— с болью подумал Иван.— Никакая пемза не поможет. Знаю по себе».

С Миклошем Иван встретился в день своего появления в экспрессе «Надежда». Тогда сосед по столу поразил его неестественной худобой, изможденным лицом и никак не сочетающимся с его обликом выражением глаз — печальных и ласковых. Настороженность первых дней постепенно прошла. И тут Ивану впервые пригодились те haben, hatte, gehabt — азы немецкого языка, которыми он с грехом пополам овладел в летном училище, в школе он учил английский. Путая немецкие и английские фразы, попытался заговорить с Миклошем и, к великому удивлению, обнаружил, что старания его не безуспешны.

Миклош, в свою очередь, проявил интерес к русскому языку и довольно быстро в нем преуспел. Их ежедневные «застольные беседы» стали приобретать все более осмысленный характер.

Однажды в разговоре Иван упомянул имя своего школьного товарища Мадьяра Курбатова.

— Мадьяр? — встрепенулся Миклош.— Он что, венгр?

— С чего вы взяли? Хорезмский узбек.

— Любопытно...— Миклош задумался.— Понимаете, Иштван, еще в XIII веке доминиканский монах Юлиан утверждал, что предки венгров пришли с Востока.

— Ну, положим, для Европы Восток — понятие растяжимое,— возразил Иван.— Это вся Россия, Кавказ, Средняя Азия, Сибирь, Алтай, Дальний Восток.

— А имя Мадьяр? Думаете, случайность?

— Просто созвучие.

— Не может этого быть! — горячо запротестовал венгр.

— Может, Миклош. Полностью того парня звали Мухаммадьяр. А Мадьяр — сокращенно.

В «застольных беседах» они касались разных тем, но, словно сговорившись, никогда не затрагивали одну — как они попали в экспресс. Сегодня Иван впервые нарушил это негласное соглашение. И

теперь жалел об этом.

Еретик смотрел в небо.

Запрокинуть голову мешал столб, к которому он был привязан, и потому в поле зрения находились дома со сверкающими на солнце стеклами окон, море людских лиц на площади, стражники в начищенных до золотого блеска кирасах. Но больше всего было небо. Голубое, без единого облачка, ласковое, мирное, оно, казалось, олицетворяло собой вечность.

Вечность... Еретик усмехнулся. Вознесенный высоко над толпой, он, пожалуй, еще ни разу в жизни не был так близок к ней, как в эти минуты. Внизу, у подножия эшафота, растерянно суетились факельщики в черных рясах: отсыревший за ночь хворост шипел, отчаянно дымил, но не разгорался. Толпа начала проявлять признаки недовольства: обыватель ожидал эффектного зрелища, а тут церемония явно затягивалась, и еретик на кострище вовсе не был похож на исчадие ада, каким во всеуслышание объявила его инквизиция.

Наконец подвезли сухой хворост, и костер запылал, с каждой минутой набирая силу. Сквозь языки пламени и клубы черного дыма еретик по-прежнему упрямо смотрел в небо.

— Хотите спастись? — неожиданно прозвучал рядом чей-то спокойный голос. Разумеется, это начинался бред, и еретик, все так же глядя в небо, мысленно произнес: «Конечно, хочу, но...»

Мысль оборвалась на полуслове.

— Исчез! — крикнул кто-то. — Смотрите, его нет!

Толпа взволнованно зашумела, но костер уже полыхал вовсю, и в огненном смерче уже было не разглядеть ни столба, ни привязанного к нему еретика.

— Смотрите, кто к вам пожаловал, — прервал размышления собеседника Миклош. Иван оглянулся и тихонько присвистнул. От дверей по проходу между столами неторопливо шагал доминиканский монах.

— Почему ко мне? Скорее к вам, Миклош.

— Я думаю, к вам.

— Почему?

— В отместку за отца Мефодия.

— Спорим, ошибаетесь?

Спорить было некогда. Монах подошел к их столу и остановился.

Монах как монах. Мантия до пят. Седые коротко остриженные волосы. Бледное, сужающееся книзу лицо. Бородка, усы.

— Was habe ich gesagt?<sup>15</sup> — возликовал Миклош.

— Синьоры говорят по-немецки? — обрадовался монах.— Добрый день.

— Добрый день — закивал Иван.— Guten Tag. Good day<sup>16</sup>.

Монах недоуменно пожал плечами и перевел взгляд на Миклоша.

— Синьоры не станут возражать, если я разделю с ними трапезу?

— Синьоры возликуют! — засуетился Иван. Вскочил, пододвинул монаху кресло.— Милости просим, ваше святейшество. Премного нас обяжете.

Фраза была выдана по-русски, монах наверняка не понял ни слова, но жест был достаточно красноречив, и монах, улыбнувшись, принял приглашение.

Иван покосился на венгра. Тот хранил благопристойное выражение лица, но глаза так и искрились весельем.

— Синьор итальянец? — галантно осведомился Иван на немецком.

— Да,— кивнул монах.

— И синьора, разумеется, зовут отец Юлиан?

— Не угадали,— улыбнулся монах.— Меня зовут Джордано.

— Джор... А, ну да, конечно! — спохватился Иван.— Джордано Бруно. И как я сразу не догадался?

— Откуда вам это известно? — изумился монах.

— От верблюда.— Иван опять перешел на русский.

— Не удивляйтесь, синьор Джордано,— поспешил вступить в разговор Миклош и под столом толкнул Ивана коленом.— Мы тут все друг о друге знаем. Скоро вы в этом убедитесь.

Монах все еще не мог оправиться от изумления.

— Что будете есть? — продолжал венгр.— Спагетти?

— Да,— машинально согласился монах.

— И глоток-другой кьянти?

— Синьор угадывает мысли? — Монах начал понемногу приходить в себя.

— Синьор и не то еще умеет! — заверил Иван порусски и в свою очередь двинул Миклоша коленом.

---

<sup>15</sup> Что я говорил? (нем)

<sup>16</sup> Добрый день (нем.), (англ.).

Несколько секунд монах недоверчиво переводил взгляд с одного на другого, потом улыбнулся и выпростал из-под мантии руку. Нервные пальцы перебирали янтарные виноградины четок.

— Я понимаю, синьоры шутят. И все-таки, как вы узнали, кто я?

— От господ бога! — буркнул Иван и тотчас пожалел об этом.

— Иштван пошутил, — попытался разрядить атмосферу Миклош. — Не надо на него обижаться.

— Я понимаю, — глухо повторил монах. — Вероятно, он даже хотел сделать мне приятное... — Он помолчал, глядя на струящиеся между пальцами четки. Медленно поднял голову, встретился глазами с Иваном. — Мантия и убеждения — не всегда одно и то же, молодой человек.

«А ну, как он в самом деле великий Ноланец? — подумал Иван. Мысль была настолько абсурдной, что он тут же от нее отмахнулся. — Не может быть!» Но мысль не уходила, нахлынуло ощущение неловкости и вины. Иван зажмурился и стиснул зубы.

Комманданте... Поп Мефодий... Теперь еще Ноланец... Что он о них знает? А экспресс «Надежда»? Сплошные загадки и предположения одно невероятнее другого. Вначале он решил, что попал в плен. Сбили с толку латинские буквы на дверных табличках. И, как ни странно, безукоризненно правильный русский язык, на котором изъяснялся комманданте. Так говорят только иностранцы. Опять же его преподобие Мефодий. Где же ему еще быть, святейшему, как не в бегах, у фашистов?

Потом всмотрелся и понял, что заблуждается. Публика в ресторане подобралась разношерстная, но все — на равных. В плену так не бывает. Плен это плен: допросы, тюрьмы, концлагеря. Борцы и предатели. В плену от тебя всегда чего-то требуют. А здесь — ничего. Полная, свобода. Ешь, пей, делай, что в голову взбредет. Вот только где ты и зачем — не спрашивай. Тебе не докучают — и ты не приставай с расспросами.

Просто? Даже слишком. Иные — и таких, судя по ресторану, немало — вошли во вкус, жили в свое удовольствие и сомнениями не терзались.

А он так не мог. Вновь и вновь мысленно возвращался в кабину побитого «ила», сквозь грохот и рев пламени хрипел в эфир: «Иду на таран!» — и брэсал сбой искалеченный самолет в лобовую на «мессершмитт-262», заходивший в хвост курбатовскому штурмовику.

Тогда было все ясно: надо выручать Мадьяра Курбатова, и не остается ничего другого, как таранить этот проклятый «мессер».

И вот тут-то и началась чертовщина. Прямо перед Иваном из ничего, непонятно как, в пилотской кабине возник человек и спокойным, но требовательным голосом спросил:

— Выжить хочешь?

Разумеется, то была галлюцинация, на нее не следовало обращать внимания, но фантом закрывал обзор и, чтобы от него избавиться, Иван яростно выругался и мотнул головой, отгоняя наваждение.

— Хочешь? — фантом и не думал исчезать.

— Пошел к дьяволу! — заорал Иван.— Убирайся!

И, видя, что тот не двигается с места, выхватил из кармана портсигар и швырнул в бесстрастную рожу призрака.

Наверное, именно в это мгновение «ил» и врезался в «мессер». Ослепительная вспышка полыхнула перед глазами, и все померкло...

Очнулся он в прохладной, золотистой от солнечного света комнате. Пахнущее свежестью постельное белье приятно охладило разгоряченное тело. Некоторое время он продолжал лежать, восстанавливая в памяти все, что с ним произошло. Потом осторожно высвободил из-под простыни руки и поднес к лицу. Руки были целые, без единой царапинки. Медленно согнул ноги в коленях — слушаются. Напряг мышцы живота — слегка побаливают.

«Жив...— мысль раскручивалась медленно, словно ржавая пружина.— Жив... Цел». И вдруг словно жаром полыхнуло из раскаленной печи: «А таран?! Значит, промахнулся?! Значит...»

— М-м-а-д-ддья-ар-р-р! — хрип рвался сквозь стиснутые зубы, свистел, рычал, шипел.— М-и-и-ш-ка-а-а!

Он отчетливо увидел, как реактивный «мессершмитт» настигает курбатовский «ил», как вгрызаются в фюзеляж дымящиеся трассы, и, не разжимая зубов, завыл тоскливо, по-звериному, чувствуя, как обжигают щеки слезы отчаяния и бессильной ярости.

Несколько дней он не притрагивался к еде. Лежал лицом к стене, ни на что не реагируя, ничего не слыша. И вспоминал, вспоминал, вспоминал...

Турткуль. Белые домики над бурливой ширью Амударьи. Колесные буксиры с караванами барж. Резкие крики чаек. И небо. Бездонное. Голубое. Влекущее. Летом они с Мишкой целыми днями пропадали на реке. Ставили подпуски на сомов, удили на затонах золотистых сазанов,

гоняли на плоскодонке вверх до Шарлаука и вниз к Чалышу, Кипчаку, Каратау.

Было в Курбатове что-то притягательное, завораживающее, внушающее восхищение и потребность подражать. Неистощимый на выдумки, всегда чем-то увлеченный, к чему-то стремящийся, он был насыщен такой неиссякаемой энергией, что невольно заряжал ею других.

Бородатые казаки-старообрядцы, глядя на него, одобрительно качали головами: «Непоседа малый. Живчик». Грудастые речники в тельняшках и широченных суконных клешах свойски хлопали Мишку по спине: «Ртуть-парень!»

И только Иван знал Мадьяра другим: притихшим, задумчиво молчаливым. Бывало такое нечасто, но уж если случалось, вывести Мишку из этого состояния было непросто. Он мог часами лежать где-нибудь на травянистом пригорке, зачарованно глядя в небо, словно видел там что-то такое, чего никому, кроме него, увидеть не дано. Расспрашивать его в такие минуты было бесполезно, Иван знал это и ни о чем не спрашивал. Лишь однажды в городском парке, где они вдвоем готовились к выпускным экзаменам, он захлопнул учебник, обнаружив, что Мишка его не слушает, и возмущенно уставился на товарища. Тот сидел, прислонившись спиной к стволу старой акации и сквозь ажурную, перемежающую белыми кустами цветов зелень смотрел вверх, в безоблачной весеннее небо.

— Что ты там узрел? — с обидой спросил Иван.

С минуту Мишка молчал. Потом, все так же не меняя позы, вдруг начал читать стихи:

...И маленький тревожный человек  
С блестящим взглядом, ярким и холодным,  
Идет в огонь. Умерший в рабский век  
Бессмертием венчается — в свободном!

Я умираю — ибо так хочу.  
Развей, палач, развей мой прах, презренный!  
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу!  
Он мысль мою развеет по Вселенной.

— Твои? — недоверчиво спросил Иван. Курбатов покачал головой.

— Бунин. Здорово, правда? Маленький тревожный человек...— Мадьяр промолчал, мечтательно зажмурил глаза.— А на всю Вселенную замахнулся.

— Это ты о ком? — Иван отложил книгу.

— О Джордано Бруно.

— И стихи о нем?

— О нем.— Мишка подобрал учебник тригонометрии, машинально перевернул несколько страниц.— Я, Ваня, летчиком хочу стать.

— Скажешь! — фыркнул Иван.— Это тебе не буксиры по Амударье водить.

Аэропланы были уже не в новинку. По ту сторону реки, в Ургенче, построили аэродром, и серебристые птицы частенько пролетали над Турткулем. Но одно дело восхищаться ими, задрав голову, и совсем другое...

— А я стану! — Мишка упрямо встряхнул чубом.— Вот увидишь! А может, вдвоем, а? Разузнаем, что и как, и сразу после экзаменов двинем? Тебе хорошо — в детдоме живешь, ни у кого отпрашиваться не надо.

Так родилась мечта. Сумасшедшая, неосуществимая, и потому особенно прекрасная и заманчивая. А рядом, в нескольких десятках метров от ограды парка, бурлила, вгрызаясь в глинистый берег, Амударья и гулко рушились в воду подмытые ею пласты грунта.

Глаза у учлета Курбатова были синие-синие, а чуб — цвета спелой пшеницы. Нос, правда, подгулял: маленький, с легкомысленно вздернутым кончиком, словно чужой на удлинённом, с резкими чертами лице. Особенно это бросалось в глаза, когда Курбатов смеялся. А смеялся он последнее время редко. Даже теперь, танцуя с любимой девушкой модное танго «Голубая рапсодия», Курбатов оставался серьезным, хотя причин для радостного настроения было предостаточно: позади годы учебы, еще немного — и прощай, училище, здравствуй, новая жизнь, служба, романтика дальних полетов!

Иван, тот от уха до уха сиял, а Курбатов — ни-ни. Молчалив, собран, сосредоточен.

А ночь — какие только в сказках бывают: серебряная от лунного света, ласковая, трепетная. И когда умолкает духовой оркестр, слышно, как за Волгой петухи перекликаются да где-то неподалеку девичьи голоса «Катюшу» выводят.

Катюша... Через несколько дней у них с Мишкой свадьба. Своей



семьей жить начнут. И будет у этой семьи верный и неизменный друг — Ваня Зарудный. Вечный холостяк, потому что для него, как и для Миши Курбатова, свет клином на Кате-Катюше сошелся. А она полюбила Мишку.

Потом была свадьба. С шампанским. С танцами под патефон. С дружескими напутствиями, веселыми, но немного грустными. Потому как предстояли молодым военным летчикам дальние пути-дороги в летные части. И когда начальник училища — рано поседевший крепыш с четырьмя шпалами в петлицах — поднял прощальный тост, в голосе его звучала гордость за своих питомцев и печаль расставания.

Друзьям повезло: обоих направили в один полк. Но и месяца не прошло — грянула война, и они даже не смогли проводить Катю на вокзал к поезду, которым предстояло ей добраться до Чарджуя, а оттуда, уже пароходом, в Турткуль, к родителям Мадьяра.

В ноябре, возвращаясь с задания, угодил Иван под огонь немецкой зенитной батареи и на подбитой машине чудом дотянул до аэродрома. Посадить посадил, а из кабины выбраться уже не смог: закружилось, поплыло все перед глазами, и белым саваном опустилось на плексигласовый фонарь кабины холодное зимнее небо.

Одиннадцать осколков извлекли из Ивана хирурги. Год с лишним провалялся в госпиталях, прошел дюжину комиссий, добываясь разрешения снова вернуться на фронт и, наконец, солнечным осенним утром вылез из попутного «доджа» и зашагал, разминая затекшие ноги, по хрусткой от ночного мороза -траве к домику у дальней кромки леса, где находился штаб эскадрильи.

После яркого солнца в комнате с обращенными к лесу окнами было темновато. Офицер стоял к свету спиной, так что лицо оставалось в тени, зато отчетливо смотрелись погоны на широких, словно рубленых плечах.

— Товарищ капитан!—Иван вскинул ладонь к козырьку фуражки.— Пилот Зарудный...

— Ванька!— выдохнул капитан, бросаясь навстречу.— Жив, бродяга! Вернулся!..

С тех пор они ходили в паре: Мадьяр — ведущим, Иван — ведомым.

— Я думаю, вам следует извиниться, Иштван.— Миклош говорил по-русски почти правильно, только с ударением не все ладилось.— Вы ведь не хотели его обидеть.

— Это с моим-то немецким?! — взмолился Иван.— Хватит и вон

того вавилонянина с крысой.

— С вашей крысой,— поправил Миклош.— И я не уверен, что он вавилонянин.

— Ну, ассириец.

— Сириец, вы хотели сказать? В Ассирии так не одевались.

— Адаптировался,— возразил Иван.— Сменил хитон на фракную пару.

— Неплохо,— кивнул Миклош.— Пусть будет по-вашему. Вернемся к компаньону.

— Собутыльнику,— уточнил Иван, только теперь обратив внимание на оклеенную соломкой бутылку перед итальянцем.— А он не дурак выпить!

Венгр укоризненно покачал головой:

— Хорошо, что он не понимает по-русски. Ну хотите, я извинюсь от вашего имени?

«Чего я выламываюсь? — с горечью подумал Иван.— Самому противно. Представляю, каково другим».

— Как хотите, Миклош.

Не поднимая глаз от тарелки, итальянец ел длинные тонкие макароны с мясной подливой. Миклош деликатно кашлянул.

— Мой коллега просит извинить его за неудачную шутку.

Итальянец положил вилку и взглянул на Миклоша.

— Поверьте, он не хотел вас обидеть.

Монах молча перевел взгляд на Ивана. Иван виновато улыбнулся и развел руками.

Глаза у итальянца были потрясающие. С такими и язык знать не обязательно: без слов все скажут. «Не обижаюсь,— сказали глаза.— Все в порядке. Вы мне нравитесь, ребята». Миклош не видел выражения глаз итальянца. И потому ничего не понял.

— Нам обоим очень неловко перед вами, синьор.

Монах скорчил постную мину и вдруг озорно подмигнул и звонко расхохотался. Псевдо-вавилонянин вздрогнул и перестал жевать. Хмурый субъект за соседним столом продолжал невозмутимо терзать вилкой котлету.

— Пустяки! — Глаза у монаха так и искрились от удовольствия.— Мало ли что бывает между друзьями. Мне с вами хорошо, синьоры.

«Самое время смываться,— подумал Иван.— Сейчас начнутся сантименты». Сообщил буднично:

— Пойду, пожалуй. Что-то ко сну клонит. До свидания, синьоры.

Насчет сна он приврал. Не давало покоя тревожное чувство неудовлетворенности и упрямая решимость любой ценой добиться своего. И поп, и команданте в разных выражениях высказали одну и ту же мысль: с «Надежды» ему не уйти. И увильнули от прямого ответа на вопрос, зачем здесь он и что вообще представляет собой эта чертова «Надежда».

Чего они хотят от него? От всех остальных на экспрессе? Иван мысленно представил себе зал столовой. Многие столы, правда, пустовали, и все же человек тридцать-сорок набиралось наверняка. Публика была разношерстная, и вряд ли всех волновали те же вопросы, что и его. Истеричку, поднявшую скандал из-за спаржи, например. Любителя жареных кроликов. Или того типа с кислой рожей и рыбьими глазами.

Миклош — другое дело. И еще, пожалуй, итальянец. Хотя вряд ли. Он еще осмотреться не успел.

Иван прошел по пустынному, как всегда, коридору, остановился возле своей двери. Коридор продолжался вправо и влево, пустой и безмолвный.

«Тюрьма,— тоскливо подумал Иван.— Комфортабельная, со всеми удобствами. Без намека на охрану и надзирателей. И все же тюрьма».

Его вдруг осенило, почему коридор всегда пуст. Они специально делают так, чтобы пассажиры «Надежды» не общались друг с другом наедине. В столовой — пожалуйста, а тет-а-тет — ни-ни. Поэтому и в зимнем саду ни души, когда ни приди. И в библиотеке. Любопытно... А что если...

Он оглянулся. Вход в столовую был рядом, в каких-нибудь тридцати шагах. Из-за двери слышалась музыка. Еще не решив окончательно, что он намерен делать, Иван вернулся и распахнул дверь. В зале не было ни души.

Час от часу не легче. Он шел по коридору, машинально считая шаги и стараясь осмыслить случившееся. Поровнялся со своей дверью. Тридцать два шага. Разумеется, Миклош с итальянцем могли за это время покинуть ресторан и разойтись по своим комнатам. И вовсе не обязательно, чтобы они прошли мимо него. Коридор продолжается и в противоположную сторону. Сколько прошло времени с тех пор, как он оставил ресторан? Три минуты? Ну, пусть пять. Получается, они ушли из ресторана сразу же вслед за ним? Вряд ли. Миклош был явно

настроен поболтать с монахом. И тот только-только распробовал кьянти. Что же они — всё разом побросали и ринулись как на пожар? Чушь какая-то. Но факт остается фактом...

Иван покачал головой и вошел в комнату. Вначале он подумал, что ошибся дверью, но тут же убедился в обратном. Планшет над кроватью, пилотская куртка на дверце шкафа, на столе возле торшера раскрытый томик Хемингуэя... Комната принадлежала ему. Но тогда...

— Что вы тут делаете? — резко спросил Иван.

Человек встал с кресла.

— Закройте, пожалуйста, дверь.

Иван рванул на себя дверную ручку и вызывающе уставился на непрошеного гостя.

— Руперт.— Это был застольный сосед дамы-истерички. На этот раз выражение его лица было не таким постным, как во время обеда, но скепсис на нем проступал явно.

— Что?

— Руперт,— уныло повторил скептик.— Приблизительно так звучит мое имя по-русски. Себя можете не называть. Я вас знаю.

— Что вы тут делаете? — повторил Иван.

— Жду вас.

— Зачем?

— Чтобы ответить на ваши вопросы.

— Та-ак,— Иван растерянно потер подбородок.— Давайте присядем, что ли. Чаю хотите?

— Чаю...— бесстрастно повторил Руперт.— Это обязательно?

— Что обязательно? — переспросил Иван.

— Хотеть чаю.

«Чокнутый,— подумал Иван.— Или прикидывается»,

— Ни то, ни другое,— гость был невозмутим,— Просто у нас это не принято.

— У вас — это где? — До Ивана только теперь дошло, что унылый читает его мысли. Это было страшновато, но любопытно.

— Не имеет значения.— Гость опустил в кресло,— Задавайте вопросы.

«А ты нахал, братец,— мысленно усмехнулся Иван,— Можно подумать, я пришел к тебе, а не наоборот».

— И это неважно.— Гость вскинул на него блеклые, неживые глаза.— Вас интересует, куда вы попали и зачем?

«Почти слово в слово»,— отметил Иван.

— Верно,— кивнул Руперт.— Почти слово в слово. Итак, куда вы попали... Экспресс «Надежда»,— он помолчал, видимо, подбирая нужные слова,— это лаборатория, испытательный полигон, музей и... зверинец. К сожалению, в вашем языке нет слова, которое объединяло бы все эти понятия.

— А в вашем? — не выдержал Иван. Гость дернул щекой.

— В нашем есть. Но об этом позднее. Вопрос второй: зачем вы здесь.

— Можете не отвечать.— Иван сел в кресло и вытянул ноги.— На этот вопрос вы уже ответили. Музейный экспонат, обитатель зверинца, подопытное животное. Так?

— Приблизительно.— На лице Руперта промелькнуло что-то похожее на сочувствие.— У вас ведь тоже есть лаборатории и ведутся эксперименты над живыми существами. Примерно то же и здесь. Другие масштабы, методология, задачи и цели. Суть та же.

— Понятно,— буркнул Иван. Не нравился ему этот добровольный консультант. То ли внешностью, то ли фактом непрошеного вторжения. Так и подмывало взять за шиворот и выставить в коридор.— Вы сказали «приблизительно». Самолюбие мое щадите?

— Самолюбие, самолюбие...— В голосе собеседника проклюнулось беспокойство.— Извините, не понимаю.

— И не надо.— Иван почувствовал себя увереннее.— Продолжайте.

— Я, собственно, закончил.— Руперт поерзал в кресле, поправил узелок галстука.— Если вас интересует что-то еще...

— Интересует.— Иван облокотился на стол, не сводя глаз с собеседника. Теперь лицо Руперта уже не казалось отталкивающим. И постная мина, если взглядеться, была результатом неуловимого смещения пропорций: не то нос длинноват, не то щеки слишком опущены. И что самое странное — лицо это действительно было знакомо Ивану.— Многое интересует. Но сначала вопрос приват кого, если хотите, порядка. Вы-то сами как здесь очутились?

— Я здесь работаю.

— Даже так?

— Не верите?

— Отчего же, верю. Свой человек здесь, стало быть?

Руперт неопределенно повел плечом.

— По пути сюда,— Иван кивнул в сторону коридора,— я вспомнил, что забыл спички на столе. Вернулся в столовую, а там ни души. Эго как

прикажете понимать?

— Проще простого.— Выражение лица Руперта в эту минуту можно было назвать улыбкой.— Кто-то из ваших мудрецов, не помню, кто именно, сказал: в одну и ту же реку нельзя войти дважды...

— А попроще нельзя?

— Нет. Проще уже некуда.

— Знаете, что я сейчас подумал?

— Конечно. Чего ом приперся? Какого черта ему от меня надо?

«Стоп! — приказал себе Иван.— Ни о чем не думать. Забить мозги какой-нибудь чепухой». И он мысленно замурлыкал первое, что пришло на ум:

В чахлой чаще чапарраля  
Два ковбоя загорали  
И судачили о том,  
Как состряпать суп с котом.

— А вы молодец! — Руперт одобрительно хмыкнул.— Ловко сознание заблокировали. Неужели сами додумались?

— Неважно,— буркнул Иван, продолжая мурлыкать:

Только песня не о том,  
Как состряпать суп с котом.

— Верно,— кивнул Руперт,— Песня не о том. А пришел я к вам потому, что попали вы сюда из-за меня. Это ведь я вас тогда из горящего самолета вытянул.

«Вот где я его видел! — вепомнил Иван и тут же спохватился.— В чахлой чаще чапарраля...»

— Перестаньте! — попросил Руперт.— Неужели вам делать больше нечего? Не хотите разговаривать — так прямо и скажите. Я уйду.

«А ведь и правда — уйдет!» — весело подумал Иван.

— Минутку! — ом вскочил и прислонился спиной к двери.— Только через мой труп!

— Младенец вы, Иван! — усмехнулся гость.— Смотрите.

Он поднял перед собой согнутую в локте руку, звонко щелкнул пальцами и... растаял в воздухе.

— Вот тебе и раз! — Иван растерянно огляделся по сторонам. Дверь

мягко толкнула его в спину. Он шагнул на середину комнаты и оглянулся. На пороге стоял Руперт.

— Лихо! — восхитился Иван,—Черная магия или как?

Руперт усмехнулся и притворил дверь.

— Смотрите.— Он сделал шаг вперед, опустил руки и на глазах у Ивана вдруг начал погружаться в пол: по колени, по пояс, по грудь. Кивнул и исчез, словно в воду окунулся. И в то же мгновение ногами вперед проклюнулся сквозь потолок и плавно опустился на пол. Шагнул к иллюминатору, оттолкнулся ногами и, вытянув перед собой руки, скользнул сквозь толстенное стекло наружу, прямо в клубящиеся, подсвеченные багряными отблесками тучи. Развернулся, словно рыба в воде, приветственно помахал рукой и вдруг очутился в кресле возле стола, где сидел в самом начале разговора. Сочувственно покивал Ивану.

— Садитесь, продолжим беседу.

— Ну и ну! — Ивам сел, стараясь сохранить независимый вид.

— Нравится?

— Гипноз,— презрительно отмахнулся Иван,—Знаем мы эти штучки.

— Конечно, знаете,— охотно согласился Руперт.— Волхвы, маги, экстрасенсы, хилеры — все в одну кучу. И все это детский лепет, дорогой мой. Хотите знать, чем сейчас ваш друг Миклош занят?

— Не хочу.

— Со мной беседует. Не верите?

Ивам молча пожал плечами.

— Правильно делаете.— Руперт поднялся и сделал ручкой, как минуту назад из-за иллюминатора.— До завтра, Иван Зарудный.

И вышел из комнаты. Через дверь. Как нормальные люди.

Визит Руперта основательно выбил Ивана из колеи. Кое-что, правда, прояснилось, но зато все остальное было настолько ошеломляющим, что Иван отказывался верить собственным глазам и ушам. Невольно проскользнула мысль: а что, если прав поп Мефодий со своим вариантом царствия небесного? Рай не рай, а чудес с избытком. Иван усмехнулся и отбросил мысль прочь.

В сообщении Руперта было что-то обидное и унижительное. Как он выразился? Зоопарк? Нет, зверинец. Лаборатория. Испытательный полигон. Музей\*

Ну, музей еще куда ни шло. Лаборатория, допустим, тоже. Но при

чем тут зверинец? Хотя... Он перебрал в памяти завсегдатаев столовой и раздосадованно крикнул. Зверинец не зверинец, а паноптикум налицо.

Иван стиснул зубы и изо всех сил уперся затылком в стену поверх спинки кресла. Кресло бесшумно скользнуло почти на середину комнаты. Иван ругнулся сквозь зубы встал и затопал в ванную.

Если по совести, комфорт на экспрессе «Надежда» был отлажен на все сто. И ванная комната не являла собой исключения. Иван разделся, повесил одежду в шкаф, захлопнул массивную, как у холодильника, дверцу, крутнул похожее на диск телефонного аппарата реле. К тому времени, когда он выкупается, одежда будет выстирана, просушена и отутюжена.

По шероховатым, отливающим матовой белизной ступеням Иван спустился в бассейн и лег на спину, заложив за голову руки. Вода была теплая, прозрачная, с чуть голубоватым оттенком, пузырилась, словно газировка в стакане. Пахло озоном. Пузырьки оседали на теле, приятно Щекоча кожу.

Медленно перебирая ногами и покачиваясь, Иван закрыл глаза, смакуя состояние расслабленности и блаженной истомы.

«Руперт,— лениво подумал он.— Странное имя... Станный визит... Станные фокусы... Чего он добивается? Хочет запугать? Непохоже. Сбить с толку? Зачем? И почему появился именно теперь?»

Он мысленно перебрал в памяти все, что предшествовало появлению Руперта: встречи с команданте и отцом Мефодием, застольный диалог с Миклошем, дурацкий обмен фразами с толстяком, появление итальянца...

Миклош отпадает сразу: встречи с ним — величина постоянная. Толстяк тоже: когда ни приди, в столовой ошивается. Визгливая истерика его соседки по столу? Также не симптом. Такие инциденты возникают в столовой почти ежедневно.

Иван поморщился и переменял положение. Вроде бы что-то забрезжило. Сегодня он впервые был у коман- дайте и потребовал объяснений. Потом был довольно резкий разговор с отцом Мефодием и были заданы те же вопросы. И после этого в столовой впервые появился Руперт. Впрочем, и итальянец тоже. Как Миклош выразился? В отместку за отца Мефодия? Да, именно так. И все-таки итальянец тут скорее всего ни при чем. Остается Руперт...

Иван окунулся с головой, отжал волосы, провел ладонями по лицу и удобно устроился на ступеньке по грудь в воде.



Итак, Руперт... Ну что ж, попробуем разобраться. Умеет читать мысли. Остальной персонал «Надежды», надо полагать, тоже. Если до сих пор в отношении ко мне не было никаких перемен, значит, мой образ мыслей их устраивал. И вот сегодня во время разговора с команданте я впервые высказался о побеге с экспресса. А потом еще и повторил это отцу Мефодию. Взял, как говорится, быка за рога. И сразу же на сцене объявился Руперт. Новый пастырь вместо оскандалившегося попа.

Иван сполоснул разгоряченное лицо.

Теперь появление Руперта уже не казалось таким странным. А коли так, грош цена всем рупертским «откровениям»!

Иван поднялся по ступенькам и, оттолкнувшись ногами от бортика, шумно нырнул. По светящимся стенам заструились голубоватые ручейки.

За завтраком Иван тщетно вертел головой, вглядываясь в самые дальние уголки столовой. Руперт отсутствовал, и это еще раз убеждало в правильности вчерашней догадки.

— Вы кого-то ищете? — буднично поинтересовался Миклош.

— Ищу, — раздраженно буркнул Иван. Подозвал официанта и, когда тот подошел, резко оттолкнул от себя тарелку с овсяной кашей. — Подайте ростбиф! И чтобы с кровью был, ясно?

Монах молча пил кофе, поглядывая то на одного, то на другого. Ивану было не по себе под его взглядом, но он не спешил пускаться в объяснения, хотя вопрос осязаемо витал в воздухе.

— Что-то случилось? — Глаза Миклоша не предвещали ничего хорошего. Тон тоже. Иван с невозмутимым видом потянулся к графину.

— Понимаете, Миклош...

— Вас что — в бароны произвели этой ночью? Как вы разговариваете с официантом?

Иван налил себе соку, поставил графин. Спросил, не поднимая глаз:

— Вам никогда не приходило в голову повидаться со мной тет-а-тет, Миклош?

Гнев в карих глазах венгра сменился удивлением.

— Куда вы клоните, Иштван?

— Да или нет?

— Ну, да.

— И что же вам помешало?

— Вас невозможно застать в комнате.

— А вы заглядывали з нее?

— Я не так воспитан, Иштваи.

— А я так! — Иван почувствовал, что вот-вот сорвется.— Извините, Миклош. Вчера вечером я постучался к вам и, не получив ответа, вошел.

— В котором часу, Иштван?

— Примерно в десять.

— Я был у себя.

— А я,— Иван вздохнул,— просидел в вашем кресле до половины двенадцатого. И ушел, никого не дождавшись.

— Вероятно, вы ошиблись дверью.

— Возможно,— согласился Иван.— Непонятно только, как попал туда томик Шандора Петефи и «Рождение» Иржи Волькера.

Растерянного Миклоша было еще больше видеть, чем рассерженного.

— Как же это могло произойти? Уверяю, Иштван, я был дома и никуда не отлучался. Вы понимаете что-нибудь?

— Да.— Иван вздохнул.— Все очень просто, Миклош. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

— Просто? — Миклош с сомнением покачал головой.— Не думаю. Наверное, вы все-таки перепутали комнаты. А Петефи и Волькер — случайное совпадение.

— Нет, Миклош.— Иван поднес стакан к губам и безо всякого аппетита сделал пару глотков.— Там была еще третья книга — стихи Аттилы Йожефа. С дарственной надписью. Я не знаю венгерского, но прочесть слова «Миклош Радноти» я все же сумел.

Чтобы не встречаться глазами с Миклошем, он отвернулся и стал снова осматривать зал. Стол, за которым вчера сидел Руперт, был пуст. Судя по скомканной салфетке, блондинка уже успела позавтракать. За соседним столом гурман-ассириец с отвращением ковырялся ложкой в овсяной каше. Поодаль ожесточенно спорили о чем-то двое подозрительного вида субъектов. Рыжий турок в феске с кисточкой плотоядно строил глазки флегматичной толстухе.

— Вам никогда не казалось странным,— Иван повернулся к Миклошу,— что мы с вами видимся только здесь, в столовой?

— Я полагал, что вы сами этого хотите.

— А кого-нибудь из них,— Иван качнул головой на соседние столы,— вы встречали вне столовой?

— Нет.

— Ия нет. Но вчера у вас было исключение, Миклош.

— Что вы имеете в виду?

— Руперта.

— Кого-кого?

— Типа, который чихнул на свою соседку. Вчера за ужином. Был он у вас?

— Да,— спокойно кивнул венгр.

— И вы беседовали обо мне?

— Нет, Иштван. Беседы не было. Была попытка, но я ее отклонил.

— Почему, если не секрет?

— Не имею привычки беседовать о друзьях с незнакомыми людьми! — рассердился Миклош.— У вас есть еще вопросы ко мне?

— Нет,— мотнул головой Иван.

— Тогда, может быть, объясните мне, что все это значит?

Иван понимал, что ведет себя как последний кретин. Ему страшно хотелось рассказать о вчерашнем визите Руперта. Извиниться перед Миклошем. Но что-то его сдерживало. Он и сам не знал что.

Миклош допил сок, прикоснулся к губам салфеткой и аккуратно положил ее рядом с прибором. Наблюдавший за ними итальянец тоже промокнул губы салфеткой.

— Синьор Джордано.— Ивана Миклош подчеркнуто не замечал.— Хотите подышать свежим воздухом?

— Разумеется,— поспешно откликнулся итальянец.— С удовольствием составлю вам компанию.

— До свидания,— обронил Миклош, поднимаясь из- за стола.

— Ариведерчи! — вежливо попрощался монах.

Глядя, как они, переговариваясь, идут к выходу, Иван ощутил почти физическую боль утраты чего-то бесконечно родного и близкого. Он знал, что ждет их за дверью: растерянность, страх, мучительное ощущение одиночества и собственного бессилия, но не мог ни помочь им, ни даже окликнуть. Достал папиросы, закурил, жадно втягивая в себя обжигающие гортань струйки дыма.

Коридору не было конца. Если верить наручному хронометру, Иван шел уже больше трех часов. Шел не останавливаясь, размеренным спортивным шагом, а прямой, как стрела, коридор по-прежнему тянулся вдаль: безликий и изнуряюще монотонный. Менялись только цифры на дверных табличках: вначале двухзначные, потом трех-, четырех-, а теперь пошли уже пятизначные номера — четные слева,

нечетные справа.

От табличек рябило в глазах. Иван старался не смотреть на них, но больше взгляду было зацепиться, не за что, и он опять начинал произвольно коситься то вправо, то влево. Время приближалось к обеду, но при одной мысли о трехчасовом возвращении начали отчаянно ныть ноги и пропал аппетит.

Пора отдохнуть, спокойно решить, что и как делать дальше. Без особой надежды Иван толкнул ближайшую дверь. Она оказалась не заперта. Постучал и, не получив ответа, вошел.

Комната была точной копией той, которую он занимал. Он шагнул к двери в ванную, опять постучал и опять не получил ответа. Огляделся. Похоже, здесь никто не жил — постель заправлена аккуратно, как по линейке, кресла с геометрической точностью расставлены по бокам журнального столика, задвинутый в угол торшер. И полное отсутствие каких-либо личных вещей.

Иван облегченно вздохнул, сел, сбросил ботинки и, откинувшись на податливую спинку кресла, с наслаждением вытянул ноги. Через минуту он уже спал, но и сон был как бы гипертрофированным продолжением фантастической реальности: из молочно-белого тумана возник команданте в безукоризненном голубом мундире, потом туман запылялся пронзительно-алым светом и фигура команданте начала стремительно таять и сквозь нее проступил ажурный решетчатый силуэт, отдаленно напомилавший человеческий и разительно от него отличающийся. Вдруг пошел дождь, и на его фоне еще четче проступил черный, словно обуглившийся каркас того, что еще недавно именовалось команданте Дождь перестал, и угольно-черный скелет на глазах оброс плотью и превратился в... отца Мефодия. Потом поп исчез, и на его месте возникла фигура Руперта. Руперт уставился Ивану в глаза, подмигнул, и сквозь него явственно проступил схематический силуэт человека, каким рисуют его дети: черточка — туловище, две черточки — ноги, черточка — руки и заштрихованный кружок — голова.

Иван брезгливо передернулся, открыл глаза и вздрогнул: перед ним, уныло помаргивая, стоял Руперт.

— Не ожидали? — Руперт медленно поднял руку и поправил узелок галстука.

— Как сказать,— Иван потянулся и сладко зевнул.— Я вас во сне видел.

— Где? — переспросил Руперт.

— Во сне.— Иван встал и, разминаясь, подвигал плечами.— Спал и видел, понятно?

— Видели с закрытыми глазами? — удивился Руперт.

— А как еще видят во сне?

— Не знаю.— Руперт переступил с ноги на ногу.— Думаю, это был не сон.

— А что же это было?

— Проекция.

— Что? — в свою очередь удивился Иван.

— Я показал вам, кто есть кто.

У Ивана пересохло во рту.

— Вы хотите сказать, что команданте, отец Мефодий — не люди?

Руперт кивнул.

— Ия тоже. Присядьте, Иван. У вас колени дрожат.

Иван плюхнулся в кресло.

— И давайте сразу условимся: ничему не удивляться. Все, что вас тут окружает, невероятно сложно. Без подготовки вам этого не понять. Так что — либо принимайте на веру, либо...

— Что «либо»?

— Оставайтесь на экспрессе и изучайте. На это потребуются годы. А, вы, насколько я понимаю, намерены побыстрее отсюда вырваться. Или раздумали?

— Нет,— Иван помассировал ноги.— Не раздумал и не раздумую.

— Откровенно говоря,— Руперт продолжал стоять,— мне ваше стремление непонятно. Ни смысла, ни логики не вижу. Вам что — жить не хочется? Вспомните, откуда я вас выхватил.

— Помню,— Иван перестал растирать икры.

— И опять хотите туда же?

— Да.

— Не понимаю,— повторил Руперт, опускаясь в кресло.— У вас на Земле все шиворот-навыворот. Что притягивает бабочку на огонь свечи? Какой инстинкт побуждает китов выбрасываться на берег? Чем руководствуется самоубийца, пуская себе пулю в лоб? — Руперт помолчал и недоуменно развел руками.— Непостижимо. Какое-то непонятное, нерациональное отношение к жизни.

— Вы, Руперт, все в одну кучу валите. Вот вас и заносит.

— То есть?

— Бабочка — это одно. Кит — совсем другое. А уж чел,,овек — и подавно. Бабочку что на огонь привлекает? Тепло и свет. А то, что она сгореть может, ей и невдомек. С китами посложнее. Их предки когда-то жили на суше. Может, потому и тянет их обратно из океана. Кстати, не одни киты на берег выбрасываются. Дельфины тоже. Только все равно никакое это не самоубийство. Слепой инстинкт. А когда человек на такое решается, значит, нет у него другого выхода.

— И у вас? — негромко спросил Руперт.

— Что у меня?

— Нет выхода?

— Ну и логика у вас, Руперт! — возмутился Иван.— Ему одно толкуешь, а он знай свое гнет. Я друга спасал, понимаете? А вы мне помешали!

— Но ведь вы знали, что идете па верную смерть?.

— Я об этом не думал. Некогда было. Одно вам скажу: если бы после тарана остался вот такусенький шанс выжить, я бы в него зубами вцепился!

— Непостижимо!..— задумчиво повторил Руперт.— Иногда мне кажется, что эта затея с экспрессом «Надежда» обречена. И мы попусту тратим время.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Некоторое время оставался неподвижным, потом все так же, не открывая глаз, задумчиво прочел нараспев:

И тям, где ничего не надо,  
В невероятном далеке  
Прикосновенье листопада  
К твоей пылающей щеке.

Стихи были странные, чувствовалась в них щемящая тоска и безысходность. Руперт пошевелился и открыл глаза.

— Вот уж не думал, что вы поэзию любите,— ухмыльнулся Иван.— Да еще упадническую.

— Упадническую? — не понял Руперт.

— Таковую, от которой на душе кошки скребут.

— Кошки? — Лицо оставалось бесстрастным, но, судя по голосу, Руперт обиделся.— Вы хоть догадываетесь, что это было?

— Стихи? Право, Руперт, я не хотел вас обидеть.

— Я сам виноват.— Руперт кивнул.— Забылся. Не следовало произносить их вслух.

— Почему?

— Это... Как бы поточнее, заклинание, что ли... Философское кредо... Гимн... Нет,— он безнадежно махнул рукой,— Все не то. У вас и категорий-то таких нет. Не поймете.

— Так уж и не пойму! — обиженно буркнул Иван.

— Ладно вам. Самолюбие, амбиции. К чему это? Я ведь вам объяснил: мы не люди. И такие вещи просто-напросто не воспринимаем. Давайте лучше о деле.

— Давайте.

— Комманданте прав. В одиночку вам отсюда не выбраться. Думаете, коридор ведет куда-то? Никуда. О ленте Мёбиуса слышали? Экспресс «Надежда» примерно то же самое. Во времени и пространстве. Понимаете?

— Нет,— признался Иван.

— Не беда. Уясните себе одно: вам пособник нужен. Сообщник. И этот сообщник — я. Верите?

— Нет.

— Правильно. И я бы на вашем месте не поверил. Стимул должен быть, верно?

Иван кивнул, не сводя глаз с собеседника.

— Со стимулом посложнее.— Руперт облокотился о столик, сплел пальцы.— Скажем, так: у меня с комманданте личные счеты. Вот я и решил ему насолить. Устраивает?

— А если серьезно? — Иван достал из кармана папиросы.

— Вам-то не все равно? Хочу помочь — значит, есть на то причины.

— Ладно.— Иван закурил и оглянулся в поисках пепельницы.— В конце концов, это ваше личное дело.

— Страхивайте на пол,— разрешил Руперт.— Так уж и быть, подмету.

— Это что — ваша комната?

— Моя.

— Далековато забрались.

— Ничуть. Мы с вами соседи. Через стенку живем. А столовая рядом...

Ни слова не говоря, Иван вышел из комнаты и огляделся. Коридор оставался прежним. Да и что в нем, собственно, могло измениться? Пол

из имитированного под паркет пластика, потолок с матовыми прямоугольными плафонами, два ряда уходящих в бесконечность дверей. Иван глянул на ближайшую и досадливо хмыкнул: на номерной табличке красовалась двухзначная цифра. Все еще не веря, он толкнул дверь и вошел. Планшет висел на месте. На неприбранной постели валялся томик Хемингуэя. Посреди стола топорщилась окурками пепельница.

— Дела-а...

— Вот вам и «дела-а»! — Вездесущий Руперт был тут как тут.— В экспрессе куда ни иди — далеко не уйдешь. И не думайте, что это я вам подстроил: так запрограммировано.

«Нелепо получается,— признался себе Иван,— Отговаривает бежать — упорствую. А тут человек сам предлагает помочь,..»

— Не человек,— поправил Руперт.— Биоробот.

Иван и ухом не повел, продолжая рассуждать: «Что меня сдерживает? Недоверие? А чем я рискую! Сорвется — буду другой ход искать. На ошибках учатся».

— Уже лучше,— кивнул Руперт.— А что касается риска...— Он помолчал.— Риск есть. Но со мной вы рискуете гораздо меньше.

— Слежка? — жестко спросил Иван.

— Слежка, наблюдение, контроль — какая разница? Заметили, что наши подопечные общаются только в столовой?

— Заметил! — Иван сам не понимал, что его бесит.

— Злиться-то зачем? — миролюбиво пожурил Руперт.— Будто у вас на Земле не то же самое.

— Конечно, нет!

— Бросьте. Психлечебницы, колонии, тюрьмы...

— Там больные или преступники.

— Не всегда... А здесь подопытные. Какая разница?

— Разница есть.

— Это с вашей точки зрения.

— Ас вашей?

— С нашей нет. В столовой вы общаетесь в рамках Программы. Все фиксируется: разговоры, мысли, эмоции, физиология. На то и Эксперимент!

— Знаете что! — вскипел Иван.

— Разумеется, знаю,— усмехнулся Руперт.— «Да как вы смеее!»  
«Убирайтесь прочь!»



Он зевнул. Это было так неожиданно, что Иван растерялся.

— Сядьте.— Руперт указал рукой на кресло.— Кому нужны ваши амбиции? Вы что, у себя в лабораториях на животных не экспериментируете? А после этого о «братьях меньших» ваших сюсюкаете. Мы тут, по крайней мере, скальпелями не орудуем.

— Разве что,— буркнул Иван. Ему вдруг все опротивело: и предмет разгоревшегося было спора, и вообще весь разговор. Собеседник продолжал бубнить:

— Зато вне столовой каждый может делать что хочет. Отдыхайте, пользуйтесь библиотекой, смотрите видеофильмы, предавайтесь самоанализу.

— Даже так? — Иван представил обжору сирийца, предающимся самоанализу, и улыбнулся.— И никакой слежки?

— Почти. Личные наблюдения. В саду и библиотеке — тот, кого вы зовете отцом Мефодием. В комнатах и видеозале — ваш покорный слуга.

— А в коридоре?

— В коридоре никто.

— Вот как?

— Да. Это одно из условий Эксперимента.

— Не верю я вам, Руперт.— Иван опять полез в карман за папиросами.

— И зря не верите. Впрочем, ваше дело. Насильно, как говорится, мил не будешь.

Руперт поднялся, намереваясь уйти.

— Можно вопрос?

— Конечно.

— Допустим, я вам поверил. С вашей помощью побег удался. Но ведь меня наверняка хватятся. А я — ваш подопечный.

— Странные вы существа, люди. Какое вам до этого деле? Ведь это я рискую, а не вы.

— И все-таки? — Иван закурил.— Что вам грозит?

— Все равно не поймете.

— Постараюсь.

— Он постарается! Слушайте, вы, комок протоплазмы! Вы в себе-то толком разобраться не в состоянии, а туда же! Что мне грозит! Кто я такой, чтобы мне что-то грозило? Биоробот. Деталь Программы и только. Испорченную деталь заменят новой, вот и все.

— А куда денут испорченную?

— Вас это волнует?

— Да.

— Отправят на переплавку.

— Понятно.— Иван затаился, медленно выпустил струю дыма в сторону окна. Там, в лунном мерцании, угадывался какой-то абстрактный пейзаж. Произнес, медленно выговаривая каждое слово: — За то, что готовы помочь, спасибо. Но я вашей помощи принять не могу.

— Почему?

— Слишком дорого она вам обойдется.

— Ребенок вы, Иван.— В голосе Руперта впервые забрезжили эмоции.— Ладно. Ступайте обедать.

— А вы?

— А я уже давно там.

Войдя в столовую, он и в самом деле застал там Руперта, любезничающим с соседкой по столу. Дама так и сияла от удовольствия и, когда Руперт дружески кивнул Ивану, смерила его ревнивым взглядом и тотчас опять повернулась к собеседнику.

— Где вы пропадаете, Иштван? — как ни в чем не бывало поинтересовался Миклош. Итальянец кивнул и приветливо улыбнулся,—Мы уже решили, что вы не придете.

— Куда я денусь? — Иван раскланялся с монахом, пожал руку Миклошу,—Зачитался, не заметил, как время пролетело.

— Мы тут без вас заказали рассольник и дольму. Не возражаете?

— Не возражаю.— Иван не имел ни малейшего представления о том, что такое дольма. Это, должно быть, чертовски вкусно.

Подошел официант с фарфоровой супницей. Пожелал приятного аппетита.

— У вас усталый вид, Иштван,— заметил венгр, разливая рассольник по тарелкам.— Долго гуляли?

— Было дело,— Иван подвинул к себе тарелку.— Спасибо. Марафон в спортивно-познавательных целях.

Монах налил себе в стакан из оплетенной бутылки. Судя по наклону, бутылка была почти пуста.

«Сопьется, чего доброго»,— подумал Иван. Невидимый оркестр заиграл «Цыганские напевы» Сарасате. Иван, не поворачивая головы, покосился на Миклоша. Тот ел, сосредоточенно глядя в тарелку. Под

болезненно серой кожей на скулах отчетливо проступали желваки. «Хотел бы я знать, о чем ты сейчас думаешь»,— тоскливо посетовал Иван и, спохватившись, мысленно замурычал:

Подари мне, сокол, на прощанье саблю,  
Вместе с саблей остру пику подари.

Слова были из песни и принадлежали девушке-казачке, провожающей любимого на войну, «в путь-дорожку дальнюю». Иван повторил их несколько раз, прежде чем до него дошел смысл припева.

«А казачка-то себе на уме,— усмехнулся он.— За перевооружение ратует. И то сказать, с пикой да саблей против «тигров» не повоюешь». Он представил себе выражение лица команданте, пытающегося осмыслить всю эту галиматью, и прыснул.

— Иштвану весело? — холодно осведомился венгр.— Расскажите, посмеемся вместе.

— Потом, Миклош. Не обижайтесь.— Он ощутил на себе чей-то взгляд и, не оглядываясь, встретился глазами с Рупертом. Тот одобрительно кивнул. Иван подмигнул и вернулся к венгру,— В следующий раз, хорошо?

— Дело ваше.— Миклош отставил тарелку.— Не получается у нас с вами разговор последнее время, вы не находите?

«Подари мне, со-о-кол»,— затынул Иван.

— Нахожу, Миклош...

«на прощанье са-а-аблю»,

— Не обращайтесь внимания...

«вместе с саблей остру пику подари!»

— ...это пройдет.

— Возможно.— Венгр взял из рук официанта блюдо с дольмой. Это были небольшие шарики из виноградных листьев с мясной начинкой. Иван разделил один шарик вилкой и с наслаждением потянул носом. Аромат был потрясающий.

Миклош оценил блюдо по достоинству.

— В ваших краях вкусно готовят, Иштван.

— В наших? — изумился Иван.

— Дольма — узбекское блюдо,— хмуро пояснил Миклош.

— А! — Иван мог поклясться, что видит дольму впервые.

— Тогда чему вы удивляетесь? Разве вы не из тех краев?

— Из тех.— Иван прикончил еще один шарик,— Точнее — из Каракалпакии.

— Каракалпакия,— с трудом повторил венгр.— Это город?

— Автономная республика.

— И большая?

— По площади — да. Около 160 тысяч квадратных километров.

— О,— Миклош удивленно покачал головой.— Больше Венгрии.

— Зато по населению наверняка меньше. Полмиллиона человек.

— Так мало?

— Пески,— пояснил Иван.— Кызылкумы, Устюрт. Приаралье в общем. Необжитые места.

Они говорили по-русски, и монах молча поглядывал то на одного, то на другого. Миклош, спохватившись, объяснил ему, о чем идет разговор. Итальянец улыбнулся и пожал плечами.

— Никогда бы не подумал, что русские так вкусно готовят.

— Азиаты,— уточнил венгр.

— А разве русские не азиаты? — искренне изумился монах.

— В основном нет,— усмехнулся Миклош и выразительно взглянул на Ивана.— Разве что за редким исключением.

Иван доел дольму и принялся за компот.

— Пусть будет по-вашему, Миклош. Азиат так азиат. Потомок кровожадного Чингизхана. Кстати, ваш Атгила тоже родом откуда-то из наших краев.

— Йожеф? — вытаращился венгр.

— Предводитель гуннов. Только не торопитесь с выводами.

— В отношении Аттилы?

— В отношении меня.

— Я попробую,— пообещал Миклош.— Попытка не пытка.

— Вот именно.— У Ивана отлегло от сердца.— Постарайтесь, Миклош.

Сад ходуном ходил от птичьего гомона. Самих возмутителей спокойствия не было видно, но чирикание, свист, рулады, взрывающийся шорох крыльев доносились со всех сторон. И еще в саду стояла весна. Трудно сказать, из чего складывалось это ощущение,— птичий ли гвалт был тому виною или тонкий аромат цветущих деревьев, но было сно настолько реальным, что перерастало в уверенность, и от этого захватывало дух и сладко кружилась голова. Такое Иван наблюдал впервые, обычно сад был сонно спокойным

царством вечного лета и никаких особых эмоций не вызывал.

Иван глубоко вздохнул, огляделся и только теперь увидел отца Мефодия. Это тоже было необычно. Всякий раз поп появлялся незаметно и заставлял его врасплох. Теперь роли поменялись: отец Мефодий стоял к нему спиной и явно не догадывался о его присутствии.

«Неужто и на святе Гниего весна действует?» — мысленно усмехнулся Иван и неслышно подошел поближе. Поп глядел куда-то вниз и, проследив его взгляд, Иван увидел стайку серебристых рыбешек, весело развящихся в прозрачной воде бассейна.

— Благоденствуете, отче?

Поп взбрыкнулся, как ужаленный, и ошалело вытаращил глаза.

— Однако и манеры у вас!

— Пролетарские, батюшка.— Иван достал спичку и демонстративно принялся ковырять ею в зубах.— Пролетариат он кто?

— Кто? — машинально повторил поп.

— Гегемон!

— Гегемон? — изумился поп.

— Гегемон,— заверил Иван.— Можете не сумлеваться.

Поп продолжал оторопело моргать. «Неужели притворяется?»— Иван спохватился и мысленно забубнил: «Расцветали яблони и груши, поплыли туманы над рекой», не сводя глаз со священника. Тот оправился от первого потрясения и возмущенно хрюкнул. Продолжая наблюдать за своим визави, Иван вывел Катюшу «на высокий берег на крутой», дал ей спеть «про степного сизого орла», выразил уверенность, что орел вспомнит и услышит, пожелал ему беречь землю родную, заверил, что «любовь Катюша сбережет»,— и все без видимого результата: отец Мефодий окончательно пришел в себя и сварливо упрекнул Ивана в отсутствии уважения если не к духовному (ох уж эти мне безбожники!) сану, то, по крайней мере, к преклонному возрасту.

— Не прибедняйтесь, батюшка! — возразил Иван.— Не так уж вы и стары. Сколько вам набежало? Сорок? Сорок пять? Тоже мне старец!

Поп оскорбился и, не теряя достоинства, величественно покинул поле боя. «Неисповедимы пути господни! — иронически усмехнулся Иван вслед ретирующемуся отцу Мефодию.— Второе фиаско подряд. Это при его-то гордыне! А с чтением мыслей у попа, видать, не того,— И без перехода: — Искупаться, что ли?» Вошел в раздевалку и направился к бассейну, оставляя на песке четкие следы босых ног. Песок был

теплый, чуть сыроватый, приятно щекотал ступни. Неистовый пернатый народец продолжал буйствовать в кустах и кронах деревьев.

«Ишь, разгулялись!» — невольно улыбнулся Иван и вдруг остановился как вкопанный: по голым икрам упруго скользнула струя холодного воздуха. Иван нагнулся, опустил руку. Холодом тянуло слева, вдоль бассейна, и, мысленно проследив направление, Иван увидел, как пружинисто подрагивают листья на овальном участке аккуратно подстриженной живой изгороди. С трудом раздвинув густо сросшиеся кусты, он протиснулся сквозь них и, пройдя еще несколько шагов, уперся в прозрачную стену купола. Стена была гладкая на ошупь, без единой трещинки, но, наклонившись, он обнаружил широкое отверстие, в которое врвался резкий ледяной ветер. По ту сторону прозрачного купола над изумрудно-зеленой степью ярко светило солнце. Но когда, встав на колени и жмурясь от солнца и ветра, он, заглянул в отверстие, картина мгновенно изменилась. Там, откуда несло пронизывающим холодом, тянулась сумеречная заснеженная равнина и вдали едва угадывались на горизонте сглаженные очертания белых холмов.

Первым его побуждением было нырнуть в пролом, но уже в следующую минуту благоразумие взяло верх: он представил себя почти голого в ледяной сумеречной пустыне и, содрогнувшись всем телом, распрямылся и отпрянул назад, подальше от искушения.

Мгновенье спустя он был уже в раздевалке и лихорадочно натягивал одежду. Кое-как зашнуровав ботинки, не разбирая дороги, рванулся из зимнего сада.

«Только бы успеть! — колотилось в сознании.— Только бы не опоздать!» Вихрем влетел в комнату, трясущимися руками обмотал шарф вокруг шеи, натянул куртку, схватил шлемофон и планшет.

— Остановитесь!

Иван замер, дико озираясь по сторонам. Голос исходил из ниоткуда. Голос Руперта.

— Не дайте себя обмануть.

— Где вы?!

— Неважно.— Голос был тускл и бесцветен.— Я с вами.

— Ч-черт! — Иван продолжал сжимать в руках шлемофон и планшет.— Кто это подстроил? Отец Мефодий?

— И он тоже. Вас испытывают. Не поддавайтесь.

Иван в сердцах швырнул шлемофон на кровать.

Плюхнулся в кресло. Изо всех сил стиснул зубы.

— Не верю вам, Руперт!

— Зря. Послушайте моего совета. Снимите куртку. Займитесь чем угодно. Но не вздумайте возвращаться в сад.

— Доказательства, Руперт! Почему я должен верить вам на слово? Где доказательства?

— Не валяйте дурака. Пролома в стене уже нет. Зато здесь команданте и тот, кого вы называете Мефодием. Они ждут вас.

— Откуда вы знаете?

— Я здесь. Вместе с ними.

— В саду?!

— Да.

Он убрал в шкаф куртку и планшет. Сбросил ботинки, завалился вверх покрывала на постель и наугад раскрыл томик Хемингуэя. Несколько минут тщетно пытался сосредоточиться на «Снегах Килиманджаро» и отложил книгу. Тоскливо подумал: «Руперт-Руперт... Кто вы? Враг? Друг? Искуситель?»

— Соучастник,— прозвучало в комнате. Иван даже не удивился. Закрыв глаза и повернулся лицом к стене.

Ужинали вчетвером.

— Казбек,— представился меднолицый парень с растерянными глазами. Ладонь у него была твердая, широкая, как лопата.— Из Алагира, слышали, может?

Жестковатый акцент выдавал горца.

— Осетин?

— Угадали! — просиял парень. На нем была клетчатая рубашка и потрепанные синие брюки. Брезентовая штормовка висела на спинке стула.— Садитесь с нами, гулять будем!

— Гулять? — переспросил Иван.

— Ну да. День рождения у меня. В квадрате. Одной ногой в могиле стоял — а вот жив. Можно сказать, второй раз родился.

Иван вопрошающе покосился на Миклоша. Венгр молча кивнул. «Понятно,— отметил Зарудный.— Все мы через это прошли. День рождения в квадрате. А что? Неплохо сказано!» Сел напротив итальянца. Тот безучастно перебирал четки.

— Отпалились,— Казбек, видимо, вернулся к прерванному разговору.— Чувствую, один шпур не сработал. Пошел проверять. А тут лавина. Бежать поздно, укрыться негде. Конец, думаю...

«Все правильно,— устало подумал Иван.— Экстремальная ситуация. И тебе предлагают альтернативу».

— Вокруг все ходуном, а он руку протягивает. «Беги!»— кричу, а он ни с места. Хотел оттолкнуть, а тут нас и накрыло.

Подошел официант. Казбек прервал воспоминания и доверительно взял его за рукав.

— Слушай меня, дорогой. Шашлык из молодого барашка на всех. Свежие овощи. Зелень. Киндза, кресс- салат, базилик, петрушка, что там еще?

— Спаржа,— подсказал официант.

— Спаржа? — Казбек на мгновение задумался, решительно мотнул головой.— Не надо спаржу. Сухое «Цинандали» есть?

Официант кивнул.

— Дюжину.

— Остановите его, Иштван,— попросил венгр.

— Миклош, дорогой,— обернулся к нему Казбек.— Мы же с вами договорились!

«Ну и хватка! — восхитился Иван.— Когда он только успел?»

— А на второе олибах,— Казбек уже опять обращался к официанту.

— Какой еще олибах?! — взмолился Миклош.

— Осетинский пирог с сыром,— пояснил Казбек.— Пальчики оближете.

Итальянец, продолжая машинально перебирать четки, с интересом наблюдал за дискуссией.

— Успокойтесь, Миклош,— Иван едва сдержал улыбку,— Кутить так кутить.

— Вы спятили, Иштван?!

— Не исключено. А может, наоборот,— прозрел.

— А Джордано? — не сдавался венгр.— Вы его спросили?

Итальянец пожелал узнать, что такое шашлык и олибах, и, когда ему объяснили, пришел в восторг.

— Ну вот, видите! — резюмировал Казбек и заторопил официанта.

«Знал бы ты, куда тебя занесло!» — с неожиданной болью подумал Иван.

— Интересно получается,— продолжал Казбек.— Под лавину угодил, а цел-целехонек. Открываю глаза — комната. Море за окном. Дельфины резвятся. Чуть с ума не сошел. Входит тот самый гражданин. «Есть хочешь?» — спрашивает. «Хочу».— «Пойдем». Ну и привел сюда.



«Руперт»,— подумал Зарудный.

Засиделись допоздна. Управились с шашлыком. Съели пирог. И «Цинандали» уже перестало веселить. А они все продолжали сидеть за столом, то мирно беседуя, то молча слушая музыку.

Казбек полез в карман штормовки за папиросами и выронил на ковер продолговатый глянцевый цилиндр.

— Что это у тебя? — заинтересовался Иван.

— Детонит.— Казбек торцом поставил цилиндр на скатерть.— Сюда детонатор вставляется, бикфордов шнур. Запалить и...— он огляделся,— вся эта контора вдребезги.

Идея родилась мгновенно. Сумасшедшая. Дикая. Иван скрипнул зубами и ринулся в спасительную чашу чапарраля на поиски загорающих ковбоев. Потом встал и откланялся. Ковбои ковбоями, а над идеей стоило поразмыслить.

В коридоре матово светились плафоны. Приглушенно погромыхивало под ногами. Иван машинально огляделся — ни души. Если верить Руперту, здесь за ним никто не следит. Значит, можно спокойно все обдумать, не отвлекаясь ни на какую тарабарщину.

Эскапада в кабинете команданте, конечно же, мальчишество чистой воды. Брякнул сгоряча первое, что пришло в голову. Интересно, как они там у себя восприняли эту угрозу? Обхохотались небось. Хотя сгюмором у них, судя по всему, не того. Скорее наоборот: кинулись искать, где у него взрывчатка. Не нашли, естественно. И успокоились: не взорвет. И слава богу. Теперь остается заполучить у Казбека детонит, выбрать удобный момент и рвануть как следует. А когда начнется переполох, удрать с экспреса.

Иван представил мечущегося в панике команданте, злорадно усмехнулся и шагнул к своей двери. Приступ леденящего озноба обрушился внезапно, как удар молнии. С ужасающей ясностью он вдруг вспомнил поблескивающий столбик на скатерти, себя самого, пристально разглядывающего детонит, и голос Казбека: «...запалить и - 1- вся эта контора вдребезги».

Они все видели — сознание обожгло холодом. Все слышали! И не такие они кретины, чтобы не понять, что к чему!

Иван стиснул зубы и толкнул дверь.

— Ну? — Руперт стоял спиной к нему, глядя в иллюминатор. За стеклом в непроглядной тьме враждебно и холодно поблескивали звезды.— Довольны?

— Я идиот,— обреченно признался Иван. Руперт покосился через плечо, промолчал.— И что теперь будет?

Руперт полол плечами.

— Что предпримут церберы?

— Церберы?

— Комманданте, Мефодий, вся эта братия.

— При чем тут церберы?

— Ни при чем, согласен,— нетерпеливо бросил Иван.— Но они все видели...

— Не перестаю вам удивляться,— буднично сообщил Руперт.— Зачем вам вообще бежать с «Надежды»?

— Ну, знаете ли!—задохнулся Иван.— Я вам уже Говорил.

— Повторите, если не трудно.

— Не трудно! — Ивана трясло.— Не хочу быть подопытной крысой!

— И все?

— У меня там друзья!

— Друг,— уточнил Руперт.

— Ну, друг. Может быть, я еще смогу ему помочь.

— Вот! — Руперт подошел вплотную, уставился Ивану в лицо скачущими глазами.— Это я понять могу.

Четко и ясно. Вы выполняли программу, я вам помешал. Стремление вернуться и довести программу до конца — естественно и закономерно.

Иван вытаращился на собеседника. В голове не было ни единой мысли.

— А то — «куда попал?», «зачем держат?», «подопытная крыса!»... Теологические дебаты с отцом Мефодием. Языковые экзерсисы с Миклошем. Ущемленное самолюбие. Амбиции. Угрозы. Пирушка в ресторане...— Руперт вздохнул и опять отвернулся к иллюминатору.— Непостижимые вы существа, люди. Хаотическое нагромождение парадоксов и алогизмов. Кому понадобилось закладывать в вас столько взаимоисключающих программ? Зачем вам пятнадцать миллиардов мозговых клеток, если задействована только десятая их часть? — Он покачал головой и неумело забарабанил пальцами по стеклу.— Океан информации пришлось пропустить через себя, чтобы хоть в общих чертах понять логику вашего поведения. Логика! — Руперт опять вздохнул.— Полнейший алогизм!..

Иван сочувственно покивал.

— Не согласны?

— Отчего же? Согласен. Кто-то из великих сказал: познать человека — значит познать Вселенную. Декарт, кажется.

— Мудрецов вам не занимать.— Руперт снова забарабанил пальцами, на этот раз по столику.— Каждый свое гнет. И каждый по-своему прав, заметьте. А в результате что? Басню про лебедя, рака и щуку помните?

— Конечно. Можно подумать, у вас все рационально.

— Разумеется. У каждого своя программа. От и до. И никаких эмоций.

— По-вашему, это лучше?

— Не знаю.— Руперт задумался.— До недавних пор был уверен, что лучше.

— А теперь? — быстро спросил Иван.

— Теперь нет.— Он взял со столика книгу, не глядя, перевернул несколько страниц. Опустил на колени.— Я довольно долго жил среди людей. Так было нужно. И я стал одним из вас. Снимал квартиру, ездил на работу, посещал театры, кино, ходил на стадион. Только друзьями не обзавелся. Не смог. Раздражало меня все, понимаете? Злило, вызывало протест. Едва выдержал. Думал, с ума сойду. А вернулся на экспресс и вдруг понял, не могу быть прежним. И никогда не смогу. Что-то переменилось во мне. По-другому на вещи смотреть стал. Прежде Программа была для меня всем. Целью и смыслом жизни. А тут... Теперь понимаете, почему я решил вам помочь?

Зарудный молчал. Ему было жаль Руперта. Хотелось верить каждому его слову. Он сознавал, что верить нельзя, и все равно верил. Достал папиросу, закурил, ломая спички.

Руперт скользнул по нему взглядом и, запрокинув голову, уставился в потолок.

— Дилемма: верить— не верить?

— Да.

— Не ломайте себе голову, вам этого все равно не понять. И не надо амбиций. Вы человек, я — биоробот. С вашей колокольни — механизм, машина, железка. Так?

— Не совсем.

— Совсем не так.— Руперт вздохнул.— Весь персонал «Надежды» составляют биороботы разного целевого назначения. А чем они отличаются от иных пассажиров экспресса?

— Согласен.— Иван затянулся и стяхнул пепел.— Они — ничем.

— Понимаю,— кивнул Руперт.— Хотите сказать, я отличаюсь.

— Да.

— Тут особый случай. Они рассчитаны для работы в экспрессе и только. Они — его часть.

— А вы нет?

— А я нет. Я автономен, Могу работать в экспрессе и вне экспресса. Могу вообще обойтись без него. Думаете, более тонкая наладка и все? Нет. Принципиально иной подход. Команданте, отец Мефодий и все остальные постоянно подключены к электронному мозгу «Надежды». Я же могу рассчитывать только на себя. Говоря языком ваших кибернетиков,— автономная, самопрограммирующаяся, постоянно совершенствующаяся система. Если проще, то меня наделили способностью до всего доходить своим умом и постоянно себя перестраивать.

«Понятия не имею, что все это такое, но он и в самом деле изменился»,— подумал Иван.

— Рад, что вы это заметили.— Руперт принял наконец нормальное положение и повернулся к Ивану лицом.— Так что, во-первых, у меня больше возможностей. А во-вторых, время в экспрессе «Надежда» — понятие условное. И вы это уже уразумели. Иначе зачем рваться обратно в свою реальность?

— Значит, это возможно?

— По земным понятиям — нет. Что прошло, то уже история. А историю вспять не воротишь. Другое дело экспресс «Надежда». Здесь все возможно. Дайте-ка и мне папиросу.

— Курите? — удивился Иван.

— Балуюсь. По старой памяти.— Он как заправский курильщик помял папиросу, прикурил от зажженной Иваном спички.— Ну так вот, дорогой мой. Экспресс никуда не движется. Мы стоим на месте и просто-напросто прокручиваем вашу историю. Как видеокассету. В любом направлении. А то, что вы наблюдаете там,— Руперт качнул головой в сторону окна,— вообще ничего общего с реальностью не имеет.

Он затянулся и пустил к потолку гирлянду колечек.

— Возможно, что вам и удастся удрать. Человек вы изобретательный и упорства вам не занимать. Но...— Руперт сделал паузу, наблюдая за расплывающимися колечками.— Ничего путного из

этого не получится. Экспресс неподвижен. Но история-то движется. Вот и занесет вас куда-нибудь в мезозой, к тираннозаврам. Или в тридцатый век.

— В тридцатый не надо,— сказал Иван.— И у тираннозавров делать нечего. Мне в тысяча девятьсот сорок четвертый год надо, довоевать хочу. Не пойму, что вы за человек, Руперт.

Последняя фраза сорвалась произвольно. Иван понял ее абсурдность, когда было уже поздно. На лице Руперта промелькнуло подобие улыбки.

— Ладно вам, не смущайтесь. Все правильно. От своих ушел, к вам не пришел. И никогда прийти не смогу.

— Скажите, Руперт.— Иван увел разговор з сторону,— я один замышляю побег?

— Миклош Радноти спит и видит то же самое. Знаете, откуда я его выцарапал?

— Догадываюсь.

— Из могилы. За пять секунд до расстрела.— Руперт помолчал.— А он рвется обратно. Зачем? На верную гибель?

— А нельзя...— Иван глотнул,— вернуть его домой, когда война уже кончится?

Нет.— Руперт покачал головой.— Мы не можем ничего менять в вашей истории. Единственное, что в моих силах, это доставить гибнущего человека сюда, на «Надежду». Или...— Он помолчал.— Не вмешиваться ни во что.

Иван растегнул пуговицу на вороте гимнастерки.

— Ты поможешь ему, Руперт? — он и сам не заметил, как перешел на «ты».

— А как бы вы поступили на моем месте? — Их взгляды встретились, и Иван вдруг ощутил острую гложащую боль под левой лопаткой. На миг перехватило дыхание.

— Думаете, легко возвращать человека на верную гибель? — продолжал Руперт.— Такого, как Радноти?

Боль достигла апогея. От нее темнело в глазах и кружилась голова. Руперт продолжал бубнить.

— ...Шел в колонне таких же обреченных, как и он сам, шатался от голода и слабости и шепотом повторял стихи. Чтобы не забыть. Попытайся он их записать, его бы пристрелили на месте.

— Чьи стихи? — хрипло спросил Иван.

— Свои. «Подневольное шествие». Он записал их уже здесь, в экспрессе.

Руперт закрыл глаза.

— Я пытаюсь понять их и не могу. Я стараюсь забыть их и тоже не могу...— Он помолчал. Произнес глухо, чуть нараспев: — «Безумен, кто, упав, встает и вновь шагает...» Просто и ясно. И вдруг: «Товарищ, обругай. Вели мне встать! Я встану!»— Руперт совсем по-человечески скрипнул зубами.— Зачем вставать, если впереди все равно гибель? А теперь, когда уже все позади, стремиться обратно в ад, мученья, ужас?

— Вам этого действительно не понять, Руперт.— Иван опять перешел на «вы».— Разве мы с Миклошем похожи на самоистязателей?

— Нисколько.— Руперт мотнул головой и раскрыл глаза.— Ни вы, ни Джордано.

— Как, и он?.. Скажите, Руперт, это в самом деле великий Ноланец?

— А вы до сих пор не поняли?

— Как вам сказать...— Боль утихла, и он интуитивно старался уйти подальше от разговора о Миклоше.— Уж очень он спокоен. Ничему не удивляется, все принимает как должное.

— Тут вы, пожалуй, правы,—согласился Руперт.— Он и там, на площади Цветов в Риме, не удивился, когда я выдал ему дурацкое «хотите спастись?» Представляете? На костре, когда кругом пламя бушует! Но это мне еще понятно.

— Что вам понятно?

Вместо ответа Руперт слегка наклонил голову и плотно сжал зубы. «Чего это он?» — удивился Иван. Но тут в каюте зазвучал голос. Не Руперта. Голос принадлежал итальянцу:

— Подобно тому, как в этом равном по величине миру пространстве, которое плотники называют материей, существует этот мир, то и другой мир может быть в другом пространстве и в бесчисленных других пространствах, равных этому и находящихся по ту сторону его.

— Хотите сказать, он знал о вашем существовании? — не выдержал Зарудный. Руперт кивнул.

— Он философ, не говоря уже о том, что гораздо старше вас и мудрее.

— Он тоже хочет вернуться?

— Да.

— Зная, что его ждет?

— Да.

Руперт встал, подошел к двери.

— Теперь вы знаете все, Иван. Подумайте. У вас есть выбор.

— Хорошо.— Он тоже встал с кресла.— Я подумаю. Но сколько бы я ни думал, это все равно ничего не изменит. Я должен вернуться. Понимаете? Должен.

Несколько секунд Руперт пристально смотрел ему в глаза. Чуть заметно кивнул.

— Ждите.

И медленно прикрыл за собой дверь.

Ночь он провел почти без сна. Ворочался с боку на бок, курил. Пытался читать. С недоумением обнаружил загнутые страницы: такой привычки за ним не водилось. Пробежал глазами отчеркнутые карандашом строчки: «Бык на лугу — это здоровый парень. Бык на арене — неврастеник».

«Не иначе как Руперт постарался,— решил Иван.— Больше никому. Любопытно». Открыл следующую загнутую страницу.

Здесь был отчеркнут целый абзац. «Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе». Иван задумался, глядя поверх книги, потом хмыкнул и стал читать дальше. «Но тех, кто не хочет сломиться, он убивает. Он убивает самых добрых и самых нежных, и самых храбрых без разбора. А если ты ни то, ни другое, ни третье, можешь быть уверен, что и тебя убьют, только без особой спешки».

— Та-ак...— Иван опустил книгу.— Уж не запугать ли ты меня хочешь, дорогой Руперт? Зря стараешься. Я знаю, на что иду. Меня дома никто не ждет. А у Мадьяра жена.

Он усмехнулся, выключил свет и, протнз ожидания, мгновенно уснул.

Вскочил по привычке в семь. Сделал зарядку. До краев наполнил бассейн ледяной водой и добрых полчаса плескался, вскрикивая и постанывая от пронизывающего холода. Потом докрасна растерся махровым полотенцем и, одевшись, Отправился завтракать, каждой клеточкой ощущая прилив ликующей бодрости.

— Доброе утро, Иштван! — Это было неожиданностью. Обычно Миклош появлялся к завтраку не раньше десяти.— Как спалось?

В зале, кроме них, не было ни души. Даже люстры не горели, только бра вдоль стен. В золотистом полусумраке тонкое лицо венгра казалось отлитым из меди.

— Сегодня мы с вами ранние пташки.

Улыбка у Радноти была замечательная — ласковая и грустная, а сегодня еще и с оттенком тревоги. Или так казалось из-за освещения?

— Рад видеть вас, Миклош! — Пожимая руку, Иван встретился с Радноти взглядом и понял, что освещение тут ни при чем: тревожные были у венгра глаза. Спросил, опускаясь в кресло: — Что-то случилось?

— С'чего вы взяли? —

— Вид у вас...— Ивам замялся.— Непокойный какой-то.

— Пустяки. Где вы вчера были после ужина?

— У себя.— И мысленно: «Начинается». Что начинается, он еще не знал и сам.

— Весь вечер?

— Весь. А что?

— Так, ничего.— Радноти без всякой надобности взял салфетку, повертел, положил на скатерть.— Я приходил к вам вчера, Иштван.

«Вот оно что... Чего это вдруг его ко мне понесло? Просто так? Не может быть. Ну-ну...»

— Вы слишком деликатны, Миклош. Наверное, не достучались.

— В этот раз я изменил своему правилу, Иштван. Решил, что между друзьями можно обойтись без условностей.

— Правильно решили.— Иван ' продолжал смотреть ему в глаза и это стоило немалых усилий.

— Я просидел у вас почти три часа.

— И от нечего делать листали Хемингуэя,— осенило Зарудного. У венгра удивленно округлились глаза.

— Вы меня видели?

— Не вас, Миклош. Книгу. То, что вы в ней подчеркнули.

— Я?!

— Ну да. О быке на лугу. О мире, который ломает человека.

— Не надо меня разыгрывать, Иштван. Тут и без этого хватает загадок.

«Значит, все-таки Руперт,— подумал Иван.— Все-таки Руперт...»

— Я плохо читаю по-русски, Иштван. Но подчеркнутые вами абзацы я осилил. И, честно говоря, это меня обеспокоило.

— Что именно, Миклош?

— Образ мыслей.

— Хемингуэя? — Иван попытался увести разговор в сторону.

— Ваш,— вздохнул Радноти.— Нельзя падать духом, Иштван.



«Дорогой ты мой человек!» — с жалостью подумал Иван и мысленно затянул «Катюшу».

— Абзацы в книге подчеркнул не я, Миклош. Если по-честному, то меня вчера вообще весь вечер не было дома. Смотрел кинофильмы.

К столу одновременно подошли официант и Джордано.

Бруно поздоровался по-немецки кратко: «Гутен таг».

— Доброе утро, синьор Ноланец! — Иван как утопающий за соломинку ухватился за возможность переменить тему и повернулся к официанту. — Мне овсяную кашу. А вам, Миклош?

— Тоже,— буркнул венгр.

— И мне, пожалуйста.— Итальянец сел за стол и вопрошающе уставился на Зарудного.— Откуда вам известно, что я родом из Нолы?

— Из школьной программы,— не моргнув глазом соврал Иван. В учебнике, он это прекрасно помнил, город Нола не упоминался. Но сейчас главным было направить разговор по другому, безопасному руслу.— Ваши мысли о строении Вселенной...

— Вы не находите, что наш друг разительно изменился?— прервал его Радноти.— Зтот внезапный интерес к мирозданию...

«Продолжай, Миклош,— подбодрил его Иван.— Смейся надо мной, шути, измайвайся. Я пе обижусь».

Выразительные глаза Джордано переместились с Зарудного на Радноти. Итальянец понимающе улыбнулся.

— Все мы непрерывно меняемся, синьор Радноти. Из нас истекают одни атомы, притекают новые.

— Хотите сказать, человеку присуще непостоянство? — усмехнулся венгр.

— Нет вещества, которому по природе подобает быть вечным"— Выражение лица Джордано оставалось невозмутимым. Смеялись только глаза.— Исключение составляет субстанция, именуемая материей. Но и ей подобает быть в вечном изменении.

«Ну вот и славно,— облегченно вздохнул Иван.— Вот и прекрасно». Он уже не вникал в то, о чем они говорят. Он слышал их голоса, видел оживленные лица: то серьезные, то смеющиеся, и уже одно это успокаивало его и радовало.

— Коперник ставит Солнце в центр мироздания,— продолжал Миклош. Иван для него перестал существовать.— Вы это отрицаете. Но тогда где, по-вашему, центр Вселенной?

— Нигде.— Ноланец достал четки, положил на стол рядом со своим

прибором.— У Вселенной нет и не может быть центра. Она едина и бесконечна. И наше Солнце всего лишь одна из необозримого множества звезд.

Официант принес завтрак, но спорщики этого даже не заметили. Иван ковыряться ложкой в каше, беззвучно мурлыча «Катюшу».

— ...Смерть? — Бруно прикусил нижнюю губу, упрямо качнул головой.— Ее нет. Никакая вещь не уничтожается и не теряет бытия, но лишь случайную, внешнюю, материальную форму. Человек, увлеченный величиим своего дела, не чувствует ужаса смерти. Он способен все обращать в благо. Даже плен использовать как плод большой свободы. Даже поражение превращать в победу.

«Ай да Ноланец! — восхитился Иван.— Такого ничем не согнешь».

В зале стало многолюднее. Заглись люстры. Негромко заструилась скрипичная мелодия. Гурман-ассириец сосредоточенно обгладывал бараний бок. Ивану вдруг вспомнились стихи, которые читал Курбатов. Как давно это было! Тысячу лет назад. Стихи о Ноланце. Иван отодвинул в сторону тарелку с овсянкой. Зажмурился, вспоминая.

«И маленький тревожный человек...»

— Ослы от схоластики и теологии утверждают, будто моя философия унижает человека,— чуть хрипловатый голос Ноланца дрожал от негодования.— Жалкие глупцы! Я раскрыл людям величие Вселенной, безбрежные миры космоса! Возвысил человека.

«...С блестящим взглядом, ярким и холодным...»

— Освободил его дух и разум из темниц богословских догм!

«...Идет в огонь...»

— Уже ради одного этого стоило жить и бороться!

— Вы правы, синьор Джордано,— мягко произнес Миклош.

— Мне твердят: «Смирись, жалкий раб! Отрекись, раскайся, моли о помиловании!» Отречься от истины? Никогда! Этого они от меня не дождутся!

На некоторое время за столом воцарилось молчание. Иван открыл глаза и удивленно заморгал: Миклош улыбался! Улыбка, даже такая, как у Миклоша,— болезненно-грустная и робкая — все равно воспринималась как кощунство после всего, что только что говорил Джордано.

— Чему вы улыбаетесь? — по-русски, чтобы не понял итальянец, негромко спросил Иван.

— Разве? — Радноти низко опустил голову и зябко передернул

плечами.

— Что с вами? — всполошился Джордано. — Сердце?

— Так, пустяки. — Миклош выпрямился. — Мы тут не очень-то откровенничаем между собой, синьор Джордано. И вы, конечно, обратили внимание. По-моему, пора внести ясность. Как вы считаете, Иштван?

— To know who is who, — кивнул Иван, — just time<sup>17</sup>.

— Мы с Иштваном попали сюда из двадцатого века.

Итальянец сложил губы трубочкой, чуть слышно присвистнул.

— Впрочем, я примерно так и предполагал.

— Но дело даже не в этом. Дело в том... Ну, вы уже поняли, при каких обстоятельствах попадают на экспресс «Надежда»?

— С порога вечности, — улыбнулся Джордано.

— Вот именно. — Трудно было сказать, чего больше в ответной улыбке Миклоша — юмора или тоски. — Я поэт, синьор Джордано. И, наверное, лучше скажу стихами:

...И подозренья осторожный взор  
меня казнит; он правильно заметил:  
поэт, я годен только на костер  
за то, что правды я свидетель,  
за то, что знаю, зелен стебелек,  
бел снег и красен мак,  
и кровь красна струится,  
и буду я убит за то, что не жесток,  
и потому, что сам я не убийца.

Радноти вздохнул и, протянув руку через стол, опустил ладонь на запястье Джордано.

— Вы философ и лучше разбираетесь в этих делах. Но факт остается фактом: через триста с лишним лет после вас ситуация повторилась — костры, виселицы, пытки... Разве что палачи одеты в мундиры да инквизиция называется по-другому.

— Как? — хрипло спросил Джордано.

— Фашизм.

— Фашизм... — повторил итальянец. — Какое мерзкое слово. Есть в

---

<sup>17</sup> Узнать, кто есть кто. Самое время (англ.).

нем что-то змеиное.

«Знал бы ты, где родилась эта змеиная мерзость!» — подумал Иван и вдруг ощутил, как из темных глубин подсознания вздымается неукротимая волна ненависти. «Остановись,— приказал он себе.— При чем тут Джордано? Итальянец? Ну и что из того? В шестнадцатом веке его сожгли инквизиторы. Сегодня — сгноили бы чернорубашечники».

— Райшом хорш!<sup>18</sup> — прозвучало над самым ухом. Иван вздрогнул и оглянулся: меднолице улыбаясь, возле соседнего кресла стоял Казбек.— Опоздал, да?

— Испугал,— поправил Иван.

— Такого испугаешь! — Казбек с уважением оглядел Зарудного.

— Садись,— пускаться в объяснения не было ни малейшего желания.— Сейчас официант подойдет.

Казбек поздоровался со всеми за руку и только потом занял место рядом с итальянцем. Тот рассеянно подвинул к себе тарелку с кашей, думая о чем-то своем, и выражение лица у него было странное: сосредоточенное и растерянное одновременно.

— Синьор Джордано! — решился Иван. Итальянец медленно поднял глаза.— Можно, я вам тоже стихи прочту?

— Стихи? — удивился Миклош.— Неужели свои?

— Бунинские. Про вас, синьор Джордано. А вы переведите, Миклош, ладно?

— Постараюсь,— кивнул венгр.

Память не подвела. И Миклош постарался на славу. Итальянец долго молчал, глядя в одну точку. Потом все так же молча и крепко пожал руки Ивану и Миклошу. По впалой щеке медленно скатилась слеза.

«Ну вот,— огорченно упрекнул себя Иван.— Хотел человеку приятное сделать, а получилось...»

— Graci!<sup>19</sup>...— Джордано переборол волнение и улыбнулся.— Вы оба не представляете себе, как много для меня сделали. Теперь...

— Синьор Джордано,— Иван инстинктивно почувствовал опасность и ринулся наперерез.— Давно хотел вас спросить...

— Да, Джованни? — Ноланец был явно удивлен, но недовольства не высказывал.— Спрашивайте.

---

<sup>18</sup> Доброе утро! (осет.)

<sup>19</sup> Спасибо (итал.)

— Почему на вас эта одежда? — брякнул Иван первое, что пришло в голову.

— Одежда? — Джордано недоуменно оглядел себя и понимающе усмехнулся.— Видите ли, Джованни, я довольно долго гостил у синьоров церковников. Мой туалет порядком истрепался. А взамен святая инквизиция смогла предложить только рясу, да и то с чужого плеча. Знали бы вы, как долго пришлось ее отстирывать. Впрочем, ничего удивительного тут нет: ослы никогда не отличались чистоплотностью.

— А меня обокрали! — вдруг сообщил Казбек.

Обокрали? — переспросил Миклош.— Что вы имеете в виду?

— Патрон детонита умыкнули. Кусок бикфордова шнура. Коробок с запалами.

— Как умыкнули? — Иван не верил своим ушам. Чего-чего, а краж в экспрессе не наблюдалось.— Когда? Где?

— Шут его знает! Вечером куртку в шкаф повесил, утром беру — легкая. В карманы сунулся — пусто. Спички и те увели.

«В чахлой чаще чапарраля  
Два ковбоя загорали»,—

тревожно заколотилось в сознании.

— Да чего тут удивляться,— продолжал Казбек.—

Двери без запоров: входи, кому не лень.

«...И судачили о том,  
Как состряпать суп с котом...»

— И кому здесь детонит нужен? — в голосе осетина звучали тревога и недоумение.— Не дай бог, еще запалит сдуру.

— Тебе-то какая печаль? — Иван отправил ковбоев ка все четыре стороны.

— Мне? — Казбек обвел ресторан взглядом.— Жалко, такая красота пропадет.

— Тебе что — нравится тут?

— Конечно, нравится. Кормят, ухаживают. Пахоть не надо. Хочешь — в ресторан иди, хочешь — в кино, хочешь — на пляж... Девчонки классные.— Он вдруг игриво подмигнул. «Кому это он?» — Зарудный

недоуменно оглянулся. Блондинка за соседним столом отчаянно строила глазки.

Им вдруг овладело странное чувство отчужденности. Миклош говорил о чем-то с Джордано. Казбек со вкусом и знанием дела заказывал официанту завтрак. Минуту назад все трое были близки ему, понятны и дороги и вдруг отодвинулись куда-то, и он уже не участник развертывающегося на сцене спектакля, а всего лишь нейтральный зритель.

«Чепуха какая-то!» — Иван отодвинул тарелку и встал. Медленно, как бы преодолевая непомерную тяжесть, Радноти поднял на него глаза.

— Уходишь?

Ни вопрос, ни тол, которым он был задан, ни даже непривычное обращение на «ты», а выражение глаз Миклоша заставило Ивана зажмуриться и изо всех сил стиснуть зубы. Какой там к дьяволу нейтральный зритель, если сердце захлебывается болью и нет сил открыть глаза!

— Да, Миклош.

— Ну, что ж,— буднично, как ни в чем не бывало, произнес венгр.— Всего хорошего, Иштван.

Надо было что-то ответить, внести ясность или, наоборот— напустить тумана; надо было наконец просто попрощаться, но Иван только молча кивнул и, не оглядываясь, зашагал к выходу.

Оркестр заиграл вслед что-то печальное, кажется, «Прощание на берегу» Хольстрема, но Зарудный уже ничего не видел и не слышал.

У себя в каюте он долго стоял перед иллюминатором, машинально глядя на проплывающий мимо пейзаж. Теперь, когда побег с «Надежды» становился наконец реальностью, он неожиданно для самого себя вдруг ощутил тоскливую боль от предстоящей разлуки с людьми, которых еще недавно не знал и которые, оказывается, были ему теперь близки и дороги. Сознывая, что и они рано или поздно покинут экспресс, не могут не покинуть хотя бы потому, что стремление вернуться в свою эпоху составляло главную цель и смысл их теперешней жизни, он все равно чувствовал себя виноватым перед ними за то, что уходит первым.

Перед глазами возникали то гигантский костер на запруженной людьми площади Цветов в Риме, то яма, в которой стоит Миклош Радноти, снизу вверх глядя на целящихся в него эсэсовцев. Странно, о

себе он в эти минуты не думал. С ним все ясно: протаранить «мессер» до того, как тот успеет сбить курбатовский «ил», а там будь что будет.

За иллюминатором тянулся знакомый с детства пейзаж: барханы, солончаки, такыры... Потом из-за горизонта взошла огромная кроваво-красная луна, и он вдруг успокоился. Тщательно побрился перед зеркалом. Принял душ. Оделся. Сел в кресло, положил на колени планшет. И стал ждать.

— Товарищ!

Зарудный с трудом разлепил веки и тотчас снова зажмурился: ослепительно ярко светило солнце. Кто-то осторожно тряс его за плечо. Руперт? Но почему «товарищ»? Иван рывком вскочил на ноги и открыл глаза.

Человеку было за тридцать. Он был курнос. Из-под капюшона брезентового плаща выбивался чуб цвета спелой пшеницы. Поодаль стоял выдавший виды мотоцикл с коляской. А дальше, насколько хватало глаз, простиралась выжженная солнцем равнина. На горизонте, величественно изгибаясь, брели пыльные смерчи.

Иван оглянулся. Позади был вагончик на обтянутых литой резиной колесах. К двери вела сварная металлическая лесенка и, судя по следу на пыльной ступеньке, с нее-то он только что и поднялся. Зарудный встряхнул головой, прогоняя остатки сна.

— С праздником! — Голос незнакомца был чуть хриловатый. Доброжелательный голос. И взгляд тоже.

— С праздником? — переспросил Иван.

— Ну да. Девятое мая сегодня, День Победы. Забыл?

— К-какой п-победы? — запинаясь, спросил Иван, покачнулся, чувствуя, как земля стремительно уходит из под ног, опустил руку на поручень лесенки.

— Ну ты даешь! — добродушно восхитился незнакомец.— Крепко, видать, вчера хватанули. Ладно, давай знакомиться. Игорь,— ладонь у парня была мозолистая, твердая. Мужская ладонь.

— Иван.— Зарудный достал платок, вытер вспотевший лоб.

— Бывает,— сочувственно кивнул Игорь.— Сейчас я тебе аспиричика дам. Глядишь, и легче станет.

Он снял плащ, аккуратно сложил, сунул в багажник коляски. Отпер висячий замок на двери вагончика, достал веник, смахнул пыль с кирзачей.

— Тут одни мужики, так что не обессудь: за чистотой сами посмотрим.

В вагончике царил прохладный полусумрак. За обтянутыми противомоскитной сеткой окошками виднелась все та же плоская — ни дерева, ни кустика — равнина. Иван повесил на крючок возле двери планшет и куртку. Огляделся.

— Вот так и живем,— Игорь задернул занавеску на окне.— Да ты садись. Я утром ребят в Тулей отвез, к поезду. На праздник в Ургенч укатили. Завтра к вечеру вернутся.

«В Тулей,— мысленно отметил Иван,— к поезду. Завтра вернутся». До войны, он это знал точно, ближайшей железнодорожной станцией был Чарджоу и до нею от Ургенча надо было добираться либо пароходом, либо попутной машиной.

— Умоешься с дороги? — предложил Игорь.— Идем на кухню.

Кухонька была с гулькин нос, но опрятная и комфортабельная: газовая плита на две конфорки, кран, раковина. Над ней аптечка с зеркальной дверцей. На аптечке стакан с зубными щетками, мыльница. На стене возле плиты — шкафчик с посудой. Под окном навесной столик и три табуретки.

— Умывайся,— Игорь кивком указал на раковину.— Сейчас полотенце чистое принесу.

И как только Иван сполоснул лицо и руки, вручил ему полотенце и решительно выставил из кухни.

— Ступай в гостиную, а я тут завтрак соображу.

«Гостиная» тоже была невелика: стол, три откидных койки, платяной шкаф. На антресолях виднелись два скатанных матраца. Третий лежал на откинутой койке, застланный байковым одеялом.

— Отдыхай,— указал Игорь на койку и включил стоявший на столе радиоприемник.— Музыку послушай. Сегодня весь день концерты будут гонять.

«Spidola»,— прочитал Иван поблескивающее никелем название радиоприемника. Города на шкале настройки тоже были обозначены латинскими буквами. «Трофейный»,— решил Иван, садясь на койку и вдруг весь напрягся:

Вставай, страна огромная,  
Вставай на смертный бой! —

загремел в вагончике хор суровых мужских голосов.—



С фашистской силой темною,  
С проклятою ордон!

Игорь убавил громкость, подмигнул и отправился го-, товить завтрак.

Пусть ярость благородная  
Вскипает, как волна,  
Идет война народная,  
Священная война!

Песня брала за душу, будила воспоминания, сближала дальние дали. Теперь он уже не чувствовал себя посторонним в этом поначалу чужом для него мире, нащупал связующее звено. И звеном этим была песня.

Иван шагнул к окну и сдвинул противомоскитную сетку. В лицо дохнуло прохладой. У самого горизонта группами и поодиночке шли пыльные смерчи, и было в их движении что-то пугающе нереальное, неподвластное привычным земным категориям и закономерностям.

Сквозь заключительные аккорды песни прорезался голос диктора:

— Тридцать лет назад, 9 мая 1945 года залпы салюта над поверженным в прах рейхстагом возвестили миру о победе советского народа над гитлеровской Германией!

— Т-та-ак-к...— Иван почувствовал, что вот-вот упадет, и медленно опустился на койку. Лоб опять покрылся холодным потом. Он достал платок, расправил и уткнулся в него лицом. Победа. Он так ждал этого дня... На фронте, в госпитале... Каждым вылетом, каждым сбитым фашистским самолетом старался приблизить победу... Тысячу раз представлял себе этот день, огни салюта, сияющие лица однополчан, ощущение безграничной радости... И вот — победа. А он узнает о ней тридцать лет спустя!.. И нет вокруг никого из друзей. И ощущения радости нет, а только горькое чувство вины... Вины? А в чем его вина?!

— Аспирин-то я забыл дать. Э, братишка, да тебе, я смотрю, совсем худо.— Игорь выключил приемник, протянул Ивану таблетку и стакан с водой.— Держи-ка...

Зарудный машинально взял аспирин.

— Глотай,— скомандовал Игорь,—И па боковую. Сосни чуток.

Проснешься, позавтракаем.

Иван проглотил таблетку, отдал стакан, лег, закинув руки за голову. Закрыв глаза.

Что теперь? Вопрос родился в сознании сам собой. И, как ни странно, вдруг само собой пришло спокойствие. Схлынуло нервное напряжение, стало легко и покойно, как бывает, когда возвращаешься домой после утомительно долгой поездки.

Домой... Иван обвел взглядом немудрящее убранство вагончика и усмехнулся. В экспрессе все было в тысячу раз комфортабельнее: живи йе хочу! Но там он чувствовал себя чужим, а здесь... Здесь он д о м а.

И дело даже не в том, что, судя по всему, отсюда рукой подать до Турткуля: тридцать лет срок не малый, все там наверняка изменилось.

Он поднялся и включил радио. Передавали старинный марш «Прощание славянки». Из кухни потянуло горячими шкварками.

— Вань! — позвал Игорь, — Ты яичницу как любишь — глазунью или взболтать?

— Все равно. — Он похлопал по карманам комбинезона. Папирос не было.

— Как? — не расслышал Игорь.

Иван вышел в тамбур, полез в карман куртки.

— Все равно, говорю.

Дверь в кухню была открыта. Игорь вовсю колдовал над сковородкой. Увидел Ивана, кивнул.

— Кури здесь. Тут, кроме меня, все смолят... А куртка у тебя — блеск. Кожаная, на меху. Летаешь или технарь?

— Летаю.

— Понятно. — Он выключил конфорку под сковородкой. На второй конфорке поблескивал металлический чайник. — А, ч-черт! Забыл совсем. Будь другом, слетай к мотоциклу, сумку принеси.

Стол удался на славу. Салат из свежих помидоров и огурцов. Редиска. Гора зелени. Яичница-глазунья и нарезанный тонкими ломтиками копченый окорок.

— Собственного копчения, — похвастал Игорь. Достал из сумки четвертинку с изумрудно-зеленой этикеткой. Жидкость в бутылке была под стать этикетке — светло-зеленая.

— «Шайкурай», — прочел Иван. — Это что?

— А шут ее знает, — признался Игорь, — Настойка какая-то. Я в этих делах не мастак. За День Победы.

Он налил по полрюмки и поставил бутылку на стол. Осторожно, двумя пальцами взялся за рюмку.

— Батя у меня с войны не вернулся.— Помолчал, глядя куда-то в окно внезапно посерьезневшими глазами. Вздохнул.— Давай за него.

Наливка горчила. Наливка пахла дикой полынью, бескрайним степным привольем.

— Ешь, Ваня. Закусывай. Ветчину бери.

Смутное воспоминание шевельнулось в душе. На мгновение стало тревожно и неудобно. И тут же прошло.

— Сам-то из каких краев будешь? — спросил Игорь.

— Из Турткуля.

— Надо же! Земляки.

Иван стиснул зубы и пристально взгляделся в лицо собеседника. Тот продолжал, ничего не замечая:

— И батя мой в Турткуле родился. Не в нынешнем, конечно. В том, который Дарья смыла.

Вопрос рвался с губ, но Иван пересилил себя.

— Отец еще до войны из Турткуля уехал. В летное училище. Там и женился. А как война началась, жену сюда отправил.

«Молчи,— приказал себе Иван.— Молчи и не строй догадок. Мало ли похожих судеб...»

— А в сорок четвертом похоронка пришла. Осенью. Это было как удар в солнечное сплетение: режущая боль, удушье и почти полная неспособность сделать вдох.

Игорь по-прежнему, не отрываясь, смотрел в окно.

— Мать после его смерти всего год протянула. А меня в детдом определили. Вот такие дела...

Игорь снова налил в рюмки.

— Выпьем, Ваня. За Победу выпьем.

«Не смотри! — то ли молил, то ли тщетно заклинал Иван.— Не поднимай глаз!».

— Да что с тобой? — всполошился Игорь.— Лица на тебе нет! Сердце, да?

— Н-ничего,— хрипло прошептал Зарудный, поднес рюмку к губам и запрокинул голову. Спирт обжег нёбо, глотку, гортань. Иван выдохнул остатки воздуха, мед-ленно-медленно потянул в грудь свежий.

— Потерпи, браток. Сейчас валидол дам.— Игорь торопливо вышел

из комнаты.

«День Победы порохом пропах»,— услышал Иван чей-то мужественный баритон, протянул руку и прибавил громкость.

Это праздник с сединою на висках,  
Это радость со слезами на глазах.  
День Победы, День Победы, День Победы!..

Вернулся Игорь с пузырьком валидола.

— Не надо,— остановил его Иван.— Прошло. Давай лучше песню послушаем.

Ему и в самом деле полегчало. Молча дослушали песню. Иван — сосредоточенно, глядя прямо перед собой. Игорь — то и дело бросая на него тревожные взгляды.

— Легче? — спросил он, когда Иван выключил приемник.

— Не то слово,— криво усмехнулся Зарудный.— По последней, что ли?

— Может, не надо?

— Надо,— кивнул Иван.— Бог трицу любит.

— Так то бог,— улыбнулся Игорь,—А мы простые смертные.— И вдруг предложил: — Слушай, а может, на рыбалку махнем? Арал рядом.

— Можно и на рыбалку,— согласился Иван и разлил по рюмкам остаток «Шайкурая».

— Скажи, Игорь, ты помнишь своего отца?

— Откуда? — собеседник удивленно вскинул на него глаза.— Только по фотографиям. Когда я родился, он уже на фронте был. А что?

— Да так,— Иван поднял рюмку.— Давай молчком. Каждый за свое.

Только глаза у Игоря были Катины — карие с поволокой...

Мотоцикл, такой неказистый с виду, тянул на удивление здорово. На холостых двигатель работал почти беззвучно, а когда Игорь прибавлял газ — гудел басовито и мощно, стремительно набирая обороты.

— Хороша машина! — прокричал Иван сквозь упруго хлещущий в лицо ветер. Игорь кивнул, не отрывая глаз от дороги.

— По винтикам собрал. Своими руками.

Мотоцикл накатом пошел под уклон. Игорь сбросил газ до предела. Стало тихо, лишь негромко шуршали протекторы по пыльному склону.

— Такие моторы я только у «Цундапов» встречал, да у «Харлей-Додсонов».

Игорь недоверчиво покосился на пассажира, но промолчал. Спуск кончился. Мотоцикл свернул влево и по инерции покатил вдоль обрыва. Внизу бирюзово синело море. Начинаясь у широкой песчаной отмели, оно уходило к самому горизонту и там сливалось с небом.

— Приехали.

Игорь помог отстегнуть клеенчатую полость, шагнул с мотоцикла, разминая ноги. Вниз, к отмели, приноравливаясь к узким ступенчатым уступам обрыва, вела зигзагообразная тропинка. Море было пустынно — ни дымка, ни паруса — бирюзовая ширь, насколько хватало глаз, и от этой величественной шири захватывало дух и на сердце становилось светло и празднично.

На отмели, ближе к обрыву, стояли деревянные щитовые домики. Иван насчитал их целую дюжину и удивился, кому и зачем понадобилось ставить их здесь, вдали от человеческого жилья.

— Удивляешься? — Игорь достал из багажника сумку и складные бамбуковые удилища.— Это сейчас тут ни души. А начнется жара — яблоку негде упасть будет. Со всею Устюрта хлынут: газовики, геологи, шофера.

Не поверишь, с Каспия на вертолетах прилетают купаться.

Он посмотрел вдаль, прикрывая глаза ладонью.

— Жаль. Хорошее море было.

— Почему «было»? — удивился Иван.

— Мелеет.— Игорь перекинул сумку через плечо, протянул удилища.— Держи. Вниз пойдём.

Обрыв был высокий, не меньше ста метров. Снизу он смотрелся куда эффектнее: угрюмый срез разноцветных пластов. Сэндвич высотой с небоскрёб. Слоеный пирог матушки Земли.

— Уступы видишь? — указал рукой Игорь.

— Ну, вижу.

Уступы шли в несколько ярусов от подножия до самого верха обрыва.

— Что это, по-твоему?

— Ступеньки для великанов.

— Почти угадал,— усмехнулся Игорь.— Линия прибой.

— Что-о? — опешил Иван.

— Вот тебе и «что»! Мелеет Арал. А в последние годы особенно.—

Игорь повесил сумку на гвоздь у двери ближайшего домика. Полез в карман за ключом.— Когда мы сюда первый раз приехали, вода вот здесь была. Закидушки прямо с веранды забрасывали. А теперь до воды километр топать, не меньше. Это за какие-то два года.

— И что же дальше?

— Дальше? — Игорь щелкнул замком и открыл дверь.— Если все останется как есть, высохнет море.

Иван представил себе бесконечную солончаковую степь на месте бирюзового приволья и зябко передернул плечами.

— Климат?

— Если бы только климат! — вздохнул Игорь.— Климат—это цикличность. Спады, подъемы. Арал никогда не стоял на одном уровне. Но тогда амплитуда была: вверх — вниз. А теперь четко: спад и никаких подъемов.

— Почему?

— Почему? — Игорь вошёл в дом, споткнулся обо что-то, вполголоса помянул черта.— Потому что Аралу каждый год 62 кубических километра пресной воды подавай. А где ее взять? Сырдарья уже давно в море не впадает. Амударья — лет пять. Выпили голубушку. Всю досуха. Аралу ни капли не оставили.

Он вышел на веранду в одних плавках, стройный, мускулистый, загорелый, до боли похожий на Мишку Курбатова.

— Скидывай одежду, чего стоишь? Искупаемся, позагораем. До вечера все равно клева не будет.

— И что — ничего нельзя сделать? — спросил Иван, расстегивая пуговицы комбинезона.

— С Аралом-то? Отчего же — можно. Дать ему эти самые шестьдесят два кубика в год — и дело с концом. Только где их взять — вопрос! — Он спустился по ступенькам, прошелся, с удовольствием ступая по песку босыми ногами.— Знаешь, чем я в школе увлекался? Ни за что не угадаешь. Экологией. Мечтал ученым-экологом стать. Может, и стал бы, вернись батя с войны. А так в техникум пошел. Политехнический заочно окончил. А от мечты только и осталось, что книги, да еще вырезки из газет и журналов. До сих пор собираю.

Песок и в самом деле был хорош: в меру горячий, он приятно согревал ступни, и лучи солнца ласково касались кожи, бодрящий ветерок с моря освежал лицо и грудь, рождая воспоминания о далеком беззаботном детстве.

— А зачем, и сам не пойму,— усмехнулся Игорь.— По привычке, наверное. Перелистываю иногда от нечего делать. Любопытные мысли в голову приходят.

— Какие, например?

— Да все с Аралом связанные. Знаешь, когда Амударья впервые до моря не дошла? Когда Каракумский канал запустили... Тогда мне казалось, все правильно. А что вышло? Читаешь газеты и диву даешься. Без всякой пользы, в песок вода уходит. В оазисах заболачивание началось, поля гибнут. Возле Ашхабада подпочвенные воды поднялись, того и гляди, город поплывет. Что же получается? Без головы проектировали? На авось? С кондачка?

А Приаралье без воды осталось. Дельта Амударьи высохла. Ондатроводческие хозяйства прахом пошли. Рыбоконсервный комбинат на ладан дышит.

Тебе-то, наверное, невдомек, сколько раньше в Амударье да в Арале рыбы водилось. Лещ, усач, сазан, лопатонос, сомы двухсоткилограммовые. Где это все? Осетровые, да и не только они, на икромет вверх по Амударье поднимались. До самого Памира. А теперь как им быть? По суше добираться? — Игорь усмехнулся и сел, подставив спину лучам солнца.— Это ведь только в сказках сом себя за хвост зубами хватает и колесом посуху катится. А лопатоносу и того не дано: у него хвост, как у мыши, тонкий, длинный. Смешно, правда? А мне плакать хочется.,

Несколько минут он молча пересыпал с ладони на ладонь золотистый песок, еще недавно устилавший дно Аральского моря.

- Водохранилище на Туямуюнском створе затеяли строить. На пять миллиардов кубов. Опять же все вроде бы правильно, оскудела река, а поля поливать надо. Ну, а если в корень взглянуть? Ту я му юн — высшая точка оазиса! Построят водохранилище. Наполнят пятью миллиардами кубов воды. Фильтрация будет? Будет. И еще какая! А значит, по всему оазису грунтовые воды вверх попрут. Ты представляешь, Ваня, что такое грунтовка? Железо разъедает, бетон, гранит. А уж об органике и говорить нечего.

Он опять замолчал, глядя, как льются сквозь пальцы тонкие золотистые струйки.

Дьявольски странно было сознавать, что ты чуть не вдвое старше этого мужчины, который убежден, что имеет дело с двадцатилетним юнцом. Мужчины, который лишь понаслышке знает о Турткуле его

детства, Турткуле, которого, если верить Игорю, давно не существует, который смыла Амударья, тогда, в конце тридцатых, только-только подбиравшаяся к западной окраине города. Он вспомнил преисполненную неукротимой мощи необозримую гладь реки, клоочущие водовороты, не стихающий ни днем, ни ночью гул стремительного течения, отчаянно дымящие буксиры с караванами барж, трехметровых сомов, которых всей артелью вытаскивали бреднями из затонов заросшие косматыми бородами уральцы. Ощутил во рту неповторимый, не сравнимый ни с чем аромат и сладость хорезмских дынь, после которых, сколько ни положи, долго слипались пальцы...

Неужели это все ушло безвозвратно, кануло в небытие?

— Игорь,— негромко начал он и кашлянул.— Ну вот ты знаешь все это, видишь, как вырождается на глазах целый регион... Неужели ты можешь так спокойно наблюдать это все?.. Почему не вмешаться, не крикнешь: остановитесь! Что вы делаете, люди?!

— Пробовал,— угрюмо кивнул Игорь.— Написал все, что думаю. Отпечатал в нескольких экземплярах. В обком отправил, в Министерство водного хозяйства, в Академию наук.

— И что? Неужели не ответили?

— Ответили,— Игорь покачал головой.— Деликатно ответили, вежливо. А смысл такой: занимайтесь, дескать, дорогой товарищ, своим делом и не суйтесь в чужие.

— И ты успокоился?

— Успокоился? — Игорь повернулся лицом к солнцу, запрокинул голову и закрыл глаза.— Нет, Ванечка. Я не успокоился. Я размышлял, Ванечка. Долго-долго. Приблизительно так: а вдруг они правы? Ведь не может же быть, что все вокруг сплошь слепцы, а я — зрячий? Я иду в ногу, а целый полк — нет? Люди, которым эти проблемы поручены,— не лыком шиты. Профессора, академики. Заслуженные, народные, признанные. А я кто? Инженер-механик. И в экологии, извините,— пшик, дилетант-любитель. Так что пусть все своим чередом идет. А зремя покажет, кто из нас прав.

Вот ты — летчик. Как бы ты отреагировал, приди к тебе на аэродром ну, скажем, конюх или свинопас и начни тебя поучать: не так к самолету подходишь, неправильно садишься, не туда летишь? Что бы ты ему ответил?

— Не знаю, что бы я ему ответил,— медленно, изо всех сил



сдерживая гнев, произнес Иван.— А тебе скажу: демагогия это все и софистика. Побоялся лезть в драку, вот и успокаиваешь себя побасенками. И уж если тебя на аллегии потянуло, я тебе другую ситуацию предложу. Выходит в круиз теплоход. Всеобщее ликование, ажиотаж, восторги. А ты вдруг обнаруживаешь пробоину ниже ватерлинии. Бежишь к капитану, а он тебе: занимайтесь свои делом, пассажир. Ликуйте, восторгайтесь. А в наши дела не лезьте. Ты что — тоже рукой махнешь? Дескать, время покажет, кто прав, а кто нет? Или вот еще: воздушный бой, «мессер» заходит в хвост нашему штурмовику. Ты это видишь и орешь: «Мишка, «мессер» сзади! «Мессер»! А он по-запарке: «Отстань. Не мешай!» И ты отстанешь? Успокоишься? Я, дескать, предупредил, а дальше меня не касается? Время рассудит?!

Иван вдруг обнаружил, что кричит, срывая голосовые связки, ощутил режущую боль в горле. Бледное расплывчатое лицо Игоря проступало сквозь красноватый туман.

— Не пойму, что на меня нашло...— Иван хрипло прокашлялся.— Прости.

Смятение и тревога на лице Игоря уступили место безмерному удивлению.

— Вон ты какой... Тихий, тихий, а...

— Сказал же — прости.— Иван все никак не мог совладать с голосом. И вдруг отчетливо представил себе Мишку в полосатых матерчатых плавках, просто Мишку — не капитана ВВС, не командира эскадрильи,— сидящего на песке там, где сидел сейчас его сын.

«Как бы он поступил на месте Игоря? — спросил себя Иван.— Неужели так же? Нет. Магьяр не из таких».

«С ними на равных биться надо,— мысленно повторил он слова Игоря.— Мечтал ученым-экологом стать. Может, и стал бы, вернись батя с войны...»

Решение пришло мгновенно, как озарение. Твердое, бесповоротно окончательное.

— Игорь,— голос был какой-то чужой, скрипучий, каркающий,— дай-ка ключ от мотоцикла.

— Ключ? — недоуменно переспросил Игорь.— Что это ты надумал?

— За папиросами съезжу.

— Так есть же у тебя!

— Мало.— Иван с трудом глотнул.— Не хватит до вечера.

— Там ключ.— Игорь пожал плечами.— В мотоцикле.

— Я быстро.— Иван уже шагал к обрыву, на ходу застегивая комбинезон.

— Водить-то умеешь? — крикнул вдогонку Игорьь.

— Умею, не беспокойся,— заверил Иван.

Мотор завелся с первой попытки. Иван поудобнее устроился на седле и медленно выжал сцепление. Сделал круг по пыльному плато, принаравливаясь к незнакомой машине, подкатил к краю обрыва и сбросил газ. Мотор почти неслышно заурчал на холостых оборотах.

Море, было великолепно. Море сверкало тысячами солнечных блисток, ласково набегало на золотистую песчаную отмель, и небо над ним было потрясающей голубизны, и весь этот залитый солнцем волнующе незнакомый мир был прекрасен, таил в себе радость бесконечных открытий, и страшно не хотелось уходить из него в неизвестность. Но уходить надо было, потому что это единственная, пусть призрачная надежда спасти

Мишку Курбатова и помочь его сыну обрести уверенность в собственных силах.

Он приложил к губам сложенные рупором ладони и крикнул:

— И-кго-орь!

Игорь оглянулся и помахал рукой.

— Жди вестей от отца-а-а! — донеслось с обрыва.

— Что-о?

— Жив твой отец! Вернется!

«Рехнулся он, что ли?»

— О ком ты?

— О Мадьяре Курбатове! — Человек над обрывом взмахнул рукой, словно прощаясь.— Жди со дня на день! Прощай!

Звревел мотор и, подняв белесое облачко пыли, мотоцикл пропал из виду.

— Ничего не пойму,— пробормотал Игорьь, прислушиваясь к затихающему гулу мотора.— Странный парнишка. Знает откуда-то, как звали отца...

Он вдруг насторожился. Мотоцикл явно возвращался обратно. Мотор ревел на полную мощь.

«Что он задумал? — холодея от недоброго предчувствия, подумал Игорьь,— Что он делает?» То была уже не мысль — безмолвный, душераздирающий крик. Мотоцикл кометой взметнулся над обрывом и, описав плавную дугу, с грохотом ударился о песок.

Несколько часов спустя, усталый и вконец растерянный, Игорь вернулся к домику, достал из сумки флягу, напился и вылил остатки воды на потное, в грязных потеках лицо. Не вытираясь, долго смотрел туда, где темнели на песке останки разбитого мотоцикла,

Клонилось к закату солнце. С моря дул прохладный, ласковый ветер. Ворковали, набегая на песок, волны. И все, что произошло на этом берегу, никак не вписывалось в мирный, голубоватый покой рождающегося вечера.

— Кто это был? — вслух подумал Игорь. — Куда исчез? Я весь берег обшарил, вагончик, обрыв... Ни живого, ни мертвого. Одни следы... А может, и в самом деле не было никого?..

Он повернулся и вздрогнул: на перилах веранды лежала початая пачка папирос «Пушки», которые вот уже лет двадцать как перестали выпускать табачные фабрики. На этот раз Руперт не подвел. Все было, как тогда: солнечное осеннее утро, луг с пожухлой от ночного морозца травой, домик у самой кромки багряного леса, «додж-34», нетерпеливо пофыркивающий мотором, и трое попутчиков — молоденькие лейтенанты-пехотинцы.

— Спасибо, ребята! — Иван пожал руку всем троим и шоферу. — Дальше я сам сориентируюсь. Счастливо!

Помахал рукой вслед «доджу», повернулся и зашагал через луг к домику, мысленно представляя себе встречу с Мишкой Курбатовым. Как тот, узнав его, выдохнет шепотом: «Ванька?! Жив, бродяга! Вернулся!!» И он расскажет Мишке то, чего не мог рассказать в прошлый раз: что родился у него сын, и что глаза у Игорька точь-в-точь как у Кати.

А дальше все пойдет, как уже было однажды — до того самого дня, когда они встретятся с реактивными «мессерами»...

Шагал, вдыхая всей грудью тонкий аромат прихваченной морозцем листвы, и на душе было легко и радостно. Шел, зная, чем грозит ему тот, пока еще далекий бой, и твердо веря, что теперь уже никакие силы не помешают ему сбить этот проклятый «мессер».

**Тахир МАЛИК**

## **ПОСЛЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ**

*Пришли три брата к развилке трех дорог. Видят: на камне письмена высечены. Прочли их братья, и каждый выбрал себе путь. Старший пошел той дорогой, про которую написано было: «Пойдешь и вернешься». Средний отправился в ту сторону, откуда «то ли вернешься, то ли нет», а младшему досталась дорога, по которой «пойдешь — не вернешься». Кенджа-батыр шел долго, встречал высохшие колодцы и не мог утолить жажду, котомка его пуста, и нечем было заглушить голод. Путник похудел, ослаб, но назад не повернул. Наконец он увидел строения какого-то города. Казалось, ворота и высокие стены пылали. Кенджа-батыр вошел в город и от удивления остолбенел. Здесь не оказалось ни единой живой души, ни травки, ни деревца — все было из сияющего, как золото, камня.*

(Из узбекской народной сказки)

Их усадьбы примыкали одна к другой, изгородь заменял ряд вишневых деревьев. Когда опускалась ночь и их домашние засыпали, стройная, как кипарис, девушка и богатырского сложения юноша устремлялись к этим вишням. Но сегодня парень что-то запаздывал. Девушка сидела долго, прислушиваясь к шелесту листьев. Дрожат ли они на ветру или же ведут разговор на неведомом языке? «Все говорят по-своему. И растения объясняются между собой. Только люди не понимают их языка...»

Послышались шаги, и мысли девушки прервались. Она привыкла узнавать парня и в темноте...

Присели у края неширокого арыка. Долго молчали. Наконец юноша вздохнул и произнес:

— Вы, наверное, уже слышали новость?

— Да,— ответила девушка.— Но я не совсем поняла причину этого решения.

— Мы — брат, отец и я — столько труда вкладываем в изготовление украшений, а лавры достаются баю. Оказывается, он преподносит наши изделия падишаху, выдавая их за собственные. Бай не способен ни на что, но его осыпают милостями, дарят ему златотканые одежды. А наших стenanий никто не слышит. Вот и

решили мы переехать в другое место.

— А обо мне вы не подумали?

— Я жду подходящей минуты, чтобы сказать отцу. Но согласятся ли ваши? Я не надеюсь на это...

— Не знаю.

Они вновь замолчали. Вода в арыке еле слышно жур< чала.

Обняв колени, девушка подняла голову к кебу:

— Звездочка падает,— сдавленно произнесла она.

— Кто-то отдает богу душу,— отозвался парень.

— Смотрите-смотрите, она все не гаснет!

Влюбленные пристально следили за летящей звездой.

— Видно, большой человек умирает,— промолвил парень,— тяжело расстается с душой.

Звезда становилась все ярче, стал заметен светящийся хвост, оставляемый ею, он делался с каждым мгновением шире. Некоторое время юноша и его подруга продолжали наблюдать за звездой. Наконец девушка передернула плечами и, освободившись от объятий, поднялась. Сказала: «Мне страшно. Надо идти в дом».

Тем временем в ночи раздались встревоженные голоса — жители города высыпали во дворы. Собаки подняли бешеный лай. Вскоре повсюду запылали костры, слышались слова молитв, причитания женщин.

А звезда все увеличивалась в размерах, и скоро на нее невозможно стало смотреть. Началась паника: «Солнце падает на землю!», «Аллах прогневался на нас!» Но вот ослепительный свет разом залил всю округу. И следом за ним раздался невыносимый грохот. Земля дрогнула, как бы расколота ударом. Вековые деревья ломались, словно сухой тростник. Но в следующий миг все кругом замерло, облитое мертвенным золотистым сиянием. Смолкли вопли, грохот. Небо постепенно темнело, прорезались звезды. В их призрачном свете слабо мерцало все, что еще минуту назад двигалось, жило, словно лес бронзовых изваяний, застыли на площадях толпы людей, металлическим блеском отсвечивали деревья и травы...

Утреннее солнце поднялось из-за окоема, залил всю окрестность потоком огня — око озарило тысячи недвижных фигур, сама земля мертвого города, его руины, также покрывшиеся золотистым налетом, нестерпимо сияли. Только один предмет во всей округе выделялся в этом море солнечного огня — темное яйцевидное сооружение с

выступавшими в нижней части его тонкими отростками, похожими на лапки кузнечика.

К полудню на боковой поверхности «яйца» обозначилось прямоугольное отверстие, и вскоре из него один за другим появились двое. Они были очень похожи на людей, однако намного выше и крупнее. Полупрозрачные колпаки у них на головах излучали ослепительный свет. Сделав несколько шагов, тот, кто шел первым, остановился и заговорил:

— Кив, кажется, мы ошиблись в расчетах. Грунт на месте посадки должен быть не столь твердым, а примерно таким, как у нас на Унете.

— Да,— оглядываясь вокруг, ответил второй,— и цвет местности совсем другой, чем он казался из космоса. Почему все кругом желтое? Когда мы вели наблюдение с Унета, эта планета излучала тускло-голубой свет. Может быть, таково воздействие атмосферы? Если вся поверхность суши желтая, то предположение Рэка окажется правильным. В таком случае приемлемую для унетян планету придется искать возле других звезд.

Они зашагали быстрее. В радиусе нескольких десятков метров от места приземления «яйца» не осталось и следа растительности. Поваленные деревья стали попадаться пришельцам на значительном удалении от корабля. Кив остановился возле гигантской чинары, отличавшейся желтым металлическим блеском.

— Ниг, взгляни, тебе это ничего не напоминает? — обратился он к спутнику.

Ниг приблизился к чинаре, постучал по ее стволу длинной тонкой трубкой с утолщением на конце.

— Странная форма. Если бы это не был минерал, я бы сказал, что он напоминает мне... Посмотри кругом, да ведь таких камней очень много!

Они пробирались среди руин. Увидев человеческую фигуру с воздетыми к небесам руками, Кив резко остановился, словно споткнувшись.

— Ведь это наше изображение в металле! — воскликнул он.

Ниг с трубкой в руке приблизился к изваянию. Прикоснувшись инструментом к одному из тонких пальцев статуи, он осторожно отделил его и, положив себе на ладонь, провел по нему серебристым обручем. Палец раскрошился, словно глиняный.

— Мы не ошиблись, Кив. Здесь была жизнь. Это памятники умершей цивилизации — обитатели планеты, возможно, хотели

сохранить для будущего свой облик...

— Что ж, может быть, в твоих словах есть доля правды. А если жизнь не угасла?.. Не приземлились ли мы в месте, где жители чтут предков? Ведь у нас на Унете существовал в древности обычай увековечивать памятными знаками такие места.

— Во всяком случае, надо прихватить с собой несколько таких изваяний...

Получив донесение о том, что на город опустилась «пылающая звезда», султан повелел нескольким ученым мужам и служителям аллаха отправиться на место бедствия и затем представить дивану<sup>20</sup> подробный отчет об увиденном. Облеченные доверием властителя немедленно двинулись в путь.

На третьи сутки путники стали замечать, что земля приобрела желтоватый оттенок и делается все более твердой — она начала звенеть под ударами копыт.

— Эти края, видно, прокляты богом, и не прогневим ли мы его, если поедем дальше,— заметил один из мулл.

— Но мы не имеем права вернуться, не узнав, что творится на месте падения звезды,— ответил седобородый старец в снежно-белой чалме.

Когда добрались до окраины погибшего города, была уже ночь. В свете луны золотом отсвечивали дувалы, неподвижные кроны тополей. Когда посланцы увидели несколько окаменевших фигур, их охватил страх. Некоторые предлагали немедля повернуть коней и скакать прочь от города. Однако, посоветовавшись, решили все же дожидаться дня, чтобы исполнить повеление властелин и увидеть все собственными глазами. Пристанищем для них стал обезлюдевший дом, стены и убранство которого также отсвечивали желтым.

Четверо расположились на ночлег в доме, остальные — во дворе.

В полночь все кругом осветилось, и едва уснувшие чутким сном путники пробудились. Взглянув наружу, они увидели приближающихся к дому двух неизвестных огромного роста, над головами которых распространялось сияние. Едва незнакомцы подошли к дувалу и тень от него перестала скрывать тех, кто остался во дворе, как все они окаменели, покрывшись золотистым налетом.

Оставшиеся в доме распластались по полу и беззвучно шептали молитвы до тех пор, пока свет, озарявший окрестность, мало-помалу

---

<sup>20</sup> Совет высших сановников при султানে.

погас. Когда, россыпь звезд вновь стала видна на небосводе, один из мулл выглянул во двор, и, увидев окаменевшие фигуры своих товарищей, сдавленно вскрикнул:

— Они превратились в золото!

До самого утра уцелевшие посланцы султана читали молитвы и заклинания, а с восходом бросились седлать коней. Но и лошади превратились в неподвижные изваяния, нестерпимо блестящие в лучах восходящего солнца. Теперь им, оставшимся в живых, предстоял мучительный путь пешком по каменистой пустыне.

На шестой день погонщики купеческого каравана, следовавшего в столицу, подобрали одного из тех, кто по велению султана отправился в погибший город. После того как сердобольные караванщики напоили его, звездочет Рахматулла, назвав себя, попросил доставить его ко двору повелителя правоверных и впал в забытье.

Придворные лекари привели звездочета в чувство, и он предстал пред очи султана, его визирей и высшего духовенства.

— Почему только ты один выбрался из этого города? — спросил хозяин дворца.

— О властелин, все мои сотоварищи остались там: одни обратились в золотые изваяния, а другие умерли в желтой пустыне.

— Он не в своем уме, повелитель, — заметил один из чиновников. — Жаркое солнце расплавало ему мозги.

— Помолчи, — остановил его султан.

Выслушав подробный рассказ Рахматуллы, он задумчиво сказал:

— В его речах нет следов безумия — он говорит складно и толково... А что думает по поводу услышанного нами великий муфтий?

Служитель аллаха приподнялся с подушек и, приложив к груди руки, отвечал:

— Я думаю, о надежда Ислама, что звездочет говорит правду. Видно, аллах в назидание нам обрушил на грешный город свой гнев. А те двое великанов, источавших свет, может быть, это святой Хызр и святой Хусам?

После обсуждения событий, последовавших за падением звезды, султан разослал во все концы страны указ, в котором извещалось: всевышний покарал нечестивцев, обратив их в камень. Доступ в проклятое место отныне воспрещается. Но сразу же поползли слухи о том, что в погибшем городе все: дома, люди, сама земля — превратилось в золото. Некоторые смельчаки стали проникать в



проклятый аллахом край, но те немногие, кто возвращался, вскоре умирали от недуга. И суеверный страх перед Неведомым отбивал у других охоту отправиться за «золотом святого Хызра». Горячие ветры заносили город песком и пылью, принесенной с полей Ферганы...

Шли годы, под ударами кочевников рушились государства, жизнь возрождалась на новых местах, и падение звезды постепенно забылось, остались в памяти иных поколений лишь смутные легенды, предания о святом Хызре.

\* \* \*

Возвращаясь с похорон доцента Бекмирзаева, некоторые вполголоса говорили: «Сам себя загубил. И раскопки эти — бессмысленны». Уже на следующий день после его смерти институтским начальником была высказана мысль о том, что пора прекратить работы, проводившиеся Бекмирзаевым в Язъяване. Это встревожило Даврана Хасанова, который под руководством Бекмирзаева участвовал в раскопках. Поэтому сразу же после похорон он выехал в Язъяван, чтобы привести в порядок документацию экспедиции и подготовить аргументы в пользу продолжения изысканий.

И когда спустя полмесяца из центра поступило указание прекратить работы, Давран написал докладную, в которой приводил расчеты покойного учителя и просил разрешения продолжить раскопки. Еще через неделю в лагерь экспедиции прибыл однокурсник Даврана Нияз Мансуров — щеголь, словно сошедший со страниц журнала мод, с тонкими, словно выщипанными бровями, усиками. Увидев его издали, Давран ощутил досаду: вместо того, чтобы прислать знающего специалиста, институт командировал этого пройдоху. То, что совершенно чуждый научных интересов парень благодаря большим связям чувствовал себя спокойно на этом поприще, вызывало неприязнь не только у Даврана, но и у многих археологов. Давран учился вместе с ним пять лет, бывал с ним на практике, но ни разу не видел, чтобы он участвовал в работах или проявил хоть какой-то интерес к находкам. И тем не менее Нияз получил диплом. А вот теперь именно его направили решать судьбу раскопок в Язъяване.

Увидев Даврана, Нияз зашагал навстречу с распростертыми объятиями. Давран хмуро ответил на приветствия и предложил

немедленно начать ознакомление с проделанной работой. Нияз с кислой миной кивнул и отправился вслед за Давраном по пыльной дорожке. Он ступал очень осторожно, словно боясь наступить на змею. Когда они поднялись на каменистый бугорок, Нияз, вместо того чтобы слушать объяснения коллеги, принялся отряхивать запыленные штанины.

— Куда ты меня тащишь? — возмутился он, когда Давран направился было к лабиринту раскопок.— Я и отсюда вижу, что вы, словно суслики, копаетесь в земле. Ты покажи мне найденные вещи.

— Разве ты не видел их в институте?

— Да видел какие-то пять-шесть черепков,— с иронией ответил Нияз.

— При раскопках Афрасиаба<sup>21</sup> сначала тоже были найдены глиняные черепки,— парировал Давран.— Да и Помпеи — там тоже начиналось с черепков.

— Времена Помпеи и Афрасиаба прошли, дружище. На твою и мою долю не выпадут такие грандиозные открытия. Поэтому, как говорится, по одежке протягивай ножки. Какой смысл мучить себя и людей, тратить колоссальные средства ради того, чтобы откопать захудалый кишлак?

— Конечно, можно никуда не ездить и строчить диссертации на материале прежних раскопок. Я слышал, некоторые так и делают...

Нияз понял намек и, нахмутив брови, резко сказал:

— Ученый совет пришел к выводу, что в твоих сообщениях нет стоящей информации.

— А может быть, некоторые всезнающие товарищи ввели заблуждение членов ученого совета относительно содержания моей докладной?

Теперь Давран намекал на «руку» Нияза — его родственника, занимавшего руководящий пост в институте.

— Я приехал сюда не по желанию отдельных товарищей.

— Если бы и ученый совет придерживался твоей позиции, то не было бы никакой надобности в твоём приезде. Направили бы приказ о прекращении работ, и все.

— А если бы приехал не я, твой однокашник, а другой?..

---

<sup>21</sup> Городище близ Самарканда, где в тысячелетии 1 до н. э. находилось крупное городское поселение.

— Другой, по крайней мере, со всей серьезностью отнесся бы к нашей главной находке — кисти руки, выполненной из неизвестного материала.

— Да мало ли как мог сюда попасть обломок индийского культового изваяния.

— Совсем не похоже на манеру скульпторов, создававших индуистские и буддийские статуи.

— Но ты уже перерыл сотни тонн грунта, а других подобных находок пока нет.

— А эта найдена всего за три дня до смерти Бекмирзаева. С тех пор работы велись черепашьими темпами. Надо по-настоящему раскопать Язъяван.

Нияз досадливо поморщился и стал озираться по сторонам — спор явно наскучил ему.

— Послушай, Давран, я устал с дороги. Подумаем об отдыхе. И давай не будем напрасно ломать копыя. По возвращении я скажу, что не пришел к определенному мнению. Предложу вызвать тебя. Приедешь и будешь сам сражаться за эту яму.

Они повернули назад. Давран понял, что Нияз и на сей раз хочет выйти сухим из воды. Известно, что многие годы один из руководителей института, дядя Нияза, был на ножах с доцентом Бекмирзаевым, вследствие чего каждое начинание покойного наталкивалось на препятствия. Работы, начатые Бекмирзаевым в Язъяване, судя по первым же находкам, сулили успех. Об этом также ведомо Ниязу. Поэтому, считает он, надо действовать осторожно, не рубить сплеча. Если он станет на сторону родича, а работы в Язъяване внезапно приведут к блестящим результатам, то пострадает не дядя, а он сам станет козлом отпущения. Но ему невыгодно быть и на стороне Даврана. При любом исходе он наживет себе врага. Самое разумное — придерживаться нейтралитета.

— Можешь уделить мне один день? — спросил Нияз, когда они подошли к палаткам лагеря.

— А что?

— Срок командировки — неделя. Я слышал, здесь есть хорошие места для отдыха.

Давран давно уже соскучился по родным, но события последнего времени не позволяли и думать о поездке к ним. Неожиданное предложение Нияза пришлось как нельзя кстати. «Да, не худо бы

немного развеяться»,— решил он и сказал:

— Ладно, завтра придумаем что-нибудь.

На землю спустились сумерки. Рабочие экспедиции уселись вокруг костра. Вода в закопченном до черноты чайнике быстро закипела и выплескивалась из-под крышки, грозя потушить огонь. Обугленные ветки шипели, густой пар поднимался над костром, но хворост быстро вновь воспламенялся, и жаркие языки пламени снова принимались лизать чайник. Наконец Давран железным крюком подцепил его за ручку и поставил на траву. Бросил в кипяток пригоршню заварки, немного погодя налил чай в пиалу, вылил его опять в чайник, повторил эту операцию дважды — чтобы напиток заварился покрепче. Собираясь вечером возле костра, заводили веселую болтовню, песни, однако сегодня разговор не клеился. Даже чай не допили до конца. Всем была неприятна заносчивость гостя, его начальственный тон.

Нияз отправился спать в палатку. Давран поставил свою раскладушку на свежем воздухе. Бросил на нее шерстяное одеяло и лег на спину, заложив под голову руки. Спать не хотелось. Смотрел в небо, усеянное звездами... Вот звезда падает. В старину сказали бы: «Умер кто-то». А теперь для нас все понятно и буднично...

— Мулла Давран-бек, вы еще не спите?

Услышав знакомый голос, Давран отвлекся от своих размышлений. Поднялся с раскладушки.

— Видно, звезды считали или поджидали святого Хызра?

— Почти угадали,— улыбнулся Давран и указал место рядом с собой.— Садитесь, Йигитали-ака.

Однако ночной гость не воспользовался приглашением, а примостился на корточках возле ствола акации. Высыпав из склянки на ладонь немного насвая бросил его под язык. В экспедиции этот человек недавно, ушел из колхоза после ссоры с райсом<sup>22</sup>. Дом его был недалеко от места раскопок, поэтому он не почевал в лагере, а приходил на работу утром и уходил вечером. Но случалось, что он засиживался за оживленной беседой и оставался в палатке вместе с другими рабочими. Пятидесятилетнего йигитали-ака уважали все участники экспедиции — в основном, молодые парни,— он же относился к ним, как к родным сыновьям.

— По мусульманскому календарю сегодня двадцать седьмая ночь

---

<sup>22</sup> Председатель.

месяца рамазан. Раньше все ждали с наступлением темноты появления святого Хызра,— шепелявя проговорил Йигитали-ака, отряхивая с ладони остатки наса.— Я тоже ждал. И отец мой ждал. Наверное, и дед ждал. Однако никто из нас не видел Хызра. Говорили, если появится Хызр, то кругом, становится светло, как днем, и любая вещь, к которой прикоснешься, превратится в золото. В давние времена одна женщина из нашего кишлака увидела святого и с испуга схватила своего ребенка, чтобы защитить его. В тот же миг малыш превратился в золотую статую. Погоревала она, погоревала, а потом нужда заставила ее отпилить один палец у изваяния и продать ювелиру. Ровно через год, в ту же ночь, Хызр явился вновь. Теперь женщина ждала его и, едва увидела святого, схватилась за статую ребенка. Малыш ожил, но в том месте, где был отпилен палец, полилась кровь. В детстве я не раз слышал эту легенду и верил в нее. Теперь-то никого не удивишь такими рассказами, ответят — сказки.

Йигитали-ака выплюнул насвай<sup>23</sup>, вытер рукавом халата губы, вздохнул.

— Мы ведь неграмотные были, вот и верили всему.

— Это хорошо, что верили, Йигитали-ака,— сказал Давран.— Есть такие, которые сами ни во что не верят и другим морочат голову. Мой учитель Асад Бекмирзаевич тоже знал эту легенду. Именно предание о святом Хызре, появлявшемся здесь, заставило его начать раскопки в Язъяване. Так что, как видите, и ученые иногда верят в сказки.

— Пять пальцев не одинаковы... Вы ходили по раскопкам с одним щеголем. Прошел слух, что будем сворачивать работы.

— Это пока неизвестно.

— Вам-то все равно. Не здесь, так в другом месте будете продолжать свою работу. А мне куда деваться? Придется вернуться «с повинной» в колхоз. Переехать в город или в другое место не смогу — прикипела душа к родным местам.

— Нет, Йигитали-ака, для меня не безразлично, где копать. Если хотите, я не меньше вашего патриот Язъявана. Верю, что здесь, у нас под ногами, скрыты волнующие тайны ушедших веков.

— Удачи тебе, дорогой. Ты достойный ученик покойного Асаджана — он тоже до бесконечности мог говорить о Язъяване.

— Спасибо за теплые слова, йигигали-ака. Не знаю только, дадут ли

---

<sup>23</sup> Жевательная смесь из золы и табака.

мне докопаться до этих тайн... Вот и приходится ловчить. Завтра везу его на прогулку. Вернусь, буду думать, как спасти дело учителя.

— Куда вы хотите поехать?

— На Сырдарью.

— Прихватите меня с собой. Я заядлый рыбак. Добуду рыбу на уху,

Давран молча кивнул. Йигитали-ака поднялся, протянул руку для рукопожатия. После его ухода археолог долго не мог уснуть. Взгляд его был устремлен в черную бездну, усыпанную звездами. Оставаясь один на один с этим небом, Давран всегда впадал в какое-то оцепенение. Вот и теперь, неподвижно глядя на яркую звезду, сиявшую хрустальным блеском, Давран дал свободу своим мыслям. Вдруг в ушах зазвенело. Раздался резкий, раздражающий свист. Он сменился звуком, напоминавшим скрип двери. Звезды на небосклоне закрыла какая-то тень — будто кто-то навис над археологом. Сердце Даврана забилося чаще. «Я брежу», — подумал он, попытался встать, но не смог. Неведомая сила давила на тело, не давала пошевелиться. «Плохой сон снится, надо проснуться», — пронеслось в голове. Но ведь он не спал — глаза были открыты, и видел он то же звездное небо с темной тенью в зените. Вдруг тень стала отчетливее, приобрела очертания человеческой фигуры. Вокруг головы неизвестного вспыхнул яркий нимб. Но в следующий миг видение исчезло. Давран ощутил странную легкость и вскочил с раскладушки, осмотрелся, настороженно вслушиваясь. Вокруг было тихо, только слабо шелестели тополя. Да из палатки доносился легкий храп Нияза. Огонь в костре угас, лишь мелкие угольки светились в темноте. Давран немного прошелся и вновь лег. Его быстро начала одолевать дремота, и до самого утра он спал без сновидений...

Собираясь в дорогу, путешественник мечтает об открытиях, о прекрасных молодых планетах. Если его надежды не сбываются, то и путь домой ему не в радость. А если к тому же с твоим полетом связаны надежды миллионов — тогда неудача миссии причиняет подлинные страдания.

Когда Ниг взял обратный курс на свою родную планету Унет, он чувствовал себя именно таким горе-путешественником. Внезапная, необъяснимая смерть Кива спутала все их планы. Пришлось свернуть программу исследований и ограничиться лишь осмотром маленького участка планеты. Положив тело Кива в вакуумную камеру, Ниг уже не отважился отходить далеко от корабля. Взяв образцы минералов,

пробы грунта на разных глубинах, он выбрал из множества изваяний два и поместил их в контейнер с прочими находками. Даже это было нарушением инструкции, обязывающей прекратить экспедицию в случае смерти одного из членов экипажа. Но нельзя же было вернуться с пустыми руками.

Пока звездолет набирал ускорение, Ниг следил за работой систем жизнеобеспечения. Когда датчики возвестили о том, что достигнута необходимая скорость, проверил работу автоматов-навигаторов и вошел в камеру сна.

Пробудился Ниг от какого-то толчка. Когда он освободился от ремней и поднялся с ложа, то едва мог двигать руками и ногами — они словно налились свинцом, все тело ломило. Ниг прислонился к стене, обхватив ладонями голову. Вдруг быстро открылась дверь и показалось чье-то лицо. Ниг не успел рассмотреть его, потому что дверь бесшумно закрылась с такой же быстротой. Ниг бросился в ярко освещенный коридор. Никого. Он направился к вакуумной камере. Заглянул внутрь через перископ: труп был на месте. В тот же миг за спиной послышались крадущиеся шаги. Кто-то проскользнул в кабину управления. Противный зуд пробежал по телу, кожа покрылась фиолетовыми пятнами. «Волнуюсь», — мелькнуло в сознании Нига. Он сиял с предохранителя аннигилятор и направился в кабину. Но здесь тоже никого не было. Космонавт обессиленно повалился на сиденье пилота. С минуту прислушивался к гудению приборов. И снова окаменел от страха — кто-то сзади положил руку ему на плечо, прошелестело чужое дыхание. Ниг резко обернулся, выставив вперед аннигилятор. И снова никого не увидел. Он сходил еще раз к вакуумной камере, осмотрел все закоулки корабля и вернулся в кабину. Потом подключился к аппарату психотерапии. Когда нервы несколько успокоились, он вновь вошел в камеру сна. Ему привиделся Фид. Серьезный взгляд, редкая растительность на лбу, толстые фиолетовые губы скорбно выпячены. И голос — грубый и скрипучий.

- Мы проиграли, Ниг. И приговор должны вынести сами.
- Приговор? Зачем?
- Новые порядки требуют от нас безошибочной работы.
- Такие порядки могут установить только невежды.
- Судьба ученых всегда находилась в руках невежд.
- Я не понимаю, чего вы добиваетесь.
- Мы должны вынести приговор.

— Какой приговор?

— Как ты смотришь на самоаннигиляцию?

— Такая дикая мысль никогда не приходила мне в голову. Это безумие, Фид!

— Подумай... Это — самый верный путь...

Ниг вскочил. Протер глаза. Опять галлюцинации? Надо сосредоточиться и выгнать из головы все нелепые мысли. Но успокоение не приходило. Он машинально принялся барабанить по стене — привычка, оставшаяся от времени обучения в центре космоплавания. Но движения были необычно затруднены, тяжесть не покидала его. Ниг перевел взгляд с приборов ка стену и чуть не вскрикнул — на руках у него было не по три, а по пять пальцев. Столько же, сколько у каменных изваяний на Эрл! Шатаясь, поднялся и вышел из кабины. Снова посмотрел на руки. Нет, пальцев не пять, а, как всегда, три. Значит, опять галлюцинации. Проклятые памятники! Вся эта чушь лезет в голову из-за них! Он бросился в грузовой отсек. Стал лихорадочно вскрывать запоры герметического контейнера с образцами, взятыми на Эрл. Но вовремя одумался и остановился. «Опять грубейшее нарушение инструкции. Микроорганизмы планеты попадут и на Унет. Это может вызвать катастрофу. Надо привести себя в порядок...»

Ниг надолго включил агрегат психотерапии, а затем сразу же направился в камеру сна, закрепил себя на ложе ремнями и мгновенно уснул. Механический сторож разбудил его перед самой посадкой на Унет.

Услышав о том, что Ниг вернулся, Фнд не смог усидеть дома. Но и пойти к старому другу долго не решался. В неудаче экспедиции он винил только себя: ведь это он двадцать два года назад заявил, что на одной из планет, обращающихся вокруг отдаленной звезды Тэт, должны быть условия для жизни, и она сможет принять переселенцев с Унета.

К тому времени его родная планета сделалась гигантским кладбищем жизни. Стремительно вымирали последние виды растений и животных, естественная среда обитания сделалась небезопасной и для жителей, породивших эту всепожирающую цивилизацию. И за такой исход развития были ответственны администраторы и менеджеры. Ведь ученые заранее предсказали наступление такого момента, когда ситуация выйдет из-под контроля, и били тревогу.



'Однако население Унета, ослепленное успехами техники, не обратило внимания на предостережения скептиков. Расцвет цивилизации продолжался. «Уму непостижимо» — это определение стало обиходным для всех и каждого. Скорость — уму непостижимая. Мощность — уму непостижимая. Погоня за самым-самым привела к загрязнению окружающей среды в уму непостижимой степени. Однако это явление признали только тогда, когда оно сделалось очевидным. И все-таки унетяне не нашли в себе сил самоограничения, а когда на планете не осталось свободной земли и поверхность ее полностью перешла в услужение менеджеров, наступил кризис. То, что сначала объявлялось победой разума над законами природы, обернулось поражением. Экономика, нацеленная на расширенное воспроизводство, начала рушиться. Благосостояние населения Унета пошатнулось. Вот тогда-то и бросились в космос за спасением. Долгие годы поисков ничего не принесли — ученым не удавалось обнаружить планету, пригодную для заселения. И тут явился Фид со своими расчетами. Планету, открытую им, назвали Эрл, что значит «Надежда». Надежда на продолжение жизни. Ибо впереди унетян ждала пустота. Голая земля. Без единого живого существа, без единого зеленого кустика. И только осевшие, полуразвалившиеся здания, громоздящиеся повсюду, останутся свидетельством жизни, что когда-то была на Унете... Таким видели завтрашний день планеты ее обитатели. С тем большим воодушевлением принялись за подготовку экспедиции на Эрл.

Если бы кто-нибудь из ученых сотню лет назад объявил, что на одной из далеких планет может существовать жизнь, он наверняка не был бы вознесен на такие высоты славы, как Фид. Его открытие заняло бы место среди обычных ежедневных новостей. Но теперь, когда жизнь Унета висела на волоске, в сердце каждого зажегся огонь надежды. Именно поэтому Фиду повсюду воздавались почести.

Для полетов автоматов, для контрольных проверок не было времени. Поэтому перед выдающимися исследователями Нигом и Кивом была поставлена задача: долететь до Эрл, опуститься на ее поверхность, изучить возможную среду обитания на месте, при встрече с разумными существами установить контакт. Чтобы обезопасить экспедицию от поражения неведомыми микроорганизмами, была разработана аппаратура, обеспечивавшая кораблю и его экипажу большую зону защитного излучения. И вот теперь корабль вернулся. Надежда рухнула.

Ниг живой, но с симптомами психического расстройства, рассказывает о преследовавших его галлюцинациях. Кив погиб неизвестно отчего, несмотря на все меры предосторожности. Главный итог экспедиции — условия на Эрл опасны для жизни. Этого достаточно, чтобы перечеркнуть судьбу Фи да.

Сердце его сжалось. Душе захотелось безлюдья, широкого простора. Просторы... Где они есть? Теперь это просто метафора. Мы привыкли к узким ущельям между зданиями, только вот душа не может привыкнуть, атавистическая тяга к воле все живет в ней.

Сейчас все спят, подключившись к своим любимым программам проектора сновидений. Только Фид не может уснуть. Вот уже несколько дней он мучается от невозможности забыться — импульсы проектора искажаются, и вместо приятных сновидений он видит кошмары. И никому не поведаешь о своем горе. Есть ли кто-нибудь, кто разделит бы с ним его печаль?!

На цыпочках, чтобы не разбудить соседей по палате, Фид вышел в коридор, проехал в капсуле подъемника до первого этажа и попал в сквер. Было душно. Он и сам не знал, куда идет. Но что-то вело его все дальше и дальше, и он шагал по каменным плитам, устилавшим улицы спящего округа Bay 35/12.

Под утро он добрался до рощи. В пору Покорения Природы (так именовалось это время велеречивыми администраторами) унетяне оставили от каждого леса такие вот рощицы, как память о дикой растительности, некогда покрывавшей планету. И теперь Фид искал успокоения на этом клочке побежденной природы.

Тесен мир. Нет ни пяди свободной земли. «Но где-то должен быть простор, который может дать утешение душе,— думал ученый.— Пусть даже не будет света. Ощущение простора необходимо человеку! Без этого невозможно... Неужели я брежу? Глупец... Это сказывается бессонница. Я мечтаю о мираже...»

Глаза его воспалились, в горле пересохло. Ему казалось, что стеклянные громады зданий, переливающиеся под первыми лучами солнца, наступают на крохотную рощицу и вот-вот сомкнутся...

Фид вошел под сень деревьев. Сначала он шагал по вытоптанной глинистой тропинке, затем ступил на покрытую нежной травой сырую землю. Машинально, сам того не замечая, Фид срывал листья с деревьев, щипал траву и задумчиво жевал зелень. Тишина. Пока все кругом спит, кажется, что он на самом деле забрел в настоящий

бескрайний лес, какие существовали когда-то. Для полной иллюзии не достает только птичьих голосов. Их изображения и имена сохранились лишь в пособиях по истории Унета. Да можно еще послушать их пение в фонотеках. Беззащитные птицы стали первыми жертвами резких изменений в атмосфере. Фид с тоской поднял голову и стал глядеть на кроны деревьев. Увидеть бы хоть раз в жизни живую птицу... Говорят все-таки, что отдельные особи-мутанты уцелели, кто-то видел помет, следы. Нет, скорей всего очередная сенсация...

Поднялся легкий ветерок, и Фид вдруг ощутил знакомый запах — затхлый и приторный запах Приюта. Ему ли было не знать его: ведь он долго возглавлял Комиссию по водворению провинившихся ученых. Он часто бывал в Приюте — содержащиеся здесь лишались возможности заниматься наукой за тот ущерб, который они нанесли обществу своими ошибочными гипотезами или проектами. Трижды в день их подключают к источнику физиологического раствора. Иного питания не положено. Одинаковые балахоны. Гладко выбритые лбы — знак отверженности. Теперь Фиду предстоит занять лежак в Приюте — вот цена его ошибки в расчетах... Но откуда здесь этот запах? Он встревоженно озирается, но ничего не видит, кроме корявых стволов и листвы. Сделав несколько шагов, останавливается: пара горящих глаз воззрилась на него из сплетения ветвей. Фид сразу узнает этот взгляд: «Ты, Пим?!» Грузное тело обрушивается на землю, и узник Приюта, путаясь в полах нелепого балахона, бежит прочь. «Стой, Пим! Я не собираюсь причинять тебе зло!» — кричит Фид и бросается вслед за беглецом. Он скоро настигает своего бывшего коллегу — питание в Приюте явно не способствует упражнениям в беге. Пим в испуге закрывает бритый лоб руками, кожа его покрывается фиолетовыми пятнами. «Как ты попал сюда?» — спрашивает Фид. Молчание. Оба долго смотрят друг другу в глаза. Внезапно Фид соображает: это пахнет балахон Пима, который пропитался невыносимым духом Приюта.

Фид вспоминает: он ведь первым потребовал, чтобы Пима отправили в Приют. Нет, он не сожалеет о своем тогдашнем решении. По его вине высохло большое озеро. Когда стало известно, что уровень воды в нем из года в год падает, возникла дилемма: сохранить озеро, невзирая на большие расходы по его спасению, или отказаться от вмешательства, предоставить водоем собственной несчастной судьбе. Выгоды первого решения проблемы не покрывали бы и половины расходов. Конечно, и во втором случае было не избежать убытков.

Однако предполагаемая прибыль от освоения дна высохшего озера в будущем должна была превзойти их. Пим встал на защиту второго решения. Он представил убедительные расчеты, обещавшие прибыль, и рекомендовал не дожидаться естественного высыхания озера, а «помочь» ему. Приступили к осушению, и через короткое время по дну можно было ходить. Поначалу выгоды были немалые — появилась новая территория для застройки. Пиму вручили награду, его имя то и дело мелькало в речах администраторов. И только по прошествии многих лет убедились, что осушением озера был нанесен непоправимый ущерб природе, резко изменился климат большого района, пострадала экономика. Общие потери оказались в итоге огромны. И тогда Комиссия постановила: Пим лишается всех знаков признания и заключается в Приют.

Давно уже Фид не встречал его и теперь с каким-то странным чувством разглядывает Пима—скоро и ему предстоит занять место по соседству с ним. И тогда — бритый лоб, такой же балахон, тот же невыносимый приторный запах...

Фид резко отворачивается и идет прочь. «Что делает здесь в этот предутренний час несчастный Пим? Сбежал? Нет, просто выбрался ненадолго подышать среди листвы — ведь Приют неподалеку. Да и куда ему бежать?» Фид углубился в рощу. Открылась небольшая поляна, и он остановился. Посередине торчал из травы большой валун. Ученый вспомнил это место. Раньше из-под валуна бил родник. Но теперь сухо. На сломанных ветвях, на зеленых кустах не видать насекомых. Наверное, ушли на поиски новых мест, где есть вода. На душе было тревожно. Фид вздохнул. Сжав голову руками, присел на валуи. Куда теперь идти? Приближалось время первого приема пищи. Он боится опоздать к раздаче? Не хочет умереть с голоду и будет спокойно дожидаться, пока его отправят в Приют?

Ученый повернул обратно. Выйдя из рощи, он увидел знакомую фигуру у входа в свой дом. Сердце Фида учащенно забилося. Когда взгляды их встретились, он сказал только:

- Прошло двадцать два года, Ниг...
- Фид! — Ниг обнял постаревшего друга.
- Я действительно ошибся? — сдавленным голосом спросил Фид.
- Сейчас трудно сказать наверняка.
- На днях соберется Комиссия по водворению...
- Я написал письмо Высшему собранию с просьбой не спешить с

решением.

— Спасибо, Ниг. Однако до сих пор не был прощен ни один из ученых, допустивших ошибку.

— Именно поэтому мы и оказались на краю гибели. Ошибавшиеся ученые попадали в Приют и лишались возможности вести исследования, а не ошибающиеся жили в свое удовольствие и довели нашу бедную планету... Неужели так трудно понять эту простую истину!

— Напрасно ты кипятишься,— понизив голос, заметил Фид,— Эта задача не из тех, которые мы можем обсуждать. На это есть Высшее собрание.

— А из кого оно состоит?..

— Ниг, ты пришел сказать только об этом?

— И об этом тоже.

— Ты, наверное, сдал отчет о полете?

— Да, конечно. Я не утверждаю категорично, что на Эрл нет жизни. Я прихватил с собой памятники.

— Памятники?

— Да. Очень похожие на нас. Только несколько меньших размеров.

— А химический состав атмосферы, наличие воды?

— Ваши предположения подтвердились, но...

— Что «но»?! — невольно воскликнул Фид.

— Результаты спектроскопических исследований, которые мы провели на орбите спутника Эрл, были близки к вашим расчетам. Однако наблюдения на поверхности планеты дали весьма отличные от них результаты... У меня есть по этому поводу соображения.

— Слушаю тебя.

— Возможно, на Эрл когда-то была жизнь. Но, вероятно, цивилизация пришла к своей гибели — как это происходит у нас. Возможно, жители нашли убежище на других планетах. А в память о себе оставили изваяния. Что если население Эрл — наши предки?

— Не фантазируй.

— Я ищу разгадку памятников...

— Они встретились случайно? Или вы заметили их с орбиты?

— Можно сказать, случайно. Однако их было очень много. Даже деревья среди них есть.

— Если бы мы покидали Унет, какую память о себе оставили бы?

— Я не думал об этом.

— Ты привез с собой целый ворох загадок. Хватит ли нам времени, чтобы разгадать их?

Не дожидаясь приглашения, Нияз открыл переднюю дверцу машины, смахнул с сиденья пыль. Усевшись, он бросил портфель назад и устался на дорогу. Йигитали-ака вопросительно посмотрел на Даврана. Но тот, словно ничего не заметив, открыл заднюю дверцу и сел рядом с портфелем «начальника».

— Трогаемся, Йигитали-ака?

Машина двинулась по ухабистому проселку. Клубы пыли взлетали из-под колес, наполняли кабину. Нияз поспешно поднял боковое стекло. Затем достал из кармана носовой платок, сложил его и набросил на шею. Йигитали-ака наблюдал за движениями гостя. Да, встретить гостя следует как подобает, независимо от того, мил он тебе или нет. Понятие об этом Йигитали-ака впитал с молоком матери. Но поделаться ничего не может — не по нутру ему этот парень...

Деревья вдоль дороги поределли. А скоро за окнами машины поплыли песчаные барханы. Даврану казалось, что эти пески погребли под барханами древние тайны. Пески в Кызылкумах или Каракумах никого не удивляют. Однако встреча с небольшим клочком пустыни прямо в центре цветущей долины наполняет душу какой-то тревогой. Во всяком случае, так бывает с Давраном, когда он проезжает этой дорогой. «Что это? Каприз природы? Скорей всего, в древние времена вся Фергана выглядела так и лишь благодаря настойчивости народа превратилась в цветущий сад. Может быть, наши деды и прадеды, сражавшиеся с песком, оставили в качестве напоминания грядущим поколениям этот кусочек пустыни, нечто вроде естественного музея?..»

— Кажется, в песках что-то посажено? — спросил Нияз.

— Здесь посажены деревья саксаула, — ответил Йигитали-ака.

— Саксаула? Это еще зачем? Ведь эти места хотели осваивать?

— Пески занимают площадь около десяти тысяч гектаров. Что можно было — освоили. Навезли на песчаный слой земли, сверху набросали слой плодородной почвы и сейчас сеют хлопчатник. А саксаул сажают для того, чтобы барханы не полезли на посевы. Каждый год заново принимаются за посадки.

— Что, не принимаются?

— Приниматься-то принимаются, но едва росток пробьет наружу, как сюда пригоняют скотину. Сколько скандалов было из-за этого. И штраф платили. Но положение остается прежним. Если к саксаулу не

притрагиваться в течение двух лет, потом горя знать не будешь — прибыль пойдет горой.

— Йигитали-ака, вот вы дехканин,— сказал Давран.— Со временем от песков не останется и следа — пустыню осваивают. Но как вы считаете — правильно ли это будет?

— Не в характере нашего народа сидеть сложа руки. Стоит узбеку увидеть клочок свободной земли, он тут же что-нибудь посадит. Вот и на месте пустыни он разобьет сады.

— Но правильно ли это будет?

— А чего тут неправильно?

— Полное уничтожение пустынь окажет вредное влияние на климат.

— Польза или вред — для меня это темный лес. Вы люди ученые, а мне откуда знать? Мое дело работать,— он на минуту задумался, затем произнес: — Конечно, климат тоже меняется. Не потому ли так часто люди стали умирать внезапно. Раньше подобных случаев было мало. А теперь о них слышишь чуть ли не каждый день. В кишлаках, правда, не так много, больше в городе. Интересно, в чем же причина?

— Причина проста: давление крови...— важно сказал Нияз, разминая сигарету.

Но Йигитали-ака так и не услышал объяснения причин внезапных смертей. Нияз быстро перевел разговор на новую тему: о страшном урагане, пронесшемся над Америкой. Давран усмехнулся — он знал, что Нияз любит щегольнуть своей мнимой образованностью. И то, что сей «ученый муж» не сумел дать ответа на вопрос дехканина, лишний раз свидетельствовало о его невежестве. Наверное, Нияз не дочитал до конца ни одну статью. Если ему поручить ликвидацию пустынь, он справится с этим в течение нескольких лет. А о последствиях и думать не будет. Как говорится, вместе с тубетейкой принесет голову. Но если начальство прикажет ему расширить границы пустыни, то, глядишь, всю долину превратит в безжизненный край..

Остановились в райцентре возле книжного магазина. Директор обнял Даврана, как родного брата, остальных приветствовал крепким рукопожатием. Давран представил его:

— Камалходжа. Вместе учились в школе, женился здесь и остался.

Узнав, что гости собрались на рыбалку, Камалходжа попросил немного подождать, сел в свой «Запорожец» и куда-то уехал. Вернулся он через полчаса. К багажнику на крыше машины были привязаны

рыболовные снасти. Вместе с директором магазина приехал высокий худой парень. Это был Закирали — самый заядлый рыбак в округе.

На песчаном берегу Закирали сразу же расположил рыболовные снасти и внимательно осмотрел их. При этом он ворчал, что их не стоит доверять даже признанным «королям» рыбной ловли. Тем временем Камалходжа открыл багажник и вытащил две старенькие курпачи<sup>24</sup> и сумку с продуктами.

Нияз некоторое время наблюдал за рыболовами, затем разделся, аккуратно сложил одежду, убрал ее на сиденье машины и лег на расстеленную курпачу. Его, видно, разморило на солнце — через минуту он уже спал, приоткрыв рот. Давран скатал вторую курпачу наподобие подушки и, подсунув ее под голову коллеге, пошел к реке. Йигитали-ака принялся разводить костер. Мутная вода текла словно нехотя, лениво поглаживая песок на берегу. Раньше даже в самую жару уровень ее поднимался до того места, где сейчас стоит машина. А теперь река заметно обмелела. Легко можно доплыть до островка. Но люди редко забираются туда. Мальчишки боятся злого духа, якобы живущего на острове, тех, кто повзрослее, отпугивает вероятность встречи со змеей или кабаном. До родного кишлака Даврана отсюда можно доехать за два часа. Когда он был маленьким, отец несколько раз брал его с собой сюда. Мужчины веселились, ловили рыбу. А Давран усаживался на берегу и разглядывал таинственный остров. Ему казалось, что сказочные чудовища прячутся в буйных зарослях, нависших над водой.

Остров все такой же. Глядишь и не налюбуеться. Он разделил реку надвое, и оба рукава соединяются только верст через десять. Царство дикой природы. Густые заросли шиповника, сизолистого тополя, дикой джиды. Ветви деревьев и кустов склонялись к самой воде, мокрая листва блестела под солнцем. Все вокруг — во власти тишины...

Глядя на этот пейзаж, Давран забыл о своем намерении искупаться. Его раздумья прервал шум.

— Эге-ге-ге! — кричал Камалходжа, махая руками. Давран только теперь заметил у берега ловивших рыбу друзей, те в ответ тоже кричали и размахивали руками. Давран подошел к ним, помог собрать улов — дюжину крупных сазанов и усачей. Подмигнув Даврану, Закирали ловко сложил улов в сумку...

---

<sup>24</sup> Узкое стеганое одеяло.



Нияза разбудили, когда уха была готова. Он с неохотой встал, поплелся к реке умыться. Пропустили по маленькой, и Нияз ожил. Взяв кусок рыбы, он принялся разглагольствовать, остальные же сидели, не притрагиваясь к еде. Давран хорошо знал обычаи местных жителей: здесь считалось неприличным есть, когда говорит гость. Поэтому он часто прерывал рассказ Нияза.

Когда стало смеркаться, собрали снасти, сложили в багажник остатки улова и припасов. Камалходжа повез гостей к себе домой.

Под высокими подпорками виноградных лоз на дастархане уже было приготовлено угощение. Жена Камалходжи застенчиво поздоровалась с гостями и отправилась на кухню. Хозяин пригласил всех усаживаться.

Давран видел, что Нияз не намерен уезжать, и спросил его:

— Какие у тебя планы?

— Мне все равно,— пожал плечами, ответил Нияз.— Я человек командированный...

— Мы с Йигитали-ака после ужина собираемся ехать назад. Ты с нами?

— Да оставь ты свои раскшски: был, видел, с меня хватит. Поверь, я поддержу теб\*я. Работа у тебя пойдет. Я, пожалуй, отсюда поеду домой.

— Я вас никуда не отпущу! У Даврана одна работа на уме. А человек не машина, ему нужен отдых,— вмешался в их разговор Камалходжа. Услышав это, Нияз повеселел.

— Это речь настоящего джигита. Научите таким словам своего друга,— сказал он.

Но сколько ни упрашивал Камалходжа, Давран стоял на своем. После ужина, выпив пару пиалушек чая, отправились в путь, поручив Нияза заботам Камалходжи.

Отъехав от гостеприимного дома, заговорили о завтрашних делах. Обоим было неловко даже упоминать о Ниязе, оставшемся гостить у малознакомых людей. Наконец Йигитали-ака, вздохнув, спросил:

— Судя по словам этого вашего сослуживца, он может прекратить все работы. Это правда?

— Правда,— кивнул Давран.

— Но он говорит — поддержу, может, все будет в порядке?

— А вот в этом я сомневаюсь. Если он заявит, что работы следует остановить,— их несомненно остановят. Но если скажет, что надо продолжать раскопки,— их все равно могут прекратить. Он ведь просто

марионетка. А нитки в руках влиятельного человека.

— Я слышал, Асаджан тоже спорил из-за этого места. Чем же не понравилась ваша работа тому большому человеку?

— У них была личная вражда.

— У нас в кишлаке на смех поднимут, если сказать такое. Все уверены, что ученые — самые умные, честные люди. А вражда — это удел всяких неучей, бездельников, невежд.

Давран улыбнулся. Он и сам был такого же мнения, когда учился в школе. Да и на первых курсах института преподаватели с ученой степенью казались ему чуть ли не святыми. Когда до него стали доходить всякие сплетни о преподавателях, он поначалу просто отказывался их слушать. Но с годами убеждался, что ученые не так уж отличаются от простых смертных, что и в их среде можно встретить недоброжелательность, подлость. Немало здоровья унесли у Асада Бекмирзаевича его постоянные стычки с руководством института, с теми, кто завидовал его научным успехам...

Видя задумчивость спутника, Йигитали-ака не стал докучать ему разговорами. Когда машина въехала на неосвещенную улицу кишлака, он предложил: «Переночуйте у меня, а утром сын отвезет нас на работу». Но Давран не согласился и попросил высадить его возле шоссе.

— Хочется пройтись, подумать. Не беспокойтесь, Йигитали-ака, до лагеря всего три километра.

Когда машина развернулась и фары перестали освещать дорогу, он постоял, вслушиваясь в ночь, потом зашагал по пыльному проселку.

До палатки оставалось каких-то сто метров, когда ясно различимый звук заставил Даврана остановиться. Сначала это был свист. Потом снова повторился этот звук, напоминающий скрип двери. Перед глазами археолога все поплыло, и он, неожиданно для себя, сел на обочине дороги. Окрестность осветилась — человеческая фигура огромного роста, окруженная сиянием, двинулась к Даврану...

Во время своего путешествия на Эрл Ниг часто думал о том, как он встретится с родными после полета, как сложатся их взаимоотношения в дальнейшем. Оставшиеся на Унете значительно постареют, жизненного опыта у них будет намного больше, да и мировоззрение их в чем-то изменится. Неудивительно, если друг, с которым он делился всеми своими помыслами, станет чужим, а единомышленник — идейным противником. Ведь за это время на планете пройдет бездна времени...

По окончании карантина он получил разрешение общаться с унетянами, и на него обрушилось столько новостей, столько разноречивых мнений, что он невольно стал ощущать себя каким-то чужаком среди своих. Даже с женой не получалось разговора по душам. Дети — сын и дочь — тоже отдалились от него: они росли, не зная отца. И при первой же встрече с Нигом не удержались от обвинений в адрес старшего поколения, затеявшего безуспешное путешествие на Эрл. Нимало не смущаясь, они говорили о собственном отце как об одном из тех, кто нанес вред обществу: провал экспедиции на далекую планету лишил унетян последней надежды. Нигу и в голову не приходило, что ему придется выслушать такое от собственных детей. Поэтому, узнав, что Фида собираются поместить в Приют, он не возмущился и даже не удивился. С тех пор как они с Кивом отправились на поиски, к ученым начали относиться еще хуже — на них сваливали все беды угасающей цивилизации.

Жена сильно постарела. И рядом с ней — Ниг, молодой, полный энергии, прежнего своего энтузиазма. Он готов снова ринуться в космические бездны, искать в бесконечных пространствах Вселенной Надежду для унетян.

Иногда он чувствовал себя потерянным, никчемным. Прежде стремление вернуться на Унет, к жене и детям, придавало ему силы. И вот он вернулся. Но все кругом кажется ему чужими. Даже к детям он испытывает какое-то холодное любопытство. А ведь они похожи на него. Точно таким же стройным был он в молодости. Ниг часто задумывался о детях. Его беспокоило, что они не обзавелись до сих пор семьями.

— Я думал, меня встретят и внуки,— сказал он однажды, когда сын и дочь собирались спать и выбирали для себя программу сновидений.

— Вы бесконечно отстали от жизни,— ответил первенец тоном, покоробившим Нига.— Уже много лет как действует постановление, запрещающее иметь детей.

— Вот как? — опешил отец.

— С тех пор как репутация ученых-естественников упала в глазах общества, для нас на первом месте стоит философия. Администраторы тоже прислушиваются к современным мыслителям. Особенцр распространены идеи Мала — он говорит, что биологическое продолжение рода абсурдно, и не видит смысла в создании семьи. Сначала его последователи женились или выходили замуж, отдавая

дань традиции. А теперь и в этом не стало необходимости. После декрета о запрещении деторождения были повсюду созданы Дворцы любви. Все мы живем в последние времена цивилизации, так пусть ее закат будет пышным и прекрасным — так говорим мы, последнее поколение Унета.

— Это философия эгоиста и невежды! — воскликнул Ниг.— Жить для наслаждения, не имея никаких обязательств перед прошлым и будущим!.. Вы нарушаете великий закон жизни — она никогда не может прерваться сама по себе. Только насилие или катастрофа могут остановить ее. Подлые идейки Мала — кредо врага жизни... Посмотри, как прекрасен, как богат еще красками доставшийся нам от предков мир! Да, мы преуспели в разрушении нашей колыбели, но жизнь не замерла в ней. Наше солнце по-прежнему щедро шлет свои лучи всякому живому существу, зеленые валы океана все так же, как и при наших прадедах, бьются о каменные груди утесов. И наша великая культура — теперь она подобна увядающей ветви, но брызните на нее животворной влагой новых, оптимистических идей, и она вновь зазеленеет..

Жена Нига, схватившись за грудь, закашлялась. Сын быстро захлопнул окно, опустил шторы.

— Видите? Попробуйте-ка продолжать жизнь на этой раскаленной сковородке, если у вас не будет кондиционера... По-вашему, я должен этого желать своим детям. А дальше будет хуже. Нет, я не хочу, чтобы они задохнулись во имя утверждения вашей оптимистической философии. Что они увидят, появившись на свет? Сколько проживут? Сколько лет мы протянем сами? Оставлять потомство, когда над планетой витает тень смерти — преступление. Мы — новое поколение — наконец-то поняли это. И предпочли красивый закат безобразной смерти.

— Вы просто духовно деградировали. Каким еще словом можно назвать отказ от борьбы?

— Бороться!.. Какую это борьбу вы имеете в виду? Оставляете нам в наследство умирающую планету и поучаете: боритесь, дерзайте. Вы хищнически обирали океаны и сушу, во всю мочь трубя о наступающем золотом веке. Мы честнее вас: зная, что не сможем оставить долговечного наследства своим потомкам, не хотим иметь детей. Так почему же вы объявляете наши взгляды философией невежд? Простите меня, но вы оторвались от жизни. Многое изменилось за время вашего

отсутствия. Примите это во внимание и не затевайте бессмысленные споры. Как сын я должен предупредить вас об этом. На оптимизм больше нет спроса.

Действительно, многое изменилось. Умом понимая это, Ниг никак не мог принять сердцем новые порядки. Он тосковал по прошлому, по той цельности, которая встречалась еще среди людей его времени. Поэтому он и пришел к Фиду.

В словах старого друга звучала горечь, боль, видно, много ее накопилось. Нет, не все простились с надеждой. Хотя говорить об этом небезопасно, есть еще те, кто верит в будущее планеты, готов бороться за продолжение жизни. Философия пессимизма — не новость, она всегда пыталась мешать развитию общества. Но она перешла в наступление в самый тяжелый момент, когда, напротив, необходимо было собрать все силы для поисков выхода из тупика.

— Многие из тех, кто пытался противостоять заразе «закатничества», попали в Приют. Другие не выдержали борьбы — Мим, например.

— Я слышал. Но не стоит сожалеть о нем,— жестко сказал Ниг.

— Почему?

— Он убил сам себя. Он совершил предательство.

— Кого же он предал?

— Сначала себя, потом общество, науку.. Я не умею сожалеть о трусах.

— Ты чрезмерно требователен. Ты отсутствовал долгое время. Очень многое изменилось.

— Это я уже слышал.

— Мим был из числа самых талантливых ученых. Он стал безразличен ко всему, когда твердо убедился в том, что руководство Унета не верит в будущее и планета обречена на гибель. Поэтому он даже запретил лечиться своим заболевшим детям. Болезнь и унесла сначала их, а потом жену.

— Значит, эта философия находит сторонников и среди нас. Тем более не стоит горевать о Миме.

— Таких стало большинство, они забыли, что пессимизм приближает катастрофу и мы должны остерегаться его, как инфекции. Ученый обязан воспользоваться даже самым последним шансом. От смерти никто не убежит. Но надо быть готовым встретиться с ней лицом к лицу.

— А вот мой отпрыск предпочел бы, чтобы она застала его в момент, когда он нацепит на себя шлем проектора сновидений,— горько произнес Ниг.

После этой беседы Ниг в течение нескольких дней не выходил из библиотеки, знакомился с последними научными публикациями. Большинство разработок преследовало цели, продиктованные философией Великого Заката: сделать быт последнего поколения как можно комфортабельнее и разнообразнее, не допустить дальнейшего падения уровня жизни из-за предельного истощения ресурсов планеты. Но Нигу попались и другие работы. Авторы их были по-настоящему встревожены торжеством последователей Мала и хотели спасти цивилизацию Унета. В одной из кассет он нашел прозрачную аллегорию, намек на положение, сложившееся в последнее время. Автор говорил, что тащить орудие в гору тяжело. Однако его невозможно остановить, если оно вырвется из рук. Оно будет сокрушать все на своем пути. Не так уж давно весь ученый мир был озабочен тем, чтобы втащить орудие на самую вершину и салютовать оттуда по поводу полной победы над природой. Выстрел произведен, победу отпраздновали. Но уже вскоре началась паника, словно орудие и в самом деле покатило вниз... Автор не делал никаких выводов, но они напрашивались сами собой: необходимо действовать, философия пессимизма ведет цивилизацию к самоубийству.

Врачи, обследовавшие Нига, были встревожены его рассказом о галлюцинациях во время полета к Унету. Посоветовали отдохнуть на берегу моря. Ниг не противился рекомендации. В последние годы он постоянно прибегал к излюбленному средству: глядя на морские волны, бегущие по экрану, и слушая их шум, он обретал душевное спокойствие.

Гигантские здания высились на побережье. Ниг бродил по песку, вглядываясь в сизую дымку над горизонтом,— солнце вот-вот должно было показаться над волнами — и вспоминал свои поездки к океану вместе с родителями. Давно это было. Теперь все кругом другое. Океанские воды ныне, в сущности, мертвые воды. Мало того, что в морских глубинах замерла жизнь. Мощные насосы день и ночь качают воду в подземные резервуары. Потом она проходит через десятки фильтров, магнитных полей, которые высасывают из нее железо, соль, золото. В море возвращается «пустая» жидкость. И с каждым годом все меньше металлов извлекают из океана огромные заводы.

Ниг долго стоял на берегу. Прикрыв глаза, вспоминал видеозаписи, которые смотрел на звездолете. Там море казалось красивее. «Если бы сейчас удалось вернуть океану все взятое у него, смогли бы мы вновь возродить жизнь в его глубинах?.. Да, мы должны это сделать. Если ресурсов больше нет на Унете, мы отыщем их на соседних планетах. Пусть не удастся найти новое жизненное пространство, можно еще возродить наш старый мир...»

Тем временем исследователи приступили в лабораториях Центра космоплавания к осмотру образцов, доставленных с Эрл. Когда очередь дошла до изваяний и их подвергли систематическому анализу, произошла сенсация: эти окаменелости были органического происхождения! Более тщательное изучение позволило установить набор хромосом и сделать вывод о биологическом родстве обитателей Эрл и унетян.

Поэтому когда на очередном заседании Комиссии по водворению слушалось дело Фида, Ниг заявил о том, что ученый не ошибался в расчетах — на далекой планете действительно существовала жизнь. И, возможно, она погибла совсем недавно до прибытия экспедиции с Унета. Что если Кив сделался жертвой того самого грозного явления, из-за которого население Эрл обратилось в камень?.. После долгих прений решение о водворении Фида было отложено до тех пор, пока не будет обследован труп погибшего.

Фид немедленно получил назначение в лабораторию. Он энергично взялся за дело. И уже через несколько дней руководимая им группа ученых добилась интересных результатов. Старый друг связался с Нигом и пригласил его зайти.

— Кажется, мы допустили одну весьма серьезную ошибку,— сказал Фид, едва тот появился в его новых владениях.

— А, значит, ты все еще надеешься выявить виновника неудачи экспедиции и засадить его в Приют? — саркастически заметил Ниг.

— Да, боюсь, кому-то придется иметь дело с Комиссией. Но теперь речь не о том. Сейчас мы постараемся определить, где была допущена ошибка,— сказал Фид и, обняв Нига за плечи, повел его в соседнее помещение.

Как только руководитель и его гость вошли, один из сотрудников доложил, что к опыту все готово. Фид вместе с Нигом приблизились к стойке с образцами и реактивами.

— Эта эмульсия — основа жизни на Эрл. Смесь, содержащая

двадцать разновидностей аминокислот. Мы превратим ее в камень.

— Зачем?

— Возникло одно предположение. Кажется, мы перестраховались и оберегали вас больше, чем это было необходимо. Не погубили ли обитателей планеты «Р-лучи», которые предназначались для защиты вас и корабля от биосферы Эрл?

— На нас ведь они не повлияли?

— Во-первых, вы были защищены от излучения, а во-вторых, учти разницу в строении своей клетки и клетки обитателя Эрл. У тебя — двадцать семь аминокислот, у него — двадцать... Готовы? — обратился он к коллегам.

— Готовы.

— Начнем.

Предположение Фида подтвердилось — после облучения эмульсия превратилась в камень.

Ниг был подавлен. Ему стало не хватать воздуха, и он шагнул к выходу.

— Куда ты?! — Фид бросился за другом.

— Столько жертв, столько трудов! — сдавленно произнес Ниг.— И все надежды погибли из-за какой-то мелочи...

— Это Лон виноват! — грозно проговорил Фид.— Его «Р-лучам» мы обязаны крахом экспедиции. Ну ничего, он ответил нам за это.

— Постой,— с горькой усмешкой сказал Ниг.— Еще недавно ты сам чуть было не угодил в Приют. А теперь хочешь стать палачом другого ученого только потому, что он оказался менее удачлив, чем ты? Нам всем надо объединяться для спасения Унета, а не грызть друг другу глотки.

Когда Ниг вышел из Центра, был уже вечер, однако дневной зной еще не спал. Огромные куполообразные здания лаборатории тоже дышали жаром. Застоявшийся воздух сух, нигде нет спасения. Скорее домой, в комнату с наглухо закрытыми окнами, со слабо жужжащим кондиционером. «Надо снова лететь на Эрл! Правда, теперь экспедицию организовать сложнее— ресурсы Унета на пределе, да и общественное мнение относится к рекомендациям ученых уже не с тем вниманием...»

Когда Ниг пришел домой, семья ужинала.

— Видно, работы много? — бросил первенец.— Что-то поздно вы стали приходить.

— Дел хватает.



— Есть новости?

— Есть!.. Мы были правы, готовя экспедицию на Эрл — там должна быть жизнь.

— Вот как?

— Да. И проблема переселения по-прежнему на повестке дня. Только для этого нужна решительная, готовая к борьбе молодежь. Ей продолжать цивилизацию Унета на новой планете.

— Интересно, где вы собираетесь искать эту романтическую молодежь? — саркастически заметил сын. — Вам не удастся увлечь нас на авантюры — не та теперь молодежь. Она хочет жить для себя, а не для каких-то грядущих поколений. Тем более, что их и не будет больше. А выкрикивать лозунги да читать наставления легко. Вы и вам подобные привыкли поучать всех вокруг.

А что вышло? Вы погубили планету. Ее погубил ваш прогресс!

— Не мы стояли у истоков прогресса. И остановить его не в наших силах. А тот, кому пришла бы в голову такая идея, был бы просто жалок. Но если тебе нравится, пожалуйста, борись против прогресса.

— Если нравится... У меня нет воли к такой борьбе. Я ни на что не способен, кроме как сидеть и ждать Конца.

— Такие, как ты, пессимисты, и становятся на пути тех, кто борется за предотвращение катастрофы.

— Возможно, мы приближаем ее?

— Да. Можно сказать и так. Но время еще не потеряно. Надо отказаться от зловредной философии Мала, приняться за работу. Вырастить поколение, которое пронесет наследие нашей цивилизации через космические бездны и построит новый Унет. До катастрофы еще далеко. Если мы будем бороться, даже твои дети не станут ее свидетелями. Конец приближают пассивность, бездеятельность, паникерство...

Через несколько дней после этого разговора Высшее собрание выслушало отчет медиков, исследовавших причины смерти Кива. По мнению врачей, участник экспедиции погиб из-за мощного воздействия на его мозг какого-то неведомого излучения. Однако влияние генератора «Р-лучей» исключалось, так как никаких следов повреждений в защитной оболочке космонавта не обнаружили. Руководитель лаборатории реанимации считал, что надо попытаться оживить Кива, хотя шансы на удачу были не так уж велики. Высшее собрание одобрило это предложение.

Ниг был приглашен в качестве консультанта. Психологи полагали, что обстановка, в которой будет происходить оживление, должна быть максимально приближена к той, что окружала Кива в момент гибели. Снимки и видеозаписи помогли создать макет местности, Ниг показал место, где располагались окаменелости, привезенные им на корабле,— именно рядом с ними Кив рухнул замертво.

Когда все было готово, над макетом возвели купол, под ним предполагалось воссоздать атмосферу Эрл. Умершего навигатора поместили на ложе, оборудованное датчиками, подвели провода, закрепили присоски вибраторов, над головой установили шлем — импульсный преобразователь. В первые часы операции под куполом был создан вакуум. Только когда с помощью вибраторов и инфракрасного облучения температура тела была доведена до нормальной, насосы начали подавать смесь азота, кислорода и углекислого газа. Теперь нужно было ждать несколько дней, пока можно будет начать воздействовать на сознание Кива посредством импульсного преобразователя.

Ниг страшно волновался все это время, и врач, наблюдавший за состоянием его психики, снова потребовал, чтобы он отправился отдохнуть к морю. «Вернетесь к моменту оживления и войдете в камеру. А пока постарайтесь забыть об операции».

Но ему не пришлось присутствовать в лаборатории в этот ответственный день. Неожиданная простуда — Ниг сильно переохладился во время подводной прогулки — надолго приковала его к постели. Когда же смог познакомиться с бюллетенем, посвященным операции, был потрясен: реанимация удалась, но тяжелое психическое расстройство потребовало срочного помещения Кива в клинику.

Когда Ниг получил наконец разрешение врача вернуться к своим занятиям, он немедленно отправился в лабораторию и попросил отчет о завершающем этапе операции. Но руководитель предложил гостю подождать, пока материалы будут доставлены из Центра лингвистики. В ответ на его недоумение объяснил:

— Дело в том, что Кив после своего пробуждения заговорил на неведомом языке. Его слова, разумеется, были записаны, и теперь лингвисты ищут ключ к пониманию произнесенного им.

— Можно ли мне до тех пор увидеть Кива?

— Попробуйте поговорить с психиатрами. Но сомневаюсь, что они допустят вас к нему.

Это предсказание сбылось — в клинике сообщили, что Кив находится в одиночной палате и к нему пока никто не входит — всякая встреча с унегянином сопровождается у него странной реакцией: больной бросается в угол, забивается под лежак и, закрыв голову руками, кричит на неизвестном науке языке.

Ниг ежедневно справлялся в лаборатории, не получили ли ответ, и все-таки для него было неожиданностью, когда однажды утром прожужжал зуммер почтопровода и из щели на приемный желоб шлепнулся пакет с красным символом Центра лингвистики — крестом, заключенным в круг. Ниг вскрыл его и, отложив в сторону пачку снимков, скрепленных скобкой, стал читать отчет. Пропустив подробные объяснения методологии операции, едва пробежав глазами описание всех ее этапов, с особым вниманием стал вчитываться в описание момента пробуждения Кива.

«Девятый день. Пятый час. Вторая доля.

Импульсный преобразователь переведен на энергетический режим П.

Показания датчиков: усиление деятельности всех органов; отдельные участки мозга отзываются на импульсы преобразователя.

Девятый день. Пятый час. Третья доля.

Импульсный преобразователь функционирует в режиме М.

Показания датчиков: полное включение коры головного мозга.

Тело Кива приподнимается на стенде.

Система самоотключения электроники срабатывает — происходит отсоединение датчиков и проводов.

Кив встает, делает несколько шагов, осматривается.

Фонограмма: Аллах милосердный, пять дней я тащился по пустыне, предвкушая отдых в кругу семьи. И что вижу: мой город поразила золотая немочь! Вот добрался до родного дома — и тут мертвое молчание. Да еще эти два шайтана со светящимися головами бродят по моему саду... Куда они провалились? Может, они привиделись мне? За что наказываешь, о всемогущий?..

Кив подходит к окаменелостям. Хватается за ту из них, которая, по всей вероятности, была существом женского пола.

Фонограмма: Вай-вай, и ты, Махбуба, красавица моя, нашла свой конец в этом проклятом месте... А это кто еще? Хаким? А, так вот зачем ты ходила в сад по ночам — ты миловалась с этим паршивым сыном ювелира! Горе мне, позор на мою седую голову...

Кив бьет себя руками по голове.

Фонограмма:... Как я посмотрю в глаза баю?.. Э-э, что я мелю, старый хрыч... Где ты теперь будешь искать бая?

Руководитель операции опасается, что Кив может нанести себе повреждение — его мозг едва пробудился от небытия. Принимается решение войти в камеру и вывести Кива в подготовленную палату.

Когда трое сотрудников появляются в поле зрения

Кива, он бросается от них и прячется за макетом глиняной стены. Речь его прерывиста, он возбужден в высшей степени.

Фонограмма: Опять шайтаны! О аллах, за что наказываешь меня?.. Только что их было двое, теперь откуда-то свалился третий... А-а-а, не подходите ко мне, служители бездны...

Кив неподвижно лежит возле макета. Сотрудники немедленно закрепляют на его теле датчики, чтобы определить, что с пациентом. Диагноз: глубокий шок.

Когда после соответствующего воздействия на сознание Кива психостимуляторов он приходит в себя, специалист констатирует полное нарушение функций психики. Параноидальное стремление скрыться от окружающих. При попытке установить с ним контакт падает в транс. Крики: «Шайтан! Не мучь меня, владыка ада!»

Ниг отложил отчет. «Вот это сюрприз! Что же стряслось с беднягой? Впечатление такое, словно заговорило одно из наших изваяний...»

Астронавигатор вышел из дома и отправился в рошу, чтобы в одиночестве хорошенько обдумать происшедшее. «Что это за шайтаны, хотел бы я знать. Он явно имел в виду унетян. Но тогда какие двое шайтанов явились ему перед смертью? Ведь он поминает их сразу после оживления. На Эрл он мог видеть только меня и СЕБЯ... Вот так штука — выходит, Кив видел меня и себя со стороны. Глазами кого-то третьего... Полная неразбериха!»

Ниг вышел на поляну и присел на знакомый валун. Долго перебирал в уме всевозможные объяснения изложенного в отчете, но правдоподобного истолкования всего этого не находил. Он собрался было идти за советом к Фиду, как вдруг его осенило. «А почему Кив бросился к этим окаменелостям? Он явно узнал их. Значит... Значив, Кив — это не Кив, а обитатель Эрл... Опять неразбериха. Единственное, что может прийти в голову — произошел «обмен сознания» между Кивом и каким-то эрлянином. Надо пойти еще раз внимательно прочесть отчет».

Он вернулся домой и принялся снова изучать фонограммы. «Так. Он говорит о пяти днях. К моменту смерти Кива корабль пробыл на Эрл по планетарному времени трое суток. Значит, эрляин — если мое предположение об «обмене» верно — во время нашего приземления находился в трех днях пути от города. Синхронно с посадочными двигателями включился генератор «Р-лучей».

Зона его воздействия как раз должна покрыть весь городок и захватить его окрестности. Таким образом, приятель наших изваяний не попал под облучение и невредимым добрался к своей цели. Вот тут-то и появились мы с Кивом. Наши генераторы вырабатывали несравнимо меньшую дозу «Р-радиации» — даже простое укрытие могло спасти от нее... Точно, вспоминаю. Неподалеку от взятых мной окаменелостей торчала третья — меня еще удивила нелепая поза изваяния. Может быть, с ним и «поменялся» Кив в момент своей смерти?»

Ниг решил рассказать об этих умозаключениях Фиду. Пока он добирался до лаборатории, которой руководил друг, он еще больше утвердился в своем мнении. Ниг связал с катастрофой, происшедшей на Эрл, те галлюцинации, что преследовали его во время возвращения на Унет. Не хватало только нескольких звеньев, чтобы гипотеза выглядела стройно и доказательно.

Выслушав Нига, Фид заявил:

— Знаешь, мне тоже что-то подобное приходило в голову. По-видимому, действительно произошел своего рода съем информации. В момент облучения эрлянина возник чрезвычайно эффективный канал телепатической связи. И память воспринимающего энергетический заряд выстрелила в этот канал весь объем накопленных сведений. Можно уподобить этот процесс, хотя механизм его еще неясен, стиранию магнитозаписи под воздействием случайно возникшего поля или аварийному сбросу информации из ячеек электронного мозга. Для того чтобы понять происшедшее, необходимо как следует изучить природу «Р-лучей». Наша ошибка состояла в том, что мы вооружили вас ими, плохо исследовав эффекты облучения-.

— Все то, что ты говоришь, выглядит правдоподобно. А что скажешь по поводу моих галлюцинаций? Что же — мертвый Кив бомбардировал меня этой заимствованной памятью?.. Мне, признаться, источником видений представлялись окаменелости...

— Да, вопрос не прост. К сожалению, мы ничего не можем сказать о

формах биоэнергетики жителей Эрл. Обладают ли они, подобно нам, телепатическими способностями? Могут ли создавать ноосферические поля? Может быть, под воздействием «Р-облучения» их сознание мутирует и приобретает новые возможности?

— Но не может же существовать сознание вне его биологического носителя, независимо от него.

— После гибели всей биоструктуры оно, естественно, функционировать не может. Но если биоструктура — в данном случае труп Кива — законсервирована? Я допускаю, что отдельные эманации, прорывы психополя могут существовать... Все, что я говорю, лишь самая общая, ни к чему не обязывающая гипотеза. Я просто ищу вслух подходы к решению проблемы.

— Ну хорошо. А куда делась личность Кива? Неужели она целиком была вытеснена памятью эрлянина, загнана в подсознание?

— Не знаю, это предстоит выяснить. Могу даже предположить, что его психика стала психикой того разумного существа, которое наградило его своим сознанием.

— Ты хочешь сказать, что каменная статуя, оставшаяся на Эрл, теперь мыслит категориями Кива? — усмехнулся Ниг.— Это уж совсем ни на что не похоже.

— Не доводи мою мысль до абсурда. Ничего подобного я измышлять не собираюсь. Хочу сказать только, что за какой-то миг до смерти эрлянина и Кива памяти того и другого устремились навстречу по каналу телепатической связи. Вот и все. А разрушиться сознание Кива, оставшееся на Эрл, может точно так же, как эманировало сознание его контрагента во время полета к Унету. Ведь биоструктура не погибла — она законсервировалась, окаменела благодаря «Р-облучению».

— Так по-твоему выходит, что...

— Ничего по-моему не выходит,— раздраженно прервал Фид.— Еще раз повторяю: я размышляю вслух...

Давран развернул телеграмму и прочел:

«Работы временно прекратить, просьба прибыть очередное заседание ученого совета. Мансуров».

— Что там? — встревоженно спросил Йигитали-ака, выбравшись из раскопа.— Вы так нахмурились — не случилось ли чего с родными?

— Нет. Это касается наших изысканий.— Давран протянул ему телеграмму.

— Да-а, новости,— промолвил Йигитали-ака, пробежав глазами текст.— Это подпись Нияза?

— Нет, его дяди. Он занимает пост заместителя директора института.

— Значит, племянничек что-то напел про Язъяван.

— Не думаю. Скорее, дядюшка сам что-то замыслил. Так или иначе — придется ехать.

— А нам ждать вашего возвращения и сидеть сложа руки?

— Ну нет. После вчерашней находки будет преступлением потерять хотя бы день. Я каждый вечер буду звонить в правление колхоза, часов этак в восемь. Приходите туда в это время и докладывайте мне о результатах раскопок. Оставляю вас вместо себя.

— А статую повезете с собой?

— Обязательно. Распорядитесь, чтобы рабочие сколотили крепкий ящик. Кого-нибудь пошлите на хлопковый завод — надо достать побольше ваты, чтобы обложить изваяние — не дай бог, повредим при перевозке...

Вечером в вагоне поезда Давран стал набрасывать конспект речи, с которой собирался выступить перед ученым советом. «Сообщение о находке надо будет сделать в самом начале, чтобы не дать этому демагогу Мансурову и его подголоскам настроить коллег против меня. А потом предложу свою гипотезу относительно происхождения статуи и того скульптурного изображения руки, которое мы обнаружили еще при Бекмирзаеве».

На следующее утро, проследив за выгрузкой ящика с язъяванской находкой на товарном дворе станции, Давран вышел на улицу, поймал такси и отправился в институт. Необходимо было уточнить время предстоящего заседания, разузнать, что готовят противники Асада Бекмирзаевича. Даже после его смерти они не могли успокоиться — Язъяван был для них как бельмо в глазу. «Эх, если бы в институте царила подлинно товарищеская атмосфера,— думал Давран.— Можно было бы с полной откровенностью поделиться сомнениями, рассказать о «святой ночи», о призраках, являвшихся мне возле раскопок». Археолог никому еще не говорил, что ему довелось наблюдать «святого Хызра». Когда видение повторилось дважды, он решил: «Выходит, предание не так уж фантастично. Ясно, что многое — плод воображения, но реальная основа легенды существует. Святую ночь, впрочем, тоже примыслили впоследствии — видимо, двадцать седьмое

число рамазана связывалось в старину с каким-то религиозным событием. Надо будет выяснить это. Мне, во всяком случае, повезло больше других — две «святые ночи» подряд». Но потом ему пришло в голову, что галлюцинации посещали не только его. Как объяснить такую текучесть среди рабочих экспедиции? Четверо уволились при Асаде Бекмирзаевиче, на днях — еще двое. И все при этом держали себя как-то странно, сбивчиво объясняли мотивы ухода...

В мраморном вестибюле института было прохладно. Шум уличного движения едва проникал сюда и не мешал дремать вахтеру. Давран дотронулся до его плеча. Старик встрепенулся, открыл глаза и удивленно воскликнул:

— Давран Махмудович! Сколько лет, сколько зим! Видно, все время пропадаете в экспедициях — вон как загорели.

— Да, Ахмад Гафурович, копаемся, как кроты... Что новенького здесь?

— Пусто. Полевой сезон — почти все в отъезде. Вот только завтра соберутся на ученый совет. Вы, никак, тоже с этой целью прибыли?

— Когда собираются?

— В двенадцать, как обычно.

— Товарищ Хасанов!

Он поднял голову и на самом верху марша парадной мраморной лестницы увидел дядю Нияза. Тот широко улыбался и как-то заговорщически махал ему рукой.

— А ну поднимайтесь, дорогой, сюда. По вас все так соскучились.

Давран взбежал по ступенькам.

— Пойдемте потолкуем ко мне в кабинет,— сказал Мансуров, мягко взяв аспиранта за локоть.

Когда они уселись в кожаные кресла возле шахматного столика, заместитель директора заговорил, все так же улыбаясь:

— Милый Давран, позвольте мне, как старшему, называть вас по имени. Вы, конечно, знаете, что я очень уважал покойного коллегу Бекмирзаева. Это был человек редкостно одаренный. И я был просто счастлив, что дело моего друга хотите продолжить вы, талантливый молодой ученый. Однако...

Давран внутренне напрягся. «Вот оно, из-за чего меня вызвали...»

— Вы прекрасно знаете, что работа института подчинена определенному плану. В соответствии с ним выделяются и средства, и, хотя работы в Язъяване не планировались на ближайшие годы, я



поддержал Асада Бек-мирзаевича, уговорил товарищей, от которых зависела судьба экспедиции. Но теперь мне самому приходится поднимать вопрос о временном прекращении раскопок. Повторяю — временном...

— Но позвольте, уважаемый Эмин Мансурович...— попытался прервать его Давран.

— Не позволю, дорогой Давран. Выслушайте сначала меня. Завтра речь пойдет о нуждах экспедиции в Пскенте. Работы там ведутся большие, с размахом. Результаты, правда, еще не очень значительные. Но все зависит от энергии руководителя. Вот этим-то качеством прежний начальник партии и не отличался.— Мансуров сделал многозначительную паузу и торжественно продолжал: — Я намерен предложить на его место вас, дорогой Давран...

«Неужели он думает, что я так глуп и меня легко соблазнить должностью начальника крупной экспедиции? Дело нечисто. Он явно хотел бы убрать меня из Язъявана, а через некоторое время возобновить там работы под началом своего человека. Он наверняка понимает: раскопки, начатые Асадом Бекмирзаевичем, перспективны — и хочет, чтобы лавры достались ему. Старый лис хорошо знает, что у Бекмирзаева был настоящий нюх археолога: где бы он ни начинал копать, попадались крупные находки. Теперь он решил перехватить славу открытия покойного...»

— Но ведь в Язъяване обнаружены интересные вещи. Например, кисть руки, принадлежавшая какому-то изваянию...

— Это ничего не значит. Давайте лучше думать о том, чтобы как следует провести раскопки в Пскенте.

— Нет, я буду просить завтра о выделении средств для продолжения работ в Язъяване,— твердо сказал Давран.

— Что ж, вольному воля,— сухо заметил Мансуров и поднялся с кресла, давая этим понять, что разговор окончен.

«Посмотрим, как ты запоешь, когда я выложу главный свой козырь»,— усмехнулся аспирант, покидая кабинет.

После того как было доказано, что на далекой планете существует жизнь, Высшее собрание несколько раз обсуждало доклады ученых, предлагавших возобновить программу исследования Эрл, которая оказалась похороненной после неудачного полета первой экспедиции.

К удивлению Нига,— а он был уверен, что предложения специалистов одобряют при первом же голосовании,— в высшем

законодательном органе Унета нашлось очень много убежденных противников «космической авантюры» — так они называли идею переселения на другие планеты. Их не интересовали никакие выкладки Фида и его сотрудников. «Цикл развития нашей цивилизации завершен, и искусственные попытки продлить ее жизнь в иных мирах продлят только агонию культуры, давно изжившей себя», — говорили члены Высшего собрания, исповедовавшие философию Великого Заката. Когда собрание все-таки проголосовало за продолжение космических изысканий, Ниг и его друзья чувствовали себя измученными — за эти дни пришлось немало понервничать, каждый выступал по нескольку раз. Однако теперь им было не до отдыха. Уже завтра после решающего заседания Фид и Ниг отправились на предприятия, изготавливавшие прежде агрегаты космических кораблей и необходимую аппаратуру.

Результаты первой инспекционной поездки оказались плачевными. Оборудование и станки, необходимые для создания звездолетов, в большинстве либо безнадежно устарели, либо были демонтированы. Кадры, нужные для успеха программы, распыленные по самым различным производствам, также не совсем отвечали уровню требований Комитета по колонизации (так именовали новое научное объединение). Правда, техническая документация и архивы, относящиеся к подготовке первой экспедиции, были в целостности и сохранности, — теперь все это свезли в обшарпанный двадцатипятиэтажный офис, доставшийся Комитету в наследство от упраздненной Лиги Чадолюбия. Много лет здание простояло необитаемым, и теперь сотрудникам Фида предстояло привести запущенные кабинеты в порядок.

Электронный мозг, некогда обслуживавший полет к Эрл, также перевезли на новое место. Образцы пород, окаменелости, пробы атмосферного воздуха с Эрл разместились в лабораториях Комитета. Постепенно налаживалась работа многочисленных отделов, занимавшихся вопросами жизнеобеспечения космонавигаторов, разработкой разговорника — предполагалось, что на этот раз посланцы Унета смогут вступить в контакт с жителями планеты. Параллельно продолжались попытки восстановить здоровье Кива — если бы ученым удалось заставить нормально функционировать сознание обитателя Эрл, многие проблемы общения с инопланетной цивилизацией были бы решены еще до полета. Больному отвели звуконепроницаемые

апартаменты на верхнем этаже; мощные аппараты психотерапии день и ночь создавали в помещении «поле спокойствия».

Постепенно втянувшись в работу, Ниг посвежел, его больше не беспокоили последствия стресса, перенесенного на корабле. Размеренный образ жизни, рациональное питание, ежедневные получасовые посещения «камеры горного воздуха» — все это позволяло ему надеяться, что его и в этот раз включат в состав экспедиции. Время, казалось, работало на него и его друзей....

Однажды ночью Ниг пробудился от страшного грохота. Он сорвал с головы шлем проектора сновидений и сел на ложе. За окном едва забрезжил рассвет, все четыре спутника Унета сияли над угловатыми силуэтами небоскребов. Сам не зная зачем, Ниг стал одеваться. В спальню заглянул сын. Лицо его было встревожено.

— Что случилось, отец? Судя по всему, это был какой-то взрыв. Причем, если не ошибаюсь, в той стороне, где находится ваш Комитет.

— Сейчас отправлюсь туда и все разузнаю,— бросил Ниг.

Но он не успел даже договорить — возле подъемника послышались шаги, негромкие голоса.

— Ниг, по постановлению Чрезвычайного совета Высшего собрания мы должны доставить вас в Приют,— входя в комнату, проговорил молодой чиновник в желтой форменной шапочке. За его спиной теснились еще несколько служащих в таких же головных уборах.

— Я не понимаю вас. И почему среди ночи...

— Выполняйте постановление! — чиновник протянул Нигу металлическую карточку, удостоверяющую его полномочия...

В Приюте было не повернуться — повсюду на полу, на лежаках, на скамьях вдоль стен сидели только что доставленные сюда сотрудники Комитета по колонизации. Увидев Фида, астронавт протиснулся к нему.

— В чем дело? Ты что-нибудь понимаешь?..

Вместо ответа Фид показал другу на окно.

— Посмотри туда. Видишь зарево? Это горят руины Комитета. Они взорвали его.

— Кто они?!

— В полночь «закатники» захватили Высшее собрание, потом уничтожили Комитет, а всех нас, как угрожающих безопасности Унета, свезли сюда...

— Надо бороться,— сдавленно произнес Ниг.

— Борись, если можешь,— горько вздохнул Фид...

Давран не предупредил о своем приезде, поэтому на станции его никто не встречал. Солнце только поднялось из-за окоема, длинные тени деревьев лежали на дороге, по которой шел молодой археолог. До раскопок было километров восемь, но Давран не стал ждать попутную машину — решил прогуляться по утреннему холоду. В руке у него болтался старый портфель — в одном из его отделений холостяцкий набор: полотенце, мыльница, зубная щетка, бритва. В другом — тоненькая папка с тесемками, в ней лежали всего три машинописных листка. Ясно, что с подобным багажом путь до лагеря экспедиции показался не в тягость...

Когда до стоянки экспедиции осталось уже недалеко, он заметил впереди себя знакомую коренастую фигуру. Молодой человек остановился и, сложив ладони у рта, крикнул:

— Э-э-э, товарищ начальник!

Йигитали-ака повернулся и приветственно замахал рукой.

— Полная победа! — радостно воскликнул археолог, когда их разделяли каких-то двадцать метров. На ходу расстегнув портфель, он выхватил из него папку, дернул тесемки достал верхний листок.

Забыв даже поздороваться, Йигитали-ака схватил бумагу и прочел то место, на которое указал Давран:

«...По докладу тов. Хасанова ученый совет постановляет: максимально расширить размах работ в Язъяване, сохранив общее руководство раскопками за тов. Хасановым...»

— Я прихлопнул их одним ударом,— улыбаясь, объявил археолог.— Когда рабочие разбили ящик и все увидели статую, Мансуров тут же собрал свои бумаги и сел на место. Немедленно решили выделить дополнительные средства...

— А почему вы не звонили, дорогой Давран Махмудович? Оба вечера я приходил в правление, как условились — в восемь...

— Совсем закрутился, Йигитали-ака. А что, есть новости?

— Сейчас увидите,— лаконично ответил тот.

Через несколько минут они поднялись на холм, где производились раскопки. Давран глянул вниз и зажмурился: в лучах восходящего солнца золотым огнем горели крыши нескольких домов, на раскопанной улице поднимался целый лес золотых статуй...

## Махкам МАХМУДОВ

### Я - НЕ Я

*Народному художнику Узбекистана  
Чингизу Ахмарову посвящается*

Кто-то позвонил. Настойчиво, нетерпеливо... Я поспешил открыть.

В двери стоял... мой двойник. Он выглядел старше моих лет, и, тем не менее, на его усталом лице озаренные каким-то внутренним светом сияли молодые глаза.

- С днем рождения, Бехзад! Я совсем забыл о том, что у тебя сегодня такой день. Хорошо, чужие люди сказали, - мягко упрекнул он меня. - А ведь ты, наверное, уже и гостей пригласил, да не каких-нибудь, а знатных.

- Да что ты! - пытался оправдаться я, - хотя он попал в самую точку. Только вчера узнал, сколько мне лет, да и то спасибо нашему главному художнику... он напомнил...

Я сказал это, конечно, желая подчеркнуть свою близость к главному художнику нашего театра.

- Кажется, я пришел некстати? - пробормотал гость, переминаясь с ноги на ногу и раздумывая, зайти ли ему в холл. Ему, видимо, было безразлично все, что творилось за порогом этой квартиры, и он бегло осматривал полотна, висевшие в прихожей.

Что ему ответить? Внезапно нахлынули неприятные воспоминания, связанные с моим двойником.

Незадолго до его прихода я принимал в своей вилле на зеленой окраине столицы гостей - людей солидных, с положением. Разговор шел о моих работах.

- А что скрывают недра этих гор? - спросил хорошо известный во многих странах сотрудник влиятельной газеты "Вэг", указывая на одно из полотен.

Гости с нескрываемым удивлением посмотрели на него.

- Кроме бурной реки, я ничего не вижу, - иронически заметил поэт Азамат. Этот плюгавый, но высокомерный человечек сочинял весьма посредственные стихи, зато не признавал великих своих современников, всех до единого называя бездарями. А я его уважал - он хвалил мои картины.

- Вот как! Но ведь здесь изображен лес, в котором, пожалуй, можно заблудиться, - слегка улыбнувшись, вставил сидящий рядом с Азаматом располневший, с рыжеватыми усиками композитор Сайфи.

Еще совсем молодым он писал хорошую музыку на пустыньские стихи бездарных поэтов. Но мы так привыкли к этому, что, поступи он иначе, - мы, пожалуй, его не поняли бы.

- Что вы, что вы! Или я не разбираюсь в искусстве, - вмешался худощавый черноглазый искусствовед Омар, - или вы нарочно не замечаете газель, жадно пьющую воду из ручья? Посмотрите, как она пуглива - любой шорох, и она готова обратиться в бегство,- Омар прекрасно разбирается в искусстве, но почему-то расхваливает художников, о которых заведомо знает, как они бездарны. Каждый, конечно, понимает, что это нехорошо, но никто не скажет Омару в лицо всего, что о нем думает. Ведь тогда придется выслушивать правду о себе. А у кого из нас нет своей "ахиллесовой пяты"?! Только глупцы не стесняются говорить все, что им вздумается, но кто же пустит такого человека в порядочное общество!

Сегодня все наперебой расхваливали картины, хотя прекрасно знали, что создавал их не я. Вокруг этих картин споры не утихают до сих пор, это настоящее искусство. Странные с современной точки зрения, они полны необъяснимой загадочности и очарования, от них трудно отвести взор. И мои друзья, пожалуй, искренне хвалят их наперебой.

Но подозревают ли они, как я ненавижу эти картины? Ненавижу, хотя они висят в моем доме, хотя многие восхищаются ими.

Теперь я не могу так писать. Да и зачем! Мои друзья рады, что я пишу уже иначе. Они знают, что такие картины не в почете. Славу мне принесут произведения, которые я создаю сейчас.

- В молодости ты был выдающимся художником, - вздохнув, заметил мой друг-журналист. Говорит он об этом всякий раз, когда приходит ко мне. И всякий раз я затрудняюсь понять: восхищается он тем, что было, или сожалеет. А может быть, он иронизирует? Может быть, не верит, что я имею к этим картинам какое-то отношение?

Пусть эти картины писал мой двойник, утверждающий, что это различные воплощения его возлюбленной, прекрасной Дурданы. Но ведь когда-то и я любил Дурдану! Правда, истинным влюбленным был не Я. Ибо...

Я облокотился о спинку дивана, рассеянно слушая разговор. Взор

мой бесцельно скользил по пейзажу. Вдруг перед глазами стали всплывать картины детских лет. Только видел я их как-то странно, отчужденно - будто не мое это было детство, а другого человека.

Кто он, мальчуган со светлыми глазами? Он похож на меня. Однако это не я. У него есть сердце. Настоящее сердце. А у меня его нет. Об этом люди не догадываются. А может, и догадываются, но те, у кого, возможно, тоже нет сердца, - молчат. Впрочем, мне не дано судить об этом.

Вечер. На широкой лужайке, вместе с другими детьми, сидит этот очень похожий на меня мальчик и слушает сказки. Он слышит таинственный шорох в густой чаще деревьев. Издалека доносится глухой крик совы. Над полем джугары по небу медленно плывет луна. Ее голубоватым светом окутан огромный платан, простирающий густые ветви над онемевшим от любопытства и душевного трепета мальчуганом...

Матушка любила рассказывать нам о Синдбаде-мореходе и страшном одноглазом циклопе. Убаюканный ее певучим, сладким голосом, сквозь дрему я смотрел на огромную чашу неба, по которому, как блестящие зернышки проса, рассыпаны звезды. А в предрассветный час, когда начинал хрипло кричать петух, я, конечно же, не спал и не мог оторвать глаз от Млечного Пути - мне казалось, что рассвет начинается там, на затерянной в огромной бездне дороге. Кто проложил ее? Ах, как мне не хотелось уходить домой!

Иногда мать рассказывала о прекрасной фее Дурдане. "Дурдана - вечно юная красавица; тот, кто встретит ее и полюбит, тоже будет жить вечно, говорила мать, и странная улыбка озаряла ее лицо. Дурдану могут увидеть лишь одаренные и благородные люди, потому что Дурдана - фея вдохновения".

Я повзрослел, уехал учиться, чтобы стать художником. И все это время жил сокровенной мечтой - увидеть вечно юную фею Дурдану.

Однажды всю ночь напролет я читал старинную книгу. В предрассветный час, когда солнце только-только начинает золотить краешек неба, возник перед моим окном великолепный пейзаж: на изумрудном поле розовели кроны персиковых деревьев, белопенными стали урючины. Сладко веяло чем-то нежным, прохладным.

Вдруг легкий порыв ветра неслышно открыл дверь. Я повернулся - и онемел! Передо мной стояла она, моя фея! Глаза ее были грустными и задумчивыми, длинные ресницы едва заметно трепетали, словно она

хотела что-то сказать - и не решалась.

В это мгновение я услышал дивную музыку, вся комната наполнилась сияющим светом. Неужели это запела моя душа?!

-О, не удивляйтесь!-раздался нежный голос.-Да, да! Я- фея, я - ваша мечта. Я - Дурдана.

"Конечно, конечно! Кем же еще можешь ты быть, прекрасная незнакомка, явившаяся мне на рассвете, словно солнечный луч! Наконец-то! Я ждал тебя столько лет!" - хотелось мне крикнуть, но слов не было...

Дурдана поняла мое волнение... Она улыбнулась и, едва придерживая длинный подол своего голубого воздушного платья, присела на край моей постели.

- Вы не уйдете? - прошептал я. Юная фея нежно посмотрела на меня и опять улыбнулась. Эту улыбку не передашь ни словом, ни краской, ни звуком. Ее можно только бесконечно созерцать. И тем не менее я взял кисть.

Она сидела тихо и разглядывала книги - мое достояние. А я писал, ни на миг не задумываясь над тем, что делаю, - кисть сама, казалось, летала по холсту.

... Вдруг эту божественную тишину разорвал хриплый крик петуха. Первый луч солнца упал на подоконник. Встревоженная фея поднялась, положила книгу.

- Прощайте, мой друг. Я приду! - И, легко придерживая двумя пальцами подол своего чудесного платья, мгновенно исчезла.

Долго я стоял, глядя туда, где только что улыбалась девушка неземной красоты. Потом перевел взгляд на холст. И... о чудо! С полотна на меня глядели изумительные глаза газели - пугливой, грациозной. Словно она пришла на водопой и засмотрелась на водную гладь, в которой переливами света играет горная речка...

... Она снова пришла ко мне, Дурдана! Теперь я уже ждал ее, ждал и холст, натянутый на подрамник в моей комнате. Я не знал, смогу ли снова работать, но разве можно было забыть те минуты, когда моей рукой двигало сжигающее душу вдохновение...

Дурдана навещала меня еще и еще. Я перестал бывать на занятиях. До рассвета писал, а потом в изнеможении валился на кровать и, как убитый, засыпал. День и ночь смешались...

... Но однажды фея пришла очень печальная. "Случилось недоброе", подумал я.



- Вы разве ничего не знаете? - спросила она, присев по привычке на краешек моей постели. - Вашего любимого учителя...

Глаза ее затуманились...

- Что с ним? - прошептал я, сраженный догадкой.

- Его лишили работы... Такого человека...

Казалось, она не может продолжать... Дурдана пересела поближе, словно готовясь рассказать мне длинную историю, и доверчиво улыбнулась, заметив, как я заволновался, почувствовав ее близость...

- Он, как и вы, когда-то любил меня. Но в этом обществе, в мире наживы трудно тому, чьи чувства чисты. Меня многие считают колдуньей...

Я и впрямь слышал нечто подобное. Напрягая память, вспомнил. Как-то в институте говорили о том, что Дурдана - колдунья, что ей две тысячи лет, но она, превратившись в восемнадцатилетнюю девушку, совращает молодых простачков, и жертв ее - не счесть. Я тогда пропустил все это мимо ушей, как вздорный вымысел... Но вот сейчас... неужели это серьезно?..

Наш новый преподаватель по классу рисунка господин Хамави низенький, гладко причесанный, со сверлящими собеседника глазами - знакомился с нами долго, изысканно, на аристократический манер. На первом же занятии он принялся излагать суть нового метода в искусстве.

- Задача художника - приносить пользу обществу, - заявил он безапелляционно, глядя вверх, на резной потолок. - Когда я говорю "пользу", я имею в виду произведения, отвечающие требованиям нашего сегодняшнего дня...

Я, словно не обратив на это никакого внимания, спросил:

- Что подразумевается под термином "полезное искусство"?

Все взгляды устремились на меня.

Новый учитель не скрывал раздражения.

Переведа дух, он продолжал все так же торжественно:

- Для этого достаточно применить искусственные глаза, а они не позволят людям отвлекаться для созерцания цветов и оттенков.

Искусственные глаза!.. Мы переглянулись. И вдруг увидели: новый учитель смотрит как-то особенно: прямо перед собой, почти не моргая.

А он продолжал, и все больше креп, набирал силу его жуткий голос.

- После продолжительных, долголетних научных исследований я изобрел такие глаза! Они упрощают жизнь, ибо различают лишь

черный и белый цвета, сглаживают различия. В нашу эпоху, в век электроники и лазеров пересадка таких глаз не составляет особых трудностей. И я первым, на себе, применил свое изобретение! Я смотрю на вас и вижу всех вас одинаковыми.

Стеклянные глаза нового учителя впились в нас так, словно этот человек хотел высверлить из нас все неугодные ему мысли.

В аудитории водворилась тревожная тишина. Мы затаили дыхание.

- Отныне вы должны пользоваться искусственными глазами, - закончил наш новый учитель тоном, не терпящим возражений, и устало опустил в кресло. Ибо сейчас нет необходимости искать сложные цветовые гаммы. - Он уставился на искусную резьбу на кресле, что, очевидно, решило его дальнейшую судьбу.

- Всем ли обязательно пользоваться этими новыми глазами?

Студенты, как по команде, повернулись в мою сторону, и было видно, что мой вопрос некоторым показался неуместным. Пронзительный взгляд учителя остановился на мне, казалось, ноги мои одеревенели.

- Всем не обязательно, - многозначительно ответил он наконец, - но художникам, использующим передовой способ, открыты все пути... Нетрудно было догадаться о смысле этих слов...

Прозвенел звонок, и мы облегченно вздохнули.

\* \* \*

Расстроенный, я брел бесцельно по раскаленным улицам и попал в заброшенный загородный сад. Оглядевшись, заметил каменную скамью, на которую я и присел.

Солнце еще не зашло, в саду было сумрачно и неудобно. Сильный ветер гнул деревья, тревожно шелестела листва, вода в полуразрушенном мраморном бассейне покрылась беспокойной рябью. Ветки огромного дерева хлестали по гранитной голове памятника какому-то древнему ученому, словно стремясь сорвать с него чалму. Вдали, в глубине сада, виднелся старый с зубчатым карнизом дворец. Шелковые шторы на его окнах рвал ветер, рни пламенели в зареве заката. Ветер принес бурю. Рослые платаны вокруг дворца содрогались от сильных порывов ветра, их слабый стон напоминал стенания больного. Вдруг, осветив небо, ударила молния. Она ослепила меня, показалось, что на голову со всего размаху обрушилась огненная

сабля... Я упал, как подкошенный, и потерял сознание...

Когда я пришел в себя, буря утихла, и на темном небе мерцали звезды. Удивительно, но я чувствовал себя непривычно легко, как будто сбросил с себя тяжесть, казалось - могу взлететь высоко-высоко...

Опираясь о землю руками, я встал на колени, оглянулся и вздрогнул - на траве рядом со мной лежал юноша. Он, по-видимому, был в глубоком обмороке. Я взгляделся в его лицо, и меня охватило смятение - как две капли воды, юноша был похож на меня! Я побежал к бассейну, принес воды и попытался напоить юношу. Приложил ухо к его груди - сердце бьется... И все уверенней, сильнее. Наконец юноша открыл глаза, посмотрел на меня, видимо, тоже с удивлением узнавая во мне знакомые черты, и тихо, с налетом иронии, сказал:

- Ты лучше послушай свое сердце. Есть ли оно у тебя?..

Оторопев, я приложил руку к левой стороне груди. Как будто ничего не слышно... Не может быть!..

- Да, не удивляйся. Сердце у нас с тобой одно на двоих, и оно у меня, - он показал на свою грудь.

- А кто ты такой? - Я не очень-то поверил его словам.

- Я - это ты.

Голова у меня закружилась, я едва удержался на ногах. Пошарив в карманах, нашел сигареты, закурил и предложил ему. Мы долго молча курили. Наконец он заговорил:

- Ты был несправедлив к фее Дурдане. Эта девушка - самая прекрасная на свете. А ты поверил чепухе, которую болтают о ней люди непорядочные. Я очень люблю ее, да и ты ведь любил.

- Нет, - поспешил возразить я. - Я ее не люблю. Она колдунья. Ей тысячи лет, и она превращает каждого, кто к ней стремится, в комок пыли...

- Брось, все это сплетни господина Хамави. Ты просто боишься. Боишься, что и тебя могут выгнать из института, как выжили старого учителя. А ведь у каждого таланта, в сущности, есть своя фея, своя вдохновительница. И у людей, проживших тысячу лет, тоже были свои феи...

Я раздраженно махнул рукой и ушел. А он отправился искать свою фею.

\* \* \*

С того дня я жил без сердца. Так было легче. Я уже не совершал необдуманных поступков, а руководствовался трезвым рассудком. И фея Дурдана больше не приходила ко мне...

Шли дни, недели, месяцы - унылые, однообразные. Хамави все чаще хвалил меня, и я втягивался в свою новую жизнь. И мне уже не казалось удивительным, что там, где раньше билось сердце, теперь пусто и спокойно. Иногда я приходил в ужас: а вдруг окружающие узнают, что у меня нет сердца? И я старался отдалить от себя всех, с кем дружил раньше, кто был мне когда-то дорог. О двойнике я тоже старался не думать - это было мучительно.

Закончилась учеба и меня взяли в оперный театр. Господин Хамави дал мне отменную аттестацию, он назвал меня самым способным и перспективным молодым художником.

Получив столь завидное место, я решил вести себя так, чтобы понравиться главному художнику, войти к нему в доверие и добиться успеха.

Однажды Главный, посмотрев декорацию, посоветовал "убрать" с нее величественный дворец. Я охотно это сделал-дворец напоминал тот, возле которого меня застала в памятную ночь буря. Изучив вкус своего начальника, я стал убирать с декораций все, что носило необычность, что придавало им возвышенность, романтичность. Теперь действие шло среди приземистых угрюмых зданий, при этом обязательно черно-белых. В духе времени. Постепенно приходило признание, я стал вхож в общество, где можно было наслаждаться радостями жизни.

А тот, у которого мое сердце, все бродил где-то, босой и голодный.

Однажды он навестил меня, и мы мирно беседовали. Теперь мне это было уже не страшно - я твердо стоял на ногах. И тем не менее каждый его приход привносил в мою жизнь что-то для меня нежеланное, и это причиняло мне боль...

Однажды он появился рано утром - тихо, неслышно, точно привидение. Обратился ко мне так, словно мы беседовали всю ночь и теперь продолжаем разговор.

- Видишь горизонт, что купается в заре? Ты только посмотри, сколько красок! Какие тончайшие переливы света? Да посмотри же! Он сжал мое плечо так сильно, что я едва не вскрикнул от боли. - Таковую зарю ты видел только в детстве! Возьми же поскорее кисть, ведь с каждым мгновением заря меняется, ты не успеешь передать все ее

краски!

Я посмотрел на пурпурный край неба и заколебался. Но тут же вспомнил равнодушное лицо Главного. О, это бесстрастное лицо! Сколько злобы и ненависти за этой маской! Стоило кому-то из нас опоздать, как он начинал шипеть, словно змея, и в театре поднималась буря.

"Нет, с Главным художником лучше не ссориться!" - подумал я и, не обратив внимания на слова призрака, поспешил в театр.

А тот преследовал меня и убеждал:

- Велика беда, если опоздаешь! На работу ты ходишь каждый день, а вот такая заря может и не повториться... Смотри, сколько в ней сегодня оттенков - от зеленоватого до красно-голубого... Быстрее возвращайся и берись за кисть!

- Да пойми - мне некогда! - я выходил из себя. - Сегодня я должен написать лозунг: "Любите прекрасное". Если я этого не сделаю, меня выгонят с работы.

Мой двойник усмехнулся:

- Людям нужны не лозунги о прекрасном, им нужна красота! Если бы ты был подлинным творцом и творил красоту, этого бы хватило, чтобы оправдать твою жизнь!

Я рассмеялся.

- Вот ты творишь прекрасное, а кто понимает созданные тобой шедевры? Люди-то ценят картины, которые хвалит критика.

- Ты говоришь о тех, кто выше всего ставит сытость, о тех, в чьих душах - пустота. А я творю для того, чтобы сеять семена цветов в пустыне душ.

- Сытые не поймут твоего искусства, они посмеются над тобой...

- Ты не прав. Не все превратились в камни, окаменели душой. Но оставим этот разговор. Посмотри лучше на горизонт! Краски уже потускнели, еще немного - и они исчезнут!

Я равнодушно смотрел на небо:

- Честно говоря, все эти оттенки, так удивившие тебя, мне кажутся серыми...

- Потому что у тебя искусственные глаза?

- Да.

- Зачем ты приобрел их?

- Они избавляют человека от усталости, облегчают жизнь.

- Ты боишься жизни?

Его вопросы раздражали меня и, вместе с тем, будили нечто похожее на угрызения совести.

- Иди, не сбивай меня с дороги, - бросил я двойнику в гнев.

- Тебя уже сбили с истинного пути, но я хочу тебе помочь. Ты должен вернуться к настоящему...

- Не мешай! Ты расплещешь краску, которую я несу.

- Черную!

Он резко остановил меня, посмотрел прямо в глаза.

- Ты не художник. Ты... ты...

Несколько месяцев он не попадался мне на глаза.

Откровенно говоря, я боялся двойника. Отчего, отчего он преследует меня, отчего не дает жить спокойно, ни о чем не заботясь?

Он появляется тогда, когда я вспоминаю детство, и тогда, когда я беспечно веселюсь с друзьями. Появляется худой, изможденный. Может, это оттого, что его гложет неведомое мне горе!

Нас связывают с ним какие-то таинственные нити. Чем выше поднимаюсь я по служебной лестнице, тем скорбнее становится его взгляд, тем все жалче выглядит он. Стоит мне получить большой гонорар - он впадает в нищету, собирая на кусок хлеба. Чем богаче и элегантнее мои костюмы, тем больше заплат на его ветхой одежде.

Но пусть он пеняет на себя! Попал под влияние красавицы Дурданы лишился спокойной жизни! И все из-за какого-то вдохновения, каких-то мифических принципов. Ему не понять, что главное в жизни - преуспевать!

И вот он, моя совесть, снова передо мной, словно призрак. Пришел поздравить меня, значит, и себя, с сорокалетием. Не забыл... А вот я уже стал его забывать. Легко без совести.

А он буквально читал мои мысли:

- Хочешь знать, зачем я пришел? Знай: тебе уже сорок лет! Зрелая пора жизни. Можешь ли ты сказать, что уже сделал что-то во имя великого искусства? Уверен ли ты, что люди будут помнить о тебе, о твоём творчестве?

Я постарался рассмеяться как можно беспечнее:

- Послушай, правдоискатель! Все восхищаются моими картинами. Критика считается с моим мнением. У меня появилось много учеников. И все они любят и уважают меня.

- Как ты наивен, - ответил двойник с горечью. - Да тебя просто боятся. В лицо тебя хвалят, восторгаются твоими ничтожными

творениями, а за твоей спиной смеются над ними. Ведь ты, сознайся, в душе смеешься над тем, что публично расхваливаешь! И так вы все лицемерите!

- Хватит, - разозлился я, - не болтай глупостей! Ты всегда завидовал мне, моему росту - отсюда все твои сентенции!

- Это верно, слава твоя растет... А ты опускаешься все ниже и ниже...

- Замолчи, - закричал я, не в силах больше сдерживаться. - Ты лишь моя тень, жалкое мое подобие!

Он расхохотался впервые за много лет.

- Да знаешь ли ты, что я твой талант. Ты не дорожишь своим талантом и потерял его. Я возвращался к тебе вновь и вновь, но ты гнал меня прочь! Так прощай же... Больше ты никогда не встретишь меня.

Он ушел. Я стоял пораженный, не зная: броситься за ним или вернуться к гостям? Он ушел, а я остался - без сердца.. .

## Эдуард МАЦИПУЛО

### ВЫСОТА 735

#### I

Старичок положил передо мной не очень качественный снимок, явно любительский. На снимке я разглядел влажные камни, торчащие из воды, слоистый туман, а на заднем плане — огромную смутную тень.

— Я слышал его голос! — прошептал, волнуясь, старичок.— Я обязательно отвезу вас туда... если примете мои скромные условия.

Этому забавному человеку сказочно повезло. Похоже, он видел монстра. О них много говорят и пишут, но бесспорных фактов их существования никто еще не представил. Так что можно было понять и мое состояние, когда я разглядывал фото.

Условия старичка были по-деловому жестки: полная тайна операции, весь гонорар с публикаций — ему. На мою долю оставалась чистая наука. Я согласился. Мы заключили контракт, причем текст был составлен так, что клерк юридической конторы не мог ничего заподозрить.

Мы вышли в океан на старой скрипучей яхте, принадлежащей старичку. К моему удивлению, на яхте оказалось двое пассажиров: низкорослый благообразный японец в меховом пальто и более скромно одетый рослый китаец, как потом выяснилось, его слуга и телохранитель.

Господин Хияма — так звали человека в меховом пальто — страдал морской болезнью, поэтому редко выходил из каюты. Слуга Сяо Ли большей частью находился рядом с ним.

— Мой родственник.— улыбнулся и прищурился капитан.— Он знает все. Хияма-сан у нас здесь самый главный.

Погода была неустойчивая. Резкий норд-ост, предвестник зимних штормов, нагнал туч, и с неба все время сыпалась снежная крупа или моросил мелкий нудный дождь. Мы шли под парусами, изредка включая двигатель. Старичок оказался опытным моряком, да и мне приходилось плавать. Мы составили отличную пару мореманов, работая в поте лица. Старушка-яхта пропускала воду в самых неожиданных местах — ее приходилось откачивать допотопной помпой, и в такие моменты нам помогал Сяо Ли. Это был сильный и



работающий мужчина лет тридцати-тридцати пяти. В нормальной обстановке с его скуластого смуглого лица не сходила ликующая улыбка. Наедине он был угрюм.

Островок возник внезапно — жалкая груда камней посреди хмурого океана. Я разглядел в бинокль скалистую сопку с обкусанной вершиной, голые обрывистые склоны с крохотными буро-зелеными полянами, ряды наких-то кольев. Господин Хияма выбрался из каюты, чтобы взглянуть на островок. Широкое и полное лицо его было бледно-землистого цвета. Мы перекинулись с ним фразами вежливости.

— Что у вас с рукой? — спросил я, видя, как неестественно держится он за планшир.

Господин Хияма объяснил: окостенение локтевого сустава, след автомобильной катастрофы.

На старого капитана невозможно было смотреть без улыбки. Он суетливо бегал по ходовой рубке и палубе, хватался за шкентеля, потом встал у штурвала по стойке смирно и запел что-то протяжно-ритмичное.

Суденышко благополучно миновало гряду скальных рифов и вошло в уютную бухточку, защищенную от ветра скалистой сопкой. На берегу у самой воды виднелись остатки каких-то строений. Сяо Ли отважно выпрыгнул на камни и закрепил швартовый конец на одной из свай.

Нам не терпелось выйти на берег, но старый капитан так переволновался, что ему стало плохо. Мы уложили его в постель и подкрепили изношенное сердце ветерана лекарствами из аптечки.

— Ружья не берите, не надо,— произнес старичок с беспомощной улыбкой.— Он не любит, когда с оружием. Он совсем как дитя.

И вот мы втроем взбираемся по крутому склону сопки. Теперь она казалась громадой, вросшей вершиной в лохматые тучи. Сяо Ли бережно поддерживал господина Хияму под локоть, а тот уже взмок и распахнул пальто.

— Трудно поверить, что на вершине есть кратер,— сказал я, поглядывая вверх.

— Есть,— Хияма кивнул несколько раз.— Видели фотографию, Иванов-саи? Снято вот этой камерой там.

— Так это вы снимали?

— Нет, хозяин яхты, господин Ямасита.

Склон был мокрый, недавно прошел дождь, и я однажды поскользнулся, но ловкий и сильный Сяо Ли успел меня поддержать.

— Осторожней надо, господин. Высоко...

Донеслось чихание старого движка яхты. Мы с удивлением увидели, что суденышко неторопливо выползает из бухты. Старичок смотрел на нас в свой огромный облупленный бинокль. Уже оклемался? И даже помахал нам рукой. В его позе угадывалось торжество.

— Ничего не понимаю,— пробормотал господин Хияма. Ли стоял с открытым ртом.

— Зачем ему понадобилось выходить за рифы? — недоумевал я.

До боли в глазах мы всматривались в быстро уменьшающуюся точку. Вот она и вовсе растворилась среди пенистых гряд волн.

— Господин Ямасита покинул нас? — Цвет лица Хиямы опять стал землистым.

Я посмотрел вверх. Теперь было понятно, что там нет ни кратера, ни реликтовых монстров среднего класса.

## II

День клонился к закату, и мы спешили еще до наступления темноты обследовать остров. Мы разошлись в разные стороны и вскоре потеряли друг друга из виду.

Я карабкался по осклизлым камням и неожиданно наткнулся на колючую проволоку, туго натянутую между ржавыми металлическими кольями, намертво вбитыми в скальный грунт. Наверное, остались со времен второй мировой войны. Это сколько же лет прошло? Может быть, здесь остались какие-нибудь подземные помещения? Было бы кстати.

Я взглянул вдоль линии заграждений, и все во мне напряглось: на меня пристально смотрел человек в каске и шинели. Лицо его по самые глаза было покрыто буро-седыми волосами. Он сидел на корточках в проходе между заграждениями и держал перед собой в напряженных руках непомерно длинную винтовку времен второй мировой войны.

— Ты чего здесь шпионишь? — произнес он с едва сдерживаемой яростью.— Подними руки вверх и шагай сюда! Стреляю без предупреждения.

Я был рад ему! Значит, тут есть люди! Ну а то, что он агрессивен — это дело как-нибудь уладим. Взять его в оборот сейчас было бы глупо. Может, кто-нибудь разглядывает меня через прицел такой же музейной винтовки?

Я пошел к нему с поднятыми руками, стараясь не делать резких движений. Самым мирным тоном произнес по-японски:

— Добрый день. Я питаю к вам самые дружеские чувства...

То ли мой выговор ему не понравился, то ли по другой причине — он вдруг прыгнул ко мне и ударил прикладом в живот. Боль переломила меня, я упал, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он потрогал меня ногой, потом склонился. Я увидел пронзительные, в красных прожилках глаза.

До темноты я лежал в какой-то канаве, полураздетый и связанный. Потом солдат потащил меня за волосы вверх по склону, втолкнул в какую-то нору. С грохотом сдвинулась железная дверь, загремели запоры. Темень, клозетная вонь... Под руками — влажный холодный бетон. Я услышал чье-то осторожное дыхание.

— Кто тут?

— Невероятная история! — ответил голос Хиямы. — Какое-то ископаемое содрало с меня шубу и разбило в кровь губы. И вам досталось, Иванов-сан?

— А у меня глаз затек, — сказал Сяо Ли, придвигаясь ближе.

Выяснили, что «ископаемое» повстречалось одно и то же — сумасшедший обросший солдат.

— Типичный параноик! — негодовал Хияма. — Вы видели его глаза, Иванов-сан?

— Как вы думаете, Хияма-сан, с какой целью ваш родственник отдал нас в руки сумасшедшего?

Хияма начал вспоминать с помощью Сяо Ли: господин Ямасита служил когда-то в императорском военно-морском флоте.

— Где именно служил? Чем занимался после войны?

— Сейчас, сейчас... В какой-то инспекции! Помню портрет: молодой офицер в чине капитана, самурайский меч, ордена. Господин Ямасита был настоящим военным.

— Наверное, во время войны инспектировал здешний гарнизон, а после войны заглянул сюда и встретил знакомого? Неужели нас притащил сюда как рекрутов? Не так уж и плохо. Значит, сумасшедший поставит нас на котловое и вещевое довольствие.

— Должно быть, господин Ямасита тоже сошел с ума. Как мы не заметили? — в голосе Хиямы чувствовалась досада.

В нашу тюрьму (или казарму) не проникало ни звука. Я начал колотить в гудевшую дверь ногами, и Сяо Ли энергично мне помогал.

Мудрый Хияма не участвовал в нашем громе.

Голод и жажда донимали нас все сильнее. Мы слизывали влагу со стен, еще больше растравляя себя.

— Хозяин, что-нибудь придумайте, — жалобно канючил Сяо Ли. — Вы такой умный и знающий. Неужели нам здесь помирать?

Хияма и на самом деле был умным и знающим. Принадлежал к классу не просто имущих, а «по-настоящему имущих» — владел целым рядом строительных предприятий и контор.

— Выбраться бы отсюда, — сказал я. — А с сумасшедшим в каске, с этим монстром мы справимся.

— Значит, все-таки есть монстры? — спросил Хияма.

Времени у нас было более чем достаточно, и я прочел друзьям по несчастью лекцию о научной монстрологии.

— Каждый человек наполнен желаниями, потребностями, неосознанными инстинктами. И так далее. Что-то из этого богатства становится главным в нашей жизни или на какой-то период жизни. Монстрологи называли это Главными Моментами, а психологи — доминантами. Но это не во всем совпадающие термины. Для одних Глазные Моменты — пища, дом, женщина. Для других — деньги, власть, всеобщий почет. Есть множество Главных Моментов, существует даже иерархия Главных Моментов, что определяет иерархию типов мышления. Так вот, оказывается, человек отличается от человекоподобного монстра прежде всего количеством Главных Моментов. Нормального человека характеризует система Главных Моментов, их обилие...

— Продолжайте, — сдержанно произнес Хияма.

— В психике же человекомонстра существует один-единственный Главный Момент, но гипертрофированный сверх всякой меры.

— И вы хотите уничтожить этот самый Главный Момент? — в голосе Хиямы я слышал недоверие.

— Уничтожать ничего не надо. Существуют методы возрождения Главных Моментов.

— Бред какой-то! — не выдержал Хияма. — Нравоучительными беседами или чем там вы хотите обуздать сумасшедшего старика, который воюет уже пятый десяток лет? Посмотрите на него — он сильнее нас физически. В руках у него оружие. И можете быть уверены: стреляет он без промаха.

— Бесспорно одно, и с этим вы согласитесь, — продолжал я,

стараясь не сорваться с учтывого тона.— Главный Момент этого несчастного — оборона сопки до гробовой доски. Все остальные чувства отсечены или, что страшнее, слиты с Главным Моментом. Когда-то ему крепко вбили в голову...

— Совершенно не деловой разговор! Если сумасшедший снова начнет угрожать и махать кулаками, его надо убить. Сяо Ли, ты убьешь его. Всю ответственность беру на себя.

— Ладно, хозяин,— ответил Сяо Ли страдальческим голосом.

— Я не позволю его убить, Хияма-сан. Это же несчастный человек, его можно считать тяжелобольным...

### III

Мы почти умирали от голода и жажды, когда заскрежетало железо и грубый голос выкрикнул команду:

— Выходи строиться!

Враждебный стылый рассвет только-только проклюнулся сквозь тучи. Норд-ост прошивал ледяным холодом наши тела. Камни, земля, пожухлые травы — все оделось в тонкий ледяной панцирь. Мы выстроились в шеренгу, сотрясаясь от холода, прижимаясь друг к другу. Как из глубокой пропасти, скрытой во тьме, доносился грохот разбиваемых о скалы волн. Солдат в каске разглядывал нас. В его позе чувствовалось огромное презрение к нам. Неожиданно он ударил Сяо Ли бамбуковой палкой по плечу.

— Имя!

Тот испуганно ответил, что привело солдата в восторг.

— Грязный китаеза!

Потом ткнул палкой меня.

— Имя!

Я тоже назвал себя.

— Что-то не слышал раньше... Таких имен не бывает! Ты тоже грязный китаеза. Твое имя Чан. Вчера я убил такого. Его имя было Чан!

Когда Хияма назвал себя, солдат сменил тон на торжественный.

— Запомни, ты японец! Ты должен выполнять свой долг. Ты должен работать лучше всех. Ты все понял?

— Доподлинно, господин военный.

— Как нужно отвечать, гражданская крыса? Как ты должен стоять перед солдатом первого класса седьмого года службы? Вытяни руки по

швам!

— Левую не могу по швам, господин солдат седьмого года службы. Я инвалид.

— Симулянтов и дезертиров мы расстреливаем на месте, так и знай. Но если ты на самом деле...— Солдат задумался. Рассвет отражался на его каске тусклым пятном, лицо оставалось в тени. Казалось, у него нет лица. Он встрепенулся.— Все равно, японский инвалид должен работать хорошо. Все японские инвалиды работают хорошо. Кто не работает хорошо, тот антияпонский элемент.

— Вы совершенно правы, господин солдат седьмого года службы,— язвительно произнес Хияма.

— Молчать! Почему ты, японец, не отвечаешь по уставу?

— Не приходилось читать уставы, го...

— Читать! — солдат яростно рассмеялся.— Уставы не читают! Их учат наизусть! А если соврешь хоть слово — по зубам! Ты будешь знать и пехотный устав, и морской, и рескрипт императора о воинской повинности. Ты будешь знать все, что полагается знать японцу! Скотина! Ты, наверное, не убил ни одного врага в своей жизни?

Я собрал все свои силы, вернее, остатки сил и вонзил взгляд в тень под каской. Я сделал все необходимое, чтобы проникнуть в темный мозг монстра. Это причинило ему боль. Он не понял, что с ним происходит, заскрипел зубами, заорал:

— Все вы бешеные псы! Грязные свиньи! Среди вас много антияпонских элементов! Их нужно казнить! Фланговые удары врагов разобьются о крепкую оборону высоты 735! Доблестная Квантунская армия штурмует Уральские горы! Доблестный императорский флот штурмует Америку и Австралию. Везде будет большая победа...

Я взмок от усилий. Моя мысль несла в безумный мозг любовь к жизни, к людям, к женщине.

— Прекратите! — шептал Хияма, колотя меня в бок заостренным суставом,— Перестаньте, прошу вас! Он же начнет стрелять! Вы нам все испортите!

Голос солдата стал тихим, невнятным.

— Будет самая большая победа... Солдаты седьмого года службы получат самые большие отпуска... Они поедут в Японию и все женятся... Японские женщины ждут доблестных солдат... Все женщины очень красивые и богатые... от них приятно пахнет... Они носят шелковую одежду и катаются на рикшах... Они сильно ждут солдат седьмого года

службы...

Сяо Ли с размаха опустил камень на загудевшую каску. Хияма бросился к солдату, вцепился рукой в одежду, заплел ногами его ноги. Они втроем покатались по скользкому склону, врезались в заграждения из колючей проволоки. Кто-то закричал от боли...

Я с трудом приходил в себя.

— Сволочи,— шепчу я.— Помешали... Голыми руками сумасшедшую силу не возьмешь...

И все же хочу идти им на помощь. Ноги не слушаются, и я перекатился бревном к краю площади, заскользил, полетел кувырком вниз — прямо под ноги солдату. Он перестал избивать Сяо Ли и набросился на меня. Хияма старался выпутаться из колючей проволоки и громко ругался...

И вот опять мы стоим в шеренге. В барабанные перепонки ударяет безумный голос:

— Будет казнь антияпонских элементов!

Я тупо соображаю, кого же казнит первым? Я итсак, меня не хватает даже на обыкновенный животный страх.

— Амитофо! — кто-то шепчет со стоном.— Амитофо!

Сяо Ли. Это он. Из его души рвется древний как мир вопль китайских буддистов. Когда жизнь становится невыносимой, остается только: «Амитофо!»...

Потом мы увидели еще одного пленника. Это был скелет, обтянутый кожей, и только большие страшные глаза на белом лице были живые. Кто он, какой национальности, в чем провинился, мы так никогда и не узнали.

Солдат встряхнул его как кутенка, поставил на колени, рубанул по вялой шее тесаком. Мы задохнулись от ужаса.

Стоя на коленях, Хияма кланялся толстым ногам в солдатских грязных обмотках. Глаза его были закрыты, зубы стиснуты. Сяо Ли тоже кланялся — торопливо, со стонами выталкивая из себя слова:

— Я исправлю все свои грубые ошибки. Я буду работать очень хорошо.

#### IV

Мы долбим и долбим неподатливый камень тупыми кирками. Я плохо соображаю, что делаю. И только усилием воли заставляю мозг

работать. Похоже, мы восстанавливаем оборону сопки, трудимся день и ночь.

Сумасшедший солдат стоял на бруствере траншеи, широко расставив ноги, опустив в вытянутых руках винтовку,— по-видимому, обычная поза часовых и конвоиров давно отшумевших времен. Ночь была морозная и лунная. Оглушительно грохотал штормовой прибой, завывал и шепелявил ветер. Кирка была не по моим силам, то и дело выскальзывала из рук. И тогда солдат взбадривал меня ударами дребезжащей бамбуковой палки. Палка гуляла по широкой спине китайца. Но больше всех доставалось Хияме. Солдат хотел сделать из него настоящего патриота-инвалида.

На рассвете, как обычно,— небольшой перерыв между сменами дня и ночи. Мы получили по заплесневелому куску армейских концентратов. Это была чумиза, твердая, как шрапнель. Мы с жадность пожирали свои пайки, запивая из лужицы, подернутой льдом. Солдат сидел на трухлявом бревне, положив на колени винтовку и палку. Он тоже грыз чумизу, поглядывая на нас.

— Не надо на него так смотреть,— устало шепчет мне Хияма.— Вы и себя погубите, и всех нас. Сумасшедших злить нельзя.

Сяо Ли неожиданно притиснул меня к скале.

— Надо слушать хозяина.

Все повторялось... Многие монстрологи погибли, потому что их принуждали к подобным компромиссам с монстрами.

— Надо ждать,— шептал Хияма.— Нас уже ищут, я знаю — ищут. Надо верить, надо терпеливо ждать. Терпение— сокровище. С терпением и маляр в люди выйдет.

Солдат ковырял в зубах ногтем, не обращая на нас внимания.

— Хияма, послушайте,— хрипел я.— В вас уже появилась безумная жажда существовать, существовать любой ценой...

— Заткнитесь,— с ненавистью шепчет Хияма, помогая одной рукой Сяо Ли.— Мне надоели ваши фантазии.

— Вы уже преступили черту, Хияма. Теперь я могу сказать, что будет дальше.

— Что будет дальше?!

— Оборона сопки войдет вам в кровь и мозг. Вы уверитесь в том, что бессмысленное возведение укреплений — вовсе не бессмыслица, а глубочайшая философия всех времен и народов, ибо она дает кусок концентратов и теплую нору в подземелье... Сейчас не может быть



компромиссов, Хияма! Малейшее отступление — это смерть! Вы не должны мне мешать...

— Работать, работать! — выкрикнул солдат и поднялся с бревна. Он отмерил несколько шагов.— Тут копать! Тут будет замечательная огневая точка, которая победит коварных врагов!

Хияма с приглушенным стоном поднял кирку, ударил о камень, высекая искры.

— Надо затаиться,— прошептал он и снова ударил.

— Послушайте, Хияма.— Я оглянулся: солдат ковырял палкой землю.— Люди гибли при встрече с монстрами... знаете почему? В какой-то пусть малости они пошли на сделку с совестью, и в эту щель хлынули безумие, смерть.

— Нет, вы послушайте! — Растрескавшиеся губы Хиямы тряслись.— Выдерживать нормы нравственности сейчас, здесь? Да это еще большее безумие! Вы тоже сумасшедший! Нравственная система всегда не гибка, имеет мало степеней свободы. Она не способна конкурировать с другими системами, с инстинктом выживания, поэтому всегда гибнет во время войн и бунтов... Вы должны были, по-видимому, давно погибнуть. Так что вы ископаемое, господин Иванов. Такое же ископаемое, как и сумасшедший солдат. И поверьте, мне вас не жаль!

## V

Сколько времени прошло? Недели, месяцы, годы?..

Сквозь холодный туман проступили чьи-то настороженные глаза. Я прижал к груди свою пайку чумизы.

— Ты все равно умрешь, Чан,— узнал я голос Хиямы. Его запекшиеся губы шевелились, но лицо и глаза оставались неподвижными.— Ты антияпонский элемент, поэтому должен отдать нам свою чумизу.

Я принялся убеждать Хияму, что я вовсе не анти-японский элемент, а наоборот, люблю оборону высоты 735. Только так с ним можно было теперь говорить.

— Не болтай ерунду,— шевелились губы Хиямы.— Ты интеллигент, ты доктор каких-то наук. А все интеллигенты и доктора наук — антияпонские элементы. Так сказал господин солдат седьмого года службы.

Хияма протянул руку с грязью под ногтями и отобрал мой кусок

концентрата. Я потрясенно смотрел, как Хияма и Сяо Ли поедают мою чумизу. Я должен что-то делать. Что-то очень важное. Я пытался вспомнить, но горячее желание укреплять оборону сопки смяло все мои мысли. Достойная цель жизни. Нужная господину солдату седьмого года... нужная мудрейшему Хияме и Сяо Ли... Скорей достроить, скорей отмучиться, а там будет лучше, должно быть лучше. После победы над врагами будет много чумизы, можно будет все время спать в теплом углу в подземной казарме на любимой подстилке...

В ту ночь мы восстанавливали капонир, разрушенный землетрясением, и я работал хуже всех. Бамбук без усталости гулял по моей спине, потерявшей чувствительность. Перед моими глазами как укор все время маячила широкая работающая спина, согнутая в три погибели. Даже при лунном свете было видно, что она пышет жаром сквозь прилипшую к телу одежду. Сяо Ли. Самый сильный из нас... Я прижимал к пустому животу холодную глыбу и спешил к капониру, вытягивая из себя жилы.

Солдат посмотрел на восходящее неяркое солнце, широко зевнул и подал команду закончить работу. Он бросил нам по куску каменной каши. Сяо Ли в суতোлке толкнул Хияму, тот упал на спину.

— Раб! — прошептал с ненавистью Хияма.— Я тебя...

Ошеломленный своей мощью, Сяо Ли неуверенно ударил Хияму по лицу. Потом он избивал с радостью и азартом. Я пытался остановить его, и он набросился на меня с еще большим азартом. Солдат смотрел на нас равнодушно. Вот он еще раз зевнул и пинками привел Хияму в чувство. Потом погнал нас в загон.

Хияма плакал в вонючей темноте.

— Война... война... ненавижу всех! Чтоб все подошли от чумы, холеры...

— Ты дурак,— послышался сонный голос Сяо Ли.— Тебя надо сильно лечить. Почему не даешь спать?

Хияма смолк.

Потянулись дни, наполненные доблестной муштрой. Похоже, теперь мы не пленные, а новобранцы. Стоять правильно по стойке смирно мы уже могли. Учились отдавать честь.

— Нужно по уставу! — сердился солдат.— Нужно согнуться на пятнадцать градусов и приложить ладонь к голове!

Он, как заведенный, начал кланяться и отдавать честь. У меня в глазах зарябило...

Потом он учил, как правильно сворачивать обмотки в клубок, как правильно чистить ботинки — только стоя, с почтением, ибо чистишь и сворачиваешь военное имущество, притом подаренное императором.

Устав внутренней службы мы заучивали хором.

— Казарма является домом военнослужащего. Она соединяет в себе его заботы и радости, жизнь и смерть...

Императорский рескрипт об армии — тоже хором:

— Каждому военнослужащему надлежит быть верным долгу до конца...

Потом мы учились маршировать и петь песни. Особенно здорово у нас получалась маршевая песня о доблестном камикадзе, упавшем с неба на голову врага. Хияма пел хриплым выразительным голосом, и солдат прищелкивал языком от удовольствия.

Потом мы ползали на животе под колючей проволокой. Я ощущал в себе радость от того, что укрепления уже вроде бы построены и что я уже солдат непобедимой императорской армии, штурмующей Уральские горы. И что теперь могу с оружием в руках защищать любимую высоту 735. Я полз под ржавыми тенетами, и холод камня проникал в мое тело, охлаждая восторги. Начал убеждать себя, что я монстролог, а не солдат, что я должен делать что-то другое. Прежде всего, как вытравить из себя это идиотское ликование, которое туманит мозг? Я начал шептать какие-то давние стихи, сбился, забыл их напрочь. Но мне повезло, я набрел на какую-то знакомую мелодию, она потрясла меня. Я громко мычал мотив, боясь забыть его.

— Чан! — заорал солдат. — Ко мне!

Леденя от страха, я выбрался из-под проволоки. Подбежав к солдату, как положено, отдал честь под углом в пятнадцать градусов.

— Что ты пел?! Я хочу слышать!

И я запел по-русски:

— Ой ты, но-о-оченька...

Солдат зверски избивал меня, даже бамбук треснул, и Сяо Ли сбежал за другой палкой.

— Я запретил вам китайские песни! — орал солдат. — Нужно петь только правильные песни! Которым я научил!

Меня бросили в темную нору на кучу грязного тряпья. Я тут же попросился встать в строй, хотя в глазах плавала муть, а ноги не держали. Быть немощным — опасно, преступно, можно угодить в антияпонские элементы.

Начались занятия с оружием. Солдат протянул винтовку Хияме.

— Сделай неполную разборку. Быстро!

Голодный, измученный Хияма прижал к себе тяжелую, как лопата, арисаку, прошептал жалобно:

— Я не могу, господин... седьмого года...

Солдат по обыкновению сердито прищелкнул языком.

— Доблестная Квантунская армия штурмует Уральские горы! Доблестный императорский флот штурмует Америку с Австралией! А на высоте 735 есть японцы, которые не знают стрелкового оружия?

Он наказал Хияму десятью ударами бамбука по пяткам. И пригрозил: в следующий раз убьет и съест печень, если Хияма не научится разбирать оружие.

Хияма лежал на затоптанном бетоне и беззвучно плакал. Солдат говорил и говорил о высоком долге японских инвалидов знать стрелковое оружие.

А я боялся потерять свою «Ноченьку», пел и пел, не разжимая губ, почти беззвучно, и довел себя до такого состояния, что хоть в драку лезь. Я уставился в сумасшедшие зрочки, и солдат оборвал свою речь на полуслове.

— Что-то голова болит,— проговорил он устало.— Тайфун идет.

Затуманенный взгляд его унесся к горизонту. Он силился что-то вспомнить, надо было помочь ему, но у меня нет сил!

И все же солдат увидел картину, затерянную в пластах времени. Суета снежинок, мокрая земля, и еще шум моря, свежая хвоя сосен на берегу. И женщина. Она молода, но руки, как у старухи, опутаны вздувшимися венами. Возле нее сидит ребенок, мальчишка в старой накидке из рисовой соломы. Сидит на холодной циновке, ловит ртом снежинки. Женщина и малыш смотрят в стылую серую даль моря, ждут отца и мужа, ждут вкусную серебристую рыбу, на которую просто смотреть — и то приятно. Необычная рыба из далекого детства...

Солдат посмотрел на жирно блестящую винтовку. Глупые мысли. Нельзя предаваться глупым мыслям, когда идет война.

Сейчас или никогда! И я вложил в последний импульс всего себя, все, что осталось от меня... Женщина. Пусть он видит ее. В ней спасение. Она — его мать! Пусть мать скажет свое материнское слово...

Лицо женщины спокойно и строго. Седина в волосах. Морщины у глаз. Тонкие сухие губы разомкнулись, и тихий глубокий голос:

— Умирай хорошо, сынок. Возвращайся мертвым.

— Ты же мать! — закричал я, погружаясь в темень.— Мать!..

— Возвращайся мертвым...

Я потерял сознание.

## VI

Солдат посмотрел на низкие набухшие влагой тучи и произнес озабоченно:

— Нужно сменить дальний гарнизон. Скоро будет инспекторская проверка. Весной всегда проверка...

И вот мы шагаем гуськом в обход сопки, нагруженные амуницией и боеприпасами. Впереди — солдат. Он как всегда в каске и шинели, от которой остались одни лохмотья. Замыкаю походную колонну я, как самый слабый и тупой в военном деле. Лед и снег почти стаяли, но от этого идти было не легче. Ноги скользили на раскисшей почве, да и камни были опасно скользкими. Я много раз мог сорваться с крутизны, и не сорвался лишь потому, наверное, что долг перед императором обязывал нести цинки с патронами.

Дот-малютка под треснувшим бронеколпаком уютно устроился над скользким обрывом и был так хорошо замаскирован, что даже остроглазый Сяо Ли увидел его лишь в двух шагах от себя. Это была замечательная огнеточка. Сразу было видно: она ключевое звено в обороне тыла сопки. Сектор обстрела из ее амбразур был просто великолепен!

Солдат с трудом раскрыл тяжелую дверь и пнул слежалый пласт снега. Мы принялись выгребать его ладонями и наткнулись на труп изможденного человека, прикованного вместе с пулеметом к ржавой скоберыму, торчащему из бетона.

Солдат отдал честь винтовкой останкам героя и произнес взволнованную речь:

— Солдаты и инвалиды! Самая лучшая смерть — это смерть на боевом посту! Кто из вас трус и предатель? Кто не хочет умереть на боевом посту? Шаг вперед!

Но среди нас не было трусов и предателей. Каждый с симпатией думал о смерти на боевом посту. Но почему-то солдат выбрал меня. Да, именно меня приковали к цепям за руку и за ногу. Разобрали, прочистили и снова собрали крупнокалиберный пулемет, установили на станок, стволом на амбразуру. Сменили боекомплект — те самые

цинки, которые я притащил. Оставили в доте плоский армейский термос с мутноватой водой из ручья, мешок с чудесными концентратами...

— Ты выполнишь свой долг, Чан! Ты искуп-ишь свою собачью жизнь и все свои грубые ошибки! Ты уничтожишь всех врагов, идущих с тылу! И после твоей смерти тебя повысят в звании, имя твое запишут на священных табличках, и твоя семья получит тридцать три денежных оклада по месту твоей прежней работы. Смерть принесет тебе больше славы, чем жизнь! Банзай! — Он отдал честь в согнутом положении<sup>1</sup> и вылез из тесных дверей дота.

— Банзай! — сказал я, и по моему костлявому лицу полились горячие слезы радости.

Я преступно съел всю чумизу, которую оставили мне на месяцы и годы. Я смотрел через амбразуру на безбрежный синий океан, вдоволь пил вкусную холодную воду, подолгу спал. И однажды вдруг почувствовал запах весны. Он ошеломил меня. Я распахнул железную дверь и увидел свежую траву, обметавшую склон сопки, разглядел набухшие цветочные почки на чудом сохранившемся рододендроне.

— Ой ты, ноченька! — вырвалось само собой из меня, и я запел во все горло.

Я пел и выкарабкивался из тьмы. Пел и заливался слезами. Потом я начал громыхать цепями и бить ногами по железному рыму. Где же я оступился? Где промахнулся? Где дал возможность монстру смять меня, загнать живьем в могилу, из которой уже нет выхода?..

Я начинаю расшатывать толстый наглый рым, пустивший корни в вечность. Совершенно неравный и безумный поединок. Я убеждаю себя, что железобетон, как и любая вечная сила, только с виду вечен и непобедим. Хияма, большой знаток бетона различных марок, как-то объяснил: если арматура начнет ржаветь, то она увеличивается в объеме, и бетон «устает», покрывается сетью микроскопических трещин. Но военных марок арматура не ржавеет, сказал Хияма. Военный бетон «не устает».

— Я заставлю его устать! — повторяю и повторяю, как молитву.

...До моего слуха донесся слабый стук движка. Я бросился к амбразуре. Через цепочку рифов осторожно пробиралось суденышко со знакомой надломленной мачтой. Оно выруливало по направлению к бухте и исчезло из поля зрения.

С еще большим остервенением я принялся за рым. Просунул в его

петлю ствол пулемета и что-то едва слышно хрустнуло, и железная скоба обрела осязаемый

люфт. Я закричал от души:

— Ой ты, ноченька!

Когда слышались голоса людей, я взгромоздил пулемет на станок, выбросил в трещину крошки бетона. Солдат энергично докладывал кому-то о численности гарнизона огневой точки. Потом в дот один за другим вползли чистенькие миниатюрные старички в музейных мундирах, увешенные красивыми орденами и медалями. На каждом — бело-красная перевязь поверяющего. Один из старичков был настоящим самураем, его меч в лакированных ножнах запутался в тонких искривленных ногах, и старичок едва не упал.

— К стрельбе готов. Враги не пройдут,— доложил я, как учили, в поклоне, приложив пятерню к склоненной голове.

Старички, звеня медалями, дружно отдали честь, также в поклоне. Потом самурай спросил, какова скорость стрельбы из пулемета «Намбу». Я ответил. Потом старичок в треснувших очках с трудом прошамкал:

— Что такое красные и черные полосы на этих вот пулях?

Я четко доложил:

— Это зажигательные пули крупного калибра! А эти разрывные, вон те — бронебойные...

Господа остались довольны моими ответами.

— Долг перед императором тяжелее горы,— сказал на прощание самурай с мечом.

— Жизнь человека легче пуха,— подтвердил старичок в очках.

А третий долго шурился и улыбался, прежде чем произнес с чувством:

— Надо обязательно выполнить свой долг. Банзай!

Господин Ямасита? Ну, конечно же, он. Правда, сильно сдал — поблек, сгорбил.

Потом я слышал, как они со всей строгостью выговаривали солдату за то, что он не осчастливил мой лоб повязкой смертника. И не запечатал в надлежащий конверт клочок моих волос. И не отправил тот конверт моей любимой женщине, чтобы она сохранила память о герое на века.

Солдат не оправдывался. Он мужественно признал свои грубые ошибки и обещал исправиться. Самурай произнес фразу из устава:

— Живыми в позорный плен не сдаваться! Банзай!  
И они ушли.

## VII

Я опять боролся с железной петлей. От этого занятия меня оторвал лишь стук движка. Старички-инспекторы хотят так просто уйти?

Я прильнул к пулемету. Луна как назло еще не взошла, и крыша из звезд повисла над чернотой океана. Только у рифов слабо светились буруны...

Но вот из тьмы медленно выплыли ходовые огни яхты. Чудное видение! Я впечатал треугольник мушки в зеленую яркую точку и плавно нажал на спуск.

Меня тряхнуло отдачей, разноцветные линии трассеров переплелись — неряшливый огонь! И все же груда крашенных досок и просмоленной парусины — там внизу— вспыхнула буйным костром...

Я стреляю и стреляю. И снова яростный восторг раздирает мою душу. Смерть монстрам! Я делаю свое настоящее дело, к которому шел всю жизнь!..

Отсветы пламени выхватывают из ночи скалы и прошлогодние былинки у амбоазуры, попадают и внутрь дота. Чувствую необыкновенный прилив сил и набрасываюсь на рым, выдираю его с оглушительным скрежетом и валюсь на стреляные гильзы. Легким не хватает воздуха, из носа хлынула кровь. Я ищу в себе силы и не нахожу, все забрал проклятый рым. Но я же победил!

Отталкиваясь ногами от стен и станка, буквально выбрасываю свое тело из бетонной могилы.

Подальше от дота! Быстрее! Я полз к скалам. Знал, что сейчас будет. Солдат пошлет движущееся минное поле на дот.

Два человека в старых солдатских куртках спешили по тропе. Они спотыкались, хватались руками за камни, боясь упасть. Уже наступило утро, моросил теплый весенний дождь, которому должно радоваться все живое. Но он мешает и мне, и этим двоим. Мы уже из другого мира?..

Их лбы стянуты повязками смертников — грязно-белыми лентами с пауками иероглифов. На их костлявых плечах висят лямки брезентовых сумок. В каждой сумке— заводской брикет взрывчатки в сорок килограммов. Совершенно непосильный груз для Хиямы и даже для Сяо Ли. Но они тащат сумки на себе, опровергая то многое, что



было сказано и написано о человеческих возможностях. Они дышат с хрипом и свистом, хватая воздух ртом. И стоны — скорей отмучиться, скорей выполнить свой долг...

— Хияма! — кричу со скалы.— Сяо Ли! Остановитесь! Дот пуст! Там нет никаких врагов! Это я стрелял!

— Ненавижу... Всех ненавижу! — рвется с хрипом из раздернутого рта Хиямы.

— Амитофо! — рыдает Сяо Ли.

— Дот пуст! — ору я, сползая со скалы, чтобы догнать, убедить.

Они продолжали бег, словно не слыша моих воплей.

Взметнулся оранжевый сполох двойного взрыва. Полетели куски бетона и металла. Кровавые лохмотья...

## VIII

Мелкий, но густой дождь размыл очертания сопки и дальних рифов, напрочь закрыл горизонт. Я греюсь в его ласковых парных струях. Ползу по галечной полосе. Начался отлив, и я, забыв обо всем, с жадностью хватаю шустрых чилимчиков и мелких крабов, пожираю их живьем. А вот и целый куст буро-зеленых водорослей, вырванный штормами из подводных зарослей. Жую соленую траву, глотаю через силу. Желудок ноет от боли.

Стаскиваю в кучу обугленные доски и бимсы — все, что осталось от яхты. Вот бы наткнуться на спасательный плот! Их было два на яхте. И на каждом — по герметичному контейнеру с пищей, водой. На таком плоту можно было бы смело пускаться в плавание. До наезженной морской дороги отсюда миль двести-двести пятьдесят. Лишь бы добраться до тех вод, а там обязательно встретится какое-нибудь судно. И придут на высоту 735 нормальные люди двадцатого просвещенного века и спеленают монстра. Я-то не могу с ним справиться. При одной мысли о нем меня начинает колотить...

Я не нашел ни плотов, ни контейнеров. Сгорели, наверное, вместе со старьем, из которого было слеплено суденышко. Но зато я увидел двух мокрых монстриков, засевших на рифе. Господин Ямасита и самурай. Третий, как выяснилось позже, утонул.

Мы поглядывали друг на друга и молчали. Наконец самурай не выдержал:

— Ты покинул боевой пост?!

Я кивнул.

— Трус! Изменник! Отвечай, кто стрелял в нас?

— Неужели не догадались? Я стрелял.

— Зарублю! — завопил самурай и вытащил из ножен сверкающий клинок. Господин Ямасита поддерживал ножны.

— Как же зарубите, когда вы там, а я здесь?

Старый самурай отважно свалился в воду и ринулся к берегу — где вплавь, где пешком по обнажившимся мелям и каменным лысынам. Мне бы бежать во весь дух, но я держался за ноющий живот.

Старичок тем временем вылез из воды, очень усталый и разгневанный. На его ордене висела плеть морской капусты. Я попытался вызвать в нем человеческие чувства, но моим импульсам по-видимому, сильно мешало урчание в желудке. Так или иначе, старичок пошел на меня, увязая по щиколотку в мелкой гальке и жутко размахивая мечом. И еще издавал какие-то вопли, от которых стыла кровь в жилах.

Пришлось обороняться. Мне удалось отмахнуть первый удар своей цепью. Звон пошел по острову! Будто по наковальне со всего размаха стукнули молотком. Затем отразил второй и третий удары...

Но вот мы оба выдохлись и опустились на валуны друг против друга. Дождь стегал по нашим разгоряченным лицам.

— Вы взяты в плен, господин самурай,— сказал я, немного отдышавшись.— Сдайте оружие,

— Зарублю,— прошептал он.

— Сопrotивление бессмысленно. У вас слабые ноги.

— Зарублю...

— Вот смотрите, я сейчас встану, а вы нет.

Я заставил себя подняться. Он же не сделал и попытки. Он загнанно дышал, прикрыв толстыми веками глаза. Я подошел к нему.

— Ваш меч, господин пленный.

Морщины его лица дернулись, мешки под глазами побагровели, как при удушье. Пьяными движениями он протянул меч рукояткой вперед. И с неожиданно громким хаканьем вонзил клинок себе в живот. Повалился на выскобленную волнами гальку, марая ее кровью.

— Ради чего?! — закричал я.— Ради чего все вы умираете?!

Господин Ямасита мелко дрожал, обнимал себя руками. И в то же время кланялся и что-то лопотал в свое оправдание, боязливо поглядывая на меня.

— Этот остров в сорок четвертом или в сорок пятом сильно штурмовали враги...— Дрожащий монстрик пытался улыбаться.— Большая война была.

Он говорит и говорит, радуясь тому, что я его слушаю. Перед моими глазами возникает картина: вот солдату седьмого года службы, крепкому и закаленному, повязывают на лоб тряпицу с иероглифами. Запечатывают в конверт клочок волос с его головы... Неужели кто-то хранит это? клочок?

А вот и строгое лицо офицера, такие же строгие лица солдат с налобными повязками смертников. Каждому — по ритуальной чашечке сакэ. Торжественные слова офицера: «Идите и умрите!»

Его приковали в пулеметном доте. Фельдфебель, проверявший качество клепки, отдал честь в поклоне.

«Эта сопка твоя навеки, умри, защищая ее. Банзай!»

Неравный бой, грохот взрывов, мешанина огня и металла... И когда грянула тишина, смертник вылез из разбитого дота, волоча за собой цепи. И ужаснулся, что жив, что не выполнил свой долг, который тяжелее горы... И начал восстанавливать оборону. Время остановилось...

— Но вы-то знали, что он сумасшедший? Господин Ямасита! Вы знали, что он сошел с ума в этом доте?

Старичок испуганно моргает.

— Он не сумасшедший... Он хороший солдат. О таких солдатах мечтают везде... во всех армиях... Это большое богатство. Я сразу понял, как только увидел... Я попал на остров случайно... во время шторма... Увидел: кто-то проволоку натянул, пулеметные гнезда сделал. Потом увидел его и понял: богатство. Его надо беречь. Обязательно придется. Надо, чтобы скорее пригодился, пока не умер...

Дряхлое личико начинает светиться радостью. Страхи пропали, и дрожь как рукой сняло. Он помогает мне сбивать цепи с рук и ног. Самурайский меч вместо зубила—легко срубает стальные заклепки. Старичок радуется больше меня свалившимся цепям. Но я не терплю его восторгов.

— Сколько людей вы привезли и оставили здесь, господин Ямасита, за все годы?

— Не помню,— смущенно улыбается он.— Думаете, мне за это что-нибудь будет? Мне же осталось жить немного, ничего со мной не сделают.

— Каждый год привозили?

— Зачем каждый? Одни очень долго жили, хорошо работали, другие... Один раз женщину привез, родственницу. Но старому солдату женщину не надо. Он думал только об обороне.

— Он заставил ее работать?

— Она хорошо работала. Прожила дольше всех...

— Я видел следы детских ног. Вы привозили и детей?

— Школьников.— Он испуганно моргает.— Они должны были на экскурсию...

— И никто из них не вернулся?

Господин Ямасита подавленно молчит. Его снова пробивает дрожь. Я смотрю на это чудовище, пытаюсь проникнуть в его испуганный мозг. Он интуитивно сопротивляется. Может, поэтому я не могу понять, в чем суть души монстра. Этот старик для меня загадка! Я не знаю, на чем именно он помешан... Я в недоумении и даже в отчаянии. Неужели оборона высоты 735 убила во мне монстролога?

С удобной позиции в скалах я наблюдаю за сумасшедшим солдатом. Он с полной выкладкой: вещмешок, шанцевый инструмент, противогаз, котелок, оружие... Каска влажно блестит в неярком свете дождливого дня, шинель намокла и сочится грязью. Солдат пробирается по берегу, то и дело встает на колено, разглядывает следы.

— Господин солдат седьмого года службы! — кричу я.— Кого ищите?

Он с грохотом амуниции падает за ближайший камень, слышится лязг затвора.

— Предатель! Ты покинул боевой пост!

— Здесь находится господин военный инспектор Ямасита! Он хочет вам что-то сказать!

Я подтолкнул в бок старого монстра. Он встал и замахал руками:

— Не стрелять! Разрядить оружие! Вынуть патрон из патронника!

— Ближе к делу,— сказал я.

— Война закончилась! — тоскливо выкрикнул Ямасита.— Совсем закончилась! Император Великой Японии объявил капитуляцию и приказал доблестным японским воинам сложить оружие!

Он посмотрел на меня.

— Что еще крикнуть?

— Ну, что непобедимая Квантунская армия взята в плен,— подсказал я.— И что она не дотянула до Уральских гор каких-то восемь-девять тысяч километров.

Господин Ямасита добросовестно продублировал мои слова.

— И еще скажите: непобедимый императорский флот ушел на дно.

— Не весь ушел! — запротестовал господин Ямасита.

Солдат примолк. Я вытащил Ямаситу из укрытия, и мы направились к винтовке, торчащей из-за камня.

— Ты не хочешь подчиниться императору? — говорю я солдату.— Не хочешь подчиниться господину военному инспектору? Ты бунтарь и мятежник! Ты очень опасный антияпонский элемент!

— Я не бунтарь... не мятежник... не элемент...— шепчут пересохшие губы.— Я солдат седьмого года службы.

Пристально смотрю ему в глаза. Только что это был монстр, полный сил и необузданной военной ярости, те-перь же это грузный косматый старик, неспособный ни на что. Как в старом армейском анекдоте: вышел в отставку, снял ремни — и рассыпался в прах...

Старичок вырвался из моих рук и бросился прочь с завидной прытью.

Спрятавшись за скалой, завизжал истерическим фальцетом:

— Война не закончилась! Это все вранье!

Старичок устал кричать и спустился со скалы, поднял руки вверх. Он в смятении, ничего не может понять и трясется, как комнатная собачонка на людной улице.

— Сдаюсь... Я пошутил... Война давно закончилась...

Теперь он раскрыт передо мной, как книга. Я читаю в его смутном сохшемся мозге низменные желания. Он врос в жизнь множеством цепких корешков и сосет ее, как может. Он научен сосать отовсюду. Это не монстр, Это обыкновенный смертный и раб по натуре.

## Валерий НЕЧИПОРЕНКО

### ВОЗВРАЩЕНИЕ

Без малого двадцать лет не был Фаллей на родной планете.  
И вот он — на Эфедане.

Огромное здание космопорта сияло стеклом и дюралем. Яркие лучи серебрили ребристые диски галактических кораблей. Нескончаемый человеческий водоворот заряжал бодростью. Как он соскучился — там, в неприветливых окрестностях сумрачной Кошинды,— по нарядной толпе, многоголосому говору и беспечному смеху! Проникновенно, будто перед ним были шедевры мировой живописи, Фаллей разглядывал внушительные плакаты и панно, украшавшие фасад космопорта: «Добро пожаловать на Эфедан!», «Процветающий Эфедан приветствует вас!», «Эфедан — это Благоденствие, Доверие, Взаимопомощь!» Ах, до чего же здорово! Похоже, на планете и вправду воцарилась счастливая жизнь, Фаллей не на шутку расчувствовался. Дома, наконец-то дома!

Такси, скоростная магистраль, улицы, которые так часто снились в тесной каюте грузовой ракеты...

Состояние эйфории не покидало его вплоть до порога собственной квартиры.

И вот...

В дверь был врезан другой замок. Дверь тоже была другой, обтянутой унылым серым пластиком. Странно... Фаллей хорошо представлял, какое запустение должно царить в квартире, сколько там скопилось пыли и как сильно проржавели трубы, но... чужой замок, новая дверь. Откуда они взялись? Квартира была забронирована за ним на весь срок работы на Кошипде. На то и документ имеется. Правда, уезжая, он не предполагал, что проведет в космических далях двадцать лет, иначе попросил бы кого-нибудь присмотреть за жилищем. Впрочем, какой смысл гадать. Сейчас все прояснится.

Он подергал за ручку. Дверь была заперта, но изнутри слышались неясные звуки. Фаллей настойчиво постучал.

Дверь приоткрылась. В образовавшейся узкой щели показался большеголовый эфеданец с заспанными глазами. Выглядел он крайне неряшливо: волосы всклокочены, на щеках — щетина, мешковатая пижама засалена и помята.

— Чего тарабанишь, двуногий? — простуженно спросил он.

Фаллей и сам не отличался изысканностью манер, но такое обращение его покорило. Эх, испортили праздник...

— Дело в том, почтеннейший, что это моя квартира, — напористо, хотя и терпеливо принялся разъяснять он, все еще надеясь, что вот сейчас этот неприветливый тип начнет оправдываться и извиняться.

— Ха! — ухмыльнулся незнакомец и вознамерился захлопнуть дверь.

Фаллей умел многое прощать, но только не откровенное хамство. Твердо поставив ногу за порог, он уперся коленом в жесткую обивку, наступая на нежданного подселенца.

— Сам уберешься или предпочитаешь, чтобы тебя спустили с лестницы? — эту фразу Фаллей произнес тем спокойным тоном, который подчеркивает решительность намерений.

Заспанный незнакомец лениво продрал глаза.

— Вот привязался! — пласивым тоном протянул он. — А мне через два часа на смену. Я ведь и пожаловаться могу куда надо. Если ты, приятель, приперся с ордером, то поспешай обратно и скажи им, что они напутали — у меня все документы в порядке. А если ты прежний владелец и притопал за шмотками, то они уплыли, как обычно, по спискам.

— Какие документы, какие списки? — Фаллей ничего не понял в этом бреде.

— Послушай, брось свои штучки! — его собеседник раздражался все сильнее. — И не воображай, будто осчастливил меня этой занюханой берлогой. Решай свои проблемы сам, двуногий, а меня оставь в покое. Говорю же — мне через два часа на смену. Поспать не дают, сволочи! — безадресно ругнулся он, затем добавил загадочную фразу: — Если недоволен — обращайся к ВРАЛКУ...

— К какому еще вралку?!

— Идиот! — воскликнул этот тип и, воспользовавшись секундным замешательством Фаллея, с грохотом захлопнул дверь. Провернулся ключ, лязгнул засов.

— Открой! Слышишь, открой!

Однако ни малейшей реакции на отчаянный стук не последовало.

«Ладно! — с холодной яростью подумал Фаллей. — Хоть и не привык я шататься по кабинетам, но, кажется, придется. Нахалов надо воспитывать. Как он меня назвал? Двуногим? Вот мерзавец!»

Выйдя на улицу, он с четверть часа расхаживал у подъезда, прежде чем удалось совладать с нервами. Затем решил ехать в центр города, где, как он припоминал, размещался Отдел Бытовых Проблем.

Все будет в порядке, вот оно, огромное панно, гласившее: «Живешь на Эфедане — будь заботлив и внимателен». С панно улыбалась эфеданка, такая очаровательная и цветущая, что Фаллей мигом успокоился.

Он двинулся к автобусной остановке, однако проход к ней почему-то был запружен толпой, казавшейся бескрайней. «Не случилось ли чего? — мелькнула тревожная мысль.— Авария или, не дай бог, задавили кого-нибудь...»

Он предпринял попытку протиснуться сквозь плотную живую массу, но тут же был пригвожден к месту возмущенным женским визгом:

— Куда прешь, двуногая скотина?!

Неужели эти грубые слова адресованы именно ему? Неужели их произнесла вот эта привлекательная, интеллигентного облика эфеданка? Фаллей растерянно уставился на женщину, увидел обозленные глаза и нервно перекошенные губы,— нет, не ослышался.

Однако выдержка ему не изменила. Он вполне допускал, что женщина подавлена каким-то несчастьем, отчего временно потеряла контроль над собой.

— Простите, если я вас задел,— вежливо отозвался он.— Я всего лишь хотел пройти к остановке.

Послышались смешки окружающих.

— Он думает, мы стоим за газетами! — издевательски произнес тощий гнилозубый мужчина и замысловато выругался.

— Долго дрыхнешь, двуногий,— сказал кто-то сзади.— А еще галстук надрючил.

Фаллей ничего не понимал.

— Простите,— он попытался загладить свою вероятную промашку,— не хотите же вы сказать, что все эти люди ждут автобус?

Лица окружающих совсем помрачнели, он ощутил острую неприязнь к себе.

— Ладно, пошутили и хватит,— тихо посоветовал миролюбивый на вид мужчина.— Не зли народ, становись в очередь, а еще лучше уматывай, пока тебе не затащили твой дурацкий галстук потуже.

— Ишь, вылупил бесстыжие зенки! — дернулась зачинщица



инцидента и высокомерно отвернулась.

Покраснев, Фаллей отступил назад. Какая-то дикая нелепость, игра больного воображения! Как мило улыбается эфеданка на панно, какие правильные слова начертаны: «...будь заботлив и внимателен!» Неужели никто не видит этих букв, ведь они такие огромные!

Пользуясь своим высоким ростом, Фаллей попытался оглядеть толпу. Она и впрямь была необъятной — бок о бок, в затылок друг к другу стояли сотни людей. О, космос! Да, трудности с общественным транспортом существовали на Эфедане всегда, в былые времена Фаллею тоже приходилось ездить, что называется, на одной ноге, но такого столпотворения он не мог представить даже в дурном сне.

Чем внимательнее вглядывался он в колыхавшееся море голов, в эту «отрицательно заряженную» массу, тем острее ощущал некую странность. Наконец, он понял. Люди были одеты крайне убого и однообразно, преобладали темные, серые тона. На этом фоне яркая красавица, изображенная на панно, казалась существом из другого мира (только не с Кошинды). Ясно и то, почему его галстук вызвал раздражение: в толпе Фаллей не разглядел ни одного, кто носил бы этот предмет туалета. Неужели настолько изменилась мода? И почему именно в таком направлении?

Но вот толпа пришла в движение. К остановке подкатил длинный, словно поезд, сочлененный автобус и распахнул свои восемь дверей. Автобус, безусловно, был гигантским, но и он как бы утонул в вязкой массе ринувшихся на штурм пассажиров. Фаллею почудилось,, что он слышит, как трещат кости. Раздавались крики, ругань, отчаянные вопли, кто-то лез по головам, кто-то зывал о помощи. В сравнении с этой картиной недавняя сценка казалась безобидной шуткой. А люди все набивались в равнодушно урчащий автобус, словно в некое бездонное чрево. А над его свинцово-серым корпусом ослепительно рекламная эфеданка как бы в насмешку показывала ровные жемчужные зубы. «Живешь на Эфедане — будь заботлив и внимателен!»

Фаллей решил пройти до центра пешком, благо на это требовалось от силы полчаса, а заодно хоть как-то осмыслить увиденное. Возможно, по какой-то причине сегодня, именно сегодня, нарушился график движения? Поэтому люди недовольны и даже агрессивны?..

Да, очевидно, что-то произошло. С каждым шагом его тревога росла. В этом деловом, торговом, зрелищном районе люди всегда были

особенно оживленны, праздничны. Теперь же он не увидел ни одной улыбки, если не считать рекламных, славящих всеобщее процветание и благоденствие на Эфедане. Из дверей магазинов змеились огромные спиралевидные очереди, в витринах красовались лишь бесчисленные плакаты, от которых Фаллея уже начало поташнивать.

Он прислушивался к голосам, обрывкам разговоров, возгласам, и все чаще его обостренный слух ловил яростную брань, обидные реплики, оскорбления, отпускаемые, впрочем, довольно буднично. Неужели подобный «обмен любезностями» стал на Эфедане нормой?

Неулыбчивым, озабоченным лицам вполне соответствовала мешковатая пыльная одежда, грязная, грубая обувь. Женщины явно забыли о косметике, мужчины — о бритве.

Нет, не такой он представлял себе встречу с любимым городом. Ладно... Вот выяснится это недоразумение с квартирой, надо будет сразу же разыскать старых товарищей, пригласить их в гости да выяснить в застольной откровенной беседе, что же такое стряслось со старым добрым Эфеданом.

Перед центральной площадью его охватила растерянность. Если такие громадные очереди выстраиваются на транспорт и в магазины, то что же должно твориться в Отделе Бытовых Проблем? Сумеет ли он попасть на прием сегодня?

Но вот и знакомое здание. Рядом — ни души. Странно. Не переехала ли контора?

Однако подойдя ближе, он увидел строгую черно-золотистую табличку: «Управление Доверия и Помощи». Ага, вот, значит, как именуется теперь Отдел. Но все же — почему нет людей? Не выходной ли?

Он с силой дернул за ручку, ожидая сопротивления, но та поддалась неожиданно легко. Фаллей оказался в просторном коридоре.

Ровный свет ламп, множество обитых строгим пластиком дверей и... ни одного посетителя. Что-то здесь не так. Фаллея охватило предчувствие неудачи.

Однако же пора действовать. Он решительно пошел по коридору и через несколько шагов остановился, уловив за стеной низкий гул.

Толкнув дверь, вошел в комнату, тесно уставленную компьютерами и прочей вычислительной техникой. Напряженно мигали глазки индикаторов, в окошечках счетчиков бешено мелькали цифры, стрекотала лента.

За пультом симпатичная золотоволосая девушка, наверняка не обделенная вниманием поклонников. Фаллей даже подумал, что она неплохо бы смотрелась на фоне рекламных красавиц. А это уже противоречило ожидаемому. Скорее всего из-за жужжания многочисленных аппаратов она не услышала дверного скрипа и продолжала сосредоточенно вписывать в таблицу какие-то показатели.

— Простите...— начал Фаллей.

Девушка стремительно обернулась. О, космос! Куда же девалась ее миловидность?! Презрительное выражение исказило черты хорошенького личика. До чего же дурнеют люди, когда поддаются высокомерию, машинально отметил про себя Фаллей. Но за что? Право же, он не успел заслужить такого отношения.

— Сюда нельзя! — проскрипела эта пташка, годящаяся ему в дочери.— Немедленно убирайтесь!

— Хорошо,— хладнокровно ответил Фаллей.— Я выйду, но не раньше чем узнаю, куда мне обратиться с жалобой.

Она вся передернулась, будто ей причинили неслыханную обиду.

— Кабинет номер пять,— процедила она сквозь зубы и отвернулась, всем видом демонстрируя, что оказала нежданному визитеру царскую милость.

— Спасибо,— решив более ничему не удивляться, он вышел в коридор.

Кабинет номер пять располагался наискосок. Приготовившись к самому худшему, возможно, к новым оскорблениям, Фаллей направился туда. Он едва сдерживался, чувствуя, как нарастает раздраженное желание, в свою очередь, нагрубить кому-нибудь, сорвать зло на ком угодно...

В кабинете номер пять не было ни широкого начальственного стола, ни мебели, ни людей. Лишь вдоль стен выстроились какие-то высокие штуковины, напоминавшие автоматы по продаже соков и прохладительных напитков. Каждый украшала надпись:

Высокоэрудированный  
Робот —  
Анализатор  
Любых  
Конфликтов.

Вспомнив совет нахала, захватившего его квартиру, Фаллей шагнул к одному из ВРАЛКов и остановился, не зная, что делать дальше.

На слегка вогнутом корпусе робота он заметил кнопку и нажал ее. Тут же вспыхнул индикатор, в установке что-то зашелестело, раздался мелодичный голос, подобного которому Фаллей уже не чаял услышать:

— Говорите, пожалуйста.

Фаллей перевел дыхание. Вот сейчас все прояснится к общему удовольствию. Много ли надо человеку, попавшему в переплет? Лишь бы выслушали и ободрили.

— Говорите, пожалуйста,— повторил голос. Сама нежность звучала в вибрациях мембраны. Напрасно эту симпатичную установку нарекли столь неблагозвучно.

— Здесь такая штука. Приезжаю я к себе домой...— и он повел подробный рассказ.

— Зафиксировано,— был ответ.— Ваши конструктивные предложения?

— Какие еще предложения? — удивился Фаллей.— Пусть мне вернут квартиру.

— Без конструктивных предложений претензии не принимаются.

— Что-то я не возьму в толк...

— Без конструктивных предложений претензии не принимаются.

— Есть тут живой человек, который выслушает меня?! — взмолился Фаллей, быстро теряя уважение к машине и вновь мучительно ощущая собственную беспомощность.

— Без конструктивных предложений претензии не принимаются,— в третий раз повторил ВРАЛК и после паузы добавил: — Претензия снимается. Следующий.— Раздался щелчок, индикатор погас, все стихло.

Фаллей потерянно огляделся по сторонам, не в силах избавиться от впечатления, что ВРАЛКи издевательски посмеиваются. Злость закипала в нем. Отыщись в зале какая-нибудь тяжелая штукавина, он с удовольствием долбанул бы ею по этим коварным автоматам, голос которых оказался обманчив не менее плакатных призывов.

Пытаясь унять нервную дрожь, он покинул проклятый кабинет номер пять и, оказавшись на улице, побрел в чахлый скверик, где уселся на скамейку и задумался.

Надо было что-то решать. Видимо, он безнадежно отстал от жизни, воцарившейся ныне на Эфедане. Глупо, если он и дальше будет

действовать, исходя из былых представлений, видимо, способных вызвать у окружающих в лучшем случае удивление. Надо срочно обзавестись хоть какой-то информацией.

Он полез было в карман за записной книжкой, но тут заметил, что на соседней скамейке сидит пожилая женщина. По обе стороны от нее стояли две сумки, набитые пакетами и свертками. Она возложила на них свои узловатые натруженные руки, будто сторожила поклажу. Женщина выглядела добродушной, даже счастливой. Это обстоятельство придало Фаллею уверенности.

— Простите, пожалуйста...

Она повернулась вполоборота. От Фаллея не укрылось, как поджался ее подбородок, а широкое невыразительное лицо напряглось, будто окаменев.

— Моя просьба может показаться странной... но мне попросту не к кому больше обратиться. Я двадцать лет отсутствовал на Эфедане и сейчас...

Женщина по-звериному зыкнула на него, ее руки судорожно вцепились в сумки.

— У-у, пьянь несчастная!— пронзительно закричала она.— А еще культурный! У меня вон ноги больные и то работаю, не жалуясь, а ты, бугай здоровый, дармоед двуногий, на бутылочку собираешь?! Ни стыда ни совести...

Долго еще Фаллей слышал ее проклятия, пока не свернул за угол.

Черт с ней, с квартирой, но надо же понять, что приключилось на родной планете, которая все эти двадцать лет представлялась ему землей обетованной, истинным раем!

Заметив ряд телефонных автоматов, он принялся листать записную книжку. Ниафей, Хыц—хорошие ребята, но они все еще на Кошинде. Эфтон... Погиб три года назад при аварии корабля. Шротрф... Мечтал уехать в деревню, обзавестись хозяйством. Клец... Ага! Вот кто ему поможет.

Бросив монету, он набрал номер. Щелчок.

— Алло! Клец, ты?

— Кто говорит?

— Это Фаллей, пилот, я когда-то летал с Клецем. Можно пригласить его к аппарату?

— Нету здесь никакого Клеца, идиот! И не звони больше по этому номеру, понял?!

Фаллей повесил трубку. Скорее всего за двадцать летномера изменились. Хорошо бы заглянуть в телефонную книжку, но опять же — где ее искать, кого спросить?!

А по тротуару тек бесконечный человеческий поток. Фаллей отрешенно вступил в него, целиком отдавшись этому неукротимому движению, надеясь, что куда-нибудь да будет выплеснут.

Вдруг поток стал разделяться надвое, огибая какое-то препятствие. Шаг, еще шаг... И хотя Фаллея чувствительно подталкивали сзади, он остановился.

На тротуаре лежал человек. Всякого навидался Фаллей в джунглях Кошинды, умел сохранять присутствие духа в любых передрыгах, терпеть боль и не страшиться вида крови. Но и в самом кошмарном сне не могло ему привидеться, что в родном городе, в его центре, собратья, сограждане — люди! — будут обходить беспомощно лежащего человека равнодушно или даже брезгливо, точно это кучка мусора.

— Пойдите... — он схватил за рукав одного, второго...

Прохожие по-прежнему шли молча — напряженные фигуры, непроницаемые профили, оловянные глаза.

Он с силой притянул кого-то, заорал в каменное лицо:

— Сволочи! Сволочи!

Ни звука в ответ.

Страшная догадка пронзила Фаллея: да не роботы ли вокруг? Не модернизированные ли варианты ВРАЛКов? Быть может, некая могущественная и агрессивная цивилизация втайне подготовила захват планеты, превратив в один безумный день ее жизнерадостных обитателей в послушные и эгоистичные автоматы?

Но этот лежащий... уж он-то явно не робот. Никакой робот не сумеет вот так неестественно подвернуть под себя ногу. И эти стоптанные башмаки...

Не обращая внимания на окружающих, грубо орудуя локтями, Фаллей «расчистил» пространство вокруг и, подхватив непослушное тело, повлек его к запримеченной неподалеку скамейке.

Однако скамейка была занята. Посредине развалился юнец лет пятнадцати. Закинув ногу на ногу, он насвистывал что-то модное.

Как ни взвинчен был Фаллей, но он ничуть не сомневался, что тот немедленно вскочит и освободит место для пострадавшего.

Юнец, однако, даже не переменял позы.

— Ну? — тяжело дыша, мотнул головой Фаллей.

Парнишка смерил его не лишенным любопытства взглядом, плюнул и продолжал насвистывать.

Ах так! Фаллей сгрэб его за шиворот, сорвал со скамейки. Тот отлетел в сторону, как мячик. Фаллею было плевать, сильно ли ударился этот оболтус. И никто вокруг, как говорится, ухом не повел...

Фаллей устроил пострадавшего поудобнее, запрокинув тому голову.

Это был глубокий старик — длинный, тощий, с большой лысиной, обрамленной венчиком совершенно седого пуха. Его морщинистое, жеваное лицо производило впечатление полной безжизненности. На пергаментном лбу вздулась приличная шишка — видимо, результат падения. Фаллей расстегнул верхние пуговицы его заскорузлой рубахи, помассировал область сердца.

Старик глубоко вдохнул и открыл глаза. Его взгляд, поначалу болезненно-мутный, сделался осмысленнее.

— Господи, неужели вы помогли мне? — произнес оп сочным голосом, так не ввязавшимся со всем его обликом и состоянием.— Неужели это еще возможно? — удивление было радостным, и Фаллею вдруг стало теплее от того, что наконец-то он услышал что-то человеческое на этой планете.

— У вас есть лекарство? — спросил Фаллей.

— Лекарство? — усмехнулся тот.— О чем вы, милейший?

«Хорошо, что не двуногий»,— поздравил себя Фаллей, вслух же сказал:

— Вам нужно домой — отлежаться.

Как ни странно, короткое общение со стариком вернуло ему уверенность. Сейчас он хотя бы знал, что нужно делать. И он доведет дело до конца, поступит по совести, а там видно будет.

— Отлежаться бы неплохо,— продолжал старик с невеселой иронией.— Да вот беда, живу я далековато — в Южном пригороде. Так что придется дожидаться ночи, пока в автобусах станет посвободнее.

А глаза у него смышленные, живые, заметил Фаллей.

— Никаких автобусов! — решительно возразил он.— Сейчас я поймаю такси и отправлю вас.

Старик вздохнул.

— Благодарю за совет, но, увы, такси мне не по карману.

— Пусть это вас не волнует,— Фаллей быстро двинулся к проезжей части.

— Сынок...— слышалось за спиной.

Фаллей обернулся. На фоне текущих в разных направлениях людских потоков старик выглядел таким затеряннo-одиноким...

— Сынок, я понимаю, ты торопишься, и вообще — хорошего понемножку... Но прошу, побудь со мной еще немного, два-три слова...

О, космос! Несчастный решил, что Фаллей бросает его.

— Не беспокойтесь, я сейчас вернусь.

Однако поймать такси оказалось делом нелегким. Чуть ли не вдоль всего проспекта выстроились эфеданцы, стремящиеся перехватить под носом друг у друга свободную машину.

Фаллей не собирался более миндальничать. В конце концов, он много лет провел на трассах, в экспедициях, среди подобных себе пилотов и исследователей. Там сила, энергия, напор были нужны для дела, и он выработал в себе эти качества. Стыдно, конечно, применять их при подобных обстоятельствах, но не его в том вина. К тому же не для себя старается.

Раскидав нескольких настырных земляков, Фаллей расчетливо бросился наперерез свободной машине. Взвизгнули тормоза. Водитель принялся изощренно ругаться, в потоке его брани едва ли не самым мягким выражением было «двуногая скотина».

Фаллей одной рукой сгреб его за ворот, другой сунул крупную купюру. Тот в секунду угомонился.

— Южный пригород,— приказал Фаллей, усаживаясь на заднее сидение.— Но сначала сверни в скверик, заберем старичка.

Водитель покладисто кивнул.

Фаллей помог старику устроиться поудобнее.

— Ну как, отец, нормально?

Глаза старика затуманились.

— «Отец»...— тихо проговорил он, блаженно улыбаясь.— Давненько меня никто так не называл...

— У вас принято называть друг друга двуногими? — усмехнулся Фаллей. Он и сам не заметил этого «у вас», будто речь шла вовсе не о его родной планете.

Старик промолчал, возможно, ему опять стало худо. Лишь на въезде в Южный пригород он несколько оживился, назвал адрес.

Это был серый мрачный дом в нескончаемом ряду точно таких же невзрачных строений. Собственно, подъезда как такового не существовало. Вдоль этажей тянулись длинные галереи — по всему



фасаду здания, на них и выходили двери квартир. Наверх же вела винтовая довольно узкая лестница.

— Какой этаж, отец?

— Невысоко, четвертый...

Поддерживая старика за острые локти, Фаллей помог тому подняться. Они прошли почти в конец галереи, где старик открыл одну из дверей.

Фаллей, давно уже привыкший к тесноте на космических кораблях, тем не менее поежился. Никакой прихожей, ни подсобок, ни ванной — сразу же за дверью была комната, размером чуть поболее чемодана. Здесь с трудом разместились узкая кровать, журнальный столик и два табурета. Обои давно выцвели. Два плаката с изображением очаровательных красоток, видимо, скрывали пятна на стенах. Дверь распахивалась внутрь комнаты и закрыть ее удалось лишь после того, как старик лег на кровать, освободив клочок свободного пространства для гостя.

Заметив на столике пустой стакан, Фаллей взял его и поинтересовался:

— Где у вас вода?

— Ты хочешь пить? — старик пристально посмотрел на Фаллея.

— Нет, принесу для вас, — простодушно ответил тот.

— Спасибо, не хочется. К тому же... воду включают только через два часа, а запасов у меня никаких, я ведь не предполагал, что вернусь так рано.

Фаллея еще больше потянуло немедленно приступить к расспросам, но надо ли это делать, пока старик настолько слаб? Не лучше ли навестить его попозже? О том, куда он сам денется, не подумал.

Хозяин сел на кровати и произнес, будто читая мысли Фаллея:

— Сынок, не уходи, останься. Я чувствую себя лучше. А все ты... Сейчас не встретишь живого человеческого участия! Оно порой помогает лучше почти исчезнувших лекарств. — Старик сделал предостерегающий жест: — Поверь, сынок, мне ничего от тебя не надо. Абсолютно. Просто мне было бы приятно пообщаться... И это ведь стало непозволительной роскошью! — огорченно закончил он тираду дрогнувшим голосом. — Впрочем, зачем я тебе все это говорю? Ты и сам прекрасно знаешь.

— Я не уйду, — ответил Фаллей с такой неподдельной экспрессией,

что печаль на лице старика вмиг сменилась улыбкой.— Не уйду именно потому, что и сам хотел бы пообщаться с нормальным человеком.

— Вот и отлично! Вот и порядок! — хозяин удовлетворенно хлопнул себя по колену. Он будто преобразился: сквозь многолетнюю тоскливую усталось светло проступили природное мягкое лукавство, живая бойкость. Казалось, даже морщинки на щеках разгладились.— Тогда давай знакомиться. Меня зовут Аллерих. Или, как сейчас модно выражаться, двуногий Аллерих. Хотя я, конечно, не настаиваю, чтобы ты обращался ко мне именно таким образом.

— Я буду называть вас — дядюшка Аллерих, если вы не против,— предложил Фаллей и представился сам. Состоялась церемония рукопожатия, после чего Фаллей признался: — Я брожу по улицам, как младенец. Ничего не понимаю... Только сегодня утром прибыл на Эфедан после двадцатилетнего отсутствия и...

— Двадцать лет? — дядюшка Аллерих покрутил шеей.— Двадцать лет назад, по-моему, у нас еще не было тронутых... Или были? — он задумался.— Не хочешь же ты сказать, что тебя отпустили?..

Фаллей всплеснул руками:

— Я не знаю, кто такие тронутые, и вообще, здесь для меня сплошные загадки! А на Кошинде я пробыл двадцать лет по собственному желанию или собственной глупости, как вам больше нравится. Вышло так, что от меня ушла жена. Я страшно переживал и переоформил контракт еще на пять лет. А там... там были хорошие друзья, интересное дело. Короче, так втянулся в работу, что откладывал возвращение снова и снова. Правда, в последний год сильно скучал по дому, по Эфедану...— Он и сам удивился, что его двадцатилетняя эпопея, казавшаяся бесконечной, до отказа наполненной событиями, уместилась в нескольких фразах.

— Понятно,— кивнул дядюшка Аллерих.— Словом, сейчас ты оказался в роли топора, которому предстоит научиться плавать.

— Может и так,— неохотно согласился Фаллей.

— Да-а...— протянул собеседник.— Кто бы мог предположить, что все так обернется? А начиналось вроде хорошо. Нам обещали через двадцать лет райскую жизнь, а что вышло? — он вяло махнул рукой и вздохнул.— Собственно, ты и сам знаешь, что жизнь на Эфедане всегда была не очень-то богатой, проблем хватало. Но людям ведь свойственно надеяться не лучшее.

— Еще бы! — кивнул Фаллей.

— Ну так вот,— продолжал дядюшка Аллерих,— нашлись умные головы, которые объявили, что есть способ решить многие проблемы, притом весьма быстро. Вот что они придумали. Повсюду предлагалось установить тысячи роботов и ЭВМ, которые принимали бы от каждого желающего жалобы и заявления, обобщали и систематизировали их, после чего передавали бы властям для принятия мер.— Дядюшка Аллерих грустно улыбнулся.— Во-первых, говорили эти умные головы, сразу же исчезнут очереди во всевозможных отделах и подотделах. Во-вторых, станут невозможны взятки и прочие злоупотребления, ведь робота не подкупишь. В-третьих, анализ большого объема информации позволит обоснованнее вычленивать первоочередные социальные проблемы, решать их последовательно — одну за другой. В-четвертых, слышнее станет голос народа, а значит, прибавится демократии. В-пятых, удастся, наконец, сладить с бюрократией. Ну и так далее. Всего насчитали десятка два преимуществ. И вывели, что, благодаря этому нововведению, за каких-нибудь пятнадцать-двадцать лет общество избавится от всех своих недостатков и на нашем благословенном Эфедане наступит пора всеобщего расцвета и благоденствия.

Фаллей нахмурился:

— По-моему, все правильно. Хорошая идея.

Дядюшка Аллерих кивнул:

— Да, такая же, как и любая другая. Чем, например, плоха идея вечного двигателя? Она просто восхитительна! Если бы удалось ее осуществить, человечество не знало бы ни забот, ни хлопот. К сожалению, мешает досадный пустячок: идея вечного двигателя вступает в небольшое противоречие с законами механики. Ах, если бы не этот пустячок! Каких вершин прогресса мы достигли бы! — его ирония была убийственной, что не укрылось от Фаллея.

— Какой же пустячок не учли наши умные головы? — спросил он.

— Какой? — переспросил в прежнем тоне дядюшка Аллерих,— Они забыли, что от электронных роботов информация попадет к живым, к тем самым чиновникам, которым совсем неплохо жилось и при старой системе, которым была выгодна мутная водица нерешенных проблем и очередей, ибо в ней они с завидным постоянством отлавливали к своему столу и рыбку, и к рыбе... Среди этой чиновной братии нашлись свои умные головы. Они забили в барабаны славословия громче всех, восхваляя эту прекрасную во всех отношениях идею, поклялись работать для народного блага не покладая рук. И при этом

попросили внести в конструкцию роботов одну малюсенькую поправочку. Всего-навсего.

— Что же они такого придумали? — Фаллей слушал с возрастающим вниманием и волнением.

— А вот что,— саркастически усмехнулся дядюшка Аллерих.— Очень осторожно намекнули, что среди достойных обитателей Эфедана встречаются еще отдельные демагоги и критиканы. Что, если эти отщепенцы воспользуются новыми автоматами в своих корыстных интересах? В результате суммарная информация, введенная в роботов, может оказаться искаженной, а значит, необъективной, что нанесет большой ущерб обществу. Поэтому они предложили, чтобы каждый подающий жалобу одновременно отмечал бы и то положительное, что существует в окружающей жизни. Дескать, такой подход позволит избежать односторонности, а значит, и принимать более конструктивные, взвешенные решения. Гениальный ход, не правда ли?

— По-моему, это тоже правильно...— неуверенно произнес Фаллей.

Дядюшка Аллерих засопел.

— Воистину простодушие наших людей безгранично! Практически все согласилось с этим дополнением, не видя в нем ни малейшего подвоха. А по сути это был первый бой, который армия чиновников выиграла в войне за сохранение своих привилегий. Да, они выиграли первую битву, все последующие, а затем и всю эту бескровную войну. Хотя как сказать — бескровную ли...

Фаллей выглядел растерянным.

— Должно быть, я слишком отупел на Кошинде, потому что по-прежнему ничего не понимаю. Какая битва, какая война?

Дядюшка Аллерих совсем помрачнел, но продолжал терпеливо разъяснять:

— Ну, слушай... Осталось уже немного, сейчас тебе все станет ясно. Итак, вскоре по всей планете распахнулись двери кабинетов, где были установлены ВРАЛКи. Знаешь, что это такое?

— Познакомились...

— Народ повалил туда валом. Тем более, что первые результаты были обнадеживающе. Многие получили помощь, встретили участие и заботу. Даже если вопрос не решался сразу, они получали уведомление, что их делом занимаются и к такому-то сроку завершат его. Пусть даже срок был назван длительный — человек все равно успокаивался, ибо обретал надежду. Многим казалось, что вот наконец-то начались

долгожданный прогресс, подлинная демократия на научной основе. Однако вот что вскоре стали подмечать. Чем вдохновеннее похвалишь ВРАЛКу существующие порядки, мудрость вождей и прочее подобное, тем быстрее и полнее удовлетворят твоё заявление! Вскоре каждый твердо знал: хочешь быстро решить свою личную проблему, свою бытовую неустроенность — лей бочками без зазрения совести елей местному и высшему руководству, превознося его за бессонное радение о народе, честность и прозорливость. В считанные месяцы сложился своеобразный ритуал: сначала дифирамбы и гимны, затем конкретная жалоба или просьба, которая должна выглядеть таким досадным исключением на фоне всеобщих успехов. Мелкие просьбы поначалу удовлетворялись. Словом, в результате на короткое время воцарилось состояние всеобщей эйфории, радовались низы, получавшие кое-какие подачки, потирали руки чиновники, предвкушая грядущие карьеристские блага, ликовали верхи, которым казалось, что теперь-то они войдут в историю. А между тем информация об истинном положении дел в обществе все более искажалась, на этой искаженной основе принимались соответствующие — только интересам бюрократов — решения, в итоге же...

— Кажется, я начинаю понимать...— Несмотря на драматичность предмета разговора, Фаллей впервые за сегодняшний день почувствовал некоторое облегчение, ибо туман чуть рассеялся.

— Да, сынок, трудно поверить, но за каких-то два- три года жизнь на Эфедане круто изменилась,— вздохнул дядюшка Аллерих.— Состояние всеобщей эйфории продолжалось недолго. Проблемы копились, множились. Падала производительность труда, все меньше производилось товаров, продуктов, строилось жилья. Маховик раскручивался все сильнее. И, понимаешь, какой притом дикий парадокс: чем труднее становилось жить, тем большую хвалу пели существующим порядкам — в надежде хоть что-то урвать для себя. Так мы постепенно дичали, становясь эгоистами, несчастными в сущности эгоистами...

— Неужели никто не бил тревогу?! — воскликнул Фаллей.

— Били, да еще как! — голос дядюшки Аллериха зазвенел.— Самые прозорливые и совестливые наши сограждане— ученые, публицисты, писатели, квалифицированные рабочие и земледельцы быстро разобрались, к каким последствиям может привести попытка обойти объективные законы развития. Указывали и на источник опасностей.

Увы! Поначалу их выступления многим казались преувеличением, ложной паникой, а затем... затем тех, кто был против ВРАЛКов, попросту начали обвинять в очернительстве и клевете на прекрасную действительность, либо же в умопомешательстве. Да и как иначе? Ведь они шли против воли народа! — дядюшка Аллерих опять попытался иронизировать, но его одолел кашель.

Справившись с приступом, он продолжал мрачным тоном:

— А там уж и рукой подать до гонений. «Клеветников», «тронутых» изолировали. Естественно, слухи об этом распространились тоже молниеносно. Каждый усвоил, что за критику недостатков он может угодить в разряд неугодных лиц. Постепенно страх овладел умами. Теперь многие попросту боялись обращаться к ВРАЛКам даже с ничтожными просьбами. В свою очередь уменьшение потока жалоб еще больше искажало информацию, ибо позволяло утверждать, что проблемы на Эфедане решаются все успешнее. Вот тут-то чиновники, отпраздновав свою полную победу, принялись вовсю пожинать плоды. Да-а, в прежние времена у нас было даже принято изображать чиновников в виде этаких ревностных, но лишенных особой смекалки исполнителей, посмеиваться над их якобы тупостью. А там есть свои гении, свои таланты... Недооценили их, ох, как недооценили! — Он надолго задумался.

— Пойдите! Я опять не пойму... — Фаллей с силой потер лоб. — Кое-кому они все-таки помогают?

— Эта помощь... — криво усмехнулся дядюшка Аллерих. — Что это за помощь такая, когда запросы одной группы сограждан удовлетворяются за счет интересов другой группы?! Например, жилье. Положение с ним было поистине катастрофическим. Казалось бы, надо больше строить. Ан нет! Появился закон, звучащий примерно так: «Гражданин, не проживающий в своей квартире свыше года, лишается права занимать данную жилплощадь как подтвердивший фактом своего непроживания отсутствие нужды в таковой». Ловко? И вроде бы логично, а? Но тут запрятана масса хитростей. Ведь под действие этого закона моментально подпадали те же «клеветники» и «тронутые». Но поскольку даже это не решало проблемы, то вскоре появился Закон о командировках.

— Закон о командировках? — Фаллей понял, что сейчас услышит нечто, объясняющее ситуацию с его собственной квартирой.

— Всем ведомствам и организациям вменялось в обязанность

посылать своих сотрудников — в основном неугодных начальству — в длительные командировки на срок свыше одного года. Надеюсь, тебе ясно, что жильё этих несчастных подлежало изъятию?

— Разве нельзя отказаться?

— Ни в коем случае. Ибо одновременно вступил в действие Закон об общественном долге. Каждый, кто уклонялся от выполнения этого или иного предписания вышестоящей инстанции, в том числе и от командировок, считался антиобщественным элементом и в принудительном порядке подлежал выселению в пустынную местность. Кстати, те, кто когда-то добровольно заключал контракты на работу в особо отдаленных местностях, в особо трудных условиях, подпадают под закон. И это предусмотрели...

— Значит, мне не видать своей квартиры, как собственных ушей? — Фаллей не спрашивал, он попросту констатировал факт.

— Безусловно,— подтвердил дядюшка Аллерих.— Вещей ты тоже не получишь. Ибо считается, что если человек не пользовался ими в течение года, то в дальнейшем он может легко обойтись без таковых, пусть даже речь идет о приборе для бритья или полотенце. Эти вещи изымаются в общественные фонды, а затем распределяются среди нуждающихся по спискам. И те благословляют власти!..

— Понятно...

— Ты думаешь, это все? А что скажешь насчет Закона о бдительности? На его основании любой гражданин имеет право сообщить о злонамеренных действиях или ходе мыслей другого гражданина, и если факты подтвердятся, а те обычно «подтверждаются», то заявитель получает преимущество при распределении жилья и вещей виновного.

— На вас тоже заявили? — неожиданно догадался Фаллей.

— Нет, я попал в первую волну штрафников,— невесело отозвался старик.— Тогда еще не сажали — попросту увольняли без права занимать ответственные должности. Кроме того, меня переселили из центра в пригород, вот в этот «образцовый дом нового быта» — строительство все же продолжалось...— Он обвел руками тесное помещение, коснувшись при этом со своего места всех четырех стен.

— Бедный Эфедан...— прошептал Фаллей.

— Да, бедный,— согласился дядюшка Аллерих.— Настолько бедный, что скоро и мыши все передохнут.— Он задумался и добавил: — Самое же страшное в том, что все эти безумные законы получили

якобы всеобщее одобрение — через систему ВРАЛКов. Ты и сам понимаешь, что в этой ситуации пышным цветом расцвели взяточничество, коррупция и преступность. Администрация получила неограниченную власть. По сути, никто уже не обращается напрямую к ВРАЛКам, ищут обходные пути к тем же чиновникам.

— Почему же не уберут эти ВРАЛКи? — Фаллей вспомнил безлюдный кабинет номер пять.

— О! ВРАЛКи — это своеобразный символ полного торжества «справедливости» — то есть бюрократии. Памятник ее победы. И они же — барьер, вновь разделивший наше общество на касты.

Фаллей молчал, покусывая губы.

— Надо ли удивляться, что люди стали хмурыми и раздражительными? — продолжал дядюшка Аллерих. — Ведь никто не верит в завтрашний день. Любой, даже толковый, совестливый администратор может оказаться «клеветником», «тронутым» или «командированным». Повсюду очереди, карточки, лимиты, ограничения. Все живут одним днем, разве тут до сострадания и милосердия?.. — Старик пытливо посмотрел на Фаллея. — Послушай, сынок, а как там — на Кошинде? Нас тут уверяют, что вот-вот оттуда рекой хлынут богатства, и мы заживем еще лучше, еще веселее. Большинство, конечно, в это не верят. Но все же хотелось, так сказать, услышать из первых уст...

Фаллей устало махнул рукой. Дядюшка Аллерих грустно кивнул. Все было ясно без слов. Долгое время стояла тишина.

Фаллей всегда с почтением относился к Закону, никогда не вдаваясь в его смысл. Но сейчас... как же ему почитать эти нелепые законы?

— Ладно. Спасибо, что все так понятно растолкова\* ли. Пойду устраиваться в гостиницу. Расчет я получил, так что на первое время хватит. А там посмотрим...

И вообще — пора было уходить. Он хотел узнать — и он узнал все, что хотел... Поднялся..

— Пожалуй, мне лучше вернуться к полетам.

Дядюшка Аллерих скептически сощурился:

— Сколько тебе лет?

— Сорок восемь.

— Ну, тогда не получится. Желающих работать в космосе — пруд пруди. Несмотря на потерю жилья, многие охотно идут на это. Людям



кажется, что там легче. Людям свойственно надеяться...

— Там тоже становилось все хуже, только мы не знали, отчего,— отозвался Фаллей и тут, пожалуй, впервые почувствовал себя по-настоящему ничтожным, беспомощным.

Дядюшка Аллерих вдруг заполошился:

— Фаллей, сынок, забыл предупредить... Где твой багаж?

— В космопорту, в камере хранения.

— Нужно немедленно получить его. По новым законам багаж, невостребованный в течение суток, подлежит перераспределению.

— А куда его девать? — равнодушно пожал плечами Фаллей.— У меня ни кола ни двора.

Дядюшка Аллерих внимательно осмотрел свою комнату, похлопал собеседника по плечу:

— Что если тебе первое время пожить здесь? Как-нибудь разместимся. Спать можно по очереди. Ты устроишься на ночные разгрузочные работы и будешь спать днем. А то — смастерим двухэтажные нары. Обузой для тебя я не буду. Пенсию, правда, мне не платят, ибо я нарушил Закон о социальной справедливости, но пока что выкручиваюсь.

— Работаете?

Раньше, пока были силы, работал грузчиком. А сейчас зарабатываю тем, что с ночи занимаю место в очередях, а утром продаю его — есть у нас и такой вид заработка, хотя и запрещенный законом...Старик говорил еще что-то, но Фаллей не слышал. В висках стучало. Странная ассоциация промелькнула у него: будто он, первоклассный пилот, посадил корабль на заброшенную планету, где невозможно жить, но и взлететь с нее нельзя — не хватает тяги. Такие планеты- ловушки встречались иногда в космосе. Что же дальше?

— Что дальше? — он посмотрел на дядюшку Аллериха.

— Надо жить,— просто ответил тот.— Помогать друг другу. И надеяться.

— На что надеяться? — выкрикнул Фаллей.— На что?!

И тут словно бы в ответ сумрачная комната озарилась разноцветными сполохами. Это на крыше соседнего мрачного здания вспыхнула светящаяся надпись «Цвети, счастливый Эфедан!»

Сполохи ложились на морщинистое лицо старика, на узкую кровать и колченогий столик, бежали по серым стенам полутемной обители и пропадали, как вездесущие неуловимые соглашения.

— И все же надо надеяться,— повторил дядюшка Аллерих.— До тех пор, пока на этой планете есть мы с тобой, есть другие люди, не приемлющие обращения «двуногий», а такие люди есть — надежда не потеряна...

**Зоя ТУМАНОВА**

## **КРАСНЫЙ СЛЕД**

— И какие же тут ближние селенья? — спросил Семен Ильич.

Ашурмамад посыпал певуче-гортанные слова. Семен Ильич слушал, склонив голову как-то по-птичьи, набок.

— Сейчас запишет, помяни мое слово, Юрочка,— шепнула Вера.

Семен Ильич вытащил блокнотик, записал.

— Карманный справочник,— сквозь Верин шепот рвался смех, щеки у нее округлились.

Не поняв, что именно смешно, Юра на всякий случай улыбнулся.

— Да сам же он, доктор, он и есть карманный справочник, надо его так прозвать! — ликуя, объясняла Вера.— Росточек — вот,— она показала рукой,— и переполнен знаниями. Разбудите ночью, спросите, сколько звезд в Млечном пути,— скажет...

— А интересно, сколько же их? — задумался Юра.

На него махнули рукой. И посыпался смех, прозрачно-звонкий, будто ледяной ксилофон.

Трудно разговаривать с Верой и даже просто смотреть.

Кавказская широкополая шляпа, в легкой ее тени лицо не загорает, а словно бы вызолочено солнцем, и еще — глаза, огромные, медово-теплые, с вечной искоркой смеха...

Вера говорит «ты, Юрочка», он — «вы, Вера Никитична», хотя разницы между ними максимум лет пять, но не в одних годах дело.

Вера сидела в седле, как влитая, по утрам мылась до пояса ледяной горной водой и умела варить такие вкусные кулеши, что Дронов, начальник отряда, только головой качал, приговаривая:

— Ты бы, Вера Никитовна, поаккуратнее насчет продуктов. Не в Москве — за углом в кооперативе не купишь...

Дронов не был красноречив. «Одними взглядами распоряжается!»— говорила Вера. Зато он, как бог, знал вьючку и седловку, а характер у него был совершенно неодолимый для людей и для лошадей: сколько наметит, столько и пройдут. Однако по некоторым вопросам советовался и Дронов — с доктором Семеном Ильичем.

Проводника тоже разыскал доктор — из старых своих знакомств: в длинной рубахе, в черной шапочке вроде татарского тубетей.

Ашурмамад был как бы без возраста, гибкий, жиливатый, точно самшитовый прут, и знал добрый десяток местных наречий. Погонщики, тоже из местных, очень хорошо управлялись с бартангскими своими лошадами, понятливыми, как собаки.

Приглядевшись к своим спутникам, Юра еще горше осознал, что для зачисления в отряд не было у него не то что веских — решительно никаких оснований.

Терзаясь этим еще дома, Юра выпросил у одних знакомых камчу, замечательную камчу, витую, с тяжелой рукоятью в накладном медном узоре, и теперь, в трудные минуты, он хватался за эту камчу, как утопающий за соломинку, и з споры старался не вникать.

А споры случались. Вот и нынче...

Начался вечер обыденно.

— Кони пристали,— сказал Дронов доктору.

— Селеньице тут должно быть невдалеке. Может, дошагаем? — посомневался доктор.

Дронов шумно вздохнул.

— Ну что ж, распорядитесь,— озабоченно сказал Семен Ильич.— Только лагерь разобьем не здесь. Вон там, немного подальше...

Там, где он указал, остро щетинилась сухая трава, а шиповник разросся шатрами — придется вырубать. Дронов крякнул вопрошающе, Семен Ильич с привычной готовностью объяснил:

— Если здесь — так скалы нависли, видите? И камни по краю. Бывает, козел пробежит, столкнет ножкой...

«Откуда тут возьмется козел?» — удивился в душе Юра, и вдруг сердце радостно захолонуло: ведь козел-то подразумевался дикий... И он тысячный раз порадовался невероятности окружающего.

Между тем шли уже заученные хлопоты перед ночевкой. Время так и летело, будто камень с горы. И все же хлопоты, казавшиеся нескончаемыми, кончились. Наступил тихий час у костра, который так любил Юра.

...Плывет ночь над ущельем. Звенят лошади недоузками, похрустывают травой, фыркают, видно, в ноздри попадает роса, переступают ногами.

— Лошади танцуют,— сонным счастливым голосом сказала Вера.

— Коня овод ест,— хмуро отозвался Дронов,— вот он и кланяется.

— Вы такой...— Вера прищелкнула пальцами,— реальный, что ли... Как вы очутились здесь, Игнатий Трофимович?

— А чего ж? — неохотно отозвался Дронов.— Для того мы, спрашивается, революции делали, чтоб люди жили вот как тут живут?

— А как они живут? — красивым прозрачным голосом своим спросила Вера.— Они — вольные дети гор. Стройные, гибкие... Говорят, тут, в Рушане, самые красивые женщины в мире... Не так ли, доктор?

Семен Ильич гмыкнул неопределенно. Дронов засопел.

— Земли тут нет,— сказал он угрюмо,— камень и камень. У хозяина надел — ну, как столешница. Летом два месяца траву едят, хлеба до новины не хватает. Неграмотность ужасная. Да что говорить...

— И все-таки это не объясняет, почему вы здесь,— не унималась Вера.

— Картошку сажать научим,— сказал Дронов, словно бы уже не Вере, а куда-то дальше, в темноту ущелья.— Школы откроем...

Вера запела тихонько «штурмовать далеко море посылает нас страна...» И вдруг сказала ровно и четко:

— Человек должен быть на передовой линии эпохи. Разве не так? Надо видеть цель. Надо идти к ней...

Ей никто не ответил. Юра торопливо притворился спящим. Было во всем этом что-то неловкое, неуместное... «А почему я здесь?» — подумал он. Вспомнилось, как заслушивался, мальчишкой еще, рассказами доцента Ковальского, приятеля отца, о Памире, стране чудес и сказок... Вернувшись из экспедиции, странный, как будто помолодевший, доцент говорил быстро и страстно:

— Этого не забыть... Выветренные гравелиты Кара- дарьи. Серпантинны Талдыкского перевала. Ветер Алая. Это как музыка Бетховена! Реки падают со скал, как бы с неба!.. Весна начинается канонадой. Это теплый бриз прилетает из Афганистана. Тают снега, рушатся камни. Потом — все в цвету, вдали — то ли облака в ущелье, то ли сады...

И все оказалось правдой.

Вот только зачем эти споры?

Он вздохнул, сделал вид, что проснулся. Сказал, обращаясь ко всем:

— Воздух тут очень чистый!

— Кислород,— умиротворенно отозвался Дронов.

Семен Ильич, неловко согнувшись, при свете костра читал толстую книгу, от ее твердого темного переплета веяло стариной.

Вера, перевернувшись на другой бок, вытянула шею и прочитала заглавие.

— Ваша любознательность, доктор,— сказала она, играя голосом,— напоминает мне одну глубоководную рыбу. Она плавает очень быстро, разинув пасть. И все, что влетает в эту пасть, немедленно проглатывается. Все!

Семен Ильич склонил голову набок, по-вороньи, и посмотрел так, будто не мог понять, отчего это Вера толкует о рыбе.

— Граф Бобринский, «Горцы в верховьях Пянджа» — увлекаетесь? — продолжала Вера.— Да ведь такие, как этот ваш граф, проводили на местах колониальную политику царизма!

— Я не собираюсь проводить на местах колониальную политику царизма,— сказал Семен Ильич ровным голосом. Все же он, наверное, обиделся, потому что тут же ушел смотреть лошадей. Дронов подвигал челюстями, словно пожевал слова, прежде чем выговорить:

— Я тебе, Вера Никитовна, десять раз в отцы гожусь. И вот скажу: в высокой степени ты меня огорчаешь. Языком. Да.

— Ничего, Игнатий Трофимович! Доктор отходчив. Наш,— сказала Вера, незаметно копируя манеру Дронова и движением брови приглашая Юрочку посмеяться над этим.

Слаб человек: Юрочка немножко улыбнулся. После, уже лежа в палатке, он долго раздумывал: почему такие умные, бывалые, замечательные, честно одно дело делающие люди никак не могут притереться друг к другу? Думая об этом, он совсем растерял сон, выполз из душноватого тепла палатки и велел дежурному ложиться.

Он смотрел на пляску огненных язычков, и так же плясали, сплетались и угасали мысли об этом крае — все, что он прочел, услышал и промечтал... Россыпи гранатов и лазурит, синий, как грудь павлина. Музыка имен — Рушан, Вахан, Шугнан. Страна, где земля не плоскость, а вертикаль, страна из камня, каменная загадка. И вот он здесь, отважный и стойкий... Хорошо!

...Огонь растекался по сырому бревну струйками. Розовеет рубиновый жар углей. На потухающий костер легли пепельные пятна. Холод, как жесткой щеткой, поднимает кожу на спине.

Вылез кто-то, прикурил от уголька махру, глаз не разлепляя, ушел, покачиваясь, в опьянении сна...

Юрочка всей кожей чувствовал ночь, торжественное ее движение, вихри миров в черной бездне.

Ночь плывет — корабль, нагруженный чудесами.

\* \*\*

Без проводника пришлось бы туго — горы пошли всерьез. Поставить в пяти метрах друг от друга два многоэтажных дома, наклонить их внутрь. Исковеркать все это с дьявольской изобретательностью и злобой — изрубить, изрезать и перекосить. Вот — ущелье. И едешь по нему час, два... Давят, нависают каменные громады. Вверху — отдушина неба. Сумрачно, точно в колодце. Тропа преподносит сюрпризы: то на нее выпирают круглые бока валунов, то ее ужимают деревья.

На склоне, открытом солнцу, каменные плитки. Звонкие, как черепица. Ступишь — из-под ноги вывертываются, как живые.

— Тут с невыдержкой не пройти! — хмуро предостерег Дронов.

Семен Ильич, озабоченный более, чем всегда, напоминал старую больную ворону. Вера, свежая, бойкая, шагала как по мостовой, светились медовые ее глаза в тени больших ресниц.

Тропа все узилаь. Внизу невидимая река гудела, подбивалась под гранит берегов. Лошади теснились, сцепляясь вьюками. Тропы уже не было, остался каменный карнизик, к нему были прибавлены неведомой рукой в кои-то времена бревна, подпертые снизу деревянными клиньями, позеленевшие, осклизлые. В каменной стене выбиты ямки для рук, в трещины воткнуты палки.

— Овринг! — сказал Ашурмамад. Он сам провел лошадей одну за другой. Потом шли люди, бочком, цепляясь за скалу, как детишки за мать.

И снова — спуск, подъем, поворот. Камни под ногами, один лежит плашмя, другой на ребре: ступишь — качнется, и тотчас спина покрывается гусиной кожей. Вера — и то оступилась: с цирковой легкостью восстановив равновесие, засмеялась: «Штаеться, как молочный зуб!»

И смех ее, ослепляюще звонкий, был как-то странен в этом сумраке, сырости, духоте.

Наконец расступились каменные стены. Хлынул свет рекой. Дронов блаженно прижмурился: «Ну, кончилось — утоли моя печали...» Дружный вздох пронесся по колонне.

— Из-за таких вот дорог страшная была разобщенность! — покачал головой доктор. — Люди жили почти как в каменном веке.

— Не мы идем первые, не мы последние, — сказал Дронов. —

Караваны товары везут. А главное — будет тракт, по-ударному строится, всерьез. И пойдет у нас совсем другая картина.

Юрочка опять обрел способность примечать необычное. Вот черная скала, разузоренная известковыми пятнами птичьего помета. Аркой висит над головами упавшее дерево. И снова — скалы, таких причудливых форм, что нарочно не придумаешь...

На одной скале, похожей на верблюжью голову, сидел гриф. Химерическая птица. Тянет голую шею из перьевого ожерелья, словно руку из пушистого воротника — старческую, скрюченную руку. Откуда ни возьмись, как на парашюте, спланировал второй, уселся рядом, сутулый, огромный, заглядывался хищно, зорко, угрюмо. Скоро явился и третий — слет у них, что ли, на этой скале?

Ашурмамад показал яркие зубы:

— Дохлое есть. Козел в яму упал, а может, конь, ишак...

Вот уже близко «верблюжья голова»: от соседней скалы отделяет ее черная расселина, подножье заплетено буйным, цепким, колючим. Невеселое место, тропа его обходит стороной.

Грифы взлетели: не торопясь, словно бы для приличия, чертили круги над караваном.

По цепочке передали — остановиться. Ашурмамад, проскальзывая между лошадьми и вьюками, спешил к Дронову. Дошел, говорил что-то, тревожно указывая рукой.

И Юрочка увидел: над расселиной косо воткнута сухая ветка, а на ней трепыхается узкий, длинный, непонятного цвета лоскуток.

Передали — учителям и доктору подойти к Начальнику отряда.

— Семен Ильич,— сказал Дронов,— вот тут сомневаемся... Я такие палки с тряпочками видывал на мазарах — дело обычное, а вот Ашурмамад толкует, что не бывало здесь никакого мазара, ни дерева святого, и значит, палку кто-то поставил, вопрос — зачем?

И опять сверкнули полоской бумаги Ашурмамадовы зубы, он сказал надменно:

— Я здесь все камни счетом знаю, один уברי — замечу. Не было раньше тряпки. И лестницы не было.

— Какой еще лестницы?

И вправду, нужен был орлиной цепкости взгляд, чтобы выхватить из путаницы листьев и колючих плетей две ошкуренные ветки и меж ними что-то вроде перекладки, привязанной лозой: конец этой странной лестницы выглядывал из расселины. Дронов крикнул,



замялся. Семен Ильич погрузстнел.

— Надо залезть, посмотреть! — вспыхнул Юрочка, ему не ответили.

— Может, провокация? — спросила Вера, глаза ее светились холодно, как у кошки.

— Басмачество в этих местах ликвидировано не так уж давно,— заметил доктор,— случались прорывы через границу отдельных банд.

— Попрошу без полохов,— строго отрезал Дронов,— всполошиться всегда успеем.

Постояли, выжидая. Время стало вязким, как патока, не проходило и тянулось. Таинственная расселина не подавала признаков жизни. Грифы все кружили над ней, не улетали.

— Надо бы разведать,— сказал Дронов.

Наступило молчание.

Оно тянулось так долго, что Юрочка, удивившись, начал вертеть головой, озирая всех.

Погонщики держались за седла лошадей. Лица их были сейчас все одинаковые — полны отсутствием выражения. Ашурмамад улыбался, отряхивая слегка полы нарядной своей жилетки. Вера, выпрямившись напряженно, с презрительной усмешкой на красивых губах, смотрела на доктора. Семен Ильич, маленький, нахохленный, глядел в землю. Дронов как-то странно двигал челюстями, словно жевал орехи.

— У вас есть револьвер, Игнатий Трофимович,— вдруг звонко сказала Вера.— Дайте мне, я пойду!

Дронов обратил на нее тяжелый взгляд.

— Начальник отвечает за все,— сказал он.— Доктор, один он у нас, его там ждут, как бога не ждали. Без проводника мы все не дойдем. А ты... тебе я не доверюсь,— голос его вдруг охрип.

И тогда Юрочке, как молния блеснула — до того стало ясно то, что должно было быть ясно с самого начала.

— А я, товарищ Дронов!—заторопился он.— Я же ворошиловский стрелок! Я же смогу, правда!..

Он даже дернул Игнатия Трофимовича за рукав, не заметив этого, и голос у него задрожал от нетерпения действовать сейчас же, немедленно!

Дронов смотрел хмуро, но в глазах его не было отказа.

— Стрелок...— ворчливо повторил он.— Ты ее не слушай, Веру. Твоя задача — подползти ближе, как возможно. Чтоб тебя не увидали, а ты — увидь... А мы, товарищи, вон за теми кустами позицию займем. И

чтоб все наготове. На всякий случай...

\* \* \*

Все стояли и смотрели на то, что Ашурмамад — ему помогали двое погонщиков — вытаскивал из расселины, уходящей глубоко под скалу.

С первого взгляда — куча костей, обтянутых желтой кожей и перемешанных с клочьями черной овчины, но это был человек, и живой еще, исхудалый до невероятного, восковой его лоб едва виднелся из-за нечесаных, сбитых в войлок, серо-пыльных волос. Он лежал, подтянув колени к подбородку, слабо постанывая, на нем была рубаха, истлевшая, изодранная в лоскуты, и что-то вроде балахона из невыделанной овчины, запах от всего этого шел такой, что у Юрочки подкатило к горлу.

Семен Ильич колдовал с аптечкой, со шприцами, сейчас он не был похож на печально-премудрую ворону. Вера смотрела с брезгливым любопытством. Вздыхали рабочие.

Принесли воды, человек пил большими глотками и по горлу его пробегала судорога, показали хлеб — он прикрыл рот, пальцы его походили на тонкие, темные извитые корешки...

— Жизни ему мало осталось,— сказал Ашурмамад,— смерть за ухом стоит...

— С чего же он в яму полез, отшельник, что ли, монах, как оно у вас там? — спросил Дронов, морщась, словно на зуб ему попал камешек.

Ашурмамад присел на корточки, заговорил незнакомо-певуче. Подождал — и сказал по-другому. Наклонился пониже и произнес что-то совсем уже клокочущее.

И нечто, бывшее человеком, зашевелилось, попыталось приподняться, заговорило, захрипело провалом рта...

Насколько уж там Ашурмамад понял — передал он вот так:

— Нездешний человек. С черным лбом, несчастный. Из киргизов. Хакберды — имя. С той стороны, где солнце выходит. Родов у него много — теиты, кипчаки, найманы, кадырша, а пастбищ мало, сено косят с крыши, вот и враждуют. Хакберды на охоту ходил. Другого повстречал. Рыскул звать. Шли вместе. Ущелье там есть, кричать нельзя — камень упадет. Рыскул козла увидел, забыл страх, выстрелил. Камень упал, повалил его. Разговор пошел: Хакберды виноват, он камень бросил, старую вражду вспомнил. Хакберды по снегу шел —

красный след у него. Как кровь красный. Мулла говорит: «От бога пылинки не скроется, он знает то, что в небесах и на земле, и про то, что в груди человека: кровь на следах — значит, Хакберды Рыскула убил, его вина...» Хакберды схватили, связали. Думали, что делать, говорят: выгнать, как больную собаку. Выбежали все, кто в силах держать камень, бросали, кричали: «Ула! Ула! Поделом убийце!» Боялся он. Долго уходил, далеко, дням счет забыл, себя забыл. Поймали акобиры — охрана шугнанского шо — правителя. За пиалу табаку продали в рабство, в Кабул. Ночью веревки перегрыз, убежал. Людей стал бояться, дня боялся, в горы ушел, под землей жил. Себя человеком забыл.

— Что же он ел-то? — вырвалось у Дронова. — Чем жил?

— Белый тутовник ел. Орехи. Яблоки дикие, миндаль. Сурков убивал палкой. Бывало, овцу из отары утаскивал. У птиц яйца выпивал. Чем зверь живет, тем он жил. Дехкан боялся, басмачей боялся, русских тоже боялся. Когда на сердце смерть легла, тряпку повесил. Хотел людей повидать, вкус хлеба на языке вспомнить. Долго ждал. Поздно мы пришли, начальник...

\* \* \*

Везли Хакберды на лошади, пристроив среди вьюков, — был он мал и легок, как ребенок. Семен Ильич все хлопотал — уколы, таблетки, укрепляющее питье. К вечеру следующего дня он перестал хлопотать...

Ашурмамад, огладив лицо ладонями, пробормотал: «Пришел в мир человек и ушел. Наш мир пятидневный...»

— Вот ведь как судилось, — сказал Дронов. И пошел распоряжаться о похоронах.

Ночью все так же позванивали лошади недоузтками. Звезды, такие крупные — глаз не верит — висели, как яблоки, в черной листве. И все было другое.

Юрочка, поеживаясь, глядел в темноту. Он вспомнил, как словно липкой рукой провели по позвоночнику — это когда он понял, что там, за черной щелью в скале, могла затаиться настоящая, не когда-то там, а сейчас вот, его собственная смерть... И как он полз и полз, одолевая тошноту, подступающую к горлу, и страстно желая, чтоб тишина эта взорвалась наконец криком, стрельбой ли, чем угодно! Он больше не мог ждать. И как отхлынуло все, отступило, когда заглянул вниз и увидел того, бедняка... Потом он подумал, что стыдно перетряхивать и

перебирать свои переживаньица, когда только что, перед глазами, действительно сгорела человеческая жизнь — нелепо, жестоко, необъяснимо. Он понял, уже не разумом только, а всем возмущением чувств, что край этот, куда они едут, прекрасен и нищ, горд и темен, горько обездолен и только начинает еще от бед своих избавляться, что работы будет много, невеселой, будничной, трезвой работы. И еще он подумал, что ни за что на свете не уедет отсюда.

— Да, гусар,— сказала Вера, заметив его задумчивость (она все примечала),— такое наше дело, иной раз приходится и черту в глаз посмотреть, выше нос!

— А чего тот... толковал про кровавые следы? — спросил Дронов у доктора.— Таковую петрушку сплел, что и на уши не натянешь, бредил, может!

Может, и не бредил,— сказал Семен Ильич.— Есть такая микроскопическая водоросль — «снежная сфелла», живет в горах, в снегу, на некоторой глубине: не любит солнца. Наступишь, в том месте снег подтает — и она окрашивает влагу в красный цвет...

— Энциклопедия в действии,— довольно явственно шепнула Вера.

— В голове у людей были потемки,— сказал Дронов,— если б кто знал, объяснил...

Он махнул рукой и ушел хлопотать о биваке, топоча особенно неуклюже.

Веру словно бес подталкивал. Уселась рядом с доктором:

— Что это вы разглядываете, Семен Ильич?

Доктор вскинул глаза — выпуклые, голубые.

— Вот, представьте, Вера, что пронес этот человек через все свои адовы круги...

Он поднес к огню маленький медный колокольчик, брякнувший с дребезжинкой.

— Вы просто фетишист, доктор,— фыркнула Вера,— собираете всякую чепуху!

— Да, он невзрачен,— чуть дрогнув голосом, сказал доктор,— но я читаю надпись: «Добрый путь каравану твоему, человек!» Я слышу голос того, кого давно нет на свете.

— Мистика! — скривила губы Вера.— И вообще, зачем вам все это, если вы — врач? Ваше дело — лечить. А вы растекаетесь мыслию по древу. Всеядный интеллигент. Из вас не выйдет деятеля, дорогой доктор. Деятель должен быть целеустремлен...— И она ослепительно

захохотала, откинув голову, показывая горло.

— Да, наверно, из меня не выйдет деятеля.— Доктор снял очки и долго протирал их, сутулый, кивая большим носом.

Юрочка вскочил:

— Ты бы... ты бы!..— закричал он, нелепо взмахивая перед носом Веры знаменитой своей камчой. Так и не найдя слов, он чуть не плача, ушел в палатку. Вера хохотала...

Доктор улегся с Юрочкой рядом. Долго ворочался, вздыхал. Юрочка помалкивал. Ужасная дрянь была на душе.

— Друг мой,— внезапно сказал Семен Ильич,— помните русские сказки? «Поди туда — неведомо куда, принеси то — неведомо что». Мы идем неведомо куда, но мы знаем, что мы несем...

**Абдухаким ФАЗЫЛОВ**

## **УНИКАЛЬНОЕ ПОДПРОСТРАНСТВО**

День тот с самого утра показался мне необычным. Проснулся я с удивительно легким чувством на душе. Вообще-то хорошее настроение само по себе еще ни о чем таком странном не говорит. Ведь сколько людей каждый день просыпаются в подобном состоянии. Но дело в том, что я-то никак не мог рассчитывать на такое пробуждение. Оно никоим образом не вписывалось в рамки душевного состояния, ставшего привычным в последние месяцы. И уж совсем ни в какие ворота не лезла мысль: сегодня должно случиться что-то хорошее. «Должен же когда-нибудь наступить конец всему этому безобразию»,— шептал мне вкрадчивый голос...

Но меня на подобные фокусы уже не купишь. Я-то давно понял, что конец таким безобразиям не приходит просто так, вдруг. В самом деле, не может ведь быть, чтобы вдруг вызвали меня в дирекцию, или, скажем, специально созвав заседание Ученого совета, публично заявили: мы ошиблись, виноваты, тема твоя актуальная, по крайней мере не менее, чем наши, иди, продолжай работать, мы больше не будем ее закрывать. Нет, не может быть! Хотя бы потому, что столько умственной энергии потратили они, чтобы «юридически» и «научно» обосновать каждый свой шаг. Так с чего им вдруг идти на попятную перед таким растяпой, каким я, наверное, предстаю перед их взорами! Тем более, когда почти все, что ими задумано, уже благополучно воплощено в жизнь.

Эти трезвые рассуждения очень быстро вернули мне привычное подавленно-мрачное настроение. И по инерции этих безрадостных дней я с утра напрямиком направился в свое убежище—библиотеку. Деваться больше было некуда — везде я чувствовал себя чужим, посторонним. Таким хроническим ощущением я был обязан паразитическому чутью той части публики, которая существует как обязательная субстанция в организациях типа нашей, мгновенно реагируя на то, кто в данный момент «в струе», а кто «в опале», создает и надежно поддерживает вокруг него либо ореол славы, либо холодный вакуум.

В библиотеке же, углубившись в потрепанные недра старых журналов времен романтической эпохи революционных переворотов в

науке микромира, я пытался уйти от суеты будней. И сегодня, еще раз выдержав полупрезрительный взгляд красотки библиотечарши (действительно, с какой стати ей тратить свое драгоценное время на меня, конченого человека?), я с кипой пожелтевших от времени «Успехов химии» направился в свой излюбленный дальний угол читального зала. Через минуту меня уже захватили идеи, еретический квантовый дух которых с грохотом сокрушал тысячелетние устои классической химии.

Так обычно я некоторое время блаженно парил в этой атмосфере, пока какой-нибудь случайный фактор не возвращал меня в реальную среду моих «успехов» в институте...

Вначале все это кошмарное наваждение я принимал за обычную полосу неудач. Действительно, покажите мне человека, который не испытывает время от времени отрезвляющего действия этих «полос». Они ведь, как некая профилактическая процедура, сбивают с нас спесь и гордыню, которыми мы периодически обрастаем, как полировка пылью, когда дела наши идут более или менее успешно. Справедливости ради надо признать, что часто наш брат сознательно или несознательно маскирует под этим понятием цепь своих собственных глупостей, промашек. Вот и я считал так — месяц, два, три. Но на четвертый до меня, наконец, начало кое-что доходить...

Меня почему-то начали оттирать от науки! Вначале незаметно, исподтишка, потом все откровеннее, но при этом внешне почти безукоризненно. Поначалу я это связывал с моими недавними провалами в экспериментах по подбору катализаторов для последнего цикла реакции. Эти неудачи я со временем преодолел, но организационные неприятности тем не менее продолжали прогрессировать. Под различными благовидными предложениями мне отказывали в штатных единицах, оборудовании, в рабочих площадях, вообще в любом начинании. Я метался, как раненый зверь, ничего не понимая в происходящем. Хорошо, пришли на помощь умные люди. Они и растолковали мне что к чему.

Дурак ты, говорили они, неужели не видишь, что дело не в твоих временных неудачах, у кого их нет, разве у тех, кто просто ничего не делает. Все дело в том, что ты давно уже сидишь у руководства в печенках. Спрашиваешь, почему? Да потому, что никак не хочешь вписываться в общую схему, предначертанную ими. Все порываешься двигаться своим путем. Наше руководство считает, что если в науке и

надо что-либо планировать, так это очередность представления «самым заслуживающим» возможности делать диссертации. Естественно, это у них называется «правильным и планомерным воспитанием научных кадров». А ты что делаешь? Решил, раз ты научный сотрудник, тебе без всяких предварительных заслуг положено заниматься наукой?! Так ты, чего доброго, можешь невзначай сделать хорошую работу; хуже того, можешь без очереди, без соответствующего на то благоволения и защититься. Этим ты отнимешь душевный покой у прилежных очередников, а руководство лишишь такого мощного рычага власти, как возможность по своему усмотрению управлять карьерой сотрудников. Надо отдать должное, начальство довольно тактично предупредило тебя об этом, устроив несколько первых неприятностей. А ты счел, что это полоса невезений, и пуще прежнего начал усердствовать! Поняв, что твоя бестолковость совершенно безнадежна, руководство, ясное дело, решило полностью нейтрализовать тебя, что ты и имеешь на сегодняшний день. Спрашиваешь, как тебе теперь быть? Уйти из института, если не хочешь, чтобы уволили по какой-либо причине. А причину найдут. Хотя бы «ввиду полной безрезультатности», которую ты обнаружишь через год при таком развитии событий. Спрашиваешь, куда уйти? Конечно, в вуз. Сейчас все «неудачники» в науке бегут именно туда. Что? Педагогический талант? Да не смей ты людей. В анкете, которую тебе дадут заполнять, нет такой графы.

Поняв свою беспомощность в борьбе за существование в институте, я подал документы на конкурс сразу в несколько вузов и в ожидании проводил свои безотрадные дни в библиотеке...

После меланхолического застоя, во власти этих невеселых мыслей, я с трудом вернул себя к уравнениям квантовой химии. Статья, написанная, видимо, молодым и напористым автором, заканчивалась на середине странички хлесткими фразами, звучащими как реквием-приговор добываемой тогда классической теории.

А ниже, с пустой половины странички, на меня издевательски косился синий чертик — шайтан, нарисованный бытовавшей еще в те годы чернильной авторучкой. Рисунок был удивительно живым и, казалось, представлял собой портрет автора «еретических» формул. Издевательская физиономия шайтана опять возвратила меня в суровую действительность. Уставившись на него, я начал погружаться в нерадостные мысли...



И вдруг — о ужас! — длинный хвост шайтана, тянувшийся до правого нижнего угла страницы, слегка дрогнул и пришел в движение, негустая синяя шерсть на кончике распушилась. Потом встряхнулось тело и наконец ожило лицо, повторяя точь-в-точь заискивающестьливую улыбку нашего доктора наук Эшанходжаева, которую тот демонстрировал каждый раз, слушая очередную околесицу директора... Какой-то кошмар мультипликационный!

Я в ужасе закрыл «Успехи химии». Что делать? Бросить журнал и бежать отсюда? Иначе, видать, дождусь, что однажды меня прямо из этих проклятых стен повезут в психиатрическую больницу. Нет для меня спокойной жизни в этом институте, даже в библиотеке.

«Постой,— остановил я себя, уже вставая,— не спеши. Давай разберемся с шайтаном. Был он все-таки или мне померещилось?» — во мне опять заговорил прямолинейный дух естествоиспытателя, пытающегося объяснить происходящее в рамках формальной научной логики.

С журналом в руках я вышел из приятной прохлады читального зала в сорокаградусный зной институтского двора. Гнетущий туман, обволакивавший мое сознание в читальном зале, моментально рассеялся под жестокими лучами летнего солнца. Медленно шагая по раскаленному асфальту унылого двора, я осторожно открыл 21 страницу. Чертик улыбался. Как только я развернул журнал, он тут же правой рукой сделал движение, рассчитанное на то, чтобы прикрыть глаза от прямых лучей солнца, а левой он сделал жест, явно адресованный мне. Ну нет! На сегодня с меня хватит! Только не хватало останавливать сотрудников и просить объяснить — живой это рисунок или мне мерещится...

Часов в десять вечера, немного отойдя от потрясения, дома, в своей маленькой комнате, при тусклом свете настольной лампы я опять раскрыл 21 страницу «Успехов химии». Чертик тотчас подмигнул мне. Этого мало — раздался тонкий насмешливый голос:

— Хватит прятаться, я же хочу помочь тебе. Я в курсе твоих «колоссальных успехов» в институте,— растягивая слово «колоссальных», он буквально растаял от блаженства. Потом, усмехнувшись, добавил: — Это ведь все наши козни.

Тут я, невольно вовлекаясь в какую-то нелепую игру, как человек, которого вдруг осенило после долгих мучительных догадок о причине своих бед, набросился на него.

— И после всего этого ты явился сюда поглумиться над своей жертвой? Вот сожгу сейчас эту библиографическую редкость вместе с тобой. Пусть потом увольняют из института по самой суровой статье!

Шайтан переменялся в лице, но все же довольно независимым тоном сказал:

— Не кипятись, будь мужчиной, я уже ушел из группы, где занимаются твоим делом. Я тоже, как и ты, не в ладах с начальством. Видишь ли, оказывается, им не по душе мои выдумки, по вашему — идеи.

— Какие еще идеи? Что ты морочишь мне голову?

Шайтан опустил глаза.

— Ты должен меня понять. Недавно я предложил план парочки изящных заварух, которые завершили бы твое дело в ближайшее время. Ну... чтобы ты тоже, наконец, начал мешать другим, стал бы переходить им дорогу, вставляя палки в колеса, пускать пыль в глаза и так далее. Сам понимаешь, чтобы все это освоить, ты должен был на себе испытать подобные штуки от других. В общем, ты был уже почти готов. Еще парочка оплеух, и ты, окончательно созрев, начал бы действовать самостоятельно...

— Ты еще пытаешься вести со мной какие-то переговоры?.. Кто мне вернет прошедший год? Эти бездарно и бестолково прожитые дни? За это время я не сделал ничего полезного, а если и научился чему-нибудь, то лишь изворотливости да подозрительности.

— Ты пойми... Это моя работа. Против тебя лично я ничего не имел,— прервал меня шайтан.— Теперь я буду помогать тебе.

— Будешь помогать? Рассказывай кому-нибудь другому. Скорее всего, задумал очередную хитрость? Еще не было, чтобы кто-нибудь из вашего племени изменял своим.

— Видишь ли, меня здорово обидели... Бесцеремонно, в самом корне зарубили мои лучшие идеи. Я их долго вынашивал, можно сказать, всю душу вложил. А на последнем заседании Малого Совета, где в числе других дел рассматривались мои предложения насчет очередных «ходов», посылаемых на твою бедную голову, начальство вдруг заявило, что боссы твоего института и без того кровно заинтересованы в этом деле и так усердствуют для его успешного завершения, что в дальнейший ход

событий лучше не вмешиваться, дабы не испортить им чего-либо. Наоборот, мне было предписано внимательно наблюдать за приемами

твоего Алима Акрамовича и его свиты, так как якобы у них есть чему поучиться. Это они, твои боссы, подпортили мне карьеру. Проведи я эти идеи в жизнь — мог бы спокойно баллотироваться на выборах в Большой Совет...

— А что было бы со мной? — зло спросил я.

— С тобой, с тобой...— его лицо медленно расплылось в блаженной улыбке, но он тут же взял себя в руки.— Позволь не отвечать на этот вопрос. Ты же видишь, я сам хожу в пострадавших. Меня так обидели, что никого из своих видеть не хочу. Хорошо, что кто-то нарисовал эту оболочку. Она пришлась мне как раз впору. Короче, я убежал от своих...

Мне вдруг стало жаль шайтана. Я почувствовал, что нас многое объединяет — в первую очередь общие неприятности.

— Чего же ты хочешь от меня?

— Позволь находиться при тебе. Я могу пригодиться,— быстро ответил он.

— В чем?

— Буду помогать тебе в твоей борьбе.

— Но я не собираюсь, да и не знаю, как надо бороться. Мне не одолеть мое руководство. Они ведь профессионалы. А ваши козни еще не подняли меня до «уровня», чтобы отвечать им их же оружием.

— Я буду делать только то, что ты пожелаешь. Мы будем мстить,— с готовностью ответил шайтан.

V — Нет уж, занимайся своими темными делишками сам, а меня оставь в покое. При твоих возможностях такой компаньон, как я, нужен тебе, как собаке пятая нога,— немного подумав, ответил я.

— Понимаешь, я хотел, чтобы эти деятели из твоего института были наказаны именно твоими руками. Только так можно добиться настоящего возмездия. У вас же зачастую все происходит наоборот — злодеи терроризируют одних, а запоздалую расплату за это несут, как правило, перед другими, и тогда, когда эта расплата никого не трогает. При этом возмездие, согласись, обезличивается. Оно воспринимается чуть ли не как велико- мученичество и иногда даже возвеличивает наказанного в глазах несведущего окружения.

Мне эта философия понравилась, но тут же змейкой мелькнула темная мысль.

— погоди. Допустим, накажешь ты моих гонителей. А что потом? Я ведь знаю, как поступали в таких случаях твои коллеги...

— Ну что ты,— перебил меня шайтан,— в душах у меня недостатка нет. Для душ же твоих гонителей у меня давно готовы самые комфортабельные места.

Так я связался с могущественным единомышленником и решился на борьбу, о которой вчера еще и не помышлял. Мы договорились, что впредь шайтана я буду носить в нагрудном кармане, вырвав страничку с рисунком — ясно, не сам додумался до такой «крамолы». Опасаясь, как бы не вышло чего-нибудь непредвиденного (рискованных ситуаций я избегал), жестко ограничил сферу и характер действий шайтана. А сигналом для его вступления в игру будет поглаживание сложенной вчетверо странички.

Как я начал догадываться в последнее время, козырным оружием моих «друзей» был непринужденный артистизм. Они с удивительно невинным или по-деловому озабоченным выражением лица и соответствующим тоном говорят совершенно противоположное тому, что у них в это время на уме. А их действительные помыслы претворяются в жизнь совершенно негласно, застигнув врасплох окружающих, притом именно тогда, когда эти бедолаги либо уже не успеют, либо не смогут предпринять что-нибудь в ответ.

Бывало, директор Алим Акрамович или его правая рука — зам по науке Расул Сагдуллаевич, замыслив очередную операцию, ее исполнение «в знак особого доверия» поручали ничего не подозревавшему подчиненному, а иногда как бы для забавы и самой намеченной жертве, тот, как и было задумано, не только не подозревал ничего плохого — наоборот, с пылом ревностного исполнителя бросался в бой, будучи опьяненным подобным высоким доверием. Потом, когда дело сделано и, как говорят, поезд ушел, ходи и доказывай, что ты оказался слепым орудием в руках у нечестных людей. Никто не поможет. Ведь все же было в рамках закона и, естественно, «правил игры»!

Вот мы с шайтаном и договорились, что борьбу начнем с убийственных разоблачений. В нужный момент по моему знаку он проникает прямо в недра мозга одного из моих «доброжелателей» или его подхалимов (шайтану это, оказывается, ничего не стоит) и заставит его говорить то, что на уме. Вот будет потеха!

Первым, кого я встретил на следующее утро в институте, оказался многострадальный Рустам. С ним наши «дружья» расправились чуточку раньше, чем со мной, но, надо отдать должное, довольно оригинальным

способом (в фантазии им не откажешь). Дело в том, что Рустам имел несчастье специализироваться в той же области химии, где большими кусками добывали свой хлеб «Правая рука» — Расул Сагдуллаевич и его друг Бузрукходжа Саидходжаевич — заведующий одной из лабораторий — человек, у которого коварство, казалось, выплескивалось через край при каждом шаге его качающейся походки. Но хуже всего было то, что бедный Рустам, на свою голову, разбирался в химии катализа раз в десять лучше, чем упомянутые корифеи, и своим существованием отравлял им жизнь. Тучи над его головой начали сгущаться два года назад, когда этот простофиля разбомбил очередной наукообразный доклад корифеев. В тот же день, прямо на том же семинаре, они объединились против него.

«Незаслуженно обиженные» некоторое время не могли подловить Рустама, чтобы проучить его, пока однажды этот неискушенный, как обычно бывает, сам не дал отличный повод для расправы. Желая расширить фронт своих исследований, он между делом начал заниматься чисто технической проблемой — определением количества влаги в волокнах хлопка. Казалось бы, чего еще ждать лучшего от научного сотрудника, решившего обеспечить свои теоретические исследования прикладной целью. Надо дать ему эту возможность — пусть разворачивается! А вот и нет. В любом деле сперва надо разобраться что к чему. «Правая рука» и Бузрукходжа Саидходжаевич разобрались и тут же пришли к выводу, что это как раз тот случай, которого они ждали. Дальше все разворачивалось довольно быстро. Толковать Алимю Акрамовичу, что общеинститутские интересы требуют освободить Рустама от всех других дел, чтобы он в полную силу занимался «важной народнохозяйственной проблемой», было делом пустяковым. Тем более, что при этом понятливый Алим Акрамович отчетливо уловил нотки личной заинтересованности наушничавших. В любом деле он в первую очередь искал эту пресловутую личную заинтересованность, будучи искренне убежденным, что она и есть единственный фактор, движущий всякое дело. И вот обалдевшему от такого поворота дел Рустаму в издевательско-торжественной обстановке было поручено «почетное задание» в качестве основной его темы в институте. А со следующего дня началась предусмотренная заранее процедура «освобождения» его от науки — проще говоря, у Рустама начали отбирать уникальные приборы (мол, для использования их в лабораториях, где «действительно занимаются

катализом»), затем сотрудников (естественно, «в общеинститутских интересах»), а под конец и лабораторные помещения.

Обобранный догола, отстраненный от привычных дел и на всякий случай несколько раз публично скомпрометированный, Рустам ходил потерянный, с видом изрядно побитой дворняги. Через некоторое время Рустам смирился со своей участью и, со свойственной ему серьезностью, взялся за проблему измерения влажности хлопкового волокна. Вскоре по институту пополз слух, что его потрепанная группа делает успехи! Там сконструировали остроумный прибор для экспресс-анализа, который пункты приема хлопка-сырца начали вырывать у него с руками. И тогда «Правая рука» и Бузрукходжа Саидходжаевич, временно оставившие Рустама без «присмотра», опять зашевелились. Как же так: кто-то в институте напал на золотую жилу, а они, можно сказать, хозяева института, от которых все и должно исходить, оказываются в стороне!

И вот реакция тандема корифеев на успехи Рустама — многострадальный уже две недели не может получить визу директора на статью, где авторами значился он сам и никому не известные лаборанты. «Правая рука» намекнул на малочисленность авторов. Простак Рустам не нашел ничего лучшего, как заявить, что больше никто не работал и не участвовал. Пришлось в открытую втолковать, чего от него хотят, естественно, при закрытых дверях. Непонятливость Рустама неожиданно превратилась, как с огорчением жаловался потом «Правая рука», в ослиное упрямство. На этот раз Рустам действительно решил не сдаваться и заявил, что пожалуется директору.

«Надо же быть таким идиотом,— думал уставший от препирательств «Правая рука»,— Неужели непонятно, по чьей установке я действую?..»

Так вот, с утра попался мне уныло бредущий по коридору Рустам.

— Как дела? — спросил я у него.

— Не визируют,— тихо проговорил Рустам, рассеянно проходя мимо.

Я его остановил.

— У шефа был?

— Был. Не стал даже вникать. Сказал, пусть Расул Сагдуллаевич решает этот вопрос сам,— упавшим голосом сказал Рустам.

Понятно. Пусть «Правая рука» заставит Рустама записать в соавторы его и Бузрукходжу Саидходжаевича и, если сможет, также и

его, а директор как будто и не имеет к этому грязному делу никакого отношения, в случае чего можно будет даже возмутиться «этим безобразием». А если не сможет, то это минус в активе «Правой руки». Факт наличия таких минусов у подчиненных шеф оценивал весьма высоко. Это ведь те прелестные педали, нажимая на которые в нужные моменты, можно эффективно управлять людьми. Прекрасно понимающий подобные тонкости, «Правая рука» только через свой труп пропустит статью Рустама. Круг, таким образом, замкнулся. Рустам будет ходить по нему до тех пор, пока не сдастся и не сделает все, чего пожелают.

И меня осенило...

Сегодня у директора назначено собрание для обсуждения хода выполнения хоздоговорных работ. Возможно, там Рустам попытается как-то поднять вопрос о своей незавизированной статье...

\* \* \*

Просторный кабинет директора. Длинный стол заседаний, во главе которого сам Алим Акрамович, изобразив на лице привычное озабоченно-деловое выражение. Не прерывая собрания, он то и дело вызывал к себе главного инженера, водителя служебной «Волги» или кого-нибудь из других своих приближенных и с не менее серьезным и озабоченным видом на специальном, понятном только вызываемому языке давал какие-то указания. Все, конечно, догадывались, что главному инженеру поручено немедленно наладить ремонт протекающего со вчерашнего дня водопроводного крана в его квартире, а водитель «Волги» должен отвезти его жену в гости, куда сразу же после совещания отправится и сам Алим Акрамович. Временами директор прерывал докладчика и переспрашивал какой-нибудь случайный момент, чтобы подчеркнуть: он все слушает и понимает.

После каждого сообщения Алим Акрамович весьма туманно формулировал оценку качества и темпов выполнения работ. Присутствующие с преданным вниманием слушали его. А наиболее смелые приближенные, вроде «Правой руки» и доктора наук Эшанходжаева, осмеливались даже высказать свое мнение, которое в основном сводилось к подсказыванию шефу наиболее удачных фраз, «работающих» на его сиюминутное настроение и замыслы. Ну, а если кто-то решался на выступление, то должен был умудриться построить

его, перефразируя околесицу шефа — притом из расчета не менее двух ссылок на его имя в одном предложении.

Не дай бог, если Алим Акрамович начинал ругать кого-нибудь по известному только ему соображению. Тогда критикуемый, даже при явной необоснованности нападок, мог рассчитывать, в лучшем случае, на холодное молчание сидящих, в худшем — на дружное или даже яростное нападение тех, кому сегодняшняя «политическая ситуация» предписывала лишний раз блеснуть перед шефом. А в таких ситуациях никогда не бывает недостатка.

Рустам коротко и лаконично описал состояние своих работ. Успехи были налицо. Но присутствующие с трудно скрываемым любопытством молчали, не зная, в какую форму выльется реакция шефа. Ко всеобщему удивлению директор начал снисходительно хвалить Рустама. В частности, он заметил, что Рустам вначале не хотел браться за работу, якобы предложенную институтом, все хотел копаться в своей малоактуальной химии катализа, а теперь, как видите, образумился и делает успехи. При этом шеф не забыл несколько раз подчеркнуть, что он-де уже тогда предвидел их. Все кивали, и даже слышалось несколько робких реплик в пользу Рустама. Под конец, расчувствовавшись от своих же слов, директор спросил, не нужна ли Рустаму помощь. Тот решил воспользоваться неожиданной благосклонностью.

— Алим Акрамович, по результатам этой работы написана статья,— Рустам остановился в затруднении, было видно, что он подбирает выражения помягче, дабы не слишком раздражать своих «друзей»,— но по какому-то недоразумению ее не визируют,— с досадой добавил он.

Алим Акрамович помрачнел. Все видели, что жалоба даже в таком смягченном виде ему не понравилась. Рустам тоже увидел это и побледнел. Но было поздно.

Алиму Акрамовичу надо было перед публикой хотя бы для вида решить вопрос. Ничего, это он умел делать мастерски.

— Расул Сагдуллаевич, в чем дело? — спросил он, повернувшись в сторону «Правой руки», словно впервые слышал о «недоразумении».

Тот поднялся с надменной ухмылкой. Естественно, ответ у него, как всегда, был готов — там наверняка фигурировали такие обороты, как «общеинститутские интересы», «обратная сторона медали», «для пользы дела» и тому подобное. Вот сейчас над Рустамом засвистит кнут



— после директорского-то пряника!..

Ну нет, решил я, пора пускать шайтана в дело, и слегка погладил сложенный листок, не спуская глаз со своей жертвы. И сразу же заметил, как, уже открывая рот для ответа, он вмиг переменялся в лице. Надменная улыбка исчезла, глаза стали недоуменно-злыми.

— Алим Акрамович, вы же сами понимаете, из стен института не каждый день выходит такая работа. А этот,— «Правая рука» просверлил взглядом Рустама,— возомнил, будто он один является ее автором.— Мы-то ладно,— «Правая рука» кивнул в сторону Бузрукходжи Саидходжаевича,— но он даже вас не вписал в соавторы. Вот я и держу статью, надеюсь, рано или поздно до него дойдет, чего от него хотят.

Наступила зловещая тишина. Рустам, не ожидавший такого оборота событий, не решался даже согнать одинокую муху, севшую на его поразительно побелевший нос. Директор обалдело уставился на Расула Сагдуллаевича. Через некоторое время, с трудом овладев собой, он неуклюже сыграл роль человека, просто не уловившего суть ответа.

— Расул, я тебя не понял. О чем ты говоришь?

— Алим Акрамович, почему вы сразу уходите в кусты, ведь понимаете, о чем речь? Я вполне с вами согласен — приятно оказаться автором интересной работы, к которой, между нами говоря, никакого отношения не имеешь. Но почему всю грязную сторону этого предприятия должен тянуть только один я? Вместо того, чтобы переспрашивать меня, отругайте этого нахала, пусть впишет наши фа...

«Правая рука» не успел закончить, кабинет сотрясся от рева директора.

— Что ты мелешь?! — Алим Акрамович вдруг осекся, с опаской быстро прошелся взглядом по лицам застывших людей и зло кивнул «Правой руке»: — Садись, я с тобой потом поговорю.

Расул Сагдуллаевич сел с обиженным видом.

Директор перевел налившиеся кровью глаза на Рустама:

— Давай сюда свою стряпню.

Тот дрожащей рукой вытащил из папки рукописи и положил перед директором. Алим Акрамович тут же поставил на них размашистую визу и швырнул статью растерявшемуся автору.

Тяжелую тишину кабинета нарушил легкий нарочитый кашель, затем раздался заискивающий голос доктора наук Эшанходжаева. Поблескивая очками то в сторону шефа, то в сторону публики (таким

образом он следил за реакцией нужных людей и с ходу корректировал свое выступление), Эшанходжаев начал говорить, по своему обыкновению растягивая некоторые слова, чтобы придать им особый вес.

— Я как член Ученого совета считаю, что па плечи именно дире-е-ектора ложится основная ноша институтских забот. О-о-о-он пробивает финансы, оборудование, штаты. Создает для нас все-е-е-ех,— сверкающие очки прошли по кругу этих «всех»,— необходимые условия для работы. Это отнимает у него массу времени и сил. Поэтому я считаю, что в результатах всех выполняемых в институте научных работ есть львиная доля деятельности дире-е-ек-тора. Следовательно, я считаю, каждый честный научный работник должен сам включать его в авторы самых важных...

— За перечисленные вами функции директор получает самую высокую в институте зарплату и еще имеет кое-какие льготы,— прервал с места Расул Сагдуллаевич, кивнув в сторону водителя служебной «Волги», который как раз в этот момент заглянул в кабинет, чтобы сообщить шефу, что жена его отвезена куда надо.

— Кончайте базар! — крикнул Алим Акрамович, увидев, что один из маститых подхалимов не справляется со своими обязанностями, а другой, можно сказать, самый надежный, ведет себя непостижимым образом.— У меня около пятисот научных трудов, добытых кровью и потом! (Все знали, что эта цифра «случайно» совпадает с количеством статей всех сотрудников института, выпущенных за срок директорства Алима Акрамовича).

В большем я не нуждаюсь Все свободны.— Повернувшись к «Правой руке», добавил: —А ты останься.

\* \* \*

На следующий день директор не вышел на работу. Расул Сагдуллаевич же заперся у себя в кабинете и никого не принимал. Только иногда, неожиданно появляясь в приемной, вызывал нужных людей тоном, не терпящим ни малейшего возражения, отчеканивал распоряжения и опять скрывался за дверь. Все старались не приближаться к дирекции и дрожали при вызове туда. Зато в лабораториях, в укромных местах коридоров всю шли обсуждения вчерашнего инцидента. Источником этой смуты были участники

совещания, сообщившие еще вчера своим доверенным лицам о совершенно невероятных происшествиях... К полудню, как обычно, слухи и толки, полностью оторвавшись от первоисточника, начали существовать самостоятельно. Фантазия научных сотрудников стремительно устремилась ввысь и вширь, не признавая никаких границ. Суждения, прошедшие через призму личных взглядов и тайных стратегий каждого, приводили к потрясающим версиям. Передавали шепотом, что «Правая рука» решил занять место директора и вчерашний инцидент есть первое звено его программы. Рассказывали также, будто все это происходит из-за того, что Расула Сагдуллаевича больше не устраивает форма дивана между ним и шефом так называемого директорского фонда. Были даже такие совершенно фантастические утверждения, что у «Правой руки» пробудилось нечто, отдаленно напоминающее совесть, которая подталкивает его к решению вывести шефа на чистую воду. Но большинство сходилось только в одном: после инцидента дни Расула Сагдуллаевича на посту заместителя директора по науке сочтены. К концу дня основная часть публики начала подчеркнуто почтительно здороваться с Бузрукходжой Саидходжаевичем, считая, что он и есть реальная кандидатура на этот вакантный пост.

Вокруг Рустама сразу образовался глубокий вакуум. Хотя никто не мог толком сказать, в чем его вина, все были уверены: при любом варианте дальнейшего развития событий ему несдобровать.

Я же ликовал. Вчера, когда шайтан вернулся, покинув лабиринт мозговых извилин Расула Сагдуллаевича, я развернул листочек. Чертик расплылся в улыбке.

— Ну как? Тебе понравилось? Давай еще кого-нибудь заставим говорить правду. Например, этого, э... твоего, э... Эшанходжаева, а?

Я погрозил ему пальцем:

— Но-но, не увлекайся. По уговору сценарий продолжаю составлять я.

— Ладно, ладно... Может быть, мне сбегать, узнать, что там происходит сейчас у директора?

— Это и так нетрудно представить...

— Алим Акрамович, не ругайте меня,— поспешно должен был бы сказать Расул Сагдуллаевич, как только мы покинули кабинет,— я сейчас все постараюсь объяснить.

— Что-о-о?.. Ты еще собираешься оправдываться после всего этого,

подлец?! — взревел директор.

— Алим Акрамович, домла, со мной что-то случилось. Я встал, уже готовый разделаться с этим упрямым ослом. Через несколько минут этот трус сам начал бы просить вас о соавторстве. Но как только я собрался говорить, вдруг кабинет с людьми словно перевернулся у меня перед глазами, и я перестал управлять собой. Я чувствовал, что говорю не то, но остановиться не мог. Словно шайтан какой-то вселился в меня и управлял моим языком.

— И ты хочешь, чтобы я поверил этой басне? Говори, какую цель преследуешь?

— Домла, ради аллаха, поверьте. Не знаю, что со мной случилось. Я по-прежнему верен вам...— На глазах у Расула появились слезы.— Не губите меня. Поручите — и я сотру в порошок всех, кто ведет себя вольно. Они будут трепетать перед вами пуще прежнего. Вы же знаете меня!

Директор был сильно озадачен. Да, зам был действительно незаменим. Расставаться с ним так, сразу — жалко.

— У тебя раньше бывало такое? — немного смягчившись, спросил он.

— Нет, домла, это, видимо, переутомление.

— Потому ты сказал, что у тебя на уме?

— Нет, Алим Акрамович! Меня какой-то шайтан попутал. Надеюсь, больше это не повторится.

— Ну, ладно, допустим, на этот раз я тебя прощу. А что собираешься делать с народом? Как же мне теперь работать с ними?

— Алим Акрамович, вы же знаете: никто не посмеет даже упомянуть при нас об этом дне. Между собой тоже скоро перестанут говорить, побоятся доноса. Так постепенно и забудут... если вы не измените своего отношения ко мне.

Директор сделал паузу, сморщив лоб, потом сказал строго:

— Ладно. Впредь остерегись, больше не прощу. Сегодня же сходи к психиатру. Считаем, что всего этого не было. Но если почувствую, что это задумано тобой, смотри, твоя карьера кончена. Я тебя везде достану.

\* \* \*

Нет, не сверхъестественная сила шайтана, а несколько простых, правдивых высказываний смогли устроить такой переполох в

застоявшемся мраке институтского быта. Только теперь правда перестала быть для меня абстрактным понятием.

— На одной твоей так называемой правде далеко не уедешь,— пренебрежительно бросил шайтан у меня дома, разглядывая картину «Последний день Помпеи», висевшую над письменным столом.

— Не тебе говорить об этом!—меня разозлил его тон. Я, можно сказать, наконец увидел силу, разрушавшую зло и несправедливость, а он издевается над моей верой.

— Допустим, несколько человек где-то изрекли правду. Ну и что? Эти люди вскоре сами откажутся от нее, иначе рано или поздно с ними расправятся другие, не заинтересованные в такой правде. Я лично не раз участвовал в таких операциях. Самое забавное, они же не по своей инициативе и, значит, не всегда будут ее говорить, эту самую правду. В основном только тогда, когда я или ваши судебные органы копаемся в их извилинах, вытряхивая ее оттуда. После нас они, как мы имели возможность убедиться, начнут врать вдвойне — лишь бы реабилитироваться перед теми, кому успели насолить против своей воли. Другие же преспокойно продолжают врать.

— Не много ли на себя берешь, шайтан, судя о делах людских?! — разгневался я.

— Но, но, но,— прервал он меня обиженно,— в этом- то я кое-что понимаю. За вашими делами, в основном, наблюдаем, а иногда и вмешиваемся в их ход мы, рядовые шайтаны, а не те, кто на небесах. Тем, кто высоко вознесся, не до вас, поверь. Они знают себе только делить вас на грешников и безгрешных, как говорится, уже после пожара.

«С ним надо быть поделикатнее,— подумал я.— К тому же он, кажется, совсем не глуп...»

— Хорошо, хорошо. Мы ничего не добьемся в мировом масштабе с помощью наших операций. Но, но крайней мере, перепутаем карты ближайшему окружению. А то у них все получается слишком гладко и складно. Просто обидно.

— Думаешь, у них все получается само по себе? Как бы не так. Возьми хотя бы такой факт, что ваши общественные организации, в придачу и Ученый совет, превращены в службы, обеспечивающие надежную стабильность порядков вашего института. Эго же ведь результат многолетней кропотливой работы вашего шефа и его сподвижников. Им надо было находить, как у вас именуют, беспринципных, но кровно заинтересованных в научной карьере

людей, протолкнуть их на ключевые посты общественных организаций и через них проводить свои дела.

— Я всего лишь хочу, чтобы никто не обманывал, никто не пробивался вперед, расталкивая других локтями, и никто не устанавливал свою личную власть над другими.

— И что будет в результате? Чего ты этим добьешься? Анархии? Не лучше ли организованная несправедливость? Все-таки система.

Я чувствовал, что теряю самообладание.

— Не интересуется меня твоя философия! Я самый обыкновенный человек и меня несправедливо притесняют. Я им покажу, как...

— Ха-ха-ха! Личные счёты, корысть,— восторженно взвизгнул, потирая руки, шайтан,— так мне приятнее работать!

У меня в руках оказался тяжеловесный том недавно переплетенного институтского годового отчета, готовый плюхнуться на шайтана...

\* \* \*

Небеса не собирались разверзнуться и не случилось страшного землетрясения. Незыблемость авторитета директора и его зама для наших сотрудников продолжала оставаться как одна из основ мироздания. Словом, дела в институте шли своим чередом, и все постепенно начали забывать о необычном случае в кабинете директора. Казалось, понимание между шефом и «Правой рукой» даже возросло пуще прежнего. Сбитые с толку завлабы спешили засвидетельствовать свои верноподданнические чувства, тщательно скрывая недавнее нетерпение в ожидании крупных перемен «наверху». Все лишний раз убеждались, что в этом институте ничему не надо удивляться и, самое главное, не надо раньше времени выдавать свое отношение ко всяким неожиданностям, особенно если неожиданности касаются личностей из руководства.

Жизнь в институте быстро вошла в прежнюю колею. Было такое впечатление, что случившееся даже пошло на пользу союзу шефа и «Правой руки», так как сотрудники на словах и на деле еще активнее соревновались в проявлении своих верноподданнических чувств. Да, у этой парочки завидное умение нейтрализовать, а потом даже выгодно для себя повернуть любой, даже самый неожиданный ход событий...

В пестро оформленном конференц-зале института сходилась на одно

из первых заседаний Совет по присуждению ученых степеней в области химии катализа. Отец Совета и председатель — Алим Акрамович — еще не появился. Совет был организован недавно — как результат воплощения в жизнь ненасытного желания директора иметь под рукой побольше средств, действительно влияющих на судьбы людей, и, благодаря его таланту пробивать дела, мягко говоря, не совсем укладывающиеся в рамки установленных правил и норм. При пробивании вождя Советом основная трудность, возникшая перед будущим председателем, была в отсутствии в городе необходимого контингента специалистов в данной области. Но разве можно отказать себе в соблазне иметь под рукой собственный Совет из-за таких пустяков? Если специалистов нет, то их надо «сделать»! И вот, недолго думая, Алим Акрамович благословил своих самых шустрых воспитанников на поиски тех химиков, которые могли бы быть соавторами хотя бы одной научной статьи, где лишь мимоходом упоминается хоть что-нибудь, касающееся химии катализа. Такие люди, конечно, нашлись. Преподнести их общественности как крупных специалистов в этой области и включить в состав будущего Совета, не забывая в то же время делать это как величайшее одолжение «специалистам», было для шефа делом техники. Недоумения же по этому поводу он пресекал в корне страдальческим самобичеванием — он-де вынужден выкручиваться подобным образом «исключительно в интересах региона».

Да, Совет стоил загубленных в ходе его пробивания нервных клеток. Ведь он будет тем мощным рычагом, с помощью которого председатель эффективно, в первую очередь, с платформы своих интересов, будет управлять подрастающим поколением ученых. Действительно, продержав несколько месяцев готовую диссертацию даже одаренного аспиранта, он делал его шелковым, непременно добиваясь, чтобы тот публично признавал в директоре учителя-благодетеля, без которого бедный диссертант никогда в жизни не стал бы кандидатом. Те, кто имел особый талант в послушании и подхалимаже, в последующем будут включаться в число доверенных людей. Дав начальный импульс карьере проходимца блестяще организованным ритуалом защиты, председатель становился духовным отцом последнего. Такие не забывают «добро»...

И вот члены этого свежесостряпанного Совета в ожидании председателя, и в то же время пользуясь его отсутствием, развлекались игрой в демонстрацию самостоятельности, независимости и даже

научной принципиальности.

Наконец в окружении ближайшей свиты в зал вплыл сияющий председатель. Сиять, как вы сами понимаете, он имел полное основание. Еще бы, по мановению его властной дирижерской руки сегодня заиграет еще один мощный оркестр!

На сегодняшнее заседание была назначена защита кандидатской диссертации одного из аспирантов Расула Сагдуллаевича. Последний факт однозначно определял исход процедуры, которую и называть-то защитой было некорректно. Действительно, не от членов же Совета защищаться. Они как раз выступят за эту «работу». Да, не следует забывать, что обычно в зале при защитах присутствует толпа случайных зевак и родственники диссертанта. Возможно, от них и придется «защищаться»...

После выполнения обычных формальностей, сводящихся к зачитыванию биографии диссертанта, справок о его научном пути и так далее, начался сам научный доклад. С кисло-сладким выражением лица диссертант начал декламировать текст, осточертевший ему во время заучивания наизусть. Члены Совета мирно занимались своими делами.

Но Алим Акрамович не терял бдительности. Ради репутации нового Совета следовало бы проявить некую строгость. Кроме того, напустить ка диссертанта положенную дозу страха, чтобы тот, как положено в таких случаях, запомнил на всю жизнь, как и кто спас его от явного провала. Алим Акрамович тоном принципиального ученого, которому не до формальностей, перебил диссертанта:

— Послушайте! Вы уже говорите целых пятнадцать минут из двадцати, отпущенных вам. А я до сих пор не могу уловить логическую нить вашего выступления. Расскажите лучше про основные результаты вашей работы.

Диссертант явно не ожидал, что его перебьют, да еще вопросом, ставящим под сомнение смысл всего доклада. Заметно побледнев, он проговорил, заикаясь:

— Алим Акрамович, основные результаты я уже изложил. Осталось рассказать только о перспективах развития темы.

Алим Акрамович, в планы которого никак не входило серьезное напряжение обстановки, все же не выдержал, усмотрев в ответе столь явный намек на то, что он не слушает доклад или еще хуже — не понимает его.



— Да что вы говорите?! Не только я, ни один член Совета не понял еще сути вашей работы,— Алим Акрамович обвел глазами просыпающиеся ряды,— а вы утверждаете, что уже все рассказали.

Это окончательно убило беднягу. Взор его отчаянно искал поддержку у сидящего в зале Расула Сагдуллаевича. Однако от подобного поведения Алима Акрамовича даже «Правая рука» вначале несколько растерялся. Поскольку никто точно не ведал, что на уме у шефа, большинство очень умно решило воздержаться от какого-либо шага. Если бы знал Алим Акрамович, чем обернется неуместная вольность его изощренной натуры! Один из новичков-подхалимов, приняв грозные вопросы за сигнал расправиться с диссертантом, с нескрываемой иронией задал вопрос:

— Почему у вас в докладе не упоминался такой важный фактор, как диапазон температур, где нормально протекают ваши основные реакции?

— Диапазон, диапазон... Я проводил реакции в области и низких, и высоких температур,— выдавил диссертант.

— Неужели вы хотите сказать, что ваша контролирующая аппаратура одинаково хорошо фиксирует химический состав в той и другой областях температур? Если вы настаиваете на этом, перечислите, пожалуйста, температурные градиенты чувствительности вашей аппаратуры для всех элементов, участвующих в ваших реакциях.

Это был конец. В зале наступило зловещее молчание. Все знали, что диссертант, привыкший к постоянной опеке могущественных покровителей, не настолько углублялся в детали своей работы, чтобы помнить эти самые проклятые градиенты.

Алим Акрамович уже кусал губы, поняв, какому опасному направлению событий он дал ход. А в этот момент на бедного диссертанта обрушился еще один удар в виде следующего восклицания другого усердного слуги шефа:

— А где, скажите мне, пожалуйста, в вашей работе химия? Если я не ошибаюсь, вы претендуете на степень кандидата химических наук?

Чтобы предотвратить ценную реакцию вышедшей из-под контроля ситуации, шеф медленно встал и с виноватой улыбкой произнес:

— Вообще-то мы все, и в первую очередь я, вели себя не совсем верно. По существующему положению мы не должны были прерывать доклад до его окончания. Давайте дадим возможность диссертанту

закончить выступление. Потом начнем выяснять непонятные места. Думаю, что тогда он ответит на все вопросы удовлетворительно. Мы все не раз слушали его на лабораторных семинарах и знаем, что работа его хорошая, а он сам лучше, чем кто-либо из нас, разбирается в ней.

Члены Совета облегченно вздохнули: теперь все ясно...

Совершенно сбитый с толку, растерявшийся диссертант дрожащим голосом кое-как закончил доклад.

После этого начался парад-смотр на лояльность перед председателем. Первым решил блеснуть своими глубокими соображениями Бузрукходжа Саидходжаевич. Он начал с того, что, будучи секретарем Ученого совета, по долгу службы подробно ознакомился с работой. Притом он-де получил огромное удовлетворение, и это чувство никак не может быть затенено не совсем удачным докладом диссертанта, что, по его мнению, является естественным следствием огромного перенапряжения и усталости после завершения такой серьезной работы. Потом Бузрукходжа Саидходжаевич очень тонко намекнул на беспредметность и неуместность вопросов тех двоих.

Через некоторое время почти все члены Совета один за другим реабилитировали себя за трусливое молчание в те критические минуты, воздав хвалы и новобранцу науки, и ее командирам.

Первый из позволивших себе задавать вопросы встал и заявил, что теперь понимает всю важность и серьезность работы и замечания свои снимает из-за их некорректности. Второй был близок к такому же раскаянию.

Ну, нет, спохватился я, только теперь вспомнив про свою «миссию». Чутье мне подсказывало, что до сих пор, из-за плохой ориентации в обстановке, этот человек говорил что-то близкое к правде, во всяком случае то, что думал. Пусть продолжит в том же духе. И я послал к нему шайтана.

— Я все-таки не услышал ответа на вопросы, заданные мной и моим коллегой,— твердо заявил товарищ.

Публика, естественно, разинула рты. Такого она не ожидала.

— Ваш коллега, как вы должны были заметить, снял свой вопрос, признав его нелогичным. Пора бы и вам последовать его примеру,— с крайним раздражением ответил за диссертанта Алим Акрамович.

— Алим Акрамович, я считаю, что снятие вопроса моим коллегой — его личное дело. Хотя, догадываюсь, почему он это сделал, но не хочу

отвлекаться на такую мелочь,— заявил настырный товарищ.— Считайте, что у меня возник тот же вопрос, и мне, в отличие от моего коллеги, хочется получить на него ответ, притом от диссертанта.

Что тут началось!.. Весь Ученый совет во главе с председателем как по команде набросился на вольнодумца. Тема спора очень быстро ушла от диссертации, науки она вообще не коснулась. Разговор был успешно переведен в русло личных препирательств. Вначале объект нападения успевал парировать атаки меткими замечаниями о достоинствах самих нападающих. Постепенно большинство начало одолевать его. Бедный шайтан, при всей своей проворности, видимо, не успевал откапывать достаточно «материала», либо он был слишком глубоко упрятан в темных лабиринтах мозга. В конце наступление под дирижерством Алима Акромовича стало настолько интенсивным, что объект был не в состоянии даже рта раскрыть. Его не слушали, а мастерски дополняя друг друга, закидывали контрвопросами, основная цель которых сводилась к тому, чтобы скомпрометировать «наглеца». Стенографистки обалдело слушали все это, опустив руки. При таких темпах они все равно ничего не успели бы зафиксировать.

Диссертант так и не вмешался в происходящее. Его испуганное вначале лицо постепенно приняло равнодушное выражение. Через некоторое время он уже спокойно, с нескрываемым любопытством наблюдал за происходящим — мол, как же выкрутится из этой заварухи неожиданный критик его работы?

Под конец атакуемый сник, опустил голову. Я вытащил листок и увидел только что возвратившегося шайтана. Он был весь в поту, также с виновато опущенной головой. Полный провал... Когда я покидал конференц-зал, сзади донесся довольный голос Алима Акромовича:

— Прекратим дебаты, мы теряем время. Протокол заседания хотя бы с одним голосом «против» смотрится убедительнее, чем стопроцентные «за». Заслушаем отзывы официальных оппонентов...

— Ну что, друг, показали они тебе, как надо работать?

Шайтан опять опустил мохнатую голову.

— Во всяком случае, я теперь понимаю, почему мне предписывали поучиться у них. Правды о своих коллегах в голове у этого тина было предостаточно. Но она, как у них принято, запрятана глубоко...

— Не оправдывайся. Признайся, что они утерли тебе нос. Мы с тобой даже услужили им. «Протокол с одним голосом «против» смотрится убедительнее». Слышал?

Шайтан не отвечал. Я сложил листок и побрел домой. Мы с ним были, как побитые собаки. Да, их голыми руками не возьмешь. Впредь надо тщательно готовить операции. Прوماхи, оказывается, приводят к противоположным результатам. Надо быть осторожней, умнее. По дороге перед моими глазами стояла финальная сцена раскаяния, где чуть ли не плачущий член Ученого совета пытался уверить свирепого шефа, что его «какой-то шайтан попутал».

— Ничего у вас с ним не выйдет,— сказал шайтан дома.— Все это пустое.

— Не расстраивайся. Если нам удастся немного расшатать авторитет шефа, то все остальное само собой рухнет, как картонный домик.

— Авторитет? Ты думаешь, у него есть авторитет? Если это авторитет, то скажи мне, пожалуйста, как на вашем языке именуется способность держать других в страхе, заставляя пресмыкаться перед собой? Как ты собираешься это расшатать? И вообще, можешь ты провести четкую границу между авторитетом, с одной стороны, и страхом, робостью перед властью, с другой?

Не могу, тут же про себя отметил я. На кой черт я опять сцепился с ним? Не зная, как выйти из положения, я в отчаянии набросился на оппонента:

— Это твое племя путает людей! Вот следствие вашего внушения: люди неосведомленные, ограниченные, люди с чувством собственной неполноценности возводят в авторитеты людей, сильных в карьеризме и неприкрытом властолюбии.

— Значит, так. Если отвлечься от твоей жалкой клеветы на наше племя, ваш так называемый авторитет есть понятие очень и очень относительное. И, судя по всему, его смысл сильно зависит от того, кто и в какой ситуации пользуется им?

— Все пользуются этим понятием так же, как и любым другим,— в силу своей компетентности или, скорее, испорченности.

— Ну вот,— удовлетворенно произнес шайтан,— это я и хотел услышать. А свои грехи нечего сваливать на нас. Я так зол на своих, но все же мне за них обидно... Ну, а как ты хочешь расшатать авторитет шефа? — при миренчески заговорил вдруг шайтан.— Разве не этим мы занимались до сих пор?

— Надо заставить его самого сказать вслух то, что у него на уме, когда он особенно остерегается этого.

— Ну что ж, если только в этом дело, устрою я тебе такое удовольствие. Желание компаньона для меня закон,— приложив руки к груди, слегка поклонился шайтан.

Честно говоря, я не совсем представлял, как поставить этот крупный эксперимент. Надо было вникнуть в скрытую подоплеку интриг институтского масштаба.

А мое опальное положение мешало быть в курсе, со мной не секретничали...

Когда не имеешь программу действий для достижения очередной цели, выручает случай. Однажды за свадебным столом у моей троюродной сестры я оказался по соседству с коллегой. После того как мы немного освоились, в атмосфере общего веселья наступил момент, когда даже самые скрытные люди чуточку приотворяют ворота своего внутреннего мира. У моего соседа было не очень приподнятое настроение. Это никак не вязалось с его нынешними успехами.

— Что, Костя, не трогает тебя счастье молодых? По- моему, неплохая получается пара, а?

— Какой разговор, пара прекрасная!

— Так в чем же дело?

Он немного настороженно посмотрел на меня и вдруг с деланной беспечностью взял свою недопитую рюмочку:

— Давай еще по глоточку. Не хватало нам и здесь обсуждать служебные дела...

Мне было бы достаточно погладить листок, чтобы узнать, о каких явно не очень приятных для него служебных делах идет речь. Но моя идиотская порядочность!..

Через некоторое время Костя неожиданно повернулся ко мне и тоном азартного игрока сказал:

— Много бы я дал тому, кто сказал бы мне, что у него на уме.

Вот тебе на: кажется, у меня есть единомышленник! Запахло сюжетом из жизни разведчиков. Оставалось назвать пароль и услышать отзыв...

Видимо, я усталился на Костю настолько обалдело, потому что он раздраженно проговорил, хлопнув меня по плечу:

— У шефа, у шефа! — Потом махнул рукой.— Что толку рассказывать тебе это...

Формально преграда передо мной была снята — ведь он сам сделал шаг к откровенности.

— В чем дело, расскажи. В последнее время я немного начал разбираться в ребусе, именуемом «тайными намерениями шефа». Может, смогу просветить тебя.

Костя рассмеялся.

— И при этом добиваешься таких успехов в своих делах? — съязвил он.

— Просто я еще не умею корректировать свои поступки в соответствии с его задумками..,

— Ну ладно, веселись, ведь свадьба же! У тебя своих неприятностей хватает. Это я так вспомнил: завтра с утра предстоит, как мне кажется, довольно неприятный разговор с шефом, хотя мы никакой вины за собой не знаем. Просто иногда до боли хочется узнать, что у него на уме и что он замышляет по нашему делу...

Из дальнейшего выяснилось, что речь идет об очередной операции группы «независимых», о существовании которой до этого дня я даже и не подозревал...

«Мне больше ничего и не нужно от тебя. Завтра вы из его же уст услышите, что он вам готовит. Расколоть его — моя забота. Вот как раз тот случай, который мне нужен!»

\* \* \*

Из-за полуоткрытой двери донеслось раздраженное: «Пусть войдут!» Накрашенная секретарша, не моргнув черными стрелками накладных ресниц, холодно произнесла: «Заходите».

Все четверо поднялись и один за другим скрылись за директорской дверью. В ожидании этого момента я околачивался около приемной по пустяковым делам.

Вслед за ними туда же я отправил и шайтана. Потом долго ждал, рассчитывая услышать, как из кабинета донесутся крики и вопли, сопровождаемые хохотом вошедших туда. Ждал, как публично будет рушиться авторитет шефа, как тайное становится явным и наши дивиденды растут.

Но все было тихо и пристойно. Там, как я узнал позже от моего компаньона, происходило, оказывается, вот что.

— Мы пришли к вам за советом и поддержкой,— сказал предводитель вошедших, доктор наук, притом не липовый.

— Слушаю,— глухо пробурчал директор, захлебываясь от

собственного превосходства над просителями. Не любил он, естественно, эту четверку, считал их потенциально опасными, хотя вслух называл своими учениками. Уж больно они были самостоятельными и каким-то образом оставались вне зависимости от него. И диссертации они свои защитили не благодаря, а скорее вопреки его тайным желанием. Но больше всего его раздражало то, что они всегда держались вместе — никак не удавалось их перессорить. Таких приятно видеть только в роли просителен. Алим Акрамович, мы собрали и систематизировали наши с вами работы за последние пять лет. По возможности критически оценив их уровень, принесли на ваш суд...

— На предмет чего? — резко прервал директор, уже получивший изрядную долю раздражения от фамильярного «наши с вами работы» вместо привычного и ласкающего слух «работы, посвященные решению задач, поставленных вами и выполненных под вашим руководством».

— Видите ли, Алим Акрамович, нам кажется,— тут говоривший остановился в позе обреченного гонца, сообщающего шаху о крупных неприятностях,— работы тянут на уровень Государственной премии. Если вы как соавтор не имеете ничего против, можно было бы рискнуть и выдвинуть их.

— Значит, вы уже все сами решили,— злобно прошипел директор, по очереди сверля их свирепым взглядом.— А я? Вы, надеюсь, еще не забыли, что я тоже автор этих работ. Вы собрали и систематизировали их без меня? А может, я против этого?

— Алим Акрамович, вот мы и пришли к вам, чтобы узнать ваше мнение. Вы же требуете от нас, чтобы к вам заходили с уже продуманными, готовыми предложениями. Вот мы и...— начал Костя и тут же был прерван шефом:

— Не крути! Вы пришли с готовым материалом, чтобы поставить меня перед фактом! Чтобы оказать давление! А ну, давайте сюда, что вы там насистематизировали! — Получив аккуратно сшитую толстую папку, он брезгливо начал листать ее.— Моя фамилия фигурирует здесь как насмешка. Вы ведь хорошо знаете: моя кандидатура на Госпремию не пройдет, я ее получил уже один раз. И по статуту...— С перекошенным от злобы лицом швырнул папку сидящим.— Идите. Делайте, что хотите.

Я не хочу иметь отношения к вашим самовыдвиженческим

махинациям!

— Алим Акрамович, какую из этических норм мы нарушили, что так рассердило вас? — мягко, но настойчиво спросил Костя.

— Не прикрывайтесь красивыми словами и не пытайтесь меня дурачить!

Сидевшие украдкой переглядывались, пытаясь понять, с какой стороны шеф готовит удар.

— На сегодняшний день вы уже должны были зарубить себе на носу: я единственный академик по химическому катализу. Все, что делается у нас в этой области, проходит через меня. Я знаю, кто по очереди должен быть выдвинут на Госпремию. Своим шагом вы выдали свое пренебрежение к моему авторитету и мнению. Вы это надолго запомните!

Наступила пауза, каким-то образом продолжавшая источать злобу шефа. Вот парапсихология...

— Алим Акрамович, поверьте, не было у нас злого умысла,— начал примиренчески Костя.— Если мы и допустили что-то нетактичное, то только по неопытности.

Директор издевательски ухмыльнулся.

— Думаете, свалите все на наивность, неопытность и вам все сойдет с рук. Нет! Не поддерживаю я ваши кандидатуры. Есть более достойный кандидат на премию. Его работы может и слабее ваших. А поддерживаю я его потому, что мне надо успеть сделать его непотопляемым. Обеспечить его титулами, пока я жив и еще способен на это. Ему я уже обеспечил поддержку крупных имен из центра. Везде, где должны знать о его кандидатуре, уже знают. И вдруг вы суетесь со своей работой... Я не допущу ничьей конкуренции, тем более вашей. Заберите эту стряпню и больше никогда о своей затее не заикайтесь. Вы думаете, я допущу, чтобы мой родной племянник Эркин, раз уж я решил его двигать, имел хоть какой-нибудь шанс провала? Нет! Вы не будете допущены даже на рассмотрение вашей работы уже в первом туре. Забыли, кто я? Многие пытались встать на моем пути. Пока никто не добился успеха в этом деле. И вам не удастся!..

Посетители так и застыли под шквалом угроз.

— Вы что, забыли судьбы Караматова, Сурцева? Они ведь были далеко не чета вам. Академики! Эти донкихоты объединились против меня. Чтобы не допустить до этого кресла, где я сижу двадцать лет вопреки их желаниям. Они, видите ли, в академии имели больше авто-



ритета, заслуг. И что? Я их полностью нейтрализовал, перессорил. В итоге оба получили по инфаркту и теперь, если станут опять мне мешать, то разве что на том свете...

— Почему вы говорите с нами таким образом?.. И себя расстраиваете. Пожалуйста, остановитесь, Алим Акрамович, мы ничего плохого не собирались...— все еще пытался спасти положение Костя.

— И не сможете сделать ничего! Все ваши уникальные диссертации и статьи — нуль по сравнению с моим званием академика, которое никто не сможет отнять. Я с ним всегда буду прав, всегда!

Да, к такому непривычно открытому разговору, где вещи были названы своими именами, они не были готовы и, конечно, не знали, как себя вести в подобных случаях.

Между тем шеф уже окончательно добивал их.

— Попробуйте только написать куда-нибудь об этом разговоре! Ну, придет комиссия, поработает здесь. А коллектив поддержит меня, скажет: рановато вас выдвигать на Госпремию. Уж такое мнение я сколочу вмиг, почва — если вы не окончательные олухи, то понимаете — благоприятная. А потом... Потом я на долгие годы подпорчу вам карьеру. Не забывайте — жизнь дается человеку один раз. Помните, что учили еще в школе в виде отрывка из какого-то художественного произведения... Вопрос исчерпан, можете идти.

\* \* \*

— Ну что ж, дело сделано. Теперь можно наблюдать, как будет рушиться его авторитет,— не без иронии закончил шайтан свой рассказ о событиях в кабинете шефа.

— Не ехидничай! Во всяком случае, мы это заслужили. Не может же быть, чтобы эта четверка дружно молчала об удивительных откровениях шефа! Думаю, завтра же случившееся станет достоянием публики.

Так оно и случилось. Институт опять тихо гудел. Директор на две недели исчез. Говорили, болеет. Зная возможности и способности шефа (но не зная, что он, запершись дома, пытается разобраться, какой же шайтан его попутал вслед за «Правой рукой»), несчастные претенденты на Госпремию совсем приуныли. Говорили, они молят бога, чтобы именно в эти дни в вышестоящие инстанции не поступила очередная анонимка на шефа. Директор непременно приписал бы авторство кому-

ни- будь из них...

Авторитет однако почему-то не спешил рушиться. Откровения мало кого, по существу, удивили. «Ну и что,— говорили,— сказал так сказал. А то мы не знали, что не у всех намерения совпадают со словами. Он даже проявил гражданскую честность — все высказал, как думает».

Мне некуда было девать глаза от стыда перед шайтаном. Этот маленький циник, увы, что-то уж слишком часто оказывался прав.

Выйдя на работу, директор вызвал к себе четверку. Туда же отправился и шайтан — на этот раз в качестве наблюдателя. И вот что я узнал о следующем раунде.

— Я много думал о вас,— начал Алим Акрамович.— В общем, так. Госпремия — вещь серьезная. Мы, в первую очередь, должны заботиться о ее авторитетности, весомости. Выдвигаемая работа долл^на быть очень важной, освещающей разработанную проблему со всех сторон. Вот я и подумал — взять бы да объединить вашу работу с работой Эркина. При этом, с одной стороны, будет обеспечен двухсторонний подход к решению проблемы, что покалет полноту исследований, а с другой стороны, Эркин — не из нашего института, следовательно, мы соблюдаем объективность. Это все, что я смогу сделать для вас. («Этого я ни за какие бы блага не стал делать, если бы не опасался, что кто-нибудь из вас, каналы, не выдержит и пожалуется куда-нибудь, где жаждут моего провала»,— вертелось у него в голове, хохоча рассказывал шайтан.) — И добавил многозначительно: — Если у вас есть другое мнение, скажите, обсудим.

Обалдевшая от такого неожиданного поворота четверка растерянно молчала.

— Что молчите?! Вы еще недовольны чем-то? — начал входить в форму шеф.

Четверка, потерявшая к этому дню всякую надежду на успех, почувствовала, что может остаться и без этой подачки, и, как по команде, один за другим, начала сбивчиво выражать шефу свою благодарность за мудрое решение. Директор внимательно просверлил их взглядом и, убедившись, что на лицах подчиненных нет следов затаенной злобы, перешел на отечески заботливый тон:

— Не надо благодарить. Работа ваша, так же как и Эркпна, вполне заслуживает поощрения. Она ведь признана и зарубежными школами... В прошлый раз я немного погорячился. В следующий раз так не

делайте (четверка много бы дала, чтобы узнать, что именно надо было делать не так). Забудьте про тот наш разговор. Знаете ли, все мы молекулы и атомы одного вещества... Вот работа Эркина. Внимательно изучите ее, скорректируйте нужным образом.— Вдогонку прозвучал приговор шефа: — Ну вот, вопрос можно считать созревшим и подготовленным. Теперь его можно выносить на суд общественности и Ученого совета. Думаю, все пройдет гладко...

— Вот как надо работать! Видал? — присвистнув, закончил шайтан.— Нейтрализованы непредвиденные конкуренты. Мало того, подчинены так называемому общему делу. И тем самым укреплены позиции племянника. А грохота рушащегося авторитета мы вовсе и не услышали, не так ли?

— Подожди, у меня самого от всего этого голова кругом идет. Я думал, хоть эти ребята доставят ему хлопот.

— Зачем?! Зачем это нужно твоим ребятам? Если они хотят дальше заниматься наукой, а они, по всей видимости, хотят, им нужна спокойная жизнь. Чего они добьются, если займутся шефом? Во-первых, при беспринципности, изворотливости и цепкости Алима Акрамови- ча они мало что докажут. Хоть четверка оказалась свидетелем откровений шефа, не забывай, они лица заинтересованные. Во-вторых, даже в случае победы они надолго заработают себе прочную славу скандалистов и будут облеплены тем количеством грязи, которого вполне достаточно для полного подрыва их научной карьеры — шеф об этом позаботится. Зачем этой четверке такие приключения? А время, потерянное для науки, и бесповоротно испорченные нервы?..

Странно, ни логика, ни жизненность доводов в тираде шайтана на этот раз не подействовали на меня. Не может, не должно быть так! Весь кошмар, окружающий меня в институте, наверно, какая-то дикая случайность на общем фоне. Что-то не позволяло мне выйти из игры. Может, то, что я человек и не могу разувериться до конца в себе подобных? Нет, все же это дело потусторонних сил. Я, современный ученый, дал снова втравить себя в спор, достойный средневековых схоластов...

— После всего ты еще пытаешься убедить меня, будто к грехам людей вы не имеете никакого отношения? — напал я на шайтана.

— К грехам живых мы действительно имеем мало отношения. Наша главная забота — наказывать их там, внизу, когда они наконец попадают в наши руки. Там-то мы и припоминаем людям все.

— Я ведь еще не забыл о ваших больших и малых советах. Чем вы как, занимаетесь, если не живыми? Не кроссворды же решаете! И вообще — вспомни, почему

ты оказался здесь.

— Ну, это объяснимо,— примирительно заговорил шайтан.— В течение тысячелетий ваш род все свои грехи сваливает на нас. Мы надеялись, что со временем это заблуждение рассеется... И вот недавно, каких-нибудь две тысячи лет назад, у нас было создано небольшое управление по делам живых. Если нас не перестают упорно обвинять в грехах людей, то пусть хотя бы это будет по справедливости. Тем более, чего греха таить, оказалось — особое удовольствие доставляет наказание за те грехи, в программировании которых сам принимал непосредственное участие. Но это не основная наша работа, а некоторая слабость, хобби, что ли...

Шайтан смолк. Было видно: что-то замышляет. Вдруг его лицо исказила знакомая отвратительная ухмылка.

— Хочешь, я тебе устрою экскурсию в наши края? Все увидишь своими глазами.

Я, конечно, никак не ожидал такого предложения.

— Задумал удрать таким манером?

— Стал бы я ломать голову над таким пустяком,— усмехнулся шайтан.— Мне просто надоело выслушивать всякую напраслину. Побудешь у нас, увидишь, что там делается...

Нетрудно представить, какой великой ответственностью я проникся, обдумывая предложение шайтана. Ведь я считал себя чуть не первым представителем Востока, который решился на такое путешествие... В то же время в голове крутились мысли типа: «Ведь никто из вернувшихся оттуда не имел такого экзотического проводника». И вообще все это выглядело страшновато...

— Боишься? — ухмыльнулся шайтан.

— Я думаю: все, кто ходили туда, имели перед собой ясную цель. А что гонит туда меня? — задумчиво соврал я, чтобы замаскировать свою нерешительность.

Шайтан продолжал загонять меня в угол.

— Цель? Ты, по крайней мере, увидишь своими глазами, что чертям мало дела до ваших земных делишек. Мы там и так перегружены: воздаем должное за ваши самостоятельные грехи. Пусть хоть один из вас убедится в этом.

— Какая гарантия, что я вернусь? — спросил я резко.

Слушай, не ты ли выступаешь поборником справедливости и правды? А что ты реально сделал для этого? Много вас ходит на Земле таких честных, кото-рые и пальцем не пошевелили, чтобы утвердить справедливость. А она, между прочим, требует каких-то жертв и риска, в конце концов. Вы же только и знаете, что ныть и жаловаться...

Шайтан оказался на высоте. Чем было , крыть его доводы?..

\* \* \*

Вряд ли я могу внятно описать ужасы преисподней... Не вина древних авторов, если их потусторонний мир недостаточно потрясает нас, современных читателей. Я теперь знаю: это у нас не хватает воображения, чтобы представить их страшный путь...

Когда шайтан сказал: «Сейчас ложись спать, как всегда, проснешься уже не здесь»,— я долго не мог заснуть. Все мерещилось — вот сейчас открою глаза и увижу себя на склонах той мрачной горы, где великому флорентийцу на узкой тропе дорогу преградили «свирепый лев», «проворная рысь» и, кажется, «алчная волчица». Напряжение от ожидания неизведанного довело меня до того, что порой казалось, будто я уже стою на краю бездонной пропасти, куда с диким клокотаньем низвергается легендарная подземная река... Так я пролежал в полудремоте до глубокой ночи и, наконец, измученный, заснул.

Очнулся я, как ни странно, в своей постели, но... не у себя в комнате! Кровать, на краю которой сидел, свесив ноги и дымя необычайно едкой сигарой, «материализовавшийся» шайтан (до сих пор он являлся, оживляя рисунок), стояла посреди необычного, но вполне мирного пейзажа.

— Кажется, мы несколько ошиблись адресом, не правда ли? — съязвил я.

— Не адресом, а эпохой,— не оборачиваясь, ответил шайтан.— Сейчас мы это исправим. Тебе, между прочим, повезло. Ты увидишь многое, чего я и не думал тебе показывать.

— А что случилось?

— Да перехватил я чуточку в прыжке через это... нуль-пространство, о котором вы пока знаете только по вашим фантастическим романам. Мы с тобой оказались в той части преисподней, где обитают души людей, умерших в более ранние

времена. Сейчас придется догонять твою эпоху.

— Как? Мы же считали, что все души, когда-либо попадавшие в ваши руки, уживаются в одном месте! Ведь у Данте тоже...

— Данте, Данте! Ну что за идиотский консерватизм! Думаешь, со времен Данте наш ад не изменился? Только у вас развитие, прогресс и тому подобное? Ваши общественные системы выдержали бы, если вдруг ожили все люди, когда-либо жившие на земле? С их резко различающимися мировоззрениями, нормами поведения? Нет! Вот и у нас было много трудностей и путаницы. Бесконечные фокусы анахронизма. Одно время мы только и занимались, например, ограждением деда от его прапрапраправнука, у которого, как он утверждал, оказывалась загубленной жизнь из-за «плохих генов», унаследованных от старика.

Внезапно моя кровать плавно поднялась и начала все быстрее двигаться на высоте птичьего полета в сторону скалистых гор, высившихся вдаль. Я дотянулся до одежды, висевшей на спинке кровати, кое-как оделся, страшно боясь свалиться, и тоже сел, свесив ноги.

Под нами уже скользили острые черные скалы. Скоро и они остались позади. Дальше лежала окутанная серым дымом огромная долина с признаками кипучей жизни. Были видны отдельные строения, костры; вдаль в тумане можно было различить целые города. Скоро я начал замечать чертей, снующих туда-сюда, местами они целыми полчищами маршировали куда-то. Везде чувствовалась предельно деловая атмосфера.

— Здесь обитают души ваших средневековых предков,— сказал шайтан, очертя рукой долину.

Селения, города, строения, одеяния людей, которых удавалось различить, были средневековыми — минареты, арки, длинные халаты, чалмы. Я начал слышать голоса — пронзительные дикие вопли, проклятия...

— Вон там, на медленном огне, поджаривают беднягу Абдуллатифа<sup>25</sup> — показал шайтан, зевая от скуки. Под нами я увидел аккуратные ряды больших котлов, облизуваемых снизу языками пламени. В котлах барахтались грешники, издавая эти жуткие вопли.

— Ты симпатизируешь убийце? — возмутился я.

---

<sup>25</sup> Сын повелителя Самарканда и астронома султана Улугбека, вероломно убивший своего отца.

— Почему бы и нет? Ведь фактически его отца убили другие люди, более изощренные в коварстве. Правда, они воспользовались руками Абдуллатифа. Но его единственная вина при этом — властолюбие. За такое смело можно поджарить половину человечества.

Мне становилось не по себе. Ад, над которым я начал было посмеиваться в начале путешествия на летящей кровати, давал о себе знать. Я уже ощутил жуткий запах паленой плоти, а сердце замирало от воплей.

Нашим взорам открывались все новые и новые страшные сцены.

— Посмотри туда, видишь, там наши возьмется с Маджиддином<sup>26</sup>? Он был не вполне такой, каким вы знаете его по Бабуру<sup>27</sup>. История не все донесла до вас. Но от нас-то ничего не скроешь. Вот он и рассчитывается за все свои грехи — никак не может рассчитаться. Говорят, не дошли еще даже до середины его толстого дела. А недавно поползли слухи, что несколько наших уже отстранили, притом одного даже серьезно наказали...

— Почему же? — спросил я, пытаюсь получше разглядеть суету, происходящую вокруг высокого человека в халате с тусклым серебряным подбоем.

— Жертве каким-то образом удастся вызвать у исполнителей казни расположение к себе, мало того, возник даже тайный протест против приговора. Здесь работает тот же механизм, что имеет место и у вас, на Земле: человек, правдой и неправдой сумевший окружить себя властью, почетом, и в беде не остается без внимания — всегда найдутся слабые, которые продолжают тайно дрожать перед былой силой такой личности.

— Какой приговор ему вынесен?

— Он предоставлен на волю своих бывших жертв. Каждый из них казнит его по-своему. Это целая система очередности и правил, за которыми следят наши. Вот как раз их он и подкупает, зачастую безуспешно.

Мы приближались к следующей гряде мрачных скал. Камни здесь были темнее и отливали холодным лунным светом. Кое-где я заметил тусклый отблеск ледяных глыб.

— Сейчас ты увидишь людей другой эпохи,— заметил шайтан

---

<sup>26</sup> Первый визирь правителя Герата, постоянно строивший интриги против Алишера Навои.

<sup>27</sup> Основатель империи Великих Моголов, автор известного автобиографического произведения «Бабура-наме».

задумчиво.

За скалами открылась еще более сумрачная долина. Вдалеке у горизонта виднелись действующие вулканы.

Гигантские языки пламени лизали темное небо.

— Как здесь ужасно! — вырвалось у меня.

— Конечно, — согласился шайтан, — ведь и ваша наука оценивает восемнадцатый, девятнадцатый века на твоей родине как пик мракобесия и произвола.

— А вы что, не согласны с нами в этом?

— Мы просто видели, как в эти столетия фанатизм, невежество и жестокость потопили миллионы людей в пучине гнуснейших преступлений. Вот здесь и создан соответствующий комфорт для тех, кто особенно отличался в этих делишках.

Я попытался разобраться, что же там творится внизу, во мгле. На небольшой поляне, склонив головы, стояли несколько человек. Все они были без головных уборов, обриты. Золотой и серебряный подбой халатов тускло мерцал в отблесках далекого пламени. Руки людей были связаны за спиной. Я с ужасом увидел, что рядом, на их глазах, шли приготовления к казни. Одни палачи точили длинные ножи, другие копали ямы для стока крови.

— Кто эти несчастные?

— А, эти? Эмир Бухарский Насрулло, его сыновья и внуки — возможные наследники.

— За что их так?

— Плохо знаешь историю. Этот эмир, называвший себя «примерным поборником ислама», беспощадно казнил своих единоверцев, например, поэтессу Надиру и ее сыновей, внуков в основном за то, что она была духовно намного выше его. Здесь впервые применена казнь «его же методом». Эффект поразительный. Группа, ведущая это дело, сообщает, что страх и ужас мучеников, пока идут приготовления, просто потрясающие.

— И долго будут идти приготовления?

— Вечно, но грешники не знают об этом.

— Через некоторое время мы оказались над лабиринтом узких улочек старого средневекового города. Темные тупики, неожиданные узкие повороты, теснины глухих стен глинобитных домов... По одной из улочек, спотыкаясь, падая, из последних сил бежала женщина в парандже. За ней стремительно мчалась растянувшаяся на сотни метров



стая волчиц. Когда стая с торжествующим воем догоняла женщину, той удавалось обмануть голодных зверей, свернув в одну из боковых улочек. Поплутав некоторое время, стая вновь выходила на след. Опять душераздирающая погоня. Что за травля?

— Это знаменитая сводница из старого Коканда, неотразимая Мастурахон. Изощренным обманом и хитростью, завидной даже для нашего брата, она завлекала девушек в тайные гаремы духовной и светской знати Коканда. Не один десяток молодых и красивых дочерей бедняков, а иногда даже и довольно могущественных родителей пали жертвой ее интриг.

— Постой, постой, я, кажется, вспоминаю, о ком речь. В «Тайнах паранджи» писателя Хамзы...

— Точно. Только вам известна лишь какая-нибудь сотая часть ее проделок.

— Почему такое странное наказание?

— Пришлось с ней повозиться. Вначале за Мастурахон гналась толпа загубленных ею женщин. Ты, конечно, догадываешься, чем кончилась бы погоня, если бы они ее настигли. Но эта лиса, даже при такой дикой скачке, умудрялась подкупать некоторых чертей из группы, контролирующей казнь: сводница соблазняла их прелестями самых хорошеньких из преследовательниц. После этого женщин заменили голодными волчицами.

Мы приближались к следующему скалистому рубежу эпох.

— Сейчас попадем в твой век,— сказал шайтан, оживляясь.

Начало быстро светать. Когда скалы остались позади, я увидел бескрайнюю долину, залитую ярким светом, совсем земную и привычную. Необычными были только черти, шнырявшие туда-сюда.

— Почему здесь все как на Земле? — спросил я неуверенно.

— Это наше последнее достижение, можно сказать, пример дерзкого взлета творческой мысли. Мы у себя создали ваш мир, скомпоновав его из определенных сторон вашей жизни.

— Для чего?

— Не спеши. Скоро поймешь,— сказал шайтан, плавно сажая наш воздушный транспорт на окраине моего родного города. Кровать тут же исчезла.

— Теперь будем передвигаться как все — пешком или общественным транспортом.

Был час «пик». Городской транспорт работал привычно — с давками

на остановках, троллейбусные штанги с лязгом срывались с проводов.

Только по улицам ходили люди, в большинстве недавно ушедшие из нашего мира.

— Это называется ад? Так ведь то же самое наши говоруны-очковтиратели с пеной у рта пытаются выдать за рай.

— Как раз здесь они по-настоящему в аду. Ты скоро их встретишь.

Шайтан остановил одну из машин с зеленым огоньком, и мы понеслись по знакомым улицам. Всюду люди куда-то спешили, занимались разными делами.

Машина притормозила у здания сложно-классическими колоннами — Академии медицинских наук. Здесь царил торжественная обстановка, искусно создаваемая аппаратом Президиума Академии в день годовичного собрания. Демонстрируя рассеянную непосредственность, бескорыстную влюбленность друг в друга, ходили по холлу академики. Заметив друг друга издали, они с восторженными восклицаниями спешили в обоюднo открытые объятия. Вокруг — толпы услужливых докторов и кандидатов наук, дальнейшие судьбы которых зависели от сих высокочтимых учителей.

— Мы, кажется, угодили к самому началу спектакля. Сейчас появится и тот, для кого все это инсценировано.

«Ну, конечно же, это последнее годовичное собрание, о котором недавно писали газеты», — вспомнил я.

— Но позволь. Ведь многие из этих академиков, как я знаю, еще ходят в живых?

Шайтан ухмыльнулся.

— Их роли здесь для полноты впечатления играют наши.

— Подъехала «Волга». Несколько человек проворно ринулись к ней, и счастливчик, которого я не смог разглядеть в сгустившейся толпе, открыв дверцу, выпустил из машины высокого, чуть сутуловатого старика с густой копной совершенно седых волос. Это был недавно ушедший из нашего мира вице-президент Академии Максудходжаев. Все расступились, пропуская его в здание, и он прошел по живому коридору, по-отечески одаряя окружающих кивками и мягкими рукопожатиями. На лице и в глазах почтенного старца была написана бесконечная усталость от неземных забот. Черты его благородной внешности говорили о полной отчужденности от каждодневной

мирской суеты, от мышинной возни услужливо шныряющих вокруг карьеристов. Пошли, если опоздаем, нас могут не впустить в конференц-зал,— толкнул меня мой проводник.

Президиум собрания состоял, как водится, из маститых академиков, представителей вышестоящих организаций. В центре, как украшение всей компании, сидел Максудходжаев.

— Для чего вы повторяете это ничем не примечательное собрание? Что здесь произойдет?

— Казнь,— коротко ответил шайтан, и я, не смея больше задавать вопросы, с содроганием начал ждать событий.

Долго тянулся скучнейший отчетный доклад главного ученого секретаря. Кончилось перечисление «фундаментальных научных достижений», многомиллионных экономических эффектов (существующих только на бумаге), несущественных и безобидных недостатков, не затрагивающих конкретно ни один из институтов, а следовательно, и личностей их директоров — академиков. Все заметно устали, от налета одухотворенности на лицах не осталось и следа. Не удосуживаясь скрыть зевоту, люди нетерпеливо поглядывали на часы. Казалось, только Максудходжаев внимательно слушал доклад и по-прежнему с отеческой заботой следил за происходящим.

— Не знаю, что вы тут затеиваете, но старика-то можно было избавить от этого спектакля,— не удержался я.

Шайтан, странно хихикнув, промолчал.

Тем временем шли прения по отчетному докладу. Выступавшие говорили о необходимости увеличения ассигнований на работу именно их института, доказывали, что только эти научные направления могут принести честь, славу и доходы Академии.

Наконец, прения окончились, после того как было создано соответствующее впечатление «всесторонности обсуждения» отчетного доклада, и началась самая оживленная и праздничная часть собрания — вручение премий, почетных грамот, объявление благодарностей. Решения конкурсных комиссий и приказы о поощрениях зачитывал один из вице-президентов. Максудходжаев при этом почему-то насторожился. Публику больше всего интересовали результаты конкурса Академии на лучшую научную работу года — победителям полагались большая денежная премия и пожизненное звание лауреата. Каждый год вокруг конкурса разгоралась оживленная закулисная возня, временами неожиданно выхватывая из тьмы до сих

пор не известные стороны деяний некоторых членов жюри и участников конкурса.

Будучи уже наслышан о результатах конкурса этого года и о церемонии вручения дипломов, я следил за происходящим с неодолимой скукой. Вручали премию группе биологов во главе с сыном Максудходжаева за исследования «начальной стадии формирования микроорганизмов в небереговых районах озера Безводное», высохшего несколько веков назад, и за «прекрасное» обобщение их в толстой монографии. Я вспомнил, что через неделю после вручения премии в сатирическом журнале «Кувалда» был опубликован фельетон, восхвалявший бесподобный талант Максудходжаева-младшего в области плагиата. Спустя еще неделю старик скоропостижно скончался. Все понимали, что его безупречно честное сердце не выдержало откровения о жульничестве единственного сына. («В самом деле,— говорили люди,— не мог же старик предполагать такое. Знал бы, пресек это безобразие в самом корне!») Эта блестящая операция пройдохи-сына положила тем не менее начало его карьере. За плагиат он получил всего-навсего строгий выговор по административной линии, о котором все быстро забыли, зато навсегда присоединил к своей фамилии уточнение — лауреат премии. Ну да, победителей ведь не судят. Сработала даже и кончина отца: ну как огорчить безутешного наследника...

Председательствующий торжественным голосом зачитал решение жюри конкурса, назвав первым Максудходжаева-младшего. Зал зааплодировал. Сейчас пригласят новоиспеченного лауреата, чтобы вручить ему диплом и соответствующие документы для получения кругленькой суммы. Мне рассказывали полгода назад, как все это происходило на самом деле: Максудходжаев-старший с благородной улыбкой наблюдал с высоты президиума, как сын принимал хваткой рукой диплом лауреата. Мудрые глаза, говорят, блестели от светлых слез...

Но тут случилось неожиданное. В центре зала поднялся интеллигентный мужчина в очках и громко обратился к президиуму:

— Товарищ председатель, хотя это против установленных правил, но в виде исключения я прошу, чтобы наш уважаемый вице-президент товарищ Максудходжаев ответил мне на один вопрос, связанный с присуждением премии его сыну.

— Вот тут кончается ваш земной спектакль,— шепнул мне

шайтан,— дальше все пойдет уже по нашему сценарию.

Председатель, наморщив лоб, напустил на себя крайне недовольный вид и с раздражением поинтересовался:

— А вы не могли бы задать свой вопрос после собрания самому Икраму Махсумовичу?

— Нет, я хотел бы задать его сейчас, при всех. Ведь нашему многоуважаемому Икраму Махсумовичу нечего бояться, не правда ли?

Председатель повернулся к членам президиума и беспомощно развел руками — мол, вынужден уступить просьбе из зала.

— Уважаемый Икрам Махсумович, скажите, пожалуйста, почему вы настаивали на проведении этого собрания ровно на неделю раньше назначенного срока? — произнес настойчивый товарищ из зала.

— У Икрама Махсумовича путевка на курорт, срок которой начинайся с сегодняшнего дня. Из-за этого собрания он уже теряет день отдыха. Если бы мы назначили собрание через неделю, он опоздал бы на целых восемь дней. Вы удовлетворены? — за старика ответил председатель, явно разочарованный слабостью и, как ему показалось, беспредметностью вопроса.

— Икрам Махсумович не собирался ехать к морю. Два дня назад он по этой путевке отправил туда свою дочь с любимым зятем. А переноса собрания на неделю раньше времени он добился, чтобы опередить выход в свет этого номера «Кувалды».— Мужчина вытащил из внутреннего кармана пиджака корректуру фельетона.— Здесь напечатано о научных достижениях Максудходжаева-младшего, за которые вы ему сегодня присудите премию. Совершенно пустая тема, к тому же стопроцентно доказанный плагиат. Наш выдающийся лауреат, оказывается, создал свой труд испытанным методом, который среди учащихся средних школ известен под названием «скатать». Будучи прекрасно информирован обо всем, Икрам Махсумович после неудачных попыток снять фельетон — он был уже набран и слишком много людей о нем знали — решил хотя бы опередить его выход. Ведь потом, после присуждения, вы не отмените лауреатство, хоть напечатай десять фельетонов. Таким образом, мощный импульс для будущей карьеры бездарного сына обеспечен.

В этот кульминационный момент Максудходжаев вдруг как-то обмяк, уронил голову на стол, а затем и вовсе свалился со стула.

Дальше была суета с машиной «скорой помощи» и озабоченная возня белых халатов. Собрание само собой закрылось. Потрясенные

сотрудники тихо расходились, обсуждая происшедшее.

— Он ведь один раз уже умер от разрыва сердца, почему вы здесь повторяете эту смерть? — спросил я шайтана.

— Там, у вас, этот уважаемый аксакал сидел в президиуме до победного конца, хотя внутри у него, как говорится, кошки скребли. Он не был публично разоблачен и унижен, а наоборот, с достоинством принимал поздравления в связи с награждением сына. Самым же страшным для него была публичная огласка.

Мне было жаль старика и в то же время стыдно за него. Какую внутреннюю чистоту и бескорыстие ему приписывали! Опять люди оказались одураченными. Мыто считали, что он скончался, не выдержав позора за поступок сына.

— Завтра все здесь начнется сначала,— вздохнул шайтан, выходя из зала.

\* \* \*

После президиума шайтан потащил меня в другой конец города. Но мы сразу попали в транспортный «пик». Он был так реально воспроизведен, что в течение получаса мы не могли сесть ни в один вид транспорта.

Я не стал спрашивать о цели нашей поездки. Авторитет моего проводника так вырос в моих глазах, что я уже лишний раз опасался выглядеть перед ним дураком.

Мы вышли из автобуса у современного здания Института хирургии и беспрепятственно пробрались до операционной.

Белый кафель, массивные осветители и изящные приборы с зеркальным никелем не радовали здесь глаз; сверкающая чистота, блеск никеля тут наводят чувство холодного ужаса от предстоящего скоро разрушающего прикосновения металла к самой нежной, отточенной природой в течение тысячелетий ткани высшего организма, лишний раз напоминая о хрупкости и уязвимости нашей плоти.

В операционную плавно вкатили каталку-кровать с больным. Медсестры спешно готовили его к операции.

— Узнаешь? — спросил шайтан.

— Нет.

— Ничего, сейчас вспомнишь. Его дела напоят. Вряд ли был другой человек, способный на такое.

— Что за дела такие?

— Потерпи, скоро увидишь.

— Слушай, он же в полном сознании! Неужели его так и будут оперировать? — спросил я.

— Ты что, хочешь, чтобы у нас нормально работала служба анестезиологии? Забыл, где находишься?

В операционную энергичной походкой, на ходу давая четкие и отрывистые распоряжения, вошел могучего сложения профессор в сопровождении ассистентов. Он наклонился над больным.

— Ну, родимый, если не случится ничего непредвиденного, что часто у нас бывает,— при этом профессор странно покосился на светильник,— за какие-нибудь час-два мы наведем необходимый порядок в твоих внутренностях. Не бойся, боли, которые ты почувствуешь, самые незначительные, без них нам просто не обойтись. Но обещаю тебе не делать ни одного лишнего разреза... если все будет в порядке, естественно,— профессор опять почему-то покосился на огромный светильник.— Скальпель!

Что было потом?!

Под тяжкие стоны и скрежет зубов больного хирург начал операцию. Я отвернулся, чтобы не видеть крови.

— Это ваша очередная казнь?

— Это пока операция, казнь впереди.

Вдруг в операционной стало темно.

— Ну вот, опять отключили свет,— раздался голос хирурга.— Дорогой, прошу, потерпи немного... Эй вы, кто-нибудь, сбегайте к дежурному электрику. Звонить бесполезно, он уже, наверное, наакался спирта.

В темноте шла какая-то возня на операционном столе. Тихо звенели зажимы, которыми был усеян разрез на животе больного. Он глухо стонал.

— За что его так? — спросил я шайтана.

— А за то, что эта, мягко говоря, подлость изобретена и внедрена в жизнь им. Мы просто воспользовались его патентом.

— Кто же он, в конце концов?

— Бывший директор этого института. Чтобы скомпрометировать и избавиться от своего главного конкурента, работающего здесь же, он

не раз во время его самых сложных операций отключал свет, предварительно напоив электрика.

Я вспомнил эту историю. Преступника разоблачили и... всего-навсего сняли с работы. Говорили, у него хорошие связи.

— Оперирует его как раз тот самый конкурент, который вдоволь хлебнул горя из-за директора.

— Уведи меня отсюда скорее!..

\* \* \*

— Прежде чем пригласить тебя к нам, мне следовало бы проверить состояние твоих нервов,— сказал шайтан, когда мы покинули Институт хирургии.— По-моему, ты уже готов бежать к своим.

— Все-таки почему вы создали здесь точную копию нашего мира? — спросил я, когда мы устроились на скамейке в чахлом скверике напротив института.

— Тебя опять разбирает любопытство. Что ж, давай поговорим. Ты должен был видеть, что страдания последних двух казнимых более тяжкие, чем у тех, кто у нас из древности, из веков, именуемых вами мусульманским мракобесием. Человеку все-таки легче, когда он точно знает, что его ожидает впереди, пусть даже самая страшная казнь.

— А надежда? Ведь тех, кто точно не знает своей участи, до последней минуты будет поддерживать надежда\* Согласно, это облегчает страдания.

— Для нее здесь места совершенно не оставлено. Казнимые знают это. Короче, твои современники переживают здесь страшные душевные страдания помимо обычной физической боли.

— Не хочешь ли тем самым сказать, что в наше время грешат...

— Да, да, считаю, что грешат больше,— прервал он меня,— по крайней мере, среднестатистическое количество греха на душу населения нисколько не уменьшается за все время моей сознательной жизни.

— Чушь! — не выдержал я.— Человечество все больше и больше совершенствуется. Его разум охватывает новые высоты этики, эстетики...

— ...косности, изощренной изворотливости, корысти,— прервал меня он.— Ну, что, продолжим перечислять? Слушай, шайтан, миллионы людей живут на Земле, особенно в нашем обществе, имея



нормальное питание, самые необходимые права. Пользуются фантастическими возможностями технического прогресса. Факторы, еще вчера приводившие к несправедливости и неравноправию...

Он опять не дал мне договорить:

— Да, возможности расширились. Но и причины несправедливости — тоже.

— Ты считаешь, что человек страдает, как и тысячи лет назад? И зла на Земле столько же?

— Несомненно.

— В этом ты меня никогда не убедишь!

Шайтан пожал плечами.

— Литературу не читаешь, сочинения древних авторов, а еще ученый...

Он немного посидел молча, отвернувшись, потом через плечо заворчал:

— Вспомни хотя бы твоего Данте. У вас ведь та же возня между людьми, что и при его жизни, только формы изменились. Именно поэтому вы не имеете средств борьбы. Когда они появятся, причины зла предстанут уже в ином облике... Сейчас я тебе кое-что покажу. Давно известно: когда хотят по-настоящему насладиться страданиями врага, его не уничтожают физически, а сделав бесправным, постоянно издеваются, временами проявляя уничтожающую снисходительность. Этот метод стар, как мир. Так вот, тут недалеко казнят одного особо отличившегося в этом деле. Наши вычислили на компьютере самое подходящее для него наказание. Тебе это должно понравиться.

— Крови не будет?

— Нет, нет. Ведь у вас теперь кровопускание считается примитивом.

Скоро мы уже входили в здание с вывеской «Институт прикладной физики». Там шли какие-то спешные приготовления. Сотрудники суетливо бегали по длинным коридорам. Нервно ходил директор, всем своим видом напоминающий завмага, которому удалось случайно пронюхать о грозящей ему ревизии. Он нетерпеливо подгонял сотрудников, как гоняют продавцов, чтобы свести концы с концами в кассе, выставить глубоко запрятанный дефицит.

— Готовятся к неожиданному визиту академика с мировым именем. От одного его слова зависит многое в дальнейшей карьере директора,— пояснил шайтан.

Длинный стол для совещаний в кабинете директора был накрыт, как на дипломатическом приеме. В кабинет вперемежку вносили то груши в вазах, то макеты приборов, которыми директор собирался похвастать перед высоким гостем.

— Приехали,— донесся чей-то шепот из коридора, п. Директор с быстротой, не по возрасту и комплекции, ринулся к выходу.

Через несколько минут он вошел обратно, поддерживая под руку глубокого старца в очках. Я даже ахнул от происшедшей перемены. Старика вел уже совершенно другой человек. От свирепости и раздражения на лице не осталось и следа. Застывшая заискивающая улыбка, добродушная кротость. Я вспомнил нашего Алима Акрамовича, оставшегося в другом мире. Не только Овидий позавидовал бы такой метаморфозе.

Все расселись по заранее указанным местам. Директор бережно усадил старика и, налив ему пиалу свежесваренного чая, предложил отведать фруктов. Тут же глубоко прочувствованно начал расспрашивать о здоровье. Затем под благодушное кивание высокого гостя перешел к рассказу об истории создания института, при каждом удобном случае упоминая о своем «скромном» вкладе. Когда речь касалась кадров, он кивал на свою «респектабельную» свиту, сидящую за столом, называл их фамилии и умело подчеркивал, что им надо помочь в научном остепенении, продвижении. Потом начался нудный рассказ о научных направлениях, достижениях института.

— Это нас не интересует, так же как и старика, который прекрасно знает, что никаких достижений у института нет,— сказал шайтан.— Но ему надо все это выслушать по долгу службы, а я тем временем введу тебя в курс дела, в связи с которым устроен здесь этот сыр-бор.

Видишь, у стены в углу скромный молодой человек с блокнотом. Это ученый секретарь института. Талантливый физик-экспериментатор. Когда он блестяще защитил диссертацию, директор увидел в нем большую опасность для себя. Сразу стало ясно, что этот человек не будет работать на него и, мало того, в будущем, если наберет вес в научном мире, может сильно помешать «респектабельным», которые как раз работают на него. Дальновидный директор решил нейтрализовать его пока не поздно. В те дни он искал замену на место выжатого, как лимон, и смещенного с поста очередного ученого секретаря института. С его опытом ничего не стоило внушить жертве, насколько почетен этот пост, как нужен всему коллективу. Тем

более, жертва, до тех пор занятая наукой, не совсем представляла чисто канцелярский характер этой должности. И уж совсем не подозревал молодой ученый, что всех, кто побывал на ней, директор обычно подминал под себя, превращал в своего личного секретаря. Любой клочок бумаги, несущий подпись директора, включая его личные документы, должен был составляться ученым секретарем, который между делом обязан был еще готовить для внешнего мира всю информацию о деятельности института, непременно придав ей положительную окраску — при любом положении дел.

Жертва, несмотря на свою чудовищную наивность, все же проявила некоторое сопротивление — видимо, сработали слабые следы инстинкта самозащиты. Но «доводы» директора и активно поддакивающей ему в любом деле «респектабельной» группы, как всегда, были неотразимы: высокая эрудированность выдвигаемого, интересы института... Наконец был сделан самый важный ход — некий отвлекающий обманный маневр — молодому человеку обещали сохранить его экспериментальную группу, чтобы в свободное от секретарства время тот занимался и наукой. Это окончательно обезоружило наивного товарища, и он сдался.

Дорого обошлось согласие новоиспеченному ученому секретарю. Его быстро и умело завалили рутинно-бюро- кратической работой, а потом, как и следовало ожидать, принялись критиковать, сперва мягко, а потом все серьезнее, за нерасторопность. Будучи добросовестным по природе, он, не желая «нанести ущерб общеинститутским интересам», все меньше и меньше посещал свою экспериментальную группу, от чего работа там скоро замерла. Директору того и нужно было. По его команде давно предвкушавшие этот момент «респектабельные» на одном из семинаров обрушились на ученого секретаря, который, «пользуясь своим служебным положением, держал неработающую экспериментальную группу и этим разбазаривал государственные деньги». Потом в институте начали планомерно формировать мнение, что ученый секретарь — не человек науки, а прирожденный бюрократ. Экспериментальная группа сама по себе распалась. Теперь уже, чтобы держать секретаря в надежной узде, достаточно при каждом удобном случае выражать недовольство, раздражение его работой, мало того, — время от времени с наигранным возмущением предлагать ему написать заявление об уходе по собственному желанию. Это и делается безукоризненным образом по сей день, — заключил шайтан.

— Почему же он не плюнет на них и не уйдет? — возмутился я.

— Его сильно напугали, надломил. Он сейчас совсем не уверен, что в другом месте нужен кому-нибудь для науки.

— Короче, это человек конченный?

— Потерпи, сейчас увидишь кое-что интересное,— кивнув в сторону стола заседаний, сказал шайтан.

— Я, кажется, утомил вас, дорогой Глеб Романович? Уже заканчиваю. Если вас интересуют подробности, я с удовольствием отвечу на ваши вопросы,— говорил директор.

— Спасибо, я удовлетворен. Мне понравилось, что у вас в институте ведутся очень полезные прикладные работы и в то же время вы не забываете о серьезных фундаментальных исследованиях,— отозвался старик.

Лицо директора расплылось в улыбке. Шутка ли, его похвалили за «полезные прикладные исследования» и за какие-то «фундаментальные работы», оставшиеся тайной даже для него самого! Но не следует обращать внимание на небольшую неточность в оценках рассеянного старика, тем более, что она в пользу директора...

— А теперь,— сказал старик, вдруг оживая и почему-то повернув голову в дальний угол кабинета,— я хотел бы, если вы позволите, поговорить вон с тем молодым человеком, вашим ученым секретарем. Садитесь, пожалуйста, к нам, Адхам Каюмович,— сказал старик, указывая на свободный стул напротив себя.

Все в кабинете даже вздрогнули. Особенно поразился директор: действительно, откуда мог знать всемирно известный Глеб Романович об этом его сотруднике, которого он сам никогда не называл по имени-отчеству? Но приходилось верить происходящему — ученый секретарь встал и, как ни странно, без трепета подойдя к столу, сел на предложенное место.

— Адхам Каюмович,— запросто заговорил с ним старик, как со старым знакомым, еще больше удивив сидящих,— каким должен быть спектр реликтового излучения по вашей модели в окрестностях нашей галактики?

— Он отличается всего на десять процентов по ширине линии от результатов последних измерений Роды-гина. Это вполне укладывается в пределы возможного статистического искажения, вносимого межзвездной средой.

— Значит, сотни тысяч мегапарсек для вашей модели не страшны?

— Совершенно. Думаю, расстояния здесь существенной роли не играют, если правильно учитывать поправки Дэвиссона на искажения, вносимые межзвездным водородом. Если принять мою модель, то вся обозримая Вселенная вполне удовлетворительно описывается системой макроквантовых уравнений. Некоторые расхождения с данными Крымского телескопа, мне кажется, следствие неточности оптических измерений этого диапазона.

Старик выдержал небольшую паузу, потом, взглянув на собеседника, энергично заговорил:

— Вы, наверное, знаете, что пока только мое вето закрывает большую дорогу вашему методу. Астрофизики и большинство специалистов по теории поля, заразившись вашей идеей, уже кинулись вычислять угловую зависимость постоянной Хаббла и распределение плотности материи в ближайших скоплениях по квантовым уравнениям. А меня, пожалуйста, убедите вот в чем...— старик потянул к себе лист бумаги.

— Ты что-нибудь понимаешь во всем этом? — шепнул шайтан.

— Нет. В астрофизике я профан.

— Да нет, не об этой арифметике я спрашиваю. Происходящее здесь тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет.

— Перед тобой — изощренная казнь. Скоро поймешь, кто жертва.

Я оглядел зал и увидел поразительную картину. Присутствующие застыли в разных позах, следя за спором старика с их ученым секретарем. Сейчас можно было точно определить — кто приятно поражен происходящим (такие оказались в меньшинстве), кто смотрит на споривших и на директора со злорадством, кого раздражает нездоровое любопытство, кто срочно пересматривает свое отношение к присутствующим и, наконец, кто явно убит происходящим.

Бесподобная маска застыла на лице директора. Будто он только что сжевал стручок жгучего перца, но обязан через силу улыбаться. Красный, как рак, с глупой улыбкой на лице, он пытался делать вид, что внимательно, с пониманием слушает научную беседу.

— На самом деле,— наклонился ко мне шайтан,— перед его глазами проходят страшные сцены травли ученого секретаря. В то же время его «стратегическая» голова отчаянно пытается установить, не проворонил ли он самую крупную добычу в жизни — фундаментальную работу, руководителем которой мог оказаться! И

наконец, он лихорадочно перебирает возможные последствия, если тот жалкий, терроризируемый им ученый секретарь вдруг станет знаменитым. Чем это обернется для него? Вот какой кавардак сейчас у шефа в башке.

— Так, так, теперь понимаю, почему у вас получилась такая прекрасная увязка. Критерии предельного перехода вы, молодой человек, видимо, выбрали очень удачно...— Старик задумался.— Ну, что ж, хотя некоторые моменты я намерен еще проверить, но интуиция подсказывает мне: вам, уважаемый коллега, кажется, удалось сделать самую крупную вещь за последние двадцать пять лет в этой области. Да, да! — Старик вдруг бодро повернулся к растерянному директору.— Вот важнейшие достижения вашего института. А вы почему-то говорите мне о каких-то мелочах.

— Это он о диссертациях «респектабельных»,— шепнул мне шайтан.

Директор начал было что-то лепетать, но старик уже опять повернулся к ученому секретарю.

— Адхам Каюмович, я вас прошу, выкладки и результаты вашей работы оформите в соответствии с требованиями к докторским диссертациям и пошлите мне. Я постараюсь уладить формальности. И в следующем месяце мы вас вызовем на заслушивание. Работа ваша даже на этой стадии стоит сотни докторских! Астрофизики института уже признали ваш метод и решили представить вас к Государственной премии. Так что,— обратился он к директору,— незамедлительно пошлите туда рекомендацию вашего Ученого совета.

Директор, уже покрытый холодным потом, мгновенно ухватился за соломинку. Старик сам подсказал ему выход из создавшегося положения. Теперь, кажется, можно будет оправдаться и далее втереться в соавторство.

— Дорогой Глеб Романович, мы обязательно рассмотрим работу на Ученом совете и, думаю, пошлем хорошую рекомендацию! Мы сделали бы это давным-давно, если бы Адхам Каюмович, которого мы очень уважаем, относился к коллективу института доверительнее и товарищески. Дело в том, что и я, и все сидящие здесь впервые слышим про эту замечательную работу, а то бы подключились, помогли довести...

— Не слышали, потому что не хотели слышать,— отрезал старик.— И настоятельно советую больше не мешать Адхаму Каюмовичу делать

полезнейшую работу. Освободите его от административной работы. С секретарством, я думаю, прекрасно справится кто-нибудь из этих молодых людей,— качнул он головой в сторону окаменевших «респектабельных».— А насчет странных, мягко говоря, ненаучных порядков во вверенном вам институте я вынужден буду доложить в соответствующие инстанции. Засим разрешите откланяться...

— Мы тоже можем смываться. Дальше все пойдет стандартно. Директор через два дня испустит дух от разрыва сердца: не переживет своего падения. Этот тип людей не выдерживает такого обращения с собой. Чем больше достойны они разоблачения, тем сильнее переживают крах. Один из парадоксов человеческой природы.

— Неужели они не каются хотя бы перед собой, наедине?

— Самобичевание у них сводится приблизительно к такой форме: «Десятилетиями мне без особого труда удавалось держать нос по ветру и всегда находиться на гребне жизни. Как же я ошибся на такой мелочи? Если бы я раскусил ее вовремя, она, оказывается, могла бы меня обессмертить, озолотить...» Но дело не в этом,— продолжал шайтан, уводя меня все дальше от Института прикладной физики.— Ты только что видел, как расправился этот директор с потенциально опасным для него человеком. Он не стал избавляться от возможного соперника, а просто сделал из него полезного для себя раба. Можешь мне поверить — этот метод существует с незапамятных времен. Как-то раз, около трех тысяч лет назад, меня на месяц командировали в Месопотамию, во дворец могучего ассирийского царя Сарданапала, для работы с литературой. У него ведь была самая лучшая библиотека по тому времени. Так вот, однажды Сарданапал вернулся из очередного военного похода на взбунтовавшийся Вавилон и привел в цепях бесчисленное множество пленных. Самых талантливых, особенно тех, кто покушался на его власть, он, против моего ожидания, не казнил, а велел держать во дворце на довольно унижительных ролях. Я видел, как он эффективно эксплуатировал способности этих людей. А ты пытаешься втолковать мне, что человечество избавляется от пороков! Люди и сегодня умеют заставлять истинные таланты работать на себя, только, я бы сказал, они научились делать это с большим изяществом, чем какой-то там древний царь.

— Да, но в этом хотя бы случае справедливость все-таки восторжество...— я осекся.

— Вот именно,— ухмыльнулся шайтан.— На самом деле этот

директор безнаказанно проработал в институте до самой дряхлости, спокойно высасывая кровь таких, как этот ученый секретарь. Визит академика был на самом деле, но старик ушел из института с самыми приятными впечатлениями о любезном директоре. Академик был когда-то большим ученым и хорошим наставником молодых, но система сделала-таки его равнодушным. Никакого разговора с Адхамом Каюмовичем не было.

— Но если тот действительно создал нечто оригинальное, то разве его это могло навсегда оставить в неизвестности?

— Не создал он ничего серьезного, да и не мог создать, при всей его одаренности. Даже гений в подобных условиях обречен!

\* \* \*

ДЕПАРТАМЕНТ ЗЕМНЫХ ДЕЛ — было выведено золотыми буквами на вывеске внушительных размеров. Шайтан наконец ввел меня в давно обещанное управление.

Тяжелая многоэтажная громадина, отстроенная в псевдоклассической манере, чувствовалось, жила оживленной жизнью. Массивные двери открывались и закрывались, издавая совершенно земной скрип. В отделанном мрамором вестибюле висела карта-указатель, показывающая, что где находится. Судя по карте, департамент делился на отделы, секторы и группы, которые имели специфические признаки соответствующих народов, государств и идеологий.

— Я работал здесь и вначале был счастлив,— говорил шайтан.— Сюда устроиться так же трудно, как, скажем, на Земле в ЦРУ. Сам понимаешь, хороший оклад за грязную работу, поездки, различные привилегии. К нашему стыду, сам департамент создан по образцу той же организации — видать, не удалось придумать ничего лучше. Ну, говори, в какой отдел ты хочешь пойти?

— Естественно, меня интересует, что вы замышляете нового по нашему институту. Какое мне дело до ваших интриг, например, на золотодобывающих приисках где-нибудь на юге Африки.

Шайтан озадаченно закусил губу.

— Хочешь в мой отдел? Я бы не хотел встретиться там с нашими... Впрочем, ладно, вломимся прямо к заву.

— А нас примут? — спросил я, умудренный многолетним опытом



томительного времяпрепровождения в различных приемных.

— Наш зав в душе трус, как и многие надменные властолюбцы. Его громы и молнии предназначены только для подчиненных. Посторонних же, каковым являюсь я после своего исчезновения, он принимает с опаской, смешанной с любопытством.

— Как же ты собираешься поддерживать с ним разговор? Ведь он сразу раскусит, что от тебя нет никакой пользы. У нас, например, деловые люди не любяг разводить беседы с такими посетителями. Ваши вряд ли уступают им в этом.

— Сейчас все устрою. Ты только подожди здесь минуточку.— С этими словами шайтан исчез в боковом коридоре, куда указывала табличка со стрелкой — «Буфет». Действительно, через минуту он вернулся с фирменным полиэтиленовым пакетом.

— Бутылочка «Арамейского» и закуска,— сказал он шепотом.— Это из буфета для высшего персонала департамента. В магазинах, ясно, этих лакомств не найдешь— дефицит. А у меня там знакомая буфетчица...— подмигнул он.— Как и многие высокооплачиваемые, мой бывший заведующий привык радушно поддерживать любую компанию, когда сервировка не за его счет.

Секретарша только успела надменно сложить губы, чтобы спросить, что нам здесь нужно (у земных секретарш тоже особый нюх на «нужных» шефу посетителей, а прочих ожидает подобный унижительный вопрос), шайтан сунул ей в крашенные когти плитку шоколада и потянул двери зава, снова подмигнув мне.

— А-а... беглец объявился? Долго же ты пропадал! — Не давая ответить моему проводнику, зав с притворным огорчением поспешил сообщить: — К сожалению, твое место уже занято. Сам понимаешь, мы не могли держать его столько времени вакантным. Ты за расчетом?

Зав на меня совершенно не реагировал, я, видимо, оставался для него незримым.

— Не утруждайте себя оправданиями, шеф, я сюда больше не вернусь. Заглянул, чтобы поболтать о новостях. Исход кое-каких операций, проводимых в отделе, меня все-таки еще интересует,— отвечал мой шайтан, удобно расположившись в мягком кресле.

— Может быть, зайдешь в другой...— осторожно начал было шеф, но осекся, увидев горлышко темной бутылки, искусно высвобождаемой из пакета ловкими руками шайтана.

В толках о служебных дрызгах, о тупости начальства, бестолковости

подчиненных выпили полбутылки «Арамейского». Заведующий становился все разговорчивее.

— Как идут дела в моем институте? — спросил наконец шайтан, удостоверившись, что шеф уже достаточно хорош, чтобы плюнуть на собственные служебные тайны и их соблюдение.

— О-о-о, твой институт — это уникальный объект. Между прочим, мы ведь предлагали тебе райскую жизнь. Не вмешиваться в их дела, только наблюдать, не забывая вовремя получать зарплату. А ты обиделся на нас, как мальчишка.

— Вы меня не проведете. Будь по-вашему, я там просто деградировал бы, а потом, в один прекрасный день, при необходимости, вы в два счета вытурили бы меня отсюда за полную несостоятельность. А я хотел расти...

Глупец,— по-отечески заботливо возразил шеф,— как ты не понимаешь? Ведь какую-нибудь стоящую выходку твоих подопечных ты мог переоформить как следует, козырять ею на выборах в Большой совет, мог в конце концов оформить диссертацию на ее основе. В твоём институте, например, только так и делают. Думаешь, растёт тот, кто умный и выдает идеи? Ничего подобного. Мой тебе совет,— зав положил руку на плечо бывшего подчиненного,— если хочешь расти, будь в первую очередь послушным и чутким к желаниям начальства. Не жди, когда оно попросит тебя о чем-то, угадывай сам то, что ему нужно. Тогда никакие идеи не нужны. Гарантирую — будешь расти.

— Ну, ладно, поразмыслию на досуге. Лучше расскажи, как там дела? — шайтан указал наверх.— Меня любопытство разбирает, все-таки дело-то для меня было кровное.

— Ну, что ж... В самом главном мы оказались правы. Бывшая твоя группа только тем и занимается, что наблюдает за ними,— зав указал туда же.— Мы сделали несколько попыток вмешаться в их дела, но, надо признать, то, чего мы добились, меркнет на фоне их деяний. Этот Алим Акрамович просто великолепен, мастер своего дела! Мне бы такого сотрудника. Потрясающие номера выкидывает! Помнишь его «Правую руку»? Так вот, шеф наконец решил дать «Правой руке» возможность пробить себе долгожданную степень доктора.

Ты думаешь, он начал с того, что стал указывать своему избраннику на оригинальные научные направления, мудро корректировать его выводы, гипотезы? Ничего подобного! Для этого самому надо бы вспомнить, что давно позабыл... Нет, директор стал методично, тонко

внедрять мнение, будто Расул, как там его, кажется, Сагдуллаевич, вполне созрел для защиты докторской. И очень скоро сотрудники института начали открыто возмущаться: почему, мол, такому заслуженному, энергичному и давно созревшему ученому никак не дают возможности немного заняться своими личными делами? А директор при этом с глубоким вздохом разводил руками и объяснял, что бедняга «Правая рука», будучи замом по науке, перегружен административной работой, дескать, он жертва, принесенная ради процветания общеинститутских дел. Сам «Правая рука», потупив взор, выражал молчаливое согласие с этим: да, я жертва. При этом никому в голову не приходило: а есть ли у «Правой руки» что защищать? Вот пример блестящего одурманивания публики!

Мнению дали расползтись и за пределы института. В первую очередь в объятия этого «спрута» попадали именитые ученые, по какой-либо причине оказавшиеся в институте или хотя бы в этом городе. Гость усиленно обхаживался, обслуживался, прокатывался по историческим местам, разумеется, за счет института. И гость уезжал с мыслью, что этот обаятельный человек действительно современен, энергичен, оперативен, эрудирован. Почему бы не поддержать его в предстоящей защите!

Зав говорил вдохновенно, все больше и больше увлекаясь. Мой проводник слушал его, окутанный сигарным дымом.

— Самое страшное впереди. Мы сделали попытку перемешать карты Алима Акрамовича. Нас интересовал такой чисто познавательный вопрос: как будет он реагировать на неожиданное препятствие? Пришлось внушить руководству Академии мысль проверить институт по финансовой линии. Нагрязнула ревизия, начали всплывать нарушения, злоупотребления, неточности и так далее.

Несмотря на все увертки директора и его свиты, не удалось уйти от признания нескольких, мягко говоря, нарушений. Встал вопрос об увольнении «Правой руки».

— А вы, конечно, обрадовались дешевому успеху? — вставил шайтан. (Я, естественно, очень удивился этим новостям. Все это случилось после нашего сошествия в подземный мир. Неужели я так долго нахожусь здесь?)

— Еще бы, вначале было от чего потирать руки. Но недолго мы радовались. Директор пустил в ход свое дьявольское умение лепить победу из теста поражения. Явился с покаянием в Президиум и,

виртуозно сыграв роль человека, понявшего свои ошибки, обещал немедленно снять «Правую руку» с поста зама... и наконец дать бедняге, павшему жертвой своей «ученой рассеянности», возможность готовиться к защите якобы давно уже завершённой диссертации. Вот что можно назвать триумфом! Ну, а почва под все это, как ты уже слышал, была заложена.

— Да, здорово они утерли вам нос, шеф,— расплылся в улыбке шайтан.

— Не говори, нигде мы не терпели такого фиаско!

— Это мне знакомо,— задумчиво произнес шайтан, вероятно, вспомнив наш провал на защите кандидатской диссертации.— Но как же они дальше продвигали эту несуществующую научную работу?

— После катапультирования из кресла зама «Правая рука» исчез из института приблизительно на полгода. Правда, исчез он для сотрудников института. Мы же выбились из сил, стараясь не отставать от него в разных городах страны. Он с поразительной быстротой выходил на научные авторитеты, с удивительной уверенностью рассказывал о своих «оригинальных экспериментах», загадочных, пока еще необъяснимых результатах и, под видом дискуссий, обсуждений и консультаций, выводывал ценную информацию, создавая в их сознании образ своей «работы». Подход у него сугубо индивидуальный. Кого он ошарашивает восточной любезностью, кого — диковинными гостинцами из дальних краев...

— Больше не делали попытки перепутать им карты? — ехидно поинтересовался шайтан.

— Все это кончилось тем,— продолжал изливать душу зав,— что «Правая рука» вернулся в институт и исчез еще на два месяца, чтобы состряпать из собранных во время длительного турне обрывков сведений и идей толстый талмуд. Еще через месяц он защитился.

Шайтан хохотал слишком долго, наверное, чтобы сильнее кольнуть бывшего шефа.

— Ты не очень-то! — надулся задетый за живое зав.— Думаешь, нам не известны твои детские выходки? Мы тут умирали со смеху, наблюдая, как ты связался с этим размазней, как его там... в общем, с одним из тех несправедливо притесняемых, каких на земле ходит несметное множество. А кустарщина, которой ты занялся под его руководством? Позор! Разве так надо работать, да еще с человеком, который и за себя-то не может как следует постоять? Нет, извини, но

при всем уважении скажу: не тебе над нами смеяться!.. Ну, а если быть честным, надо признать, что по части всяких выдумок мы еще не доросли до уровня человека,— с раздражением бросил звз.— Но я, тем не менее, настроен оптимистично. Еще немного — и мы будем надежно управлять ими. Взять хотя бы этого типа, с которым ты связался. Он уже почти готов. Озлоблен на свое окружение, получил представление о технике интриг. Как только наберется достаточно опыта, начнет работать самостоятельно. Через таких и будем проводить свою политику.

«А ведь он прав: с отчаяния я был, кажется, уже и сам готов на любую ответную подлость»,— с ужасом успел осознать я.

— Ну, давайте, давайте,— усмехнулся шайтан,— посмотрим, что у вас получится. А как обстоят дела в других отделах? — спросил он, видимо, желая устроить мне экскурс по отделам департамента.

— Естественно, у всех свои трудности... На днях заведующий южноамериканского региона бахвалился, что только за последний год у него на счету два военных переворота, три организованных похищения со взломом и убийствами... Так вот, чихать я хотел на эти его дешевые успехи. Хоть и трудно, но мне по душе работа с более уважаемой и изощренной публикой. Не люблю я крови... Сейчас у меня на примете одно министерство со слаженным коллективом, безукоризненными успехами. Это стало бы делом моей жизни. А там можно уходить на заслуженный отдых... Для этой работы мне нужны тертые ребята. Не хотел бы вернуться в отдел на более выгодных условиях?

— Там видно будет. Ну, а как дела у высшего начальства?

— А, ничего интересного. Шефу опять удалось удержаться,— с нескрываемой злостью ответил зав.

— Как?! Ведь еще при мне дело шло к полному отвалу.

— Нам надо учиться у него, дорогой мой. Думаешь, он не предпринимал контрмер?

— Но всякое безобразие имеет границы...

— Зеленый ты еще. Помнишь заведующего отделом новых методов и средств? Талантливейший, но, согласись, тряпка. Что ни день — кидает очередную идею. Его статьи об оригинальных системах психологического воздействия на людей — просто шедевры. Многие паши бездари питаются с его бесхозяйственного стола — попросту крадут у него идеи, оставляя его с носом...

Так вот, в последние полгода эгог тип носится с идеей создания какой-то невероятной мощности и быстрогодействия компьютерной службы, моделирующей оптимальные режимы воздействия на помыслы людей. Эту идею, естественно, никто у него не крал, так как было ясно, что надо пробить огромные средства, шта ы и дорогостоящее оборудование. А для этого мало одной пробивной способности, которую нашим не занимать. Надо еще во всех инстанциях компетентно провести разъяснительную работу, убедить в целесообразности предприятия. А кто у нас блещет знаниями в кибернетике, чтобы сделать это, кроме самого автора идеи?

— Да, но пока я еще не слышал, чтобы с помощью одной только эрудиции что-нибудь пробивали,— возразил шайтан.

— Представь себе, он пробил. Ему было обещано около ста миллионов!.. Но он о каждом своем шаге подробно информировал шефа, святая простота. Тот вовремя усек, что речь идет об открытии, которое будет весомей работы всех остальных подразделений департамента вместе взятых и со временем полностью поглотит его. При таком обороте дел трудно было рассчитывать удержаться в своем кресле. И вот он предпринял ход, который до сих пор приводит в восторг его подхалимов и заставляет трепетать от страха остальных.

— Подсек инициатора на каком-то этапе и окончательно провалил дело в последний момент? Известный прием, что тут удивительного?

— Все ожидали именно этого. Но он не стал пачкать себя банальными приемами, а подкараулил и, точно определив момент, когда дело в принципе решилось и пришел черед оформления документов с именами и подписями, попросту отобрал работу.

— Как?! — шайтан разинул рот.

— Очень просто. Один на один с автором твердо заявил, что тот будет участвовать в работе как консультант, если понадобится, а отобрал он дело исключительно из соображений секретности и производственных интересов — дескать, нельзя рисковать исходом такого важного и крупномасштабного предприятия, на которое выделяются огромные общественные средства, поручив его кому-то, им должен заниматься он сам. И предупредил об ответственности за утечку информации. Бедный зав новыми методами и средствами вышел из кабинета, как побитая собака.

— Но шеф провалит эту работу! Он же не специалист!

— Ну и что? Любая разработка должна давать результаты через

шесть-семь лет. К тому времени шеф с почетом уйдет на пенсию.

Мой шайтан, уж на что пройдоха, слушал, открыв рот.

— Ну, хватит сплетничать о шефе. Вернешься к нам? — напомнил о своем предложении заведующий.

— А что я буду с этого иметь? На что мне у вас рассчитывать? Я ведь теперь не мальчишка, чтобы быть на побегушках. Мне нужны свои сотрудники, персональный транспорт. Сможете устроить?..

\* \* \*

Проснулся я, как обычно, в шесть утра — от ржавой трескотни до тошноты надоевшего будильника. «Сегодня же выброшу этот трамвайный колокол, куплю что-нибудь более мелодичное», — подумал я, прекрасно зная, что и завтра, и через месяц эта же трескотня будет поднимать меня с кровати и кидать в объятия неуютной жизни.

Кровать... Вспомнился вчерашний день (если его вообще можно назвать днем).

Шайтана моего купили. Ему было обещано все, чего жаждет душа карьериста, и он тут же забыл свои обиды на департамент, свою «борьбу из-за принципа». Скрепив договор остатком «Арамейского» и расчетливо-деловитым лапопожатием, шайтан поспешно покинул кабинет заведующего. Я с трудом догнал его.

— А, извини, забыл про тебя, — сказал он с оттенком надменной рассеянности в голосе. — Ну, что ты еще хочешь посмотреть у нас? — нетерпеливо спросил он, ясно дав понять, что на мою дальнейшую судьбу ему, мягко говоря, наплевать.

— Отправь меня обратно. Теперь мы с тобой в противоположных лагерях.

— То есть как? — снисходительно посмотрел он на меня.

— Очень просто. Я многое понял. Теперь знаю, как и против чего надо бороться.

— Ты? — шайтан издевательски расхохотался. — Ты будешь бороться против этих, своих, как их там... Нет, я не могу, спасите меня, я сейчас лопну от смеха, ха, ха, ха... Они же расправятся с тобой просто так, между прочим, потехи ради, ха, ха, ха...

В это время откуда-то появилась моя кровать. Шайтан уложил меня на нее, как ребенка, продолжая безудержно смеяться. А у меня почему-то то ли от обиды, то ли от злости перед глазами все начало

расплываться и меркнуть. Постепенно во мраке растворился и хохочущий шайтан.

...И вот, разбуженный будильником рано утром, я по привычке, как запрограммированная машина, начал собираться на работу. Дома на меня не обратили никакого внимания. Видно, ловкий шайтан устроил так, что моя отлучка осталась незамеченной. Кто знает, быть может, на Земле оставалась моя тень, которая без труда выполняла мою пассивную роль в жизни.

Я намеренно вышел из дома пораньше, желая дойти до института пешком. Хотелось пройтись по прохладным улицам утреннего города, обратиться с мыслями, обдумать дальнейшие действия.

Все вокруг — в густой нежной зелени. Неповторимо приятный шум только что проснувшегося города. Крепко ухватившись за руки спешащих родителей, шли малыши, с еще не стершимися следами сладкого сна на лицах. Они спешили в детские садики... Меня окружала реальная жизнь. Нет, в «том» городе было много похожего, но вот этого я там не видел...

Какой глупейшей мистической говорильней я занимался с шайтаном! О каких «вмешательствах со стороны» и о каких «кознях», влияющих на дела и судьбы людей, могла идти речь!

Путешествие в преисподнюю — это какой-то кошмар, скомбинированный только лишь из худших черт реальных событий. Быть может, я на время «впал» (в моем состоянии это было немудрено) в одно из параллельных подпространств нашего многоступенчатомногомерного материального мира? Там, говорят, все происходит в несколько искаженном виде, в силу другой метрики моральных норм. И само явление шайтана именно мне, видимо, не случайно. Он мог явиться только к человеку, находящемуся в беспомощном состоянии. К человеку, уверенному в себе, и самое главное, человеку не одинокому, он не подошел бы на пушечный выстрел.

В одном прав мой проворный компаньон. Причина всех зол кроется здесь, на Земле — в нас самих. Отчаявшись, запутавшись в неприятностях, мы зачастую кидаемся искать ее либо «наверху», либо «внизу». Свое же плавание по течению пытаемся оправдать бесполезностью, бесперспективностью всякой борьбы.

Представляется мне иногда основательный бревенчатый дом в глухой тайге, неизвестно кем построенный, в тысячах километров от людей. Просторная комната, по всем стенам тесные книжные полки,



где собрано лучшее, что когда-либо было написано людьми. Массивные окна, через которые виден безмятежный дремучий лес, своим спокойствием располагающий к работе. Массивный рабочий стол, удобные кресла, электричество (неизвестно от какого источника) и камин (неизвестно кем затапливаемый). Единственное окно в мир людей — телевизор с приемом всех телестанций мира. Я думал, что работал бы в такой обстановке не переставая...

То, что это стало бы бегством, я понял только теперь. Пусть в мыслях, но позорное бегство от жизни, от людей, И от науки. Сейчас было сгдыно за это.

«Ты что, с Луны свалился? — сказали мне в институте при первой же попытке поделиться своими планами о задуманной борьбе.— Не видишь, что делается вокруг? Кто теперь не борется против несправедливости, самоуправства? Идет же всеобщая перестройка».

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что в первых рядах этой «борьбы» и «перестройки» встали все те же Алим Акрамович со своей свитой. «А ты как думал? — словно вторя моему шайтану, говорили мне.— Чтобы уцелеть в ходе перестройки, им надо взять ее под контроль, грех упускать такую возможность при их-то умении приспособиться к любому новому веянию. Пойди попробуй доказать, что эта борьба как раз и направлена против них. Вмиг заткнут тебе рот изощренной демагогией, из которой следует, что именно ты и являешься форменным противником перестройки».

А Алим Акрамович тем временем проводит наставительные беседы, упрекая сотрудников, что именно они являются тормозящей силой на пути демократизации жизни института, о которой он, многострадальный, печется с давних пор.

Но самое интересное было впереди. Оказывается, шеф заблаговременно перевел в институт обеспеченного всеми необходимыми титулами того самого племянника Эркина — и теперь повел против него ожесточенную и, главное, демонстративную кампанию травли. Безукоризненно было имитировано опальное положение Эркина, вызывающее сочувствие не только в институте, даже в верхах! Так элегантно была решена проблема наследственной передачи трона-кресла в случае его потери. При таких взаимоотношениях кто вспомнит о родственных связях...

Чтобы не взбунтовался обиженный когда-то Рустам (кто его знает, вдруг решит, что настало его время), его срочно назначили на пост

председателя народного контроля: пусть себе думает, что дали ход его карьере...

Список подобных уже осуществленных и намеченных «перестроек» можно продолжить. Но к чему? Главное — ясно, с чем надо бороться.

## Ходжакбар ШАЙХОВ

### ГЛАЗА

*И сказал Удод: «Всякий, у кого есть сомнения, пусть спросит».*

*И тогда спросила одна птица: «О любимейшая из птиц! Все мы одного роду-племени. У всех у нас крылья и пернатый наряд. Но почему лишь тебе одному известны сокровенные тайны, а мы их не знаем? Поведай нам, откуда это различие, не скрывай ничего. Мы хотим знать причину».*

*И ответил Удод собравшимся перед ним птицам: «Это оттого, что удостоил меня своим взглядом царь Соломон. Создатель ниспослал на него свою милость, избрал своим пророком, наделил венцом, повелел править всем сущим на земле — джиннами и людьми, дикими зверями и птицами. И этот всемогущий венценосец осчастливил своим вниманием меня, недостойного. И крохотная корона на моей голове — знак высокой чести, которой я удостоен. Так знайте же: всякий, кого коснется взгляд чистого сердцем человека, проникается знанием сокровенных тайн, ибо взгляд такого человека способен даже прах превращать в сокровища».*

Алишер Навои. «Язык птиц»

Эксперт-психолог Акмаль Ганиханов без стука открыл дверь в кабинет шефа.

— Вызывали, Анвар Саидович? — Кроме шефа, в комнате находились еще двое не знакомых Акмалю людей.— Может, попозже?

— Входите, Акмальбек,— Саидов оторвал взгляд от лежащей на столе бумаги.— Вы-то мне и нужны. Садитесь.

Он опять наклонился над бумагой и несколько минут сосредоточенно ее изучал. Трое молча ждали. Анвар Саидович закончил читать документ. Морщины на лбу исчезли, лицо приняло рассеянное выражение. «Дело, похоже, серьезное»,— отметил про себя Акмаль. Такое выражение лица у шефа возникало всякий раз, когда ему приходилось поручать сотрудникам отдела какое-нибудь особенно запутанное и головоломное дело.

— После операции «Трест» вам полагалось отдохнуть денек-другой.— Анвар Саидович виновато кашлянул и развел руками.— Но другого выхода у нас нет... Кстати, познакомьтесь — директор

Института физических исследований Хасил Сафарбаевич Фазилов.

Коренастый смуглый мужчина лет пятидесяти пятиулыбнулся и чуть заметно кивнул. Серебристо-седые вьющиеся волосы красиво оттеняли высокий лоб.

— А это ученый секретарь Института товарищ Ту-раев.

«Он самый»,— только так можно было истолковать наклон всем корпусом, который проделал молодой человек с густыми сросшимися бровями.

— Дело в том, Акмальбек,— продолжал Анвар Саидович,— что в Институте совершено преступление... Возможно, преступление.

— Так будет точнее,— деликатно вставил Фазилов, глядя на Саидова поверх изящной оправы очков.— Простите, но доказательств у нас по существу никаких...

— Полностью согласен с профессором! — оживился ученый секретарь, перебегая глазами с одного на другого,— Вполне возможно, что никакого преступления и нет. Трудно сказать что-то определенное...

— Понятно,— мягко, но решительно прервал его Саидов и, едва сдерживая улыбку, взглянул на эксперта.— Думаю, и вы все поняли, Акмальбек. Не правда ли?

— Да, конечно,— усмехнулся Акмаль, но Саидов уже заговорил серьезным тоном:

— Руководство Института просит нас провести расследование. Дело запутанное и... деликатное. Двое ученых, ну, скажем, так: не сошлись характерами, и один подверг другого...— Саидов покосился на бумагу,— высокочастотному гамма-облучению. Я правильно произнес, профессор?

— Произнесли-то правильно,— директор опять смотрел на Саидова поверх щегольских очков.— Но это могло быть не обязательно гамма-излучение. С таким же успехом можно предположить и воздействие электромагнитных волн и просто потока электронов. Да там в заявлении все написано.

— Исчерпывающе,— уголки губ шефа опустились и вновь приняли обычное положение.— В общем, есть над чем поломать голову, Акмальбек. Начинайте.

«Ломать голову?» — едва не сорвалось с языка Гани-ханова, но он вовремя сдержался.

— Слушаюсь.— А про себя подумал: на этом деле действительно

черт ногу сломит.

Штат лаборатории высокочастотных испытаний состоял из семи человек. Это были заведующий лабораторией, старший научный сотрудник и пять инженеров.

Отношения между заведующим и старшим оставляли желать лучшего. Инженеры держались обособленно. С начальством не конфликтовали. Между собой — тоже. Изучение личных дел сотрудников, на которое ушла большая часть дня, ничего существенного не дало: люди как люди. Специалисты своего дела.

Прокручивая все это в памяти по дороге в лабораторию, Акмаль безуспешно пытался нащупать хоть какую-нибудь зацепку: ее просто не было. Ничего такого, что могло бы вызвать хоть какое-то подозрение. Нелады между завом и эсэнэс (как мысленно назвал старшего научного сотрудника Акмаль)? Но где их не бывает? И, судя по всему, не так уж они далеко и зашли, чтобы толкнуть человека на преступление. Тогда что? Несчастный случай? Несоблюдение мер безопасности? Во всем этом предстояло разобраться на месте.

Лаборатория размещалась в трех расположенных подряд по коридору комнатах. Первую, как было уже известно Акмалю, занимали заведующий и эсэнэс. Две оставшиеся — инженеры.

Первая дверь оказалась запертой, и эксперт, независимо помахивая черным «дипломатом», вошел во вторую. Здесь двое молодых людей колдовали над полусобранной схемой какого-то устройства. Увлеченные своим делом, они едва ответили на приветствие Акмаля. Это было ему только на руку. Приглядевшись к работающим, он без труда опознал их по фотографиям в личных делах. Круглолицего крепыша с выразительными чертами звали ААухтаром Барноевым. Второй — блондин с роскошными «запорожскими» усами — был, наверняка, Юрий Харитонов.

Улучив момент, когда инженеры отвлеклись от работы, эксперт представился.

— Я племянник Джамшида-ака. Только что из Намангана приехал. Позвонил дяде с вокзала — дома никто трубку не берет. Значит, думаю, на работе. Вы мне его кабинет не покажете?

— Показать можно, — Мухтар оглядел гостя с головы до ног. — Отчего же не показать? Только вот, боюсь, бесполезно это.

— Бесполезно? Почему?

— В больнице Джамшид-ака.

— В больнице? — как можно натуральнее изумился Акмаль.— Что случилось?

— Ничего страшного.— Мухтар снова смерил его взглядом.— Приболел малость.

— В какой он больнице?

— В первой.

Второй инженер, не принимая участия в диалоге, продолжал задумчиво разглядывать схему.

— Провалиться мне, если не в магнитном усилителе дело,— изрек он наконец, досадливо морщась.— Мощности не хватает. Придется еще один искать.

Кажется, он только теперь по-настоящему осознал присутствие третьего лица.

— Да вы проходите, что в дверях стоять? Садитесь.

Акмаль опустил на стул, поставил «дипломат» рядом.

— Как раз этого я и опасался,— сокрушенно вздохнул Мухтар.— Представляешь себе, что значит второй усилитель монтировать? Весь корпус переделывать придется.

— Ну а что делать? Будем корпус менять.

Инженеры молча уставились друг на друга.

— С гостиницей устроились? — неожиданно обернулся к гостю Мухтар.

— Как раз об этом думаю,— Акмаль озабоченно потер щеку.— У дяди Джамшида, раз он в больнице, останавливаться неудобно. А в гостиницу у вас тут, наверное, проблема попасть. Столица.

— У меня переночуете,— решил Мухтар.— Квартира, правда, однокомнатная, зато раскладушки две.

Акмаль невольно улыбнулся. Импровизация шла как по маслу.

— Не стесню?

— Нисколько. Кстати, и ты, Юра, с нами идем. Время-то уже шесть. Все равно сегодня не закончим эту штуку. Приготовлю плов по-андижански — пальчики оближете. Поболтаем вволю. Уговорил?

Харитонов начал было отнекиваться, ссылаясь на то, что ему нужно взять книгу в библиотеке, но в конце концов не устоял и принялся собирать разбросанные по столу детали.

— Попробуем магнитный усилитель на транзисторы заменить,— сообщил он между делом.

— Опять к старому варианту? — возразил Мухтар.

- А как быть? Получится — значит, время сэкономим.
- Понятно. Все лучше, чем целиком установку переделывать.
- Умница, — уважительно покосился Харитонов. — На лету усек.
- Да ладно тебе! — отмахнулся Мухтар. — Собирайтесь, гость.
- Я готов. — Акмаль поднялся и взял в руки «дипломат».

Мухтар щелкнул ключом в замочной скважине и настежь распахнул дверь с ромбовидной номерной табличкой, на которой красовалась цифра 85.

— Прошу! — И посторонился, пропуская гостей в квартиру. — Будьте как у себя дома.

Квартира состояла из довольно просторной комнаты с лоджией и небольшой кухоньки. Зеленый линолеум на полу, салатных расцветок обои — на всем следы холостяцкого образа жизни.

— Извините за беспорядок, — Мухтар виновато развел руками. — Горим на работе. Бытом заниматься некогда. Но плов я вам смастерю за сорок минут. А вы пока в шахматишки сразитесь.

— Может, лучше тебе помочь? — предложил Юрий.

— Не надо, — откликнулся Мухтар уже из кухни. — У меня тут все приготовлено. Осталось в казан опустить.

Акмаль тем временем принялся расставлять фигуры на шахматной доске. Взглянул на Харитонova.

— Сыграем? В чемпионах, правда, никогда не числился, но кое-кого из тех, кто себя выше чемпионов мнит, случалось, обыгрывал.

— Тогда считайте, что вам повезло, — усмехнулся инженер. — Я себя и любителем-то назвать не решусь. Все как-то руки до шахмат не доходят. То ли дело Джам-шид-ака и Закир Кудратович!

— Закир Кудратович? — насторожился Акмаль.

— Старший научный сотрудник.

— Здорово играют?

— Мягко сказано, — Юрий опустил на стул. — Когда они в шахматы режутся, того и гляди доска вспыхнет! Громы и молнии!

— Интересно. — Акмаль расставил фигуры. — Начнем? Ваш ход.

— Начнем так начнем. — Юрий подвинул королевскую пешку.

— Обычно так играют те, у кого есть личные счета.

— Пешкой? — спросил Харитонов.

«А парень себе на уме!» — отметил эксперт, повторяя ход белых.

— Я Джамшида-ака имел в виду.

— Так бы и говорили. — Юрий пошел конем. — Что ж, может, вы и

правы. Отчасти.

Из кухни донеслось шипение раскаленного масла.

— В один из своих приездов в Наманган дядя жаловался на какого-то научного сотрудника...— «вспомнил» Акмаль.

— На Закира Кудратовича,— задумчиво разглядывая фигуры, кивнул инженер.— Больше не на кого.

— И чего людям не хватает? — эксперт вывел вперед ладью.— Будто тихо-мирно жить нельзя.

— Когда можно, а когда нельзя,— возразил Юрий.— У них, например, эта история давно тянется.

— Уж не с детства ли? — съехидничал Акмаль.

— С детства, не с детства...— инженер пошел ферзевой пешкой.— И вообще...

— Что «и вообще»?

Юрий поднял взгляд от шахматной доски.

— Давайте сменим тему разговора. От этого у нас и так у всех голова болит.

— В таком случае,— Акмаль взялся за ферзя,— вам шах, молодой человек.

— Пешка, похоже, тью-тью,— констатировал инженер без особого сожаления.— А, нет, можно спасти.

— Странно...

— Странно? — насторожился Юрий.

— Я не о шахматах. Странно, что я о родном дяде ничего толком не знаю. Кто у него друзья, кто враги.

— Так уж люди устроены,— вздохнул Харитонов,— Бок о бок, а друг друга не знают.

Вошел Мухтар с салатницей и пиалушками в руках. Сообщил, ставя посуду на стол:

— Плову еще минут двадцать стоять. Есть мыслишка: беленького по пиале для настроения. Как вы? — И, не дожидаясь ответа, достал из холодильника графин с белой жидкостью.

«Кумыс»,— решил эксперт и, не давая разговору изменить направления, пустил «пробный шар»:

— Всегда считал дядю положительным человеком...

Харитонов промолчал. «С тобой все ясно,— подумал

Акмаль.— Береженого бог бережет». Инженер защитил короля пешкой.



— Еще шах!

— Неужели мат? — в голосе Юрия было больше иронии, чем сожаления.

— Почти,— кивнул Акмаль.— Но не совсем.

— Думаю,— Мухтар сел за стол и принялся наливать в пиалушки из графина,— у вас нет оснований разочаровываться в своем дяде. I

— И я бы этого не хотел,— признался «племянник»,— да вот послушал Юрия: вражда, личные счеты... История, от которой у всех голова болит...

— Проиграл,— Харитонов отодвинул шахматы к краю стола.— Сдаюсь. А насчет Джамшида-ака вы зря. Враги у всех есть. И это в порядке вещей.— Он усмехнулся.— Чтобы друзей больше ценить. Ну, а если серьезно, то многое от самого человека зависит. От его отношения к друзьям и врагам.

— Сухие философствования,— притворно поморщился Мухтар и поднял пиалу.— В горле першит. Смазать надо.

Акмаль отхлебнул и вытаращил глаза.

— Молоко,— с довольным видом сообщил Мухтар.— Джамшид-ака других напитков не признает. И нас приручил.

— Молодцы! — от души восхитился эксперт.— А то «сухой закон», «сухой закон»! Зачем, когда молоко можно пить? И вкусно, и полезно!

— И психологически оправдано,— вставил Юрий.— Чокнулся, выпил — глядишь, и тонус вверх повело.

— Думаете, дядя Джамшид для того молоко и пьет? — хитро прищурился Акмаль.

— Для чего «для того»? — переспросил Мухтар.

— Чтобы с врагами на равных.

— Вряд ли. Нравится, вот и пьет. А насчет врагов... Закир Кудратович в виду имеется?

— Хотя бы и он. Что между ними происходит?

— На этот вопрос вам, пожалуй, никто не ответит.

— Вот и Юрий так считает. Почему?

— «Почему-почему»! — рассердился Мухтар.— Лично я не могу их отношения понять. Других понимаю, а их нет. И никто не поймет.

— Так уж и никто? — подзадорил Акмаль.

— Ладно вам,— вмешался Харитонов.— Софистику развели. Покопаться как следует — и все ясно станет.

— Правильно! — просиял Акмаль.

— В чем угодно, только не в этом,— продолжал упорствовать Мухтар.

— Ив этом тоже.— Юрий перевернул доску и принялся складывать в нее фигуры.— Ты вспомни, с чего у них сыр-бор начался?

— А тут и вспоминать нечего. С изобретения.

— Говори уж подробнее. Тут чужих нет. Да и Ак-мальджан должен всю правду знать.

— Подробнее. А что? Скажу.— Мухтар повернулся к Акмалю.— Лет десять назад Джамшид-ака изобрел способ получения алмазов искусственным путем...

— Рассказывать, так уж все по порядку,— перебил его Юрий и протянул пиалу.— Плесни-ка еще. А я Акмалю все как было растолкую. Плов не перестоит?

Мухтар взглянул на часы.

— Не перестоит.— И наполнил пиалушки.

— Шестнадцать лет назад Джамшид-ака окончил Бауманское училище в Москве, а Закир Кудратович — физфак Ташкентского университета, и под началом академика Арипова занялись проблемой вторичной эмиссии. Тогда-то впервые обнаружили у Джамшида-ака способности к теоретическим исследованиям, а у Закира Кудратовича — к испытательной работе. Любо-дорого было смотреть, как они вдвоем пахали. Новую идею обычно нащупывал Джамшид-ака. Высказывал ее Закиру Кудратовичу. Тот начинал с того, что камня на камне от идеи не оставлял. Начинался спор, да еще какой — вся лаборатория ходуном ходила!

А денька через два-три Закир Кудратович как ни в чем не бывало подходил к Джамшиду-ака и с ходу брал быка за рога: «Хочешь открыть новый способ получения монокристаллов, а при этом забываешь то-то и то-то. Теория, брат, теорией, а вот на практике...» Ну и дальше фейерверк практических предложений, с помощью которых идея Джамшида-ака перестает витать в облаках и прочно становится на ноги. Джамшид-ака поначалу возражал, но, поразмыслив, соглашался. Закир Кудратович за пару месяцев выдает генеральную схему, а уже мы сообща доводим ее до ума.

Вот это было содружество! Более десяти изобретений за какие-нибудь пять-шесть лет. Со стороны посмотреть — комар носу не подточит. Все правильно, все по закону, ни к чему не придерешься. Одно только маленькое «но»... Именно в это время пробежала между

ними черная кошка. И, честно говоря, я Джамшида-ака понимаю. Несправедливо получилось. Идеи от начала до конца выдавал он, теоретическое обоснование полностью его. Закир Кудратович фактически по готовому работал. А изобретения оформлялись на двоих. Не так, скажешь?

— Так,— подтвердил Мухтар.— Только...

— Что «только»? — Юрий разошелся уже вовсю.--» Знаю, на что намекаешь. Разговоры, пересуды. А иначе и быть не могло. Человек у всех на виду паразитировал.

— Скажешь...— поморщился Мухтар.— Он ведь тоже не сложа руки сидел.

— Правильно. Но изобретения-то делал не он! Я против Закира Кудратовича ничего не имею. Он и организатор великолепный, и экспериментатор, и хозяйственник. Но не теоретик. А изобретения и открытия делают теоретики.

— А как тогда с Оппенгеймером быть?

— А никак! Там одно, здесь другое. Да он никогда не лез в теоретики.

— Ой ли?

— Плов перестоит,— напомнил Акмаль.

— Правда! — спохватился Мухтар, вскакивая из-за стола.— С этим Харитоновым вечно так. Заведется — не остановишь.

— Помочь? — предложил Акмаль, кивнув в сторону кухни. ,

— Сидите, сам управлюсь.

— Вы о каких-то разговорах упоминали,— напомнил эксперт, когда Мухтар скрылся за дверью.

— А-а! Говорить противно! — отмахнулся инженер.— Сплетни, они ведь как снежный ком с горы. Не успеешь оглянуться — и уже не понять, где правда. Джамшид- ака вроде бы сказал, что не будь его, Закир Кудратович никогда выше рядового хозяйственника не поднялся бы. А тот в ответ: «Без меня Джамшид — пустопорожний мечтатель. Это я за него все делаю». Ну и дальше в геометрической прогрессии: «Закир — плагиатор, мои идеи крадет». «Джамшид ни одной свежей мысли не родил, давно известное повторяет. Это я из ничего что-то делаю. А он только и знает, что под авторскими свидетельствами подписи ставить». В общем, такое наворотили друг на друга, экскаваторами не разгрести. И ведь умные мужики. На людях ни слова лишнего. Только

по делу. Корректно, без подковырок, не повышая голоса.

В конце рабочего дня обязательно партия в шахматы: смотрите, мол, прежде играли и теперь продолжаем. Хотя именно этого-то нам делать и не следовало.

— Почему? — быстро спросил эксперт.

— Выдают их шахматы. С головой выдают. Со стороны-то виднее. У Закира Кудратовича такая холодная ярость во взгляде... Кстати, вы в дурной глаз верите, Акмальджан?

Ответить эксперт не успел — в комнату вошел Мухтар с ляганом в руках, и головокружительный запах защекотал ноздри. Плов действительно удался на славу.

— С андижанским пловом ничто сравниться не может! — прихвастнул Мухтар, глядя, как аппетитно едят гости. И тотчас оговорился: — Разве что в Ташкенте конкуренты найдутся.

— Без конкурентов нельзя, — кивнул Юрий, орудуя ложкой. — Конкуренция — двигатель прогресса.

— Хорошо, если бы только повара между собой конкурировали, — вздохнул Мухтар.

— Вы о дурном глазе спросили, — вернулся Акмаль к прерванному разговору. — Так вот я лично в сглаз верю.

— Фантастикой увлекаетесь? — усмехнулся Юрий.

— Увлекаюсь. Особенно если она от реальности отталкивается.

— Это другое дело, — согласился Харитонов, — А что касается сглаза...

— ...то Юра у нас в такие вещи не верит, — вмешался Мухтар, — Из-за чего у нас с ним вечные разногласия.

— Не верю, — подтвердил Харитонов, — И никогда не поверю, что Джамшид-ака слег потому, что его Закир Кудратович «сглазил».

— Вот так, — сокрушенно кивнул Мухтар, — Уперся и ни в какую. Сколько я ему случаев приводил, сколько убеждал — все бесполезно!

— Неубедительные, наверное, случаи, — улыбнулся Акмаль.

— Да уж куда убедительнее! — всплеснул руками Мухтар. — Взять хотя бы Дустжана-ата из нашей ма- халли...

— Пошло-поехало, — усмехнулся Юрий.

— А я не для тебя рассказываю. Не хочешь, не слушай... Собрались мы как-то на хашар<sup>28</sup> к моему родственнику. Глинобитную стену вокруг

---

<sup>28</sup> Коллективное оказание безвозмездной помощи.

сада поднять. Работаем. И вдруг откуда ни возьмись — Дустжан-ака. Идет, глаза вытарашил. А они у него — противнее некуда. Глянет — и мороз по коже. «Бог в помощь!» — говорит.— Не уставайте! Ишь какую махину подняли, молодцы!» И дальше своей дорогой пошел. Бабушка моя тут как тут, выскочила из дому, подожгла руту в совке и давай нас всех дымом окуривать. А сама старика Дустжана на чем свет стоит ругает. «Чтоб ты провалился, проклятый! Чтоб земля тебя проглотила!» Так что вы думаете? В тот же вечер новенькая пахса<sup>29</sup> рухнула.

— И рута не помогла,— съехидничал Харитонов.

— При чем тут рута? — возмутился Мухтар,— Я о дурном глазе толкую.

— А дурной глаз при чем? Строить надо как следует.

На этот раз Мухтар пропустил реплику мимо ушей.

— Бабушка рассказывала, будто Дустжан-ака давно в мехалле недоброй славой пользуется. Однажды он лошадь сглазил. «Вот это я понимаю конь,— говорит.— Сразу видно — породистых кровей». И копь тут же споткнулся и ногу сломал.

— Совпадение,— буркнул Юрий.

— А по-моему, что-то есть в этом,— возразил эксперт.— Дыма без огня не бывает. Неспроста люди детям на руки бусинки вешают, как талисман от дурного глаза.

— Правильно! — оживился Мухтар.— Бабушка рассказывала, что стоит Дустжану на малыша взглянуть да еще похвалить, вот, мол, какой молодец растет, как у того бусинки, привязанные к запястью, сами собой сыпаться начинают.

— Вот-вот! — расхохотался Юрий.— Хорош талисман!

— А еще я недавно читал, что в Казахстане специальные соревнования проводились...

— Первенство республики по дурному глазу! — вставил Юрий.— Кто кого пересглазит.

— Не перебивай. Так вот, там один участник взглядом заставил валун с горы скатиться.

— Вот дает! — восхитился Харитонов.— Таких на лавинозащитные станции надо посылать.

А другой взглядом виноградник засушил.

— Ну, этого явно под суд отдать... Слушай, а ты, я смотрю, тоже

---

<sup>29</sup> Глинобитная стена.

фантастикой увлекся? Признавайся, где вычитал?

— Не помню,— признался Мухтар.— Кажется, это фельетон был.

— Так бы сразу и говорил.— Юрий отложил ложку и вытер губы салфеткой.— А если без шуток, то я уверен, что глаза Закира Кудратовича никакого отношения к болезни Джамшида-ака не имеют.

— Не знаю, Юра, не знаю,— с сомнением покачал головой Мухтар.— Это как подойти. Но и то, что ты предполагаешь, тоже ни в какие ворота не лезет.

— А что вы предполагаете? — обернулся Акмаль к Харитонову.

— Понимаешь, Акмальджан, я ничего не берусь утверждать наверняка.— Юрий опустил на стол скомканную салфетку.— Ну а строить предположения никому не возбраняется. И считать их реальными тоже. Одним словом, отношения у вашего дяди со старшим научным складывались последнее время хуже некуда. Не так давно они, а вернее Джамшид-ака рассчитал электроизмерительный прибор для металлургического комбината. Закир Кудратович, как всегда, руководил монтажом и доводкой. Прибор имел большое промышленное значение. Министр лично приезжал в институт, просил ускорить работу. И тут между шефом и старшим впервые открытый скандал разразился. Да еще какой скандал.

Обычно когда они авторское свидетельство подписывали, в нем указывалось, что оба изобретателя имеют равные права. А на этот раз Джамшид-ака уперся: десять процентов Закиру Кудратовичу и ни процента больше. Тот, понятное дело, взвился и на имя директора института заявление накатал. Джамшид-ака в свою очередь нагаисал, что не только к этому изобретению, но и ко всем предыдущим Закир Кудратович вообще никакого отношения не имеет. Что проделанную им работу в состоянии выполнить рядовой инженер. И потребовал, чтобы Закира Кудратовича отстранили от работы в лаборатории. Старший света божьего не взвидел и на партбюро вопрос ребром поставил: или этот пустопорожний мечтатель, или я!

— Ты расскажи, как они у себя в кабинете друг на друга оралы,— вмешался Мухтар.

— Было,— подтвердил Юрий.— Но мы сейчас не об этом. Так вот, насчет моего подозрения. Подозрения, повторяю. Не больше. О нем только двое знали: я да Мухтар. Столы у них в комнате стоят друг против друга. У Джамшида-ака на столе кое-какие книги, стопка бумаги, авторучки. И все. У Закира Кудратовича — разная

измерительная аппаратура, тестер и мощный высокочастотный источник электроэнергии. В нем-то все и дело.

— Не поймет,— снова вмешался Мухтар.— Говорить, так уж все по порядку. Расскажи, как раньше было.

— Верно,— согласился Харитонов.— Прежде у него стоял автономный источник энергии, но всего на десять киловольт. И этой мощности с избытком хватало для испытаний нового прибора. И вдруг ни с того ни с сего Закир Кудратович заменяет источник на более мощный. Тридцать киловольт! Как вам это понравится? Тридцать тысяч вольт! И мотивирует тем, что якобы прежней мощности для прибора не хватает.

— А что, для прибора действительно не требовались такие мощности?

— Конечно, нет. Уже при одиннадцати-двенадцати киловольтах некоторые элементы схемы выйдут из строя.

— Понятно.

— Что вам понятно?

— Выйдут из строя.— Акмаль, не моргнув глазом, выдержал испытующий взгляд Харитонова.— Я что-то путаю?

— Стараетесь запутать,— усмехнулся Юрий.— Но это уже ваше личное дело.

«Догадывается,— понял Акмаль.— Но теперь это уже неважно. Может, даже к лучшему. Он искренен, а это главное».

— Или наоборот.

— Это как?

— Мое, но не личное.

Мухтар недоуменно переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Не пойму, о чем вы?

— И не надо,— усмехнулся Юрий.— Знаешь, что для инженера-физика главное?

— Что?

— Не совать нос в чужие дела. Даже если они не личные. Верно, Акмальджан?

Эксперт молча пожал плечами и изобразил на лице беззаботную улыбку.

— Так вот,— продолжал Юрий.— Под напряжением двадцать пять киловольт высокочастотный источник энергии излучает

электромагнитные волны, вредные для живых организмов.

«Вот и разгадка,— устало подумал Акмаль.— Все проще простого. Злодей старший научный сотрудник подвергает соперника смертоносному облучению, а за компанию и самого себя тоже: сидят-то они в одной комнате».

Мухтар словно прочитал его мысли.

— Джамшид-ака увлекающийся человек. Загорится какой-нибудь идеей — часами из-за стола не встает. А Закир Кудратович — напротив — каждые полчаса покурить выходит.

— И, уходя, врубает высокочастотный источник на полную мощность.— Акмаль в упор уставился на Харитонову,— Так?

Юрий неопределенно пожал плечами.

— Так,— ответил Мухтар.— Приблизительно так.

— А что же эти... ну как их — элементы схемы?

— А вы молодец, Акмальджан,— одобрительно кивнул Юрий.— Мы тут тоже уперлись было в тупик. Можно, конечно, предположить что, уходя, Закир Кудратович подключает высокочастотный генератор к какому-то другому потребителю энергии, а возвратившись, вновь понижает мощность и подключает к прибору. Но потребителя энергии, рассчитанного на подобную нагрузку, в нашей лаборатории нет.

— Физики народ изобретательный.— Акмаль понимал, что выходит за рамки роли «племянника из провинции», но теперь это уже не имело значения: ребята разговорились.— Когда нужно...

— Во! — восхитился Юрий.— Видишь, Мухтар, что значат гены?

— Гены? — удивился тот.

— А что же еще? Чей Акмаль племянник? Джамшида-ака. И тоже на лету все схватывает.

Это была явная подначка, но подначка беззлобная. И знали о ней только двое: Акмаль да Юрий.

— Сопrotивление на несколько тысяч мегаом — и все в порядке,— продолжил Харитонов, переходя на «ты».— Но ты это сразу усек, а мы с Мухтаром месяц голову ломали, пока Закир Кудратович сам не подсказал.

— Сам? — недоверчиво переспросил Акмаль.

— Юра однажды без стука в их комнату вошел,— разъяснил Мухтар.— Вот и успел заметить, как старший что-то со стола сгреб — и в карман.

— Это сопротивление, оно что — маленькое? — спросил эксперт.



— С мизинец.— Для наглядности Мухтар показал палец.— Вот такусенькое.

— А что,— уже почти не таясь, обрадовался Акмаль,— это уже вещественное доказательство. Спасибо вам, друзья, за консультацию.

— Чем богаты,— развел руками Харитонов.— К сожалению, это все, что касается интересующего тебя вопроса. Будем рады, если хоть немного тебе помогли.

— Конечно, помогли.— Акмаль допил чай и поднялся.— Мне кажется, ваши предположения вполне вероятны. А теперь мне пора. Еще раз спасибо.

— Как? — искренне удивился Мухтар.— А ночевать разве не останетесь?

— Святая простота! — изрек Юрий и подмигнул эксперту.— Да разве после всего здесь услышанного Акмальджан может позволить себе не навестить дядю сегодня же?

Акмаль улыбнулся и взглянул на часы.

— Юрий прав. Поеду в больницу. Все мы в этом мире тленны.

— Чем не Омар Хайям? — Мухтар разве что в ладоши не захопал.— А вы мне действительно понравились, Акмальджан. Заходите, всегда рад буду вас видеть.

— Я, пожалуй, тоже пойду,— сообщил Юрий.— Завтра вставать рано. И ты отдыхай, Мухтар. Спасибо за плов.

В далекой горной стране жил мудрец по имени Хаким Амир Шайх. По учености своей и уму мог он быть покровителем всего сущего на земле, но предпочел довольствоваться обществом подобных ему благопристойных людей и пользовался у них почитанием и любовью. В те далекие времена люди жили в согласии с окружающим их миром: не охотились на животных, оберегали деревья и травы. Общими были у них заботы и радости, но и бедствия были общие.

— Как-то однажды пришли в скромную худжру<sup>30</sup> Хакима Амир Шайха несколько дехкан. Было жаркое лето, но в худжре стоял прохладный полусумрак и пахло старыми книгами.

— О мудрейший из ныне живущих! — обратился старый дехканин к хозяину худжры,— Вот уже три месяца умоляем мы всевышнего послать на наши поля живительный дождь. Но творец глух к нашим мольбам. Земля растрескалась от засухи, рассыпается в пыль. Гибнут

---

<sup>30</sup> Келья

поля и сады. Один ты можешь помочь нашей беде. Сотвори чудо, святой человек. Спаси нас. Пролей дождь на поля, сады и леса.

Долго молчал Хаким Амир Шайх, прежде чем ответить дехканам. Когда-то он умел вызывать дождь. Но это было давно. Так давно, что теперь он даже не был уверен, способен ли повторить это чудо. Отказать — означало вызвать на себя гнев и обиду. Попытаться и не суметь — значило потерять доверие людей. Наконец он решил.

— Дети мои,— голос его звучал смиренно и тихо.— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вашей беде. Но на все воля всевышнего.

Проводив дехкан, Хаким Амир Шайх два дня тщательно готовил себя к предстоящему делу. Вновь и вновь листал древние книги, сосредоточенно повторял какие-то заклинания. На третий день в послеобеденный час, когда все вокруг словно тлело от зноя, он вышел в поле. Сморщились и пожухли листья на деревьях, поникли до земли незрелые колосья пшеницы.

Хаким Амир Шайх опустил на колени посреди мертвого пшеничного поля, воздел к небесам руки и изо всех сил стал кричать заклинания. Он кричал так исступленно, словно голос огнем обжигал его гортань. Казалось, из глаз его летели искры и дым курился над раскаленной докрасна головой.

Прошло немало времени, прежде чем заклинатель поднялся с колен, но в ту же минуту все закружилось перед глазами, и он потерял сознание. Очнувшись Хаким Амир Шайх от холодного прикосновения к лицу и, открыв глаза, увидел над собой затянутое тучами небо. Шел дождь. Заклинатель снова закрыл глаза и облегченно вздохнул...

На следующий день Акмаль с утра заглянул к шефу. Анвар Саидович отложил в сторону авторучку и вопросительно взглянул на эксперта.

Акмаль коротко рассказал о беседе с инженерами.

— Ну что ж,— Анвар Саидович задумчиво почесал переносицу.— Обе версии заслуживают внимания. Значит, так: пригласи старшего ко мне завтра часикам, скажем, к шести. А сам, пока суд да дело, побывай в отделе снабжения института. Догадываешься, зачем?

— Сопротивления?

— Да. Сколько их выдано в лабораторию и когда. А завтра не грех и больного навестить. Лучше с утра. Чтобы к шести часам располагать более подробной информацией. Договорились?

— Договорились, Анвар Саидович. Пойду?

— Не спеши. Насчет дурного глаза... Твое личное мнение?

Эксперт пожал плечами.

— Я так и думал. А зря. Полистай подходящую литературу. Вольфа Мессинга, например. Психодинамическая энергия, биополе, парапсихология. Последнее время об этом все чаще пишут...

— Заболевание достаточно неординарное. У Джам-шида Темурова резко повысилось содержание белых кровяных телец. По-видимому, пациент подвергнулся гамма-облучению или оказался в зоне высокочастотных электромагнитных колебаний. Картина в общем знакомая: постоянные головные боли, общее недомогание, сонливость, упадок сил. Я сказал неординарное, но это если брать вообще. Что же касается физиков, имеющих дело с атомными реакторами... Словом, все это мы подробно изложили в письме на имя директора Института.

— Скажите, доктор, а не мог бы я сейчас побеседовать с Темуровым?

— Почему бы нет? — Главврач взглянул на часы и поднялся из-за стола.— Пойдемте провожу.

Пациент, когда они вошли в палату, читал какую-то книгу, делая из нее выписки в толстую тетрадь.

Главврач представил их друг другу и оставил наедине.

— Слушаю вас.— Даже в больничной пижаме Джамшид Темуров выглядел представительно: статный, чуть полноватый мужчина лет сорока пяти с посеребренными сединой волнистыми волосами, эффектно оттеняющими смуглое продолговатое лицо. Фотография в личном деле давала о нем весьма приблизительное представление.

Темуров положил на тумбочку книгу и тетрадь, опустил авторучку в карман пижамы.

— Итак, чем могу быть полезен?.

— Многим. У нас есть основания полагать, что на вас совершено покушение.

— Та-ак? — неподдельно удивился Темуров.— Странно, как я этого не заметил. И кто же эти злодеи?

— Именно это мы и выясняем.

— Да поможет вам аллах, как говорится. Ну а если вас интересует мое личное мнение, то вы напрасно теряете время.

— Вы так думаете?

— Абсолютно уверен. Врагов, по крайней мере таких, которые решились бы на покушение, у меня нет.

— Можно подумать, о покушении ставят в известность заранее,— произнес Акмаль.— Ну хорошо, не будем спорить. Ответьте по крайней мере на несколько вопросов.

— Спрашивайте,— рассеянно согласился ученый, думая явно о чем-то другом.— Что вас интересует?

— Ваши отношения со старшим научным сотрудником.

— Вот оно что! — Темуров на мгновение задумался, но тут же решительно покачал головой.— Это исключено!

— Но ведь были же между вами разногласия?

— Были и есть. Наверняка будут и дальше. Ну и что из того?

— Просто я подумал...

— Напрасно подумали.

Некоторое время оба молчали. Темуров — укоризненно глядя на собеседника. Акмаль — стараясь ничем не выдать обиды. Ученый, видимо, понял его состояние.

— Ладно.— Он улыбнулся и сразу стал как-то проще, добрее и... печальнее.— Вот уж не думал, что в вашем ведомстве такие обидчивые молодые люди работают. Хотите знать мои отношения с Закиром? Он опять помолчал.— Хорошо, я расскажу вам о них. Но учтите, рассказ получится длинный.

— Это ничего,— воспрянул духом Акмаль и спохватился: — А вас это не утомит?

— Не утомит,— Темуров откинулся на подушку.

В актовом зале НИИ физических исследований яблоку негде было упасть: собрался практически весь коллектив— от директора до младших научных сотрудников и лаборантов.

— Приглашенные собрались все,— руководитель института окинул взглядом переполненный зал и продолжил, четко произнося каждое слово: — Научно-техническое совещание разрешите считать открытым. На повестке дня один вопрос: отчет о ходе выполнения хоздоговора «Композиция».

Прежде чем заслушать отчет, короткая справка. Два года назад по инициативе товарища Темурова Институт заключил хоздоговор на создание специальной аппаратуры общей стоимостью триста тысяч рублей. Аппаратура принципиально нового типа предназначена для работ в условиях космоса. Уже одно это говорит о ее сложности. И тем более важно соблюдение срока, обусловленного договором. А он не так уж и велик — три года, и два из них уже позади. Полученные на сегодня

результаты свидетельствуют о том, что дело движется крайне медленно и выполнение договора под угрозой срыва. Создается впечатление, что сотрудники лаборатории, возглавляемой товарищем Темуровым, не отдают себе отчета в государственной значимости порученного им дела. Не отработана технология, крайне медленно идет монтаж электронных блоков. Надеюсь, что на сегодняшнем совещании ответственные исполнители объективно оценят положение дел с выполнением договора, внесут конкретные предложения по его коренному улучшению. Вам слово, товарищ Темуров.

Джамшид Темурович не спеша поднялся на трибуну.

— Обрисованная картина полностью соответствует действительности. Мы в самом деле значительно отстали от утвержденного графика. Трудно, да, наверное, и не к чему ссылаться на какие-то причины и оправдательные доводы. Научно-исследовательские работы далеко не всегда укладываются в запланированные рамки. Проблема нанесения на композитные материалы тонкого металлического покрытия в условиях абсолютного вакуума — проблема не из легких. Ею усиленно занимаются и за границей, но, судя по всему, успехами пока не блещут. В теоретическом аспекте нам все ясно. Технология, которую мы отрабатываем, — принципиально новая. Мы убеждены в ее перспективности. Так что отставание от графика следует рассматривать не как показатель нашей пассивности, а наоборот. Чем тщательнее и скрупулезнее будет отработана технология сейчас, тем больше гарантии, что нам не придется снова к ней возвращаться и устранять недоделки. Впрочем, об этом более подробно и обстоятельно скажет Закир Кудратович. Это по его части.

В отличие от Темурова, старший научный сотрудник буквально взлетел на трибуну. Он был взволнован и не пытался это скрыть.

— Интересная получается ситуация! — Кудратов сверкнул глазами вслед Темурову. — Инициатор комплекса работ и заключения договора — Темуров, руководитель проекта «Композиция» — он же, а когда надо держать ответ за отставание от графика, виноватым оказываюсь я? Нет, дорогой Джамшид Темурович, так дело не пойдет! Авторское свидетельство на изобретение на двоих выдано? На двоих. Вот вдвоём и будем отвечать. На равных. Без скидок. А то как получается — вам слава, почет, а мне — шишки?

— Товарищ Кудратов! — прервал его директор. — Высказывайтесь

по существу дела.

— А я по существу высказываюсь,— огрызнулся Кудратов.— В творческом аспекте все ясно, видите ли! Темуров свое сделал. Темуров чист. Все дело в Кудратове, он все тормозит!

— Повторяю: выступайте конкретно по работе,— директор постучал по столу карандашом.— Мы собрались сюда не для сведения личных счетов.

— Хорошо, товарищ директор,— спохватился Кудратов.— Прошу прощения. Практическая разработка проекта «Композиция» действительно сложная вещь. Но...— он поднял кверху указательный палец и стремительно ткнул им в сторону Темурова,— Джамшид Темурович в первую очередь виноват в том, что дело движется медленно.

— Ваши аргументы? — потребовал директор.

— Пожалуйста,— ухмыльнулся Кудратов.— Первоначально предложенные Темуровым блок-схемы заменены новыми. Это раз. Преобразователи мощности и микросхемы по настоянию все того же заведующего лабораторией...

— Э-э, да это же все мелочи! — нервно отмахнулся Темуров.— Стоит ли у людей время отнимать!

— Джамшид Темурович! — остановил его директор.— Не перебивайте выступающего.

— Хороши мелочи! — воспрянул духом старший научный сотрудник.— Да если бы не ваше упрямство и скаредность...

— Скаредность? — возмутился Темуров.— Извольте отвечать за свои слова!

— И отвечу! — Кудратов злобно сверкнул глазами.— Еще как отвечу! Ради собственного престижа вы готовы отстаивать любую заведомо порочную идею. Только потому, что она ваша! Только для того, чтобы никто не смел к ней притрагиваться! Непогрешимая личность, видите ли! Гений-одиночка! — Глаза старшего научного сотрудника, казалось, метали молнии.

— Прекратите! — взорвался директор.— Не устраивайте из совещания балаган!

Пациент вздохнул и поправил подушку.

— Вот такая неприятная история вышла. Ну, а началось это все гораздо раньше. Я вас не заговорил?

— Ну что вы! — возразил Акмаль.— Продолжайте, пожалуйста.

— Мы с Закиром еще со школы знакомы. В одном классе учились. Нравилась мне в те годы одна девушка. Манзурой ее звали. Закир это заметил. «А у тебя,— говорит,— губа не дура! Отличная девчонка. Хочешь познакомлю?»— «Без твоих услуг обойдусь!» — «Ну, как знаешь,— ответил Закир.— Смотри, как бы жалеть не пришлось». И с этого дня стал приставать к Манзуре. Нахальства ему уже тогда было не занимать. Но Манзура оказалась не из тех, кто перед нахалами пасует. Закир из кожи вон лезет, а она на него ноль внимания. Его это еще больше злило. Однажды в коридоре схватил ее за руку и не отпускает. Я как раз мимо проходил. Хотел было заступиться, но она без меня обошлась: вырвала руку, да еще пощечину Закиру закатила. А потом повернулась ко мне и говорит: «Сами своего дружка к порядку призовете или мне к директору идти жаловаться?»

После этого случая Закир как-то притих, и я уже решил было, что он оставил Манзуру в покое, но, к сожалению, ошибся. Летом после девятого класса члены кружка «Юный альпинист» отправились на Тянь-Шань, чтобы совершить восхождение на вершину Кумуш-Кап-тар. Была с нами и Манзура.

Мы выступили из лагеря ранним утром. Я шел одним из первых, неся на плечах тяжелый рюкзак с продуктами и снаряжением. Тропинка серпантином вилась между скал, зарослей шиповника, облепихи и можжевельника, подымаясь все выше и выше. Потом пошла по верхнему краю крутой каменистой осыпи, кое-где поросшей невысоким кустарником и прямоствольными деревцами. Мы уже миновали половину пути, когда позади раздался чей-то испуганный крик. Я оглянулся и замер... По осыпи, тщетно пытаюсь удержаться, катилась к обрыву Манзура. С тропы на нее в растерянности и страхе глядели ребята, не зная, что предпринять. Да и что можно было сделать! Манзуру могло спасти только чудо.

И чудо совершилось! Неожиданно для всех Закир сбросил с плеч рюкзак и огромными прыжками помчался вслед за девушкой. Уже недалеко от обрыва он обогнал ее и плашмя грохнулся на склон, широко раскинув руки и ноги. Ему удалось замедлить скольжение и встретить накатившуюся сзади девушку...

Темуров достал платок и вытер проступившие на лбу капельки пота. Эксперт молча ждал продолжения рассказа.

— Что и говорить, Закир спас ей жизнь.— Ученый медленно сложил платок и сунул его обратно в карман.— Все мы были рады, и я в

том числе. Но к чувству радости примешивалось горькое ощущение досады и зависти. Ведь по справедливости это я должен был спасти Манзуру. Я любил ее, я готов был отдать за нее жизнь. Но героем в ее глазах стал Закир, а не я. И тут уже ничего нельзя было изменить.

Он помолчал, глядя в окно. Глубоко вздохнул.

— Так по крайней мере мне казалось тогда. Прошло время. Мы окончили десятилетку. Разъехались кто куда. Я окончил вуз. Вернулся в Ташкент. И в один прекрасный день не выдержал и позвонил Манзуре.

Мы встретились в сквере Космонавтов возле фонтана. Манзура почти не изменилась: такая же красивая, обаятельная, женственная. И рада была встрече — я это сразу по глазам понял. Разговорились. Я, как бы между прочим, спросил:

— С Закиром видите?

Что-то в ней переменялось. Померкло, что ли. Ответила с каким-то вызовом:

— Встречаемся. А почему вы спросили?

Все, что я хотел ей сказать, вылетело из головы. Бухнул невпопад:

— Сватов к вам прислать хотел... Можно?

Она так и зарделась вся. На губах улыбка — то ли растерянная, то ли насмешливая:

— А что Закир скажет?

— Закир! Закир! — взорвался я. — При чем он тут? Я вас с детства люблю, а вы...

Она на меня как-то странно взглянула, пожала плечами.

— А я впервые это от вас слышу. Если хотите знать...

— Ничего я не хочу знать! — Я взял ее руку в свои ладони, поднес к губам. — Кроме одного: ты согласна?

Она едва заметно кивнула.

— Только...

— Что «только»?

— Закир...

— Опять Закир! Ну хочешь, я сам поговорю с ним?

Манзура молча потупилась. Я истолковал это как согласие и в тот же день разыскал Закира. Как только я заговорил о Манзуре, он глупо ухмыльнулся.

— Похоже, эта дуреха не на шутку в меня втрескалась. А хорошая девчонка, правда?

Если бы вы знали, как мне хотелось разбить в кровь эти нагло



ухмыляющиеся губы! Но я сдержал себя.

— Скажи честно, ты ее любишь?

Он покровительственно похлопал меня по плечу.

— Давай не будем ссориться из-за пустяков. Смазливых девчонок на наш век хватит. Чего ты хочешь?

— Оставь Манзуру в покое!

— И это все? — Он уже опять улыбался.— Да ради аллаха! Но с одним условием.

— Говори!

Говорил он долго. Вспомнил школу. Отдал дань моим способностям и трудолюбию. Пожурил , за непрактичность. А потом напрямую предло<ил сотрудничество. Мои идеи, его техническое воплощение.

Наверное, мне следовало поднять его на смех. Но какая-то доля здравого смысла в его рассуждениях присутствовала, и я заколебался. К тому же мне нужна Манзура, и это обстоятельство решило все...

В общем, поженились мы с Манзурой. Закир на свадьбе сам себя превзошел. Читал стихи, поднимал тост за тостом, какие только нам пожелания не говорил. И потом, когда мы с ним уже вместе в лаборатории Физтеха работали, то и дело в гости к нам навещался и всякий раз с подарками. Со стороны посмотришь: такая дружба — водой не разлить! А на самом деле мы с ним никогда не дружили. Ни в школе, ни потом. А тугон меня просто раздражать стал. Да и сомнения стали закрадываться: я то в Москву в командировку еду, то в Ленинград, то еще куда. Манзура дома одна остается... Ей я, понятно, ничего не говорил, ему тоже. А в душе мучился.

А тут еще ребенок родился с родинкой на щеке. Окончательно меня эта родинка доконала: откуда ей быть? Ни у меня, ни у родителей наших нет родинки, а у ребенка есть.

Сейчас смешно вспоминать, а тогда... Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не приезд моего отца. Он у нас в кишлаке живет. Понавез гостинцев, весь дом на ноги поднял. А как мальчишку увидел, так и заснял весь.

— Э-э, да он у вас уже взрослый джигит совсем! А родинка-то! Родинка! Ну вылитая бабушка!..

Темуров взглянул на собеседника потеплевшими глазами и улыбнулся:

— Вот такие дела... Закир человек противоречивый, с гонором, с претензиями, с огромным самомнением. Недостатков у него тьма, но и

достоинств немало, надо отдать должное. Правда, в последнее время он сильно переменялся к худшему. Замкнут стал, вспыльчив, озлоблен. Признаюсь, я его даже побаиваться начал. Глаза у него стали необычные какие-то: пронзительные, злые, так и прожигают насквозь. Но чтобы он недоброе против кого-то замыслил, чтобы руку на чью-то жизнь поднял? Нет! На такое он не способен!

— Спасибо, Джамшид Темурович,—Акмаль поднялся и протянул ученому руку.— Извините, что потревожил.

— Не за что,— Темуров встал с койки, пожал гостю руку.— Не знаю, пригодится вам то, что я рассказал или нет...

— Пригодится,— заверил Акмаль.— Еще как пригодится.

В дверях Акмаль столкнулся с выходящим из саидовского кабинета невзрачным морщинистым человеком лет пятидесяти и сопровождавшим его лейтенантом Сердюком.

— Как шеф? — поинтересовался Акмаль.

— В ажуре,— Сердюк подмигнул.— Если насчет отпуска...

— Какой там отпуск! — вздохнул эксперт.— Отгул и тот не могу использовать.— Махнул рукой и шагнул к двери.— Разрешите, товарищ подполковник?

— Входи, Акмальджан,— Саидов вышел из-за стола и указал на диван.— Садись. Что новенького скажешь?

Откинувшись на спинку дивана и прищулив глаза, внимательно выслушал рассказ эксперта.

— Значит, и мысли такой не допускает?

— Не допускает, Анвар Саидович.

— Это хорошо.— И в ответ на недоумевающий взгляд Акмаля! — А чему ты удивляешься? Порядочные люди никогда друга подозревать не станут. А с порядочными людьми и работать приятнее. Разве не так?

— Так,— согласился эксперт.

— А что насчет сопротивления?

— За два последние года таких сопротивлений институт получил восемьсот штук. Пятьдесят из них выданы лаборатории Темурова. Однако ни одно такое сопротивление в работах по проекту «Композиция» не использовалось.

— Почему?

— Нет необходимости. Сопротивления такой мощности схемой не предусмотрены.

— И что, они так и лежат без действия?

— В том-то и дело, что нет. Все они использовались при испытании электронного устройства, образующего вторичную эмиссию.

— Значит, и это предположение отпадает... Ну, а что говорят медики?

— Ничего нового. Считают, что недомогание у Темурова вызвано действием гамма-излучения или высокочастотных электромагнитных волн.

— Выходит, остается единственная версия?

— Да, товарищ подполковник.

— Но ведь... Мягко говоря, это ненаучно.

— Мягко говоря,— да,— улыбнулся эксперт.

— Так чего же ты улыбаешься?

— На языке специалистов это называется схоластикой, идеализмом, метафизикой...

— Хватит! — поморщился Саидов.— Что там у тебя за пазухой?

— Есть кое-что,— признался Ганиханов.— Только это ведь ненаучно...

— Ладно,— нетерпеливо перебил Саидов.— С наукой потом столкнемся. Сведения о Закире Кудратове? Так точно.

— Любопытно.

— Значит так,— Акмаль пересел к приставному столику.— Прапрадед Кудратова по отцовской линии был весьма влиятельным шейхом в Старом городе.

— Вот как? — иронически прищурился подполковник.— Теперь остается выяснить, кем ему доводится пророк Мухаммед — и дело с концом.

— Дайте договорить,— обиделся эксперт.

— Даю,— улыбнулся Саидов.

— Шейх в совершенстве владел методами народной медицины. Но и это еще не все. По некоторым данным, он обладал сильнейшим биополем.

— А говоришь — ненаучно! — рассмеялся подполковник.— Сегодня только дилетанты станут отрицать существование биополя.

— Сам он этого, естественно, не знал и все относил за счет аллаха.

— Резонно.

— Табибами были прадед и дед Кудратова.

— Да ты, я смотрю, всю его генеалогию переворочил.

— Отец Закира Кудратова в прошлом известный хирург. Теперь,

правда, давно уже не оперирует — годы не те. Но иглотерапией продолжает заниматься и довольно успешно.

— И тоже экстрасенс?

— Н-не знаю. По-моему, нет. Пожалуй, у меня все... Ну и еще — увлечение йогой, но это, по-видимому, не так уж и важно.

— Не скажи, не скажи...— Саидов взглянул на часы.— Знаешь, кто здесь до тебя был? Сосед Кудратова. Заявление на твоего подопечного накатал. В ста смертных грехах обвиняет. И, между прочим, в дурном глазе тоже. Он, видите ли, заглянул к Кудратову утречком, а тот на голове стоит. Кверху ногами. Как тебе это нравится?

— Никак.— Эксперт пожал плечами.— Кому какое дело?

— Верно,— вздохнул Саидов.— Я тоже так считаю. А вот этот дурак с расспросами полез. А потом и поучать стал.

— И что же? — заинтересовался Ганиханов.

— «Что-что»,— проворчал подполковник и достал из ящика стола ученическую тетрадь. Раскрыл на нужном месте.— Вот послушай: «...взглянул на меня такими нечеловеческими глазами, что у меня все внутри похолодело. Не помню, как добрался до своей квартиры и сразу же побегал в туалет. Катастрофическое расстройство желудка продолжалось четыре дня. На пятый я был вынужден вызвать врача и был госпитализирован в инфекционную больницу, где и прошел полный курс лечения острокишечного заболевания».— Подполковник поднял глаза на Акмалю.— А ты говоришь, кому какое дело. Слушай дальше. «Настоящим прошу оградить меня от преступных посягательств на мое здоровье, являющееся всенародным, общегосударственным достоянием, и принять решительные меры по пресечению злостных, антиатеистических действий лжеученого, знахаря и колдуна Закира Кудратова, дискредитирующего советскую науку...» Ну и дальше в таком же духе. На одиннадцати с половиной листах.

В этот момент зазвонил телефон.

— Подполковник Саидов.— Он не удержался и подмигнул Акмалю.— Да. Да-да, пусть проводят ко мне.

— Здравствуйте, Закир Кудратович! — Саидов пересек кабинет и поздоровался с вошедшим за руку. Отпустил дежурного и жестом указал на стул возле приставного столика.— Прощу.' Это наш эксперт Акмаль Ганиханов. Знакомьтесь.

Они обменялись кивками. Акмаль с любопытством, Кудратов — с

мрачным достоинством.

— Прошу,— повторил Саидов,— нам тут потребовалась ваша консультация.

— С удовольствием,— Кудратов был угрюм, но спокоен.— Если смогу, конечно.

— Сможете,— заверил начальник отдела.— Вам известно, что Джамшид Темуров находится в больнице?

— Конечно.

— И что вы думаете о его болезни?

Ни один мускул не дрогнул на лице Кудратова.

— Об этом лучше спросить у самого Темурова.

— Спрашивали, Закир Кудратович. Хотим знать и ваше мнение. Впрочем, отвечать или нет — дело ваше. Врачи полагают, что причиной болезни Темурова могли явиться высокочастотные электромагнитные волны.

— И как раз такие волны вырабатывает высокочастотное электронное устройство, которое вы испытываете— подключился к разговору Ганиханов.— Если вместо десятикиловольтного источника использовать тридцати-киловольтный.

Кудратов то ли не умел скрывать свои чувства, то ли просто не считал нужным. Во всяком случае возмутился он вполне искренне.

— Вы что... считаете, что я Джамшида...— угрожающий взгляд его пронизывающе яростных глаз остановился на Акмале, и тот почувствовал, как тысячи ледяных игл вонзаются в черепную коробку, в мозг, лишают воли.

— Ничего мы не считаем,— словно издалека донесся до него спокойный голос Саидова.— И не надо горячиться. Мы вызвали вас сюда, чтобы докопаться до правды.

Огромным усилием воли Кудратов заставил себя опустить глаза. Он глубоко вздохнул и усталился на лежащие на столе кисти рук. Кожа на пальцах была изъедена мелкими язвочками, шелушилась. Заметив, что Акмаль смотрит на его руки, Кудратов сжал пальцы в кулаки.

— Ну, что ж...— голос рокотал глухо, но уже без угрозы.— Раз такое дело, придется, видимо, рассказать то, что я до сих пор держал в тайне. Рано или поздно все равно пришлось бы.

Он еще раз вздохнул, убрал руки со стола и сунул в карманы.

— Чтобы сразу рассеять ваши подозрения, скажу об электронном устройстве. Я действительно заменил десяти-киловольтный источник

энергии на втрое более мощный. Для испытаний схемы нужно было десять киловольт и двести вольт. С помощью десятикиловольтного источника такого напряжения не получишь, а в отделе снабжения имелись только десяти- и тридцатикиловольтные. Волей-неволей пришлось остановиться на последних и, используя реостат, понижать напряжение до нужного уровня. Это вам понятно?

— Да,— кивнул Саидов.

— А теперь о главном.— Кудратов помолчал, откинувшись на спинку стула.— Можно я закурю?

— Конечно.— Начальник отдела достал из тумбочки «пельницу», поставил на столик перед старшим научным сотрудником. Тот поблагодарил кивком и прикурил сигарету.

— Пять лет, тайком от всех, я провожу эксперимент на самом себе. Удивляетесь? — Он в упор взглянул на Ганиханова.

— С чего вы взяли? Это ваше личное дело.

— Не совсем так.— Кудратов затянулся и выпустил к потолку длинную струю дыма.— Формально я должен был заручиться разрешением дирекции. Опыты над человеком, да еще связанные с риском для здоровья, не поощряются.— Он усмехнулся.— Даже если здоровье твое собственное. Так что я предпочел не вводить никого в курс дела. По крайней мере до окончания эксперимента. Меня уже многие годы интересует проблема биоэнергетики. Возможности использования скрытой психодинамической энергии организма человека.

Вы, конечно, знаете, что человек в своей повседневной деятельности использует семь-восемь процентов клеток головного мозга. И этого ему вполне достаточно. Каково же назначение остальных девяносто двух процентов? Какие функции они могут или должны выполнять? В каких ситуациях? Когда? Эти вопросы не давали мне покоя ни днем, ни ночью. Пять долгих лет бьюсь над их решением. Вымотался вконец, стал неврастеником, растерял друзей, лишился семьи, прослыл злобствующим параноиком.— Он рассмеялся коротким нервным смешком,— Не Джамшид, а я должен был лежать в больнице. Каждый, даже самый маленький шаг вперед по пути познания скрытых возможностей человека давался мне страшной ценой. Я еле добирался до своей квартиры, валился с ног и часами лежал пластом, не в силах пошевелить пальцем. Одинокий, никому не нужный, всеми презираемый...

Кудратов сделал подряд несколько затяжек и погасил сигарету. Взглянул на собеседника усталыми грустными глазами. Улыбнулся.

— Биополе... Какими только ругательными определениями не клеймили его ортодоксы от науки! Отрицали само его существование. А оно — вот оно.— Он сделал кругообразное движение руками.— Во мне и вокруг. Могучая и таинственная сила. Неразгаданная, неизученная и потому особенно притягательная. Помните эзоповскую лису под виноградной кистью? Не могу дотянуться — значит, зелен. Так и тут: не могу постичь, значит — не существует.

— А вы дотянулись? — не удержался Акмаль.

— Чуть-чуть. Кончиками пальцев. До первых виноградин. И, если хотите, только благодаря этому и сижу тут, перед вами. А иначе давно бы сыграл в ящик. Не верите?

— Ну, почему же...— осторожно ответил Саидов.

— Понятно.— Кудратов усмехнулся и обвел взглядом комнату. Взял спичечный коробок и протянул Ганиханову.— Поставьте, если не трудно, вон на тот столик.

Акмаль отнес коробок в противоположный конец кабинета, положил на журнальный столик.

— Не так,— Кудратов уже усаживался на стул возле входной двери.— «На попа». Вы что — в ашички никогда не играли?

— Играл,— улыбнулся Гениханов, ставя коробок торчком.— Так?

— Да. А теперь отойдите в сторону.

Расстояние между стулом, на котором сидел Кудратов, и журнальным столиком составляло метра четыре. Саидов с Ганихановым отошли к дивану и стали молча наблюдать за действиями Кудратова.

Тот сидел, опустив руки на колени, выпрямившись и сосредоточенно глядя прямо перед собой. И без того резкие черты лица обострились еще больше, густые брови сошлись над переносицей. Глаза, еще за минуту до того усталые и грустные, обрели сухой пронзительный блеск. Казалось, они излучают два невидимых и тем не менее осязаемых пучка энергии, и там, где сходились эти пучки, на полированной поверхности столика, одиноко маячил спичечный коробок. В кабинете было прохладно, по на лбу Кудратова проступили капельки пота. Эксперт и начальник отдела затаили дыхание. В полном безмолвии коробок начал медленно клониться на бок. Покачнулся, словно от дуновения ветерка, и мягко лег на боковую плоскость.

— Неужели стол покачнулся? — вырвалось у Саидова.

Кудратов злобно царапнул по нему взглядом и снова уставился на спичечный коробок. Теперь его лицо выражало угрюмую решимость. Пот ручейками стекал по щекам, но Кудратов не обращал внимания. Три пары глаз скрестились на спичечном коробке, и, словно повинувшись чьей-то воле, коробок шевельнулся и стал медленно, миллиметр за миллиметром принимать вертикальное положение. Секунда, другая, третья — и, качнувшись в последний раз, коробок встал «на попа».

— Ну и ну! — восхитился Саидов.— Впервые вижу такое чудо. Да вы чудесник, Закир Кудратович!

«Кудесник» вытер лицо носовым платком и вымученно улыбнулся.

— Никогда бы не поверил, что такое возможно! — признался Ганиханов.— Прямо хоть в цирке показывай. Телекинез крупным планом!

Что-то в голосе эксперта не понравилось Кудратову. Он опять нахмурился и произнес, неприязненно глядя на Акмаля:

— Вон ту пиалу видите?

— Конечно.

Пиала стояла рядом с графином.

— Налейте в нее воды и поставьте где вам угодно.

Ганиханов наполнил пиалу и опустил на приставной стол.

— А теперь смотрите внимательно.

Чего-чего, а внимательности им было не занимать. Пиала находилась в каких-нибудь полутора метрах, и от их глаз не могла укрыться никакая мелочь.

Вначале с пиалой не происходило решительно ничего. Потом поверхность воды пошла мелкой рябью, и пиала медленно заскользила к краю столешницы. У самого края остановилась и так же медленно пересекла стол в обратном направлении.

— Хотите еще? — На побледневшем, осунувшемся лице Кудратова горячечно сверкали глаза.

— Спасибо.— Саидов подошел к нему и крепко пожал руку.— На вас и так лица нет.— И вдруг, улыбнувшись: — Хотите, теперь я вам фокус покажу?

— Что?! — опешил Кудратов.

— Ну, не фокус, так гаданье. По руке. Как заправская цыганка. Давайте-ка сюда ладонь.

Кудратов повиновался.



— Насчет гадалки — это я так, для красного словца,— сообщил Саидов.— А если быть точным — гадание на строго научной основе. Чего вы усмехаетесь?

— Думаю, как эта наука называется. Астрология? Или криминалистика?

— Не угадали.— Они взглянули друг другу в глаза и улыбнулись.— Вернемся к ладони. Вот это — линия жизни. В начале она извивается, потом идет прямо. Иначе говоря: шатания, заблуждения, ошибки и, наконец,— правильный выбор пути. Верно?

Кудратов, продолжая улыбаться, пожал плечами.

— Ну, здесь все просто: детсад, школа, институт. Ну и как?

— Почти как в анкете.

— Верно. А теперь о том, чего в анкете нет. О ваших отношениях с Темуровым.

— Они касаются кого-то, кроме нас? — нахмурился Кудратов.

— Да как вам сказать,— тон у Саидова был подчеркнута миролюбивый.— Во-первых, они так или иначе затрагивают всех, кто работает с вами в лаборатории. Во-вторых, когда о них говорится с трибуны, они рождают в коллективе нежелательные кривотолки, слухи, пересуды. И, наконец, они перестают быть вашим личным делом, как только один из вас попадает в больницу.

— Но ведь я же вам объяснил: это я должен был попасть в больницу, а не Джамшид! Я подвергал себя воздействию высокочастотных электромагнитных волн. Причем делал это в одиночку, когда Темурова не было в лаборатории.

— И все-таки в больнице оказался он, а не вы,— мягко напомнил Саидов.— Вам это не кажется странным?

— Я как-то не задумывался над этим.

— А вы подумайте, Закир Кудратович. Человек вы несомненно талантливый. Природа наделила вас редчайшим даром. Только что сами его продемонстрировали. При вашей самодисциплине, упорстве, при ваших организаторских способностях вы, я уверен, добьетесь очень многого в этом направлении. Быть может, именно вам предстоит дать людям ключ к использованию неисчерпаемых возможностей, заложенных в каждом человеке биоэнергетических ресурсов.

Акмаль знал эту особенность шефа: то ли из скромности, то ли из соображений профессиональной этики он никогда не «давил» на подчиненных своей эрудицией и поистине энциклопедическими

знаниями, держался со всеми запросто, на равных, но когда этого требовали интересы дела, мог мгновенно «раскрыться» и буквально ошеломить человека широтой, оригинальностью и аргументированностью своих суждений и взглядов.

Так было и на этот раз: Кудратов с возрастающим интересом смотрел на Саидова.

— Но ваше редчайшее дарование напоминает обоюдоострый меч, и, мне кажется, вы этого не учитываете. Оно может принести людям много добра, но может принести и зло. Вы не согласны со мной?

— Н-не знаю,— растерянно произнес Кудратов.— Вероятно, вы правы.

— Не мне давать вам советы,— продолжал Саидов.— Но кое-какие соображения я все-таки выскажу, а принимать их или нет — дело ваше. Человек с таким дарованием, как у вас, не имеет права на проявление эмоций. Вы должны быть добры, гуманны и бесконечно терпеливы. Иначе нельзя, Закир Кудратович. Иначе, сами того не желая, вы можете наделать столько бед, что и представить себе трудно. Помните об этом всегда. Вот, собственно, и все, зачем мы вас сюда вызывали.

...В тысячах фарсах от гор, где жил Хаким Амир Шайх, в чужедальной стране в огромном дворце за неприступными стенами жила капризная, избалованная принцесса, единственная наследница сказочно богатого короля. Была она прекрасна лицом и совершенна телом, но холодна и жестока душой, ибо с детства привыкла к тому, что все вокруг беспрекословно повинуются ее желаниям и со всех ног спешат исполнить любую ее прихоть.

Зловещ и мрачен был дворец принцессы. Стены его были сложены из камней, доставленных с гор отчаяния и безысходности, кирпичи замешаны на бедах и горестях, обожжены на огне нескончаемых мук. В бесчисленных залах, комнатах и галереях зрели бесконечные заговоры, зубцы крепостных стен нагоняли страх и тоску. Каждое утро на них появлялись головы казненных, исчезавшие ночью, чтобы к утру уступить место новым.

По утрам принцесса в сопровождении фрейлин выходила на украшенный резьбой балкон, чтобы полюбоваться на толпу претендентов на ее руку и сердце. Как бы невзначай откидывала принцесса вуаль, и вздох восхищения взлетал над толпой, ибо красота принцессы затмевала все, что могло представить себе человеческое воображение.

Затем со звоном и грохотом падали хитроумные прочные запоры, распахивались настежь ворота, и ослепленные красотой принцессы молодые люди спешили войти во дворец, навстречу своей судьбе.

Ворота затворялись с протяжным скрипом и скре\* жетом, молодых людей разводили по отдельным комнатам и оставляли каждого один на один с шахматной доской. Ибо таково было неременное условие принцессы: избранником ее мог стать только тот, кто выиграет у нее партию в шахматы. Ну, а тех, кто проигрывал, ожидала плаха, и головы несчастных выставляли на всеобщее обозрение на зубцах крепостной стены. Не первый год велась эта страшная игра, но еще никому из претендентов не удалось сыграть с принцессой хотя бы вничью. Король, хотя и гордился дочерью, втайне не на шутку тревожился за ее судьбу: шли годы, а она и слышать не хотела о замужестве, с непоколебимым упорством продолжая твердить, что мужем ее станет лишь тот, кто победит ее в шахматах.

Однажды король поделился своими опасениями с первым министром и спросил совета.

— Ваше величество! — сказал министр.— Слышал я, что далеко отсюда, в горной стране живет мудрец по имени Хаким Амир Шайх, для которого нет в этом мире ничего невозможного. Если будет дозволено, я отправлюсь в эту страну, отыщу мудреца и доставлю его во дворец.

— Да будет так! — решил король, и в глазах его засветилась надежда.— Возьмите с собой охрану и отправляйтесь в дорогу.

Хаким Амир Шайх уже не раз слышал от проезжих купцов о своенравной и жестокой принцессе и потому не заставил себя упрашивать. Вместе с министром он проделал утомительный, полный лишений и опасностей путь и предстал перед королем.

О чем они говорили и к какому решению пришли — так и осталось тайной. Однако на следующее утро, войдя в одну из комнат, отведенных для претендентов, принцесса была неприятно удивлена, увидев вместо юноши или хотя бы зрелого мужчины благообразного старца в парчовом восточном халате.

Принцесса возмущенно фыркнула и, сделав ход пешкой, вышла из комнаты, не дожидаясь ответного хода. Хаким Амир Шайх не спеша снял халат, сел к столу и, прежде чем сделать ход, глубоко задумался. Однако думал он не о том, какой фигурой пойти. Мысли его занимала принцесса. От его пронизательного взгляда не укрылась ни ослепительная холодная красота наследницы короля, ни намеренно

откинутая вуаль, ни выражение удивления и растерянности, молниеносно сменившееся презрительной гримасой. Изящная рука в белой перчатке, двинувшая вперед королевскую пешку, действовала привычно и машинально. Она, эта рука, явно всякий раз начинала игру именно с этого хода.

Разумеется, это еще ничего не значило, но что-то подсказывало Шайху, что не глубоким знанием шахматной игры, а силой своего личного обаяния, зачаровывающего противника, лишаящего его способности мыслить, обрекает принцесса на страшную участь свои жертвы. А если так, то...

Хахим Амир Шайх вздохнул и пошел конем.

Дверь распахнулась внезапно, и принцесса буквально ворвалась в комнату. Теперь на ней было усыпанное алмазными блестками платье, открывающее прекрасную молочно-белую шею и грудь, подчеркивающее тонкую талию и стройные ноги. Синие, в пол-лица глаза полыхали гневом. Шайх скользнул по вошедшей безразличным взглядом и равнодушно зевнул.

— Готовься распротиться со своей головой! — зловеще усмехнулась принцесса.

— Ваш ход, принцесса,— невозмутимо напомнил Шайх.

Она, почти не глядя, переставила фигуру и стремительно вышла из комнаты. Дальше игра продолжалась уже без нее. Фрейлина записывала ход Шайха, уходила, чтобы сообщить его своей повелительнице, и, возвратившись, передвигала за нее фигуру. В конце концов это надоело Шайху и, прежде чем сделать очередной ход, он велел фрейлине позвать принцессу. Та заколебалась, но Шайх решительно настоял на своем.

На этот раз она ворвалась в комнату, как ураган, и разъяренно закричала уже с порога:

— Когда мышонку надоедает жить, он заигрывает с кошкой! Настал твой смертный час! Ходи, гнусный старикашка!

«Откуда в ней столько ненависти к людям?» — спросил себя Шайх и покачал головой.

— Очень мудрая пословица. Но кто из нас кот, а кто мышонок? И если вдруг окажется, что им суждено стать супругами?

— Довольно! — вне себя от ярости крикнула принцесса.— Ходи или сдавайся. Палач уже устал тебя ждать.

— Дитя мое,— смиренно произнес Хахим Амир Шайх.— Лучшее, что

ты можешь сделать, это отпустить палача домой. Сегодня ему не найдется работы.

— Лучшее, что я смогу сделать, это велеть оторвать твою голову, как перезрелую дыню с грядки! — завизжала принцесса.

«Я напрасно теряю время,— тоскливо подумал Шайх.— В ней уже ничего нельзя изменить. Из волчьего семени котенку не вырасти. Ну что ж, попытаюсь использовать последнее средство».

Он напряг всю свою волю, медленно поднял голову от шахматной доски и встретился взглядом с горящими яростью глазами принцессы. Время остановилось.

Добро и Зло. Низость и Великодушие. Отвага и Трусость. Лед и Пламя. Свет и Тьма... Символы и отвлеченные понятия обретали реальное воплощение, схлестывались не на жизнь, а на смерть. Рушились и восставали из руин города. Умирили и вновь зеленели оазисы. И с необратимой закономерностью вступало в свои права извечное торжество добра над злом, света над тьмой...

Что-то стронулось с места в душе принцессы, сместилась леденящая сердце глыба, закачалась, стремительно тая в теплых волнах любви и раскаяния. Слезы неудержимо полились по ее щекам, она вздрогнула, словно пробуждаясь от страшного сна, сделала шаг, другой и упала на колени, доверчиво протянув руки в сторону мудреца...

— Нам по пути,— Акмаль кивком указал на стоящую поодаль машину.— Садитесь, подвезу.

— Спасибо.— Закир Кудратович явно колебался.

— Идемте, все равно подвезу.

— Вы знаете, куда?

— Догадываюсь. В больницу. Темурова проведать.

— Угадали.— Кудратов как-то странно смотрел на эксперта.— У вас тут все такие?

— Через одного! — рассмеялся Акмаль и распахнул дверцу. Некоторое время ехали молча. Ганиханов — следя за потоком автомашин, Кудратов — поглощенный собственными мыслями.

— Из головы не идет то, что вы продемонстрировали,— первым нарушил молчание эксперт.— Вот вы говорили о восьми процентах задействованных мозговых клеток. Как вы это себе представляете?

— Сложный вопрос. Каждый, видимо, по-своему представляет.

— Ну, а вы, как специалист?

— Так уж и специалист! — усмехнулся Кудратов.— Мне лично человеческий мозг представляется стоэтажным небоскребом. Восемь нижних этажей обжиты. В них кипит жизнь. Остальные заперты наглухо. А между тем, чем выше этаж, тем лучше обзор, тем дальше видно, тем шире раздвигаются горизонты человеческих возможностей. Задержка за малым — подобрать ключи к пустующим этажам.

— И до какого этажа вы добрались?

— До девятого. В лучшем случае. Кстати, вы сегодня увидите Саидова?

— Вряд ли. Теперь уже завтра.

— Передайте ему от меня большое спасибо. На многое он мне глаза открыл.

— А вы — ему.

— Думаете?

— Знаю.— Акмаль затормозил перед светофором.

— Наверное, вот так и рождается истина,— задумчиво произнес ученый.

— Конечно,— эксперт выжал сцепление и включил скорость.— Только так. Один ум хорошо, два — лучше..

Кудратов его не торопил. Произнес вполголоса, для самого себя:

— Я повредил, я и исцелю.

— Вы о Темурове? — бесцеремонно спросил эксперт.

— Да. Видит бог, случайно получилось. Поверьте, я и в мыслях не допускал..

— Поверил.— Акмаль обогнал троллейбус и опять вырулил в первый ряд.— Мы в это с самого начала верили. Иначе бы вы не с нами, а с прокуратурой знались.

Кудратов опять взглянул на него то ли вопросительно, то ли растерянно. Промолчал. И только выходя из машины возле больницы, крепко пожал руку.

Дети-близнецы играли во дворе. Акмаль сполоснул лицо и руки над раковиной. Без аппетита поковырялся в поданном женой ужине. Есть не хотелось. Назойливо ныли виски и где-то глубоко в сознании неотступно маячили глаза Кудратова, яростные, пронизывающие насквозь.

«Тройчатку принять, что ли?» — вяло подумал Ганиханов и вдруг его осенило — глаза! Ну, конечно же! И как он сразу не догадался? Это же так просто...

— Вспомнили что-то? — спросила наблюдавшая за ним жена.

— Что? А-а, да-да, вспомнил. Вы идите, Джамиля- хон. Посмотрите, что там малыши делают. Мне надо побыть одному.

Джамиля явно обиделась. Но Акмалю было уже не до нее. Даже головная боль отошла на второй план. Вот оно, то самое звено, которого не хватало в их с Саидовым рассуждениях!

В том, что Кудратов был причиной болезни Темурова, они не сомневались. Но вот как это происходило — здесь они становились в тупик. И даже демонстрация энергии биополя не помогала ответить на этот вопрос. Теперь все становилось на свои места. Стоит Кудратову в гнев обратиться на кого-то свой взгляд — и материализовавшиеся в энергию отрицательные эмоции достигали цели, начинали свою разрушительную работу.

По-видимому, сегодня понял это и сам Кудратов. Не случайно, конечно, оброненная им фраза: «Я повредил, я и исцелю». И не просто проведать коллегу поехал он в больницу...

Акмаль сорвался с места, торопливо набрал телефонный номер.

— Анвар Саидович? Добрый вечер. Извините, что поздно беспокою...

— Не стоит извиняться, Акмальбек,— голос шефа звучал спокойно и, как всегда, чуть иронично.— Раз звонишь, значит, есть на то причины.

— Есть, конечно...— заторопился Ганиханов.

— Тебе позвонили из больницы?

— Из... Откуда вы знаете?

— Звонили или нет?

— Нет.

— Тогда что я могу знать?

При желании шеф кого угодно мог сбить с толку.

— Ладно,— насмешливо пророкотал в трубку его голос.— Не ломай голову. Я позвонил в клинику, где находится Темуров.

«Ай да шеф! — восхитился Акмаль.— Раньше всех догадался. И молчал». По идее следовало возмутиться. Обидеться, на худой конец. Но ни возмущения, ни обиды не было.

— И что?

— Все в порядке. Темуров практически здоров. У главврача от изумления мозга набекрень.

— А Кудратов?

— Опять спорит о чем-го с Темуровым.

## ПРОФЕССОР ЖАВХАРИ

«Жавхари — убийца!» — такие заголовки в тот день запестрели во многих газетах.

«Известный ташкентский космонавт — профессор Жавхари, возвращаясь из очередного космического рейса, прямо в пути выстрелил в своего молодого коллегу, космонавта Али Эшбаева!»

«На вопросы о причине, побудившей к преступлению, профессор ответил коротко:

— Я готов предстать перед международным судом... Али Эшбаев виновен в страшном злодеянии!»

Самосуд — в XXXIII веке?!»

...Сообщение о предстоящем суде взволновало многих. Профессора космохимии Жавхари любили и уважали. Когда ему было еще девятнадцать, во время первого космического полета он совершил подвиг и был награжден. С тех пор, многие годы посвятив космохимии, он прославился и научными открытиями. Не верилось, чтобы такой человек мог поднять руку на товарища, убить человека. Что же такое сделал молодой космонавт?

Большой зал международного суда был переполнен. Те, кто не смог попасть в зал, сидели у домашних видеофонов. В зале царил тишина, ставшая особенно ощутимой после того, как на сцену вышли профессор Жавхари и судейская коллегия. Жавхари выглядел постарше всех, его стройная, высокая фигура в сером пуловере была чуть, согнута. Чувствовалось, что смерть молодого космонавта потрясла его. И все же, когда, изложив суть дела, председатель суда обратился к Жавхари с традиционным вопросом: «Признаете ли вы себя виновным в убийстве космонавта Али Эшбаева?», в голосе его прозвучала неожиданная твердость:

— Да, признаю. Но каждый честный человек, нахо« дись он вместе с нами, вряд ли смог бы выдержать...

— Мы ждем от вас объяснения!

Профессор выступил вперед. Слегка побледнев от волнения, он начал рассказ...

Межзвездный корабль «Электрон» совершил посадку на маленькой



планете, затерянной в необозримых просторах Вселенной. Космонавты знали — здесь есть жизнь, но, выйдя из корабля, Али Эшбаев удивленно присвистнул: редко приходилось видеть такое разнообразие красок, такое богатство растений. Алые, желтые, нежно-лиловые верески, кусты с тончайшими, извивающимися листьями, нежные облака крон, казалось, плывущие в лучах голубого света,— все вместе это создавало незабываемую картину.

— Профессор, посмотрите! — крикнул он.— Здесь видны следы животных. А вон там озеро. Неужели вода? Хотелось бы попить такой, какая в нашем родном кишлаке— там всемирно известный родник.

— Сейчас оборудуем базу — пожалуйста, иди на разведку,— ответил, выходя из корабля, Жавхари. Он тоже остановился, ослепленный небывалой красотой.— Удивительная природа! — только и произнес он.

— За восемь месяцев мы узнаем ее! — Али прошелся по мягкому голубоватому мху.— Хорошо, что ее путь совпадаете нашим!

Космонавты не сразу приступили к работам, словно сам воздух — мягкий, томительно нежный, располагал к лени. Наконец они взялись за устройство базы. Из корабля вынесены были щиты разборного домика, установлены приборы. Прежде чем двигаться в путь, космонавты должны были провести дополнительные наблюдения. Путь к одной из больших планет, богатых иридием, был еще не изучен, к тому же пребывание на планетке должно было сэкономить горючее, поскольку его орбита совпадала с курсом, по которому должен был двигаться «Электрон».

После того, как был установлен домик, Жавхари решил прилечь. Он чувствовал себя усталым. Сказывались возраст, напряженная научная работа, которой он занимался в последний год особенно неистово, словно пытаясь обогнать годы. Али Эшбаев облачился в легкий дорожный скафандр, достал газерный пистолет.

— Этой штукой надо пользоваться очень осторожно, дорогой Али,— заметил профессор.— Только в случае явной опасности. И такой, от которой заведомо не спасет ваш стайкерский бег.

— Все будет в порядке, профессор!

Насвистывая, Али отправился в путь. Он шел осторожной, кошачьей походкой человека, осознающего опасность и готового к ней. Эшбаев совсем недавно окончил Академию космонавта, и он хорошо помнил предостережения преподавателей, большинство из которых были

опытными космонавтами и видели на своем веку немало самых разных неожиданностей. Но из многих рассказов Али усвоил и другое: выживает только храбрый, только сильный или хитроумный! Потому забота профессора Жавхари о сохранении животного и растительного мира на планетах, забота, которая проскальзывала в каждом слове профессора, казалась Али преувеличенной. И он был полон решимости поближе познакомиться с обитателями таинственной планеты, куда до сих пор забирались лишь единицы.

Вот почему, увидев возле огромного, похожего на земной дуб дерева стайку существ, отдаленно напоминающих крыс, Али, не задумываясь, вытащил газерный пистолет. Уже стреляя, он заметил, как к крысам подбирается странное существо с туловищем лйсицы и короткими клинковыми рогами, как у барана. Существо метнулось в сторону, но, наклоняясь над «крысами», Али видел сквозь голубовато-желтую листву неподвижно блестящие глаза, которые, казалось, только ждали, пока человек уйдет.

— Что, дружище, я заготовил тебе порядочно добычи? — посмеивался Али, наблюдая за «бараном».

Он внимательно рассмотрел «крыс». Покрытые рыжим пушком, красиво блестящим под лучами голубого светила, они оказались более похожими на ондатр. Удовлетворив любопытство, Али весело зашагал дальше. Оглянувшись через некоторое время, он увидел, как «баран» жадно пожирает добычу.

«Не отравится ли он?» — подумал Али, но через минуту забыл обо всем, увлеченный игрой света на огромных лианах. \_

Шаг за шагом он открывал на стероиде все новые и новые достоинства. Вода в озере, к которому он подошел спустя некоторое время, была отменной: холодная, кристально чистая, она утоляла жажду уже после нескольких глотков. Али, утомленный, возвращался в лагерь в полном восторге от всего увиденного.

— Ну, как первая прогулка? — спросил его профессор.

— Прекрасно! — искренне ответил Али.

О «крысах», убитых им лазерным пистолетом, он промолчал. Да и к чему было рассказывать Жавхари об этом пустяке?

Второй раз Али нарушил запрет профессора уже перед самым отъездом.

Придя утром на озеро, чтобы, как обычно, выкупаться перед работой, Али неожиданно увидел там несколько существ, похожих на

дельфинов. Они резвились, подпрыгивая высоко в воздух, издавая мелодичные, похожие на звуки флейты, крики. Наверное, увлеченные танцем, они забыли обо всем, и Али удалось подойти к берегу незамеченным.

«Как это я ни разу не заметил их здесь? — подумал он с неожиданной досадой. — Значит, они так ловко прятались, что могли и вовсе остаться незамеченными?»

Рука его как бы сама собой потянулась к пистолету...

Голубые воды озера окрасились кровью. Наблюдая, как жадно бросились к убитой рыбе остальные, юноша вздрогнул. Недоброе предчувствие овладело им. Но он тут же постарался отогнать его от себя. Разве в природе ежедневно не происходит подобного — сильный пожирает более слабого? А если рыба отравлена газерным излучением, то здешняя природа достаточно сильна, чтобы справиться с отравой. Разве не так?

Он еще раз оглядел холмы, ослепительно сияющее озеро... Все было так, как и обычно. Но внезапно Али Эшбаеву стало холодно: показалось ему или впрямь поредела небольшая рощица возле огромного валуна? И там, за дальним холмом; не наклонилось ли уже почти безжизненное дерево к земле — то такое могучее дерево, которым он любовался, приходя сюда каждое утро?

Он поспешно ушел к домику. И опять ничего не сказал профессору Жавхари...

А вскоре «Электрон» взвился ввысь, оставляя планету далеко в стороне. В последний раз глядя в иллюминатор на шар, медленно уплывающий вдаль, профессор Жавхари заметил:

— Здесь можно ожидать и появления разумных существ. Редко встретишь такое великолепное сочетание природных условий!

Али ничего не ответил. Он занимался наблюдениями, и почему-то ему не хотелось глядеть на маленькую планету, где прошли такие тихие и вместе с тем прекрасные дни работы и отдыха, когда он часами лежал, глядя в синее-синее небо, по которому медленно плыло голубое светило — ласковое, теплое...

Через три года «Электрон», возвращаясь на Землю, вновь сделал остановку на планетке.

Когда профессор вышел из корабля, он невольно отшатнулся: безжизненная серая пустыня простиралась до самого горизонта, и только черные унылые барханы медленно струились измельченным

песком, больше похожим на пыль... Нигде не было видно ни дерева, ни кустика; только у самого днища корабля профессор заметил клочки того же, как пустыня, серого сухого мха.

— Что это? — невольно воскликнул он.

Али вышел вторым. Он замер, глядя вперед, потом невольно отступил, словно желая скрыться, исчезнуть где-нибудь подальше от профессора, от его полного смятения голоса.

Жавхари заметил поспешное движение своего молодого коллеги. Он встрепенулся, поспешил вслед за Али в рубку корабля.

— Скажите правду — вы применяли оружие на планетке?

Взгляд Жавхари мог выдержать не каждый. Эшбаев отвел глаза, побледнел.

В самом деле — не зря его предупреждали о страшных последствиях применения лазерного луча. Но ведь на других планетах это не вызывало нарушения экологического равновесия. Почему же такое случилось здесь, да еще в его первый космический вылет? Слова для оправдания не было. Страшная болезнь, поразившая «барана», который съел отравленных «крыс», вызвала эпидемию среди животного мира. Эпидемия оказалась смертельной и для прекрасной природы планетки...

Он хотел раскаться, но язык не повиновался ему. И вместо жалких, смиренных слов Али с ужасом услышал свой голос, в котором звучали заносчивые, петушиные нотки:

— Подумаешь, планетка! Если вы об этом никому не расскажете на земле, никто и не узнает!

У Жавхари потемнело в глазах. Не помня себя, он закричал во всю силу голоса:

— Вы понимаете, что наделали?! Вы убили планету! Планету!!!

Али готов был расплакаться. Но какая-то злая, упрямая сила выдавила из него:

— Ну и что?

Это были его последние слова. Жавхари метнулся к кабинету, схватил пистолет.

И только увидев, как медленно стал падать на пол рубки Али Эшбаев, Жавхари пришел в себя...

Когда он закончил рассказ, люди, собравшиеся в зале суда, некоторое время молчали. Потом в зале возник легкий шум. Каждый думал о том, как поступил бы он в подобной ситуации.

— Коллегия Международного суда уходит на совещание! — громко сказал председатель.

Члены коллегии встали и торжественно направились в отдельную комнату, стараясь не смотреть на людей в зале, которые как будто сжались в тяжелом, мучительном ожидании...

## СОДЕРЖАНИЕ

|  |     |
|--|-----|
| От составителя   | 1   |
| Абдулла Кадыри. ПИР ЗЛЫХ ДУХОВ. Рассказ.                       |     |
| <i>Перевод с узбекского Н. Владимировой</i>                    | 4   |
| Вильям Александров. ПЛАНЕТА МИФ. Триптих                       | 7   |
| Николай Гацунаев. ЭКСПРЕСС «НАДЕЖДА». Повесть                  | 64  |
| Тахир Малик. ПОСЛЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ. Повесть.                     |     |
| <i>Перевод С. Плеханова</i>                                    | 132 |
| Махкам Махмудов. Я — НЕ Я. Рассказ. <i>Перевод Исфандияра</i>  | 173 |
| Эдуард Маципуло. ВЫСОТА 735. Рассказ                           | 184 |
| Валерий Нечипоренко. ВОЗВРАЩЕНИЕ. Рассказ                      | 206 |
| Зоя Туманова. КРАСНЫЙ СЛЕД. Рассказ                            | 227 |
| Абдухаким Фазылов. УНИКАЛЬНОЕ ПОДПРОСТРАНСТВО.                 |     |
| Повесть  | 238 |
| Ходжиакбар Шайхов. ГЛАЗА. Повесть. <i>Перевод Н. Гацунаева</i> | 299 |
| ПРОФЕССОР ЖАВХАРИ. Рассказ. <i>Перевод Г. Прашкевича</i>       | 336 |

Послы Млечного пути / Сост.: В. Новопрудский/ — Т.: Ёш гвардия, 1990.—368 с.— (Фантастика Узбекистана).

*Литературно-художественное издание*

ПОСЛЫ МЛЕЧНОГО ПУТИ

*СБОРНИК*

*Произведения фантастов Узбекистана*

Составитель В. НОВОПРУДСКИЙ

Редактор Ю. РОЗВАДОВСКИЙ

Художник А. КИВА

Художественный редактор Р. ЗУФАРОВ

Технический редактор В. ДЕМЧЕНКО

Корректор З. НАДЖАТОВА

ИБ № 2750

Сдано в набор 25.09.89. Подписано в печать 26.02.90. Р 06796. Формат 84X108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Уч-изд. л. 20,45. Тираж I завод с 1—200.000. Договор 80—89. Заказ. 9—556/201. Цена 3 р. 90 к.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Ёш гвардия». 700113, Ташкент, м. Чиланзар, 8 квартал, ул. Катартал, 60.

Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

Отпечатано с готовых матриц на Янппольской книжной фабрике, 702870, г. Янгиюль, ул. Самаркандская, 44.П